

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

**ИССЛЕДОВАНИЯ
В ОБЛАСТИ
ЭТИМОЛОГИИ
АЛТАЙСКИХ
ЯЗЫКОВ**

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ
ОТДЕЛЕНИЕ
1979

Ответственный редактор

В. И. Цинциус

В. И. Цинциус

ПРОБЛЕМЫ СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ЛЕКСИКИ АЛТАЙСКИХ ЯЗЫКОВ

Сравнительно-исторический подход к проблеме генетической общности языков ставит перед исследователем заманчивую цель — попытаться пропикнуть в самую глубь далекого прошлого этих языков, достичь истоков их фонетических и грамматических систем, углубиться в недра их словарного запаса.

При всей взаимообусловленности сравнительно-исторического изучения различных уровней или разделов языкового материала — фонетического, морфологического, синтаксического и лексикологического — каждый из аспектов требует, как уже приходилось отмечать,¹ особых методических приемов исследования.

Словарные массивы родственных языков являются объектом исторической лексикологии. В настоящее время объем накопленных и опубликованных материалов по словарному составу языков алтайской общности и степень его изученности позволяют ставить в качестве предмета сравнительно-лексикологических и этимологических исследований словарные запасы не только отдельных близкородственных подсемей (тунгусо-маньчжурской, монгольской, тюркской, корейской), но и алтайской языковой семьи в целом.

Лексикологическая проблематика, разрабатываемая в компаративистском направлении, в конечном счете приводит к задаче выявления предполагаемого общего исходного словарного фонда генетически родственных языков с характеристикой его в семантическом, морфологическом и фонетическом отношении, иными словами — к созданию этимологических словарей. Но достижение этой цели требует весьма трудоемкой, терпеливой и кропотливой разработки словарных материалов, с постепенным вычленением из многовековых лексических пластов коренных, исконных,

¹ См.: Цинциус В. И. Задачи сравнительной лексикологии алтайских языков. — В кн.: Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. Л., 1972, с. 3.

глубинных слоев. Такие изыскания не могут вестись «вслепую», от одного слова к другому. На помощь приходят самые общие предварительные концепции о специфике сложения и структуры словарного состава, что и дает возможность опереться на определенные теоретические предпосылки.

Небольшой коллективный опыт в области сравнительной лексикологии алтайских языков, выдвинутой в качестве специальной научно-исследовательской тематики несколько лет тому назад, позволяет подвести некоторые предварительные итоги и попытаться оценить эффективность ряда исходных положений и приемов, которые выработались в процессе изысканий.²

Лексика, или словарный состав, т. е. вся совокупность слов какого-либо языка выступает в роли его строительного материала. Слово как лексическая единица имеет материальную звуковую оболочку, которая является необходимым условием его возникновения и существования и которая хранит более или менее отчетливые следы его формирования и развития. Вместе с тем слово — носитель значения, оно выполняет функцию выразителя представления о предмете мысли, в свою очередь являющемся обобщенным отражением предметов действительности.

Эта природа слова, возможность использования его в роли своеобразного орудия познания мира и средства выражения этого познания практически лежат в основе выделения в словарном запасе лексических серий, или тематических групп, поскольку в такие ряды включаются слова, служащие для обозначения отдельных разновидностей каких-либо предметов и объединяемые общностью родового значения.

В связи с этим следует признать полезным предварительный обзор лексики по широким тематическим разделам, таким как термины родства и свойства, части тела, названия животных и растений, наименования, относящиеся к жилищу, средствам передвижения, орудиям труда, утвари, одежде, явлениям природы, обозначению качества и действия (различные семантические группы глаголов) и т. д. Тематическая разработка словарных материалов даже в самом первоначальном виде (имеется в виду составление картотек, списков) ценна прежде всего тем, что дает исследователю возможность выявить, каков общий объем и какова степень детализации лексического запаса языка в той или иной области словаря. Но особенно важно подчеркнуть то обстоятельство, что при объединении отдельных слов в тематические группы удается выявить наиболее характерные для данных семантических разрядов словообразовательные модели. Это в свою очередь облегчает и ускоряет дальнейший ход работы над сло-

² Дмитриева Л. В., Комесникова В. Д., Новикова К. А., Цициус В. И. О некоторых исходных приемах изучения лексики в сравнительно-историческом плане (по материалам алтайских языков). — В кн.: Всесоюзная науч. конф. по теор. вопр. языкозн. Тезисы секц. засед. М., 1974, с. 36—38.

варным материалом, связанный с этимологическими изысканиями, поскольку процесс этот хотя бы в известной мере становится обогащенным возможностью предвидения.

Таким образом, разработка словарных данных алтайских языков подтверждает выводы этимологов — специалистов в области других языковых семей, что структуры лексических моделей типичны, устойчивы и что фактор аналогии при этимологических изысканиях имеет доказательный характер.

На материале алтайских языков удалось установить лексические модели не только по ряду названных выше тематических групп, но и по таким группам, как названия металлов, некоторые единицы измерения, вопросительные местоимения или, например, слова-заместители и т. д. При этом выяснилось, что в одной и той же тематической группе для выражения одного и того же понятия могут использоваться две-три и более словообразовательные модели, причем одна из них образуется путем аффиксации, другая — по способу словосложения или замены твердых гласных мягкорядными и т. д.

Необходимо подчеркнуть, что словообразовательные ряды в языке отнюдь не тождественны тематическим группам. Словообразование несет на себе печать тесной связи с грамматико-семантической природой слова, с присущей ему специфической грамматикализованной абстрагированностью, с делением слов на части речи. Ср., например, такие словообразовательные подвиды имени существительного в алтайских языках, как имя деятеля, имя процесса или действия, имя результата действия, имя места действия, имя качества или свойства, имя собирательное, имя абстрактное и т. д. И тем не менее при рассмотрении той или иной тематической группы слов вырисовывается и характерная для них морфологическая структура.

Поскольку лексические серии, или тематические группы, связаны с представлением о соотношении общего родового значения и значений частных, присущих отдельным разновидностям, нельзя не обратить внимания, что именно в словарном материале отражается и фиксируется этот процесс познания окружающей действительности. Мы имеем в виду, что в алтайских языках нередко для передачи обобщающих родовых понятий служат композиты из двух—трех подродовых наименований. Приведем некоторые примеры подобных сложных слов.

Так, для передачи представления о птицах вообще, о пернатых как родовом понятии в качестве одного из способов, как уже приходилось это отмечать,³ служат композиты: ма. *zaxa caxika* '(большая) птица + (малая) птица, пташка' = 'птицы (и) пташки' = 'птицы вообще, пернатые'; бур. *шубуу шонгор* 'птица + сокол' = 'птицы', 'дичь'; др.-тюрк. *qış qısqın* 'птица + ворон' = 'птицы', 'всякие птицы'; як. *кус хис* 'утка + гусь' = 'птица (всякая)'.

³ Цициус В. И. Задачи сравнительной лексикологии, с. 6.

В некоторых тюркских языках парное употребление названий для травянистых растений и слов, обозначающих дерево, служит средством передачи родового понятия «растительность», «растения вообще»: др.-тюрк. *ot i'yađ* 'трава (и) деревья' = 'растительность'; *i i'yađ* 'растение + дерево' = 'всякая растительность'; як. *ot mac* 'трава (и) деревья' = 'растительность'.

К приведенной выше серии композит присыкают также словосочетания, состоящие из названий таких драгоценных металлов, как золото и серебро: др.-тюрк. *altun kömüš*, чув. *ьлтан кёмёл*, н.-мо. *altan mönggün* 'золото + серебро' = 'драгоценности, богатство'.

Меньший диапазон идеи обобщенности выражают биномы, компоненты которых, несомненно входящие в одну тематическую группу, выступают по отношению друг к другу как антонимы. Сказанное может быть проиллюстрировано на примерах термнов родства и свойства, у которых в коррелятивных отношениях находятся слова с оппозицией значений по полу или по возрасту.

Так, понятие «родители» передается при помощи словосочетаний 'мать + отец' или 'отец + мать': эвенк., эвен., нег. *этил амтил* 'матерн + отцы', н.-мо. *eke e'ige*, монг. *эх эцэг*, бур. *эхэ эсэгэ*, др.-тюрк. *ana ata*, *ana baba*, тур. *ana baba*, туркм. *энэ ата* 'мать + отец' = 'родители'; н.-мо. *e'ige eke*, др.-тюрк. *ata ana*, тат. *ата ана*, башк. *ата эсэ*, чув. *атте-анне*, як. *аба ийэ*, кор. *пу-мо* (<кит.) 'отец + мать' = 'родители'.

Значение «супруги» выражает композит по модели «муж + жена»: н.-мо. *ege ete*, узб. *эру-хатун*, каз. *ерли-катынды*, кирг. *ерды-катын*, тат. *ирле хатынлы*, башк. *ирле-катынлы*, чув. *упайкине арэмэ*, арна *арэмэ*, кор. *пу-бу* (<кит.).

Так как в алтайских языках в соответствии с нормами классификационной системы родства значения «старший брат» и «младший» передаются особыми терминами, то для выражения обобщающего понятия «братья» служит словосочетание «старший + младший»: н.-мо. *аха degüй*, монг. *ах дүү*, бур. *аха дүү*, др.-тюрк. *аха ині*, туркм. *ага-ачи*, тат. *агай-эне*, *агалы энеле*.

К этой же группе композит относятся, например, способы выражения таких обобщающих представлений, как «конечности» (по модели «нога - рука» или «рука + нога»). Ср.: тат. *аяк-кул*, бур. *хул гар ~ гар хул*, монг. *гар хул*.

Имяются биномы-антонимы, противопоставление значений в которых носит менее отчетливый характер, но которые вместе с тем несомненно являются лексическими единицами со значением обобщенности, ср., например, др.-тюрк. *jet sub* 'земля + вода' = 'материк'.

Синонимические парные сочетания охватывают самые разнообразные семантические пласты лексики алтайских языков, хотя как словообразовательный прием характерны, по-видимому, в большой степени для языков тюркских, монгольских и корей-

ского, тогда как в тунгусо-маньчжурских главным образом для маньчжурского. Примеры:

др.-тюрк. *el kün*, *el bodun* 'народ'; *el uluš*, *el känd* 'государство', 'страна'; *uruč tarıç*, *uruč öslüg*, *uruč qadaš* 'родственники' и т. д. Тюркские языки дают также примеры трехчленных сочетаний синонимов, ср.: др.-тюрк. *el kün bodun* 'народ'; *adaš qoldaš erdaš* 'друзья-приятели'; *qarši ordu saraj ~ saraj ordu qarši* 'дворцы', 'дворцы и чертоги'.

н.-мо. *ail toszun*, *asaxa toszun ~ ašixa toszun* 'селения'; *uru sadun* 'родственники'.

ма. *хотон хэчэн* 'города'; *гучи анда*, *гучу зарган* 'друзья', 'товарищи'; *анда садун* 'близкий друг'.

Поскольку в композитах сочинительного типа оба члена равноправны, они без ущерба для смысла могут меняться местами, как мы видели в приведенных выше примерах типа др.-тюрк. *ана ата ~ ата ана* 'мать - отец' ~ 'отец - мать' = 'родители' и т. п. Тем не менее ведущим, как правило, является компонент, который в семантико-лексическом отношении выражает представление о более значимом (в социальном или ином плане), ср., например, н.-мо. *аха degüй* 'старший брат + младший' = 'братья' или ма. *гасха чэчикэ* 'птица + пташка' = 'птицы', 'пернатые'.

В сложных словах подчинительного типа его компоненты не являются равноправными: один из них выступает в качестве главного члена по отношению ко второму, зависимому от него. По характеру подчинительной связи прежде всего выделяются определительные и дополнительные виды отношений. Нам хотелось бы остановиться здесь на композитах с определительными отношениями, так как «в основе семантики многих (если не подавляющего большинства) сложных слов этого типа лежит одно общее смысловое отношение; его можно представить как отношение общего к частному, более абстрактного к более конкретному, родового к видовому».⁴ (Газрядка моя, — В. Ц.). Выразителем более общего, более отвлеченного понятия служит ведущий, главный член (всегда именной), тогда как на долю зависимого, подчиненного падает роль носителя конкретизирующего признака. В языках алтайских зависимый компонент композит занимает первое место, тогда как ведущий, главный член стоит на втором, подобно тому как это имеет место в определительных сочетаниях.⁵ При этом в роли зависимого может стоять или именная часть речи (существительное, прилагательное, числительное, местоимение), или глагольная (причастие).

Приведем примеры композит, служащих в алтайских языках для выражения пола. В этих случаях в качестве ведущего члена

⁴ Осипов Ю. М. Вопросы словообразования в современном тайском языке. М., 1969, с. 63.

⁵ В языке тайском, например, расположение компонентов обратное: главный член стоит на первом месте. — Там же.

с обобщающим значением обычно выступают существительные со значением «человек», «люди», «народ» или «ребенок», «дети», ср. например:

др.-тюрк. *hiši kiši* 'женщина', 'самка' + 'человек' = 'женщина'; *erkäk öyül* 'мужчина', 'самец' + 'ребенок' = 'мальчик'; тур. *erkek çocuk* 'мужчина' + 'ребенок' = 'мальчик'; башк., тат. *ир кеше* 'мужчина + человек' = 'мужчина', *ир бала* 'мужчина + ребенок' = 'мальчик';

п.-мо. *ere kütün*, монг. *эр хүн*, бур. *эрэ хүн* 'мужчина, самец' + 'человек' = 'мужчина'; п.-мо. *ете кütүн*, монг. *эм хүн*, бур. *эмэ хүн*, калм. *ете күйн*, 'женщина, самка' + 'человек' = 'женщина';

ма. *қаға н'алма* 'мужчина' + 'человек' = 'мужчина'; *қаға жүй* 'мужчина' + 'ребенок' = 'мальчик'; пан. *хусэ най* 'самец' + 'человек' = 'мужчина'; *аси най* 'женщина', 'жена' + 'человек' = 'женщина' и т. д.

Образование новых слов способом лексической композиции, т. е. путем сочетания и сложения отдельных слов (~основ) или их корневых элементов, как показывают этимологические изыскания, довольно характерно для языков алтайской общности. На базе словосложения и лексикализации словосочетаний возникают лексические сращения, в которых у первоначально легко различимых отдельных компонентов как бы стирается их индивидуальность фонеморфологический облик, ср. например: нег. *сагди эн'э* 'бабушка' (досл. старая или старшая мать) и нан. *сагзэн'э* с тем же значением 'бабушка' (мать отца или матери, а также старшая сестра отца). В пеллхальском языке мы имеем дело с простой определительной композитой, тогда как в нанайском она уже на пути к сращению и лишь неощутимые гармонии гласных последних слогов указывает на прежнюю самостоятельность второго компонента *эн'э* 'мама', 'магушка'. Но в том же нанайском языке имеются примеры полного сращения, ср. например: *дән'ин*, *дән'а* 'бабушка' < **дай* 'большой' + *эн'ин* ~ *эн'э* зват. 'мама, магушка'.

Рассмотрение словарных материалов по тематическим группам, в которых слова объединяются на основании общности родового значения, дает возможность выявить еще одну модель закономерного характера связи в развитии семантики от видовой к родовой. Мы имеем в виду использование наименования, которое в одном языке служит для обозначения какой-либо разновидности, в другом — в роли родового, а иногда употребляется в обоих значениях. К этому типу семантического развития относится, например, как уже отмечалось,⁸ еще один из способов передачи понятия «птица вообще», «птицы», «пернатые», в частности в тюркских языках, которые дают как бы целую гамму семантических «колебаний», переходов от частного к общему, причем в некоторых из них одна и та же лексема употребляется и в более частном, и в более общем значении. Речь идет о тюркском **кус* ~ **куш*,

которое в якутском означает только 'утка', в татарском, башкирском, туркменском, азербайджанском — 'птица' (вообще), тогда как в киргизском — прежде всего хищную птицу, но наряду с этим и птицу вообще, т. е. сходно с др.-тюрк., где оно означает и птицу вообще, и сокола в частности, ср.:

як. *кус* 'утка' // др.-тюрк. *қиш* 'птица'; 'сокол для охоты'; тур. *куш*, алт., тув. *куш*, казах. *күс*, башк. *куш*, тат. *куш*, туркм. *гуш* 'птица' // кирг. *куш* 'хищная птица'; 'самка ястреба-тетеревины', 'птица' (общее название) // эвенк. *гус*, *гусикэн* ~ *гуһилэн*, эвен. *гусэ* ~ *гуһэ* ~ *гуһэ*, нег. *гусикэн* ~ *гусийэн*, ороч. нан. ульч. орок. *гуси* 'орел'.

Убедительным примером соотносительности в сравнительно-историческом аспекте обозначений общего и частного, родового и видового служит также наименование для передачи понятия «рыба вообще» в тунгусо-маньчжурских языках.⁷

При группировке по лексическим сериям значительно легче выключаются заимствования, выборка и обработка которых также входит в обязанности лексиколога-историка, лексиколога-компаративиста. Этот этап работы также, как правило, является достаточно трудоемким, причем объем (процент) заимствованной лексики колеблется в зависимости от тематической группы, от исторических контактов с иноязычными народностями и т. д. Так, например, в тунгусо-маньчжурских названиях для частей тела число заимствованных сравнительно невелико: среди 600 с лишним наименований их отмечено около 80, т. е. приблизительно 1/8, при этом они довольно позднего контактного характера (около 50 — монголизмы и примерно 25 — якутизмы).⁸ Составленная по материалам Сравнительного словаря тунгусо-маньчжурских языков⁹ картотка названий, относящихся к животному миру, насчитывающая приблизительно 1700 единиц (из которых животных более 800, птиц — 500, рыб — 200, насекомых, червей, моллюсков — 150, земноводных и пресмыкающихся — 20), включает свыше 300 (около 1/6) заимствований (монгольских, тюркских, русских и др.).¹⁰ В значительно большем объеме (свыше половины) представлена иноязычная лексика по данным тюркских языков в названиях, связанных с миром растений и их частей.¹¹ При этом имеются случаи употребления заимствования

⁷ Ципциус В. И. Вопросы сравнительной лексикологии алтайских языков. — ПОЯЯ. Л., 1971, с. 82.

⁸ См.: Колесникова В. Д. К характеристике названий частей тела человека в тунгусо-маньчжурских языках. — В кн.: Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. Л., 1972, с. 257.

⁹ Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Т. 1, Л., 1975, г. II, Л., 1977.

¹⁰ См.: Новикова К. А. Иноязычные элементы в тунгусо-маньчжурской лексике, относящейся к животному миру. — В кн.: Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. Л., 1972, с. 104.

¹¹ Дмитриева Л. В., Колесникова В. Д., Новикова К. А., Ципциус В. И. О некоторых исходных примах...

⁶ Ципциус В. И. Задачи сравнительной лексикологии, с. 6.

в качестве родового, как например: узб. *дарат*, туркм. *даригт*, кирг. *даран* 'дерево', перс. *дират*.

Среди заимствований особое место занимают дублеты, образцы которых представляют, в частности, следующие примеры по материалам тунгусо-маньчжурских языков: одно из названий для крыла здесь выступает в виде ряда регулярных соответствий: эвенк. *аса-кй*, нег. *аса-хй*, эвен. *аси-кй*, ма. *ас-ха*, нан. *заса-р*, ульч. *заса-ли*, орок. *заса*. В маньчжурском, кроме того, зафиксирована форма *асдан* с переносным значением 'бок', 'сторона', 'фланг', которая вошла в языки Приамурья в виде дублетной формы — ульч. *асу(н-)*, нан. *асо* (<**асун*, ср. *К-У асүү*) — и обозначает здесь 'место у входа'. Таково же соотношение названий «цветок» и «орнамент», причем последнее выступает во всех языках, кроме маньчжурского, в качестве вторичного заимствования, ср. эвенк. вост., нег. *илага* 'цветок', *илга* 'орнамент', ульч. *сила*, нан. *силакта* 'цветок', ульч. *ирга* (<**илга*), нан. *илга* (<ма.) 'орнамент' // ма. *илга* ~ *илда* 'цветок', 'орнамент'.

Итак, обработка словарных данных по лексическим сериям позволяет лексикологу почувствовать себя «хозяином» более или менее значительного участка бескрайних словарных пространств. Он улавливает структурную общность в многообразии разновидностей наименований, отделяет «чужие» экземпляры — заимствования. Исходя из регулярных фонетических вариантов одного и того же по своей «оболочке» слова, если оно представлено в нескольких родственных языках, лексиколог получает возможность реконструировать исходный облик, т. е. форму всего слова или хотя бы его корневой морфемы, разъяснить роль словообразующих деривационных морфем. Семантический аспект формы, или этимона, т. е. предполагаемого исходного корня, экстрагируется из разнообразных значений дериватов как бы путем снятия тех дополнительных значений, которые возникают при словообразовании.

Но если лексиколог-этимолог ограничится теми пределами, которые предоставляют в его распоряжение лексические серии, его выводы и построения могут оказаться менее глубокими, менее полноценными, чем это могло бы быть, в частности в семантическом отношении. Кроме того, при этимологизировании лишь в пределах тематической группы может остаться незамеченной правомерность отнесения корневой морфемы к общеалтайскому первоисточнику. Здесь нам необходимо коснуться второго цикла приемов изучения лексики в сравнительно-историческом плане, связанного с гнездом слов одного корня или, иначе говоря, с семантическими классами.

К гнезду слов одного корня этимолога ведет тоненькая нить предполагаемой связи корневой морфемы того или иного конкретного наименования изучаемой тематической группы. Ухватиться за эту нить, добраться с ее помощью до надлежащего гнезда в огромном большинстве случаев оказывается далеко не простым

делом, несмотря на то, что языки алтайской общности по преобладающим словообразовательным тенденциям относятся к суффиксально-агглютинативным. Поэтому необходимо как следует оглядеться, то ли это «гнездо», куда лексиколог должен был попасть из тематической группы. Иначе говоря, необходимо ознакомиться с возможностями семантической филиации данного гнезда слов, с характерными для него комплексами или пучками значений, с основными тенденциями семантического развития.

Поясним сказанное при помощи одного из характерных примеров.

Как уже отмечалось, в северной подгруппе тунгусо-маньчжурских языков название 'птица' прямо восходит к глагольной основе (корню) *дэги-* 'летать' и в современных тунгусских языках отличается от последнего лишь длиной гласного второго слога (ср. *дэги-* 'летать' — *дэйи* 'птица'), возникшего в результате слияния с архаическим показателем *-и. Модель 'птица' — 'летучий' (зверь, пчело), как выяснилось, широко представлена в алтайских языках и повторяется в образованиях от ряда других глагольных корней. В монгольских языках имеется глагол *дэг-дэ-* 'взлететь', корневой элемент которого (*дэг-*), несомненно, общего происхождения с т.-ма. *дэги-*. Но к миру пернатых прямое отношение имеет лишь монгольский дериват *дэг-дэ-гэ-кэй* 'оперевшийся птенец', 'птенец-взлеток'. Вместе с тем в то же гнездо с корнем *дэги-* входят мо. *дэги-лэ* ~ *дэйи-лэ* 'взять верх', 'победить', *дэгэ-ши* 'вверх', *дэгэ-ду* 'верхний', 'лучший'. По существу лишь семантика последних приведенных монгольских словоформ позволяет алтаистам-компаративистам привлечь для сопоставления др.-тюрк. *jeg* 'хороший', *jegät-* 'превосходить', 'побеждать'. Таким образом, тунгусское **дэги* из лексической серии 'пернатые' в конечном счете восходит к общеалтайскому корню **дэги-* (тюрк. **jeg-* при соответствии тюрк. *й-!j-* // общеалт. **д-*) с исходной семантикой 'высь' — 'подниматься вверх' — 'летать' — 'летучий' — 'птица'. Конечно, можно было бы ограничиться этимологией в рамках тунгусских языков 'летать' — 'птица' + монгольское 'взлетать' — 'птенец'. Но с привлечением тюркских данных не только расширяется перспектива в отношении трактовки общеалтайского характера корня. Не менее интересным и ценным является также тот факт, что в сходном направлении шло развитие ряда глаголов других корней с аналогичной семантикой 'летать', 'подниматься вверх', ср. тюрк. *уц-!иц-* 'летать', *көт-!көди-* 'подниматься вверх', при др.-тюрк. *ициц* 'хвостная птица', як. *көтөр* 'птица' — 'то, что летает', 'летучий' и т. д.

Итак, при работе с тематическими группами не следует забывать, что объединяемые в этих группах наименования своими корнями уходят в различные семантические классы. Иными словами, в тематических группах мы как бы имеем дело с побегам от ряда корней, у которых есть еще и другие побеги, которые в свою очередь могут входить в совершенно иные лексические

серии, тяготеющие к разным семантическим полям. Так например, названия частей тела во многих случаях связаны с лексической первой пространственной ориентации,¹² ср.: тюрк. *көд- ~ көб- ~ кей-* 'тыл', 'задняя часть', 'запад' и монголо-тунгусское *гэдэ- 'за-тыл-ок'*; тюрк. *ар-на, ар-т* 'спина', 'задняя часть', т.-ма. *ар-на* 'верхняя надлопаточная часть спины' // мо. *ар-у, ару-дан* 'позади'; мо., т.-ма. *и'ури* 'спина', 'хребет' — др.-тюрк. *йіраја, йіг-га-ги* 'слева', 'палево', 'на север'.

Таким образом, необходимо сочетание разработки не только как по тематическим группам, так и по семантическим классам, т. е. по гнездам однокоренных слов. Изучение словарного материала в сравнительном плане при такой методике удается вести, как нам представляется, с наибольшей эффективностью в смысле широты охвата, доказательности и возможности проникнуть в глубинные общепалтайские пласты.

Вместе с тем современное состояние изученности алтаистических материалов в сравнительно-фонетическом отношении позволяет осуществлять исследование лексики и другими путями, в частности, например, по рядам с закономерными соответствиями (рефлексами) аналитных согласных. Но и при таком подходе значительную помощь оказывают приемы, выработанные при работе с тематическими группами и гнездами однокоренных слов. В виде иллюстрации к сказанному приведу следующий пример.

В тунгусо-маньчжурских языках имеется глагольный корень со значением 'созреть', 'поспеть', 'дойти до готовности', 'свариться', 'испечься'. В северной подгруппе (эвенк., эвен.) он звучит *ир-и- / і-і-*, в южной (нап., ульч., орок.) — *хуру- (хүрү- / хürü-)*, ма. *урэ- (ТМС, I, 323)*. Эти формы дают основание реконструировать для тунгусо-маньчжурских языков праформу **xjрj- ~ *xjрi- / *xürü- ~ *xüri < *k'jрj- ~ *k'jрi- / *k'ürü- ~ *k'üri*. Исходя из установленной праформы, возможные монгольские и тюркские параллели следовало искать среди слов с начальным (аналитным) *к- ~ х-*. Фонетически почти тождественным тунгусо-маньчжурской праформе оказался в монгольских языках глагол **kür(ü)-*, но с более общим, более отвлеченным, более широким значением 'доходить', 'достигать', 'быть достаточным' и т. д., с большим числом дериватов. Этот глагольный корень является общемонгольским, ср.: п.-мо. *kür-*, монг., бур. *хүрэ-*, даг., орд., казм. *kür-*, монгр. *kuru-* 'достичь' (Р. Мо. Сопраг. 142). Принимая во внимание установленные для тюркских языков рефлексы, мы считаем возможным вовлечь в монголо-тунгусо-маньчжурский круг параллелей к глагольному корню *күр(ү)- / kür(ü)-* тюркское *күз / күз* 'осень', восстанавливаемое Рясняевым для этих языков в виде праформы с долгим гласным (на основании данных туркменского языка, ср. Räs., EW, 312b; Ег., 106): общетюрк.

¹² Ср.: Колесникова В. Д. О названиях частей тела в алтайских языках. — ПОАИЛ. с. 148—149.

**küz < *kür'*, др.-тюрк. *küz*, кирг. *күз*, алт., тув., хак., як. *күс*, башк., тат. *көз*, тур., таг., кум. *güz*, туркм. *güz*, чув. *кёр* 'осень'.

В связи с неожиданным «поворотом» значения в тюркских языках отметим прежде всего то, что, с нашей точки зрения, правомерность сопоставления тюркского 'осень' с тунгусо-маньчжурским 'созреть' в семантическом отношении приобретает дополнительно доказательный характер по аналогии со сходным случаем из тематической группы «время года» в языках алтайской общности. Мы имеем в виду предположенную нами этимологию общетунгусо-маньчжурского наименования осени *боло* 'осень', 'осеннюю', 'наступить осени' при помощи тюрко-монгольского глагола **бол(о)-* с ведущим в этих языках значением 'становиться', 'делаться', 'быть' (см. Räs., EW, 79b; P. Vergl., 99; P. Mo. Сопраг., 28, 30, 59, 99). Вместе с тем для ряда тюркских и монгольских языков у этого глагола указываются значения 'созревать', 'поспевать', 'уродиться' (о плодах и злаках), как например, чув. *пул* (Ег., 164). Помимо глагольной основы в тюркских языках имеется омонимичная именная *бол / bol*, например, туркм. *бол* 'обильный', 'богатый', чув. *пул, пулах* 'плодородие', 'урожайность' (см. Räs., EW, 79b; Ег., 164). Ср. также монг. *алирс болжээ* 'брусника поспела'. Возможно, сюда же тяготеет кор. *пльчханъ-хада* 'быть в изобилии', 'быть переполненным', *пльчхэк, пэрэк* 'вдурт', 'чрезмерно'. Таким образом, общепалтайский архетип глагола **боло-*, по-видимому, в качестве ведущего значения с самого начала включал представление о полноте проявления важнейшего периода в сфере растительного мира — плодоношения, созревания плодов, ягод, зерен. В тунгусо-маньчжурских языках это значение закрепилось в представлении об осени и образовало небольшое замкнутое гнездо слов (см. ТМС, I, 92—93). В монгольских и тюркских языках глагольная основа *бол(о)-* сохранила значение 'созреть' лишь как одно из частных, поскольку она приобрела более общую, отвлеченную в семантическом отношении функцию выражения представления 'быть', 'являться', 'становиться кем-либо, чем-либо', 'приходить в какое-либо состояние'.

В тюркских языках гнездо слов, связанных со словом **күз / *küz > күз* и т. д. 'осень', на первый взгляд представляется столь же изолированным, как и тунгусо-маньчжурское *боло* 'осень'. Но, принимая во внимание соотношение форм типа *көз / көз* 'глаз' и *көр- / көр-* 'смотреть' и т. п., мы считаем возможным сопоставить с корневой современной основой *күз* 'осень' такие лексемы, как як. *күр-* 'вздвигаться', туркм. *гүр* 'густой', тат. *көр* 'тучный, жирный', 'бодрый, храбрый', 'богатый', тур. *gür* 'обильный'; сюда же, возможно, исходя из значений тат. *көр*, др.-тюрк. *kür* 'смелый, отважный' (ср. Räs., EW, 309b—310a).

Таким образом, изолированное гнездо тунгусо-маньчжурских языков с корнем **боло* 'осень', 'наступить осени' находит свое

разъяснение при помощи тюрко-монгольского *бол(о)- '(полностью) проявиться, стать чем-либо'. В свою очередь тюркское гнездо слов, связанное с корнем *кйз 'осень', находит свое объяснение в т.-ма. *хйрй- ~ хйри- 'поспеть', 'созреть', мо. *кйрй- 'достичь'. Нам представляется, что параллелизм развития этих двух синонимических общепалтайских глагольных основ может служить убедительным примером возможностей сравнительно-исторических этимологических изысканий в области алтаистики.

Вместе с тем далеко не все этимологические изыскания могут оказаться успешными и надежными по своим результатам. Так, в отличие от рассмотренных выше этимологий двух обозначений понятия «осень», одно из которых характерно для тунгусо-маньчжурских языков (*боло), а второе (*кйз) — для тюркских, попытка проникнуть в историю семантики названий для зимы в этих же языках не дает столь же убедительного решения. Как и в случае с наименованием для осени, гнезда лексем с понятием «зима» в этих языковых семьях представлены побольшим числом дериватов с ограниченным исходным значением (зимний, зимовать, зимовка и т. п.). Фонетические праформы в обоих случаях реконструируются достаточно просто, ср.: т.-ма. *тузэ / *тузэ 'зима', 'зимой', 'наступить зиме' (эвенк. тузэ ~ тузэ ~ туз, ороц. тузэ ~ тузэ ~ тузэни ~ тузэни ~ тузэни, нэг. тузэ ~ тузэ ~ туз, ороц. тузэ ~ тузэ, уд., орок. тузэ, нан., уд., ульч. тузэ, ма. тузэри; ТМС, II, 204—205); тюрк. *кыш / *кйш 'зима' (др.-тюрк. qış, тур. kış, як. кыс, туркм. ғыш, чув. хёа, см. Räs., EW, 268a; Eg., 297).

Т.-ма. праформа *тузэ 'зима', 'наступить зиме' в соответствии с установленными для языков алтайской общности рефлексам аналитов побуждает нас обратиться к монгольским и тюркским параллелям, структура начальных слогов которых в фонетическом отношении была близка тунгусо-маньчжурской. Монгольское тугэ- / түге- (п.-мо. түге-, монг., бур. тугэ- 'распространяться, расходиться по рукам') неприемлемо для сопоставления по отсутствию семантических ассоциаций. В этом отношении ближе тюркское *тйж(е) ~ *тйе(е) 'полный', 'копчаться', 'исчерпываться' (ср. др.-тюрк. tükä- 'завершаться', 'заканчиваться', 'истощаться', 'псыкаться', tükäl 'полный', 'совершенный', ср. Räs. EW, 504a). Семантически к тюркским параллелям примыкают бур. тугэд ~ тугэс 'полный', 'полностью'. Таким образом, т.-ма. *тузэ 'зима' как будто бы связана с представлением о завершении (годового цикла?). Обратимся к тюрк. кыш / кйш 'зима'. Согласно установленному для тюркских языков соответствию ш/л (закон сигматизма—ламбдаизма), мы вправе искать параллели типа кыл(и) ~ ыыл(и). Ни в тунгусо-маньчжурских, ни в монгольских языках сходной лексики не обнаруживается. Вместе с тем в тюркских языках имеется глагол кыл- / кйл- 'делать' (Räs. EW, 263a), ср. др.-тюрк. qıl- 'делать', qılaq 'исполнение', кырг., тат. кыл- 'делать', 'совершать'. Ряснен (Räs. EW, 263a и P. Vergl., 19, 114) считает возможным идентифицировать тюрк. глагол кыл- / кйл-

Алт. *болде-
'прийти в полную готовность',
'поспеть, созреть'

тюрк.

*бол(а)
'обильный'

*бол(у)-
'быть, явиться',
'зем-л., чем-л.',
'случайной, происходить',
'делаться, становиться',
'уродиться'

мо.
*бол(о)-

'становиться, делаться кем-л., чем-л.',
'поспеть, созреть, наступить (о вре-
мени)'

т.-ма.
*боло
'наступить, осень', 'осенью', 'осень'
болорй ~ болонй
'осень'

Алт. *кйрй-
'дойти до полной готовности',
'поспеть, созреть'

тюрк.

*кйр(и) ~ *кйр(е)
'осень', 'обильный'
чув. кйр
кйр
'тучный'
др.-тюрк. туркм.
кйз айы
'тустой',
'осени'

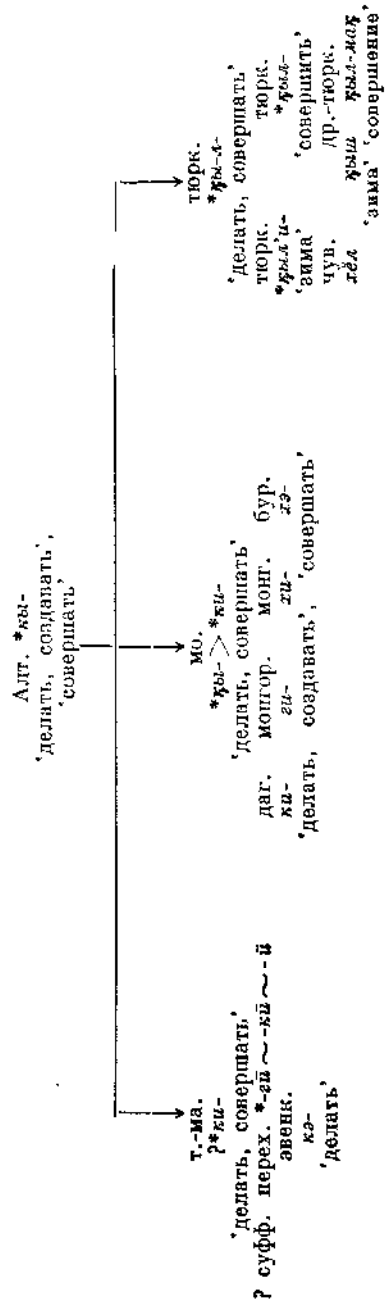
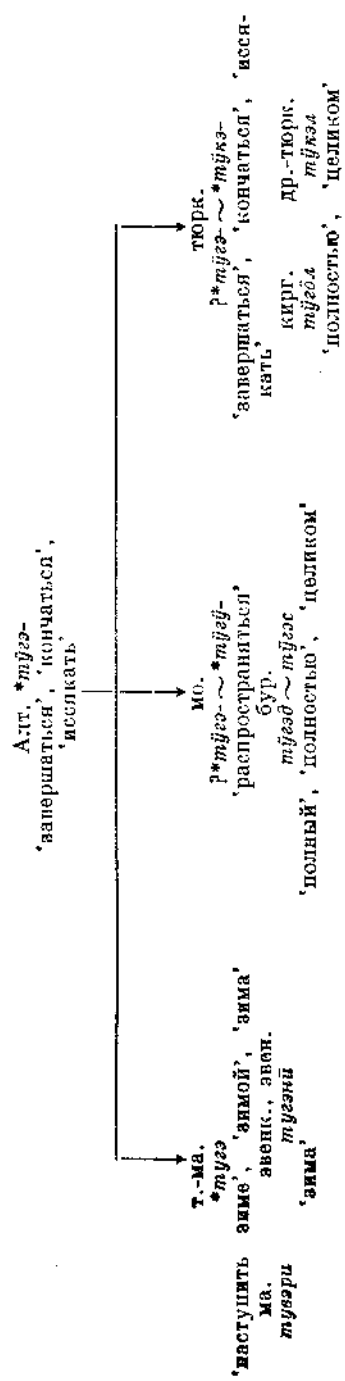
мо.

*кйр(и) ~ *кйр(у)-
'достичь', 'доходить', 'касаться',
монг., бур.
хйрэ-

'достичь', 'доходить', 'поспевать',
'касаться'

т.-ма.

*кйрй- ~ *кйри-
'дойти до готовности', 'поспеть',
'созреть',
эвенк., эвен.
ма. кйрй-
урэ-
'поспеть', 'созреть', 'свариться'

'делать' с монгольским *ки- / ki-* < **кы- / qī-* со сходным значением 'делать что-либо'. В тюркских языках широко представлены отглагольные имена с аффиксом *-и* со значением процесса или результата действия.¹³ Это дает нам возможность высказать предположение, что тюркское *кыи / qīš* 'зима', быть может, восходит к отглагольному имени **кы-и / *qī-š* со значением 'завершение' (годового цикла в природе?). Иными словами, возможно, и здесь мы имеем параллельную лексико-семантическую модель для тунгусо-маньчжурского (**тузэ*) и тюркского (**кыи*) обозначения представляющая о зиме, как это имеет место для названия 'осень'.

В заключение нам хотелось бы еще раз обратить внимание на то, что сравнительно-исторические лексикологические исследования в области алтаистики по существу невозможны без выхода за пределы близкородственных групп, т. е. лишь тунгусо-маньчжурских или только монгольских или тюркских, с их гнездами слов с разветвленной, широко действующей системой ишвого словообразования. Такие лексические параллели лежат как бы в одной плоскости. Общий исходный словарный фонд в каждой из названных языковых подсемей имел разные условия, несомненно возможные для участия в длительном многовековом процессе формирования словарного состава отдельных языков. Поэтому этимологические выводы и построения получают надлежащую временную перспективу лишь на фоне общеалтайских штудий, когда слова одного корня предстают перед исследователем как бы на разных этапах своей исторической жизни.

¹³ См.: С е в о р т я н Э. В. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. М., 1966 с. 140—143, 145, 146.

1. НАЗВАНИЯ ДРАГОЦЕННЫХ МЕТАЛЛОВ
(ЗОЛОТО, ПЛАТИНА, СЕРЕБРО)
И МЕДИ С РАЗНОВИДНОСТЯМИ СПЛАВОВ
(ЛАТУНЬ, ТОМПАК, БРОНЗА)¹

З о л о т о. Из тематической группы слов, служащих для обозначения различных металлов и их сплавов в языках алтайской общности, наиболее широко представлены, характерны и в первую очередь могут быть упомянуты те названия, которые возводятся к праформе **ал-тун* < **ал-тон* (**altun* ~ **alton*) и которые в одних языках означают 'золото', в других — 'медь', в третьих — 'жесть'. При этом по степени распространенности первое место занимает 'золото'; это относится ко всем монгольским языкам и преобладающему большинству тюркских и тунгусо-маньчжурских языков.

В монгольских языках для обозначения золота служат вариации формы **алтан* (**altan*), зафиксированной в старописьменных монгольских памятниках. В соответствии с явлениями редукции при падении тех или иных звуков конечного слога, свойственными ряду монгольских языков, мы имеем: калм. *алтн* (*altu*), бур. *алта(н)*, монг. *алт(ан)*, орд. *алта*. В фонетическом отношении большой интерес представляют монгольские формы *хардам* (*hardam*) и *анта* (*anta*) у монголов-санта (Р. Мо. Comrag., 105, 157).

Для большинства тюркских языков характерно звучание *алтын* (*altin* ~ *altyn*), хотя древнетюркские памятники дают нам *алтун* (*altun*), на что обратил внимание уже Радлов (РСл. I, 405—407; III), ср.: др.-тюрк. *алтун* (*altun*), алт., башк., казах., каракалп., кирг., ног., тат., тур., туркм., хак. *алтын* (*altin* ~ *altyn*), тув. *алдын* (*aldin*), узб. *олтин* (*oltin*), чув. *ылтӓн* (*iltän*) 'золото'.²

В семантическом отношении особняком стоит як. *алтан*, так как оно означает 'медь'. Впрочем, в фольклорных произведениях это якутское наименование металла употребляется также и со значением 'золото', 'золотой', ср. *алтан туйбӓдӓх* 'златогрудый' (птепчик), *алтан уууовум* 'золотые мои кости', *кӓмӓс алтан уйа* 'золотое гнездо', *кӓмӓс алтан дозоттор* 'золотые дорогие друзья' [Иек., 82].

¹ С предварительным сообщением по данному разделу авторы выступили в 1972 г. на конференции по проблемам алтаистики и монголоведения в г. Элтесе; см.: Тезисы докладов и сообщений конференции, с. 11—13. Доклад «О названиях некоторых металлов в алтайских языках» опубликован в кн.: «Проблемы алтаистики и монголоведения», вып. 2, сер. лингвистики, М., 1975, с. 69—91.

² Отклонение в фонетическом облике от формы *алтын* в тувинском языке, т. е. наличие звонкого согласного *д*, так же как и замена гласного первого слога *а* в узбекском гласным *о* и в чувашском гласным *ы*, связаны со свойственными для этих языков формами звукового развития, ср.: др.-тюрк. *балдыр* (*baldir*) 'цокры ног' // тув. *балдыр*; др.-тюрк. *арык* (*arık*) 'толстый' // узб. *орик*, чув. *архан* [ср. Ег., 344]. Исчерпывающую сводку тюркских форм и предложенных ранее этимологий см.: Севортян, ЭСТЯ, с. 142—143. Ср. Ег., 343; Räs. EW, 18b.

В. И. Цициус, Т. Г. Бугаева

К ЭТИМОЛОГИИ НАЗВАНИЙ МЕТАЛЛОВ
И ИХ СПЛАВОВ В АЛТАЙСКИХ ЯЗЫКАХ

В связи с разработкой тематической группы названий металлов и их сплавов в языках алтайской общности прежде всего следует остановиться на ряде некоторых моментов, с которыми связана структура работы.

Сюда относится, во-первых, тот факт, что общее число наименований, включая поверхностные или явные заимствования недавнего происхождения, оказалось достаточно обширным и насчитывает свыше полусотни.

Во-вторых, выяснилось, что названия металлов перекрещиваются, т. е. одно и то же наименование в разных языках и даже в одном и том же языке может служить для обозначения не одного и того же металла, что необходимо постоянно иметь в виду.

В-третьих, для компактных этимологических построений и выводов следует выделить две группы названий, каждая из которых в свою очередь может быть разбита на две подгруппы.

Первую группу составляют наименования так называемых драгоценных, или благородных, металлов (золото, серебро, платина) и меди с разновидностями сплавов (собственно медь, или красная медь, и медь желтая — латунь, томпак, а также медь темная — зеленая, синяя, т. е. бронза).

Во вторую группу вошли остальные названия цветных металлов и их сплавов (олово, свинец, сталь, жесть, цинк, алюминий, ртуть) и черных металлов и их сплавов (железо, чугун).

В соответствии с приведенным выше подразделением металлов и их сплавов на две группы предлагаемый очерк также состоит из двух частей.

В связи с рассмотрением наименований для золота в тюркских языках следует указать, что в азербайджанском и туркменском для обозначения этого металла служит слово *гызыл* (*gizil*) 'красный', хотя в туркменском языке с тем же значением употребляется и существительное *алтын* 'золото', которое, таким образом, наряду с прилагательным *ал* 'алый' входит в синонимические отношения со словом *гызыл* 'красный', ср. следующие примеры:³

ал 'алый', 'розовый, румяный'
ал янак 'румяные щеки'
ал байдак 'алый флаг'
ал-зымыл 'равноцветный — красный с зеленым'
алтын 'золото, золотой'
алтын йузук 'золотое кольцо'

гызыл I 'красный, румяный'
гызыл йуз 'румяное лицо'
гызыл байбак 'красное знамя'
гызыл-ала 'равноцветный с преобладанием красного'
гызыл II 'золото, золотой'
гызыл пун 'золотые деньги'

Более сложную картину в отношении как значения, так и фонетического облика рассматриваемого нами наименования металла с праформой *алтун* < **алтон* ~ **алтан* мы находим в тунгусо-маньчжурских языках. Так, в районах наиболее близких контактов с якутами, т. е. у дальневосточных эвенков (алдано-зейские, учурские, урмийские, сахалинские говоры), а также в негидальском языке *алтан*, как и в якутском, означает 'медь'. Монгольское влияние проявляется в южноэвенкийских говорах, тяготеющих к Прибайкалью, и в солонском языке, где это же наименование, т. е. эвенк. *алтан*, сол. *алтй*, служит для выражения понятия 'золото'. Наконец, в тунгусо-маньчжурских языках Приамурья, а именно в нанайском, ульчском и удийском, *алта(н-)* употребляется в значении 'жесть', 'оцинкованное железо'; сюда же относится ороц. *акта(н-)* < **алтан* 'жесть'.

Вместе с тем во всех языках Приамурья, в том числе и в негидальском, для обозначения золота служит маньчжурская разновидность этого существительного, ср.: ма., нег. *айсин* (*ajsin*), нан. *айей* ~ *айси(н-)*, ульч., орок., уд., ороц. *айси(н-)*. В этот же ряд входят нивхск. сахалинск. *айзин* и амурск. *айз* < **айзин* (< **айсин*) 'золото'.

Наконец, в языке чжурчженей мы находим стоящую особняком форму *анчун* [*an-čün-wen*, Гр., 90], для которой Л. Лигети, исходя из расшифровки исследуемых им особенностей чжурчженской орфографии, установил более древнюю форму *алчун* (*alčün* ~ *alčün*).⁴ Любопытно, что первая из приведенных чжурчженских форм была зарегистрирована В. Грубе в прошлом столетии у нивхов Сахалина в форме *анј* 'золото', на что обратил внимание Г. Дёрфер [Д., II, 112—114].

³ Примеры заимствованы из кн.: Туркменско-русский словарь. М., 1968. с. 386, 426, 436, 229а.

⁴ В транслитерации *ngan-tch'ouen-wen* 'золото'. см.: Ligeti L. Note préliminaire sur le déchiffrement des petits caractères Joutchen. — Acta Orientalia Hungarica, 1953, t. III, fasc. 3, p. 225.

В отличие от приведенных выше тюркских и монгольских вариантов особенности фонетического облика маньчжурского и чжурчженского наименования для золота при возведении их к праформе **алтун* вызывают некоторые затруднения. В самом деле, др.-тюрк. *алтун* почти тождественно праформе **алтун* ~ **алтон*. Причиной отклонения гласного второго слога в тюрк. *алтын* (*altin* ~ *altyn*) и мо. *алтан* находят объяснение в нормах сочетаний гласных в слове в соответствии с явлениями гармонии гласных. Что же касается маньчжурской и чжурчженской форм, вопрос об особенностях которых встает в связи с средними согласными, то для возведения их к праформе **алтун* необходима реконструкция промежуточных звеньев.

Один из вариантов подобной реконструкции, согласно которой маньчжурская форма восходит к чжурчженской, был предложен Л. Лигети, а именно: ма. *айсин* < **алиин* < **алиин* < **алчун* (*ajsin* < **alšin* < **alčün* < **alčün*).⁵

Н. Поппе подходит к разъяснению маньчжурской формы *айсин* несколько иным путем, выводя ее из «тюркского» варианта **алтын*, ср.: ма. *айсин* < **ал'син* < **ал'тын* < **алтын* (*ajsin* < **al'sin* < **al'tin* < **altin*) (Р., Vergl., 52, 85, 117, 128, 140).

Иными словами, Н. Поппе в отличие от Л. Лигети оставляет в стороне чжурчженскую форму или, точнее, чжурчженские формы. Действительно, как нам представляется, чжурчженские разновидности *алчун* ~ *анчун* вряд ли могут выступать в роли отправной точки для объяснения развития маньчжурского варианта *айсин*. Но приводимая Л. Лигети и опущенная Н. Поппе реконструированная форма **алиин* безусловно могла развиваться на маньчжурской почве из праформы, идентичной тюрк. *алтын* (*altin*), в связи со свойственным маньчжурскому (а также нанайскому) языку смягчающем переднеязычного *т* в позиции перед *и* (**т-и* > *ч+и*), т. е. **алтин* > **алчин*. Далее, как это наблюдается в тунгусо-маньчжурских языках и в настоящее время, согласный *ч*, по-видимому, оказал регрессивное ассимилирующее «смягчающее» влияние на предшествующий *л*, т. е. сочетание *лчи* > *л'чи*, затем *л'чи* > **йчи* > **йси*.⁶ Таким образом, мы получаем цепочку форм: **алтин* > **алчин* > **ал'чин* > **айчин* > ма. *айсин* (**altin* > **alčün* > **al'čün* > **ajsin* > ма. *ajsin*).

Что же касается чжурчженских форм, то из-за отсутствия достаточных обоснований для смягчения *т* в *ч* перед губным

⁵ Там же.

⁶ В связи с приведенными выше реконструкциями noteworthy отметить, что, например, в охотском говоре эвенского языка среднеязычные согласные *ч* и *š* производятся с резко выраженной щелевой пикурсией, т. е. звучат как [ч. ^hš], ср., например, эвск. камчатск. Бисуринск. *бывчичини*, эвск. Охотск. *бывчичини* 'бываешь'. Что же касается развития *ч* > *ш* > *с*, то это явление наблюдается, например, в бурятском языке, ср.: п.-мо. *чи* (či) // бур. *чи* 'ты'; п.-мо. *чигэ* (šigig) // бур. *шигэ* 'сырость, влага' (ср. Р. Мо. Compar., 111—112).

гласным причина изменения второго слога, а именно *-тун > -чун*, остается неясной, хотя исходный вариант представлен в др.-тюркском, если принять следующую схему развития: **ал-тун > чж. алчун > алчуи*.⁷

С чжурчженским вариантом *анчун* 'золото', по-видимому, следует связать ма. *анчун* 'серьга' (в ушах), ср. также словосочетания: *анчун бохори* 'привески к серьгам из жемчуга и драгоценных кампей', 'подвески из бус у фонаря', *анчун зувара*, *анчулан г'азун* 'филины ушастый', *анчун ум'аха* 'хрущ', *анчун илга* 'название растения'. Если ма. *анчун* 'серьга' семантически отошло от чж. *анчун* 'золото', то ма. *анчурахи* 'вызолоченная кожа', 'сафьян с позолотой' не оставляют сомнений относительно связи его с чжурчженским источником.⁸

Переходим к рассмотрению этимологии лексем *алтун ~ алтын ~ алтан*. Г. Рамстедт считает, что эти наименования являются сложными словами, состоящими из компонента *ал*, ипрочно известного со значением 'красный', 'рыжий', 'розовый' в тюркских и монгольских языках, и второго составляющего, который представлен в корейском языке или в виде *тон* (*ton*) со значением 'деньги', или в виде китаизма *тонъ* (*ton*, по Карлгрену⁹ *d'ung*) со значением 'медь', 'бронза', и, следовательно, *ал-тон* первоначально означало 'красный металл' (R. AKE, 18, ср. R. Einfl., I, 151). Коллебаня в трактовке второго составляющего отмечают в качестве «мшнуса» этимологии Г. Рамстедта Йоки (Joki, 64) и Дёрфер (Д., II, 112—113). Со своей стороны заметим, что, хотя кор. *тон* (*ton*) 'деньги' в отличие от *тонъ* (*ton*) 'медь', не считается китаизмом, тем не менее оба слова могут восходить к одному источнику,¹⁰ поскольку обозначали денег, как правило, связаны с названиями для металлов, ср.: кит. *тун* (*t'ung*)

⁷ По поводу развития чжурчженских форм *ал'тун > алчуи*, т. е. падения носового *и* вместо *а*, можно указать, что сходное явление отмечается для монгольского саята, ср. приведенное выше *анта* (*anta*) 'золото', а также ионгор. *манта* (*mantā*) // п.-мо., монг., бур., калм. *малта* (*malta*) 'рыть', 'копать' (Р. Мо. Contrag., 156—157). По существу аналогичный процесс ассимиляции наблюдается для ма. *ад > иэ*, ср. например, эвенк. *балди* // пан. *балди* // ма. *банди* 'родиться, расти' > нивх. *пан'э* 'родиться, расти', *ванди-э* // панду-э, банду-э 'растить, воспитывать'.

⁸ Более древний чжурчженский вариант *алчуи* в маньчжурском языке, по-видимому, сохранился в гидрониме *Алчука* — в топонимии речки близ Мундона, что, как нам любезно сообщил В. С. Стариков, означает «золотника»: в речке находили золотой песок. Наконец, в маньчжурском названии горы *Алхатау* *алин* (*алхатау < алта(и)* 'золото' — (*и*) *аха-ту* 'уголь содержащий', т. е. букв. 'золото и уголь содержащая гора') Г. Дёрфер совершенно справедливо усматривает заимствованное из монгольского название для золота *алта(и)* (Д., I, 143).

⁹ Формы по В. Карлгрену даются в статье для Ancient Chinese.

¹⁰ М. Ряснен полагает, что кор. *тон* 'медь' и *тон* 'деньги' могли быть заимствованы из китайского, но в разное время, см.: R ä s ä p e n M. Einiges über den Ursprung der Wörter für Messing. — Studia Altaica, v. V, 1937, Wiesbaden, S. 156.

'медь' (металл), *тунцзы*, *тунъюань* 'медь = медяк = медная монета'. Дёрфера, кроме того, смущает возможность сочетания тюркского *ал* с не употреблявшимся в тюркских языках самостоятельно (по имеющимся памятникам) заимствованным словом *тоу*. Это скептическое замечание нам не представляется убедительным, тем более что постановка определения «красный» перед наименованиями металлов, в частности для обозначения золота и меди, — одна из типичных моделей для алтайских языков и, шире, для дальневосточного языкового ареала, о чем будет еще речь несколько ниже. Отметим, кстати, что в ДТС имеется сочетание *тун алтун* (*tun altun*) 'червонное золото', где *tun* предположительно отмечается как китаизм и где оно занимает самостоятельную позицию определения перед композитой *altun*.

Таким образом, алтайское *ал-тун ~ ал-тын ~ ал-тан* мы считаем возможным рассматривать с исторической точки зрения как сложное слово, развившееся из архетипа **ал + тОн* (*al + tOn*)¹¹ со значением 'красный металл', 'красное золото', 'красная медь'; ср.: кор. *чж-тонъ* 'медь' (досл. красная медь), кит. *чи-тун* 'червонное золото', 'медь',¹² а также кор. *хонъ-донъ*, кит. *хун-тун* 'красная медь', в отличие от кор. *пж-тонъ*, *пж-тончъ*, кит. *бай-тун* 'белая медь', т. е. 'латунь'.

Приведенная лексико-семантическая модель для обозначения понятия «золото» продолжает действовать в языках алтайской общности до наших дней. При этом в роли определения используются прилагательные со значением 'красный', а в качестве определяемого — название для благородного металла (серебра, золота). Однако с морфологической точки зрения эти «современные» названия золота носят как бы «описательный характер», так как представляют собой не архаические опрощенные сложные слова, а «живые» определительные словосочетания, ср., например, як. *кысыл кэмүс* 'золото' (досл. красное серебро) или эвенк. вост. *хуларин мэчун*, пег. *холойин мэчун* 'золото' (досл. красное серебро). Ср. также бур. *улаан алта(и)* 'червонное золото'. В некоторых же тюркских языках, как мы отмечали выше, для обозначения золота используется просто лексема 'красный', ср. азерб., туркм. *гызыл* 'золото', 'золотой'. Значение 'червонное золото' в алтайских языках передается с помощью прибавления определения, обычно с семантикой 'чистый', 'очищенный', например: туркм. *сән алтын*, тат. *саф алтын*, чув. *таса ылтән* 'червонное = чистое золото', п.-мо. *себер алтан*, *sižir altan*, монг. *цэвэр алт*, *шижир алт*, калм. *цэвр алтн*, бур. *шэжэр алта(и)* 'червонное = чистое золото', ма. *дэхэжэ айсин* 'чистое, красноватое, без лигатуры золото' (*дэхэжэ* 'переплавлять — несколько раз очищать золото', также — 'выпаривать шелковичные коконы', 'мо-

¹¹ Прописное *О* в компоненте *тОн* мы в данном случае используем условно для обозначения губного характера исходного гласного.

¹² Но также означают, например, тайск. *т'энг* 'золото'.

речь табак'); ср. кор. *сун-гым*, кит. *чунь-цзинь* 'чистое червонное золото', кит. *чи-цзинь* 'червошное золото' (досл. красное золото), ср. бур. *улаан алта(н)* 'червошное золото' (досл. красное золото).

Наконец, в связи с рассматриваемыми названиями для золота — меди напоминаю, что русск. *алтын* 'старая раменная монета в 6 денег, равная 3 коп.' — отсюда *пятиалтынный* 'пятнадцать коп.', считается заимствованным из тюркских языков — из тур., тат. *алтын* 'золото', 'золотой'.¹³ Как отмечает Дёрфер, «тюркский вариант проник во многие языки», в частности в украинский, болгарский, сербский, а также в угро-самодийские — мансийский, ненецкий (Д., I, 143).

Помимо приведенного наименования монеты *алтын*, с тюркским источником связывается также русск. *латунь* — желтая медь. Во всяком случае М. Ряснон допускает возможность, что русское *ла-тунь* < тюрк. **al-tyñ*, т. е. предполагает метатезу в первом слове — *ал* > *ла*,¹⁴ хотя Г. Рамстедт, сопоставляя русск. *латунь* с тюрк. *алтын*, привел ссылку на имеющуюся этимологию о заимствовании русскими этого названия для меди из южных языков, т. е. из араб. *al-lāṭīn* через посредство итальянского и греческого, причем арабский вариант он не склонен был считать заимствованным из тюркских языков, тогда как Фасмер находит возможным в конечном счете видеть источником заимствования в русском языке запад.¹⁵

П л а т и н а. Что касается платины, то ее наименование в ряде тюркских и монгольских языков образовано по модели «белое золото», например: тат. *ак алтын*, чув. *шур ылтан* «платина» (досл. белое золото), и.-мо. *ḡaṣan altan*, монг. *цагаан алт(ан)*, калм. *цаһан алти* 'платина' (досл. белое золото); ср. кор. *пэк-кым*, кит. *бай-цзинь* 'платина' (досл. белое золото).

С е р е б р о. Для передачи понятия «серебро» в алтайских языках также служат сложные слова, но в отличие от композиты со значением 'золото' первому компоненту в названиях для серебра присуща семантика 'белый ~ светлый', т. е. они восходят к определительным словосочетаниям «белый + (драгоценный) металл (серебро ~ золото)». При этом в алтайских языках широко представлены две композиты со значением 'серебро'. Одна из них характерна для языков монгольских и тунгусо-маньчжурских, вторая — для тюркских.

Первая композита представлена весьма близкими в фонетическом отношении вариантами, ср.:

п.-мо. *мбуггүн* (*mönggün*), монг. *мөүгө(н)*, калм. *мөнгн*, бур. *мүнгэн*, даг. *мэүгү*, орд. *мөүгө* ~ *мүгү*, монгор. *мибугу* (*miärgu*) 'серебро' (Р. Мо. Comrag., 50, 56, 89);

эвенк. нег. *мэун*, эвеп. *мэун*, нан. *мэүгү* ~ *мэүгү(н-)*, ульч. ороч. уд. орок. *мэүгү(н-)*, ма. *мэун*, чж. *mēng-kü-wēn* 'серебро'.

Монголо-тунгусо-маньчжурские наименования Г. Рамстедт (R. SKB, 79, 137—138, 144) возводит к композиту, возникшей на корейско-китайской основе, при этом он предлагает два варианта трактовки первого компонента, а именно: либо с атрибутом *мэн* (-*гүн*) (*mēn-gün*), либо *мйэу* (-*гүн*) (*mjeñ-gün*), т. е. или с определенным *тэн* 'чистый, без примеси', или с определением *тйеу* 'светлый'. Второй компонент возводится к кор.-кит. **гүн* 'серебро', ср. др.-кит. *ngiñ* (Карлгрен), др.-яп. *гон*, совр. яп. *гин*, кит. *инь*, кор. *ын*, тайск. *нээн*, чжюан. *уан*² 'серебро'. Таким образом, первоначально эта композита означала дословно 'чистое серебро' или 'белое ~ светлое серебро'. По существу, обе реконструкции Г. Рамстедта могли бы считаться убедительными, но мы склонны принять в качестве исходной вторую, поскольку в современном корейском языке она имеет поддержку в сходной определительной конструкции, а именно кор.-кит. *мйэчхэ* 'сталь', досл. «светлое железо». Из приведенных выше разновидностей монгольских наименований для серебра к архетипу **мйэу-гүн* (**mjeñ-gün*), пожалуй, наиболее близко монгорск. *мибугу* (*miärgu*).¹⁶ При этом лексико-семантическая модель типа «белый ~ светлый + (драгоценный) металл» = 'серебро' продолжает играть свою роль и в современных языках алтайской группы, выступая в виде прозрачных устойчивых словосочетаний подобно лексико-семантической модели наименования для золота, о чем говорилось выше, ср.: п.-мо. *ḡaṣan mönggün*, калм. *цаһан мөнгн*, бур. *саган мүгэ(н)* или нег. *багдайн мэун* 'серебро' (досл. белое серебро), ср. также як. *йрүү көмүс* 'светлое серебро', т. е. именно серебро ('светлый драгоценный металл') в отличие от *кысы көмүс* 'красное серебро' = 'золото' ('красный драгоценный металл') и др.-тюрк. *ürün kümüš* 'белое ~ светлое ~ чистое серебро' в противоположность *sarı altın* 'желтое золото'; сюда же тат. *ак көмеш* 'белое серебро'.

Тюркские названия представлены в следующих основных разновидностях: др.-тюрк. *күмүш* (*kümüš*), казах., сак. *күмүс* (*kümüs*), туркм. *күмүш* (*kümüš*), як. *көмүс* (*kömiš*), тур. *gümüş* ~ *gömiüş* (*gümüš*), чув. *көмөл* (*kəməl*) (Räs. EW, 308b, Ег., 105) 'серебро'.

Рамстедт (R. SKB, 116) указанные тюркские обозначения серебра возводит к праформе **kümüš* < ?**küm-li*, которую Йоки (Joki, 210) в свою очередь реконструирует как композиту, состоящую из двух древнекитайских наименований для драгоценных металлов, а именно др.-кит. **kjəm* + **li*eu. При этом первый компонент, т. е. др.-кит. **kjəm* широко представлен не только в китайском — совр. кит. *цзинь* < **kjəm*, но также в ряде других языков, ср. кор. *кым*, яп. *кям*, кон, чжюан. *kim*¹ и др. со значением

¹³ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, т. I. М., 1964.

¹⁴ Там же, с. 153.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Р. Мо. Comrag., 50, 56, 89.

'золото'.¹⁷ Что же касается второго компонента, совр. кит. *liu*, кантонск. *liu*, то он возводится к древнекит. **liu* [< **liag*] [Joki, 210, по Карлгрену *liu*] со значением 'чистое серебро'. Таким образом, архетип композиты **kiam* + **liu* дословно означал 'золото + серебро' = 'чистое серебро'. Нельзя не подчеркнуть, что из тюркских вариантов к указанному архетипу наиболее близка фонетически чувашская разновидность *kämäl* (*kätäl*), которая хотя и означает 'серебро', но должна котироваться буквально «на вес золота» не только вследствие сохранения архаического облика, но и в связи с тем, что конечное *-ä* выступает здесь как свидетельство в пользу развития **-ä*² > *ш* > *с*, а не наоборот, что представляет особый интерес в связи с проблемой ламбдаизма-сигматизма.

Таким образом, предложенные Г. Рамstedтом этимологии представленных в алтайских языках наименований для драгоценных металлов — золота и серебра — не только убедительны каждая сама по себе, но из сравнения морфологической структуры рассмотренных трех реконструируемых архетипов, т. е. **al* + *tOn* (**al* + *tOn*) 'золото' < 'красный металл', **mjeŋ-gün* 'серебро' < 'белый металл' и **kiam* + **liu* 'серебро' < 'чистое золото' ('золото + серебро'), вырисовывается общность их образования.¹⁸ Все они являются, с исторической точки зрения, композитами — сложными словами, причем первые их компоненты выступают как бы в роли уточнителей. Структура этих наименований за ряд столетий и, может быть, даже тысячелетий их существования перестала осознаваться, т. е. подверглась опрощению. Однако характерные для дальневосточного и алтаистического ареалов модели для названий драгоценных металлов продолжают действовать до наших дней, в современных нам языках тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских, не говоря уже о корейском, китайском, японском и пр. Другими словами, модели наименований драгоценных металлов весьма устойчивы в лексико-семантическом и лексико-морфологическом отношении. Высказываемые, например Г. Дёрфером, сомнения относительно правильности этимологии Г. Рамstedта, как нам представляется, могут быть объяснены тем обстоятельством, что Г. Дёрфер рассматривает каждую из этих лексем изолированно и при этом только с формальной, преимущественно с фонетической точки зрения, тогда как характерные для алтайских языков линии семантического развития и возможности внутренней реконструкции от него ускользнули.

¹⁷ Современное кор. *kim* 'золото', являющееся китаизмом, ближе к древнекитайскому звучанию, чем современное кит. *цзинь*.

¹⁸ Интересно, что в китайском языке иероглиф «золото» является детерминативом для названия всех металлов, т. е. входит в состав иероглифического написания металла или, иначе говоря, означает вообще «металл». Сам же иероглиф, означающий «золото», Карлгрен объясняет из пиктограммы со значением «земля», «в земле находящийся», «находимый в земле», т. е. по-видимому, «руда», «ископашаемый».

Прежде чем перейти к рассмотрению наименований меди, нам хотелось бы обратить внимание на некоторые характерные сочетания названий для золота и серебра. Так, во многих словарях отмечается парное употребление этих лексем, что передает более общее представление о драгоценных металлах или драгоценностях вообще, ср. например:

др.-тюрк. *altun kömüs* (*altun kömüs*) 'богатство', 'ценности', 'сокровища' (досл. золото + серебро), тат. *алтын-көмеш* 'драгоценные металлы', чув. *ылтун кэмәл* 'драгоценности', туркм. *күмүш ызым* 'драгоценности', н.-мо. *алтан мөңгүн* (*altan mönggün*) 'драгоценности' (досл. золото + серебро), калм. *altu möngy* 'золото и серебро', ср. ма. *айсын мэугун* (золото + серебро) в словосочетании *айсын мэугун җаран хачин и намун* 'казначейство министерства финансов'; также: тайск. *нгән-т'бнг* 'богатство', 'состояние' (до слову «серебро (и) золото»).

Такова же структура и семантика парного сочетания заимствованных из персидского языка названий для золота и серебра в др.-тюрк. *zär sim* 'золото и серебро; деньги, богатство'. Кстати, отметим, что эти иранизмы известны также для азербайджанского, турецкого, туркменского и других тюркских языков, ср.: аз., тур. *zär*, тат. книжн. *zär*, туркм. *zär*, кирг. *zär* ~ *zär*, фольк. 'золото', туркм. 'злато' (< перс. *zar* 'золото', ср. Räs. EW, 531a).

аз., тур. *sim* 'серебро' (< перс. *sim* 'серебро', Räs. EW, 422a, ср.: туркм. *сймән*, кирг. *сыман* 'руть').

М е д ь. В круг названий, связанных с представляемым о меди, следует включить как обозначения меди в собственном смысле слова (чистая или красная медь), так и основных видов медных сплавов, где медь является ведущим компонентом, т. е. где ее более 50%. Сюда относятся сплавы, в которых, помимо меди, значительную часть составляет цинк и которые известны под именем латуни или желтой меди, а также томпака, и сплавы меди с оловом, свинцом и железом, т. е. различного рода бронзы, в цветовом отношении воспринимаемая как более темная.

В языках алтайской группы для обозначения меди и упомянутых выше различных сплавов с пей используется более двух десятков наименований.¹⁹ При этом названия, входящие по своему происхождению в одно гнездо слов или восходящие к одному архетипу, могут не совпадать по значению и в одних языках служат для обозначения меди, в других — латуни, в третьих — бронзы или других металлов. В то же время лексические данные позволяют сделать вывод, что для алтайских языков свойственно представление об отличии меди и латуни, т. е. красной и желтой меди, а также бронзы. Перекрещивание значений слов одного

¹⁹ В отличие от П. Аалто, который в своей статье касается вопросов, связанных с одним из финно-угорских названий для меди в широком историко-археологическом плане, мы ограничиваем обзор лексико-семантической характеристикой.

корня в разных языках, как правило, наблюдается именно в данной семантической плоскости, ср.:

общетюрк. **baqır* (**baqir*) 'медь', 'красная медь' — **ǰez* (**jes*) < **ǰas* 'латунь', 'желтая медь';

п.-мо. **ǰes* (**ǰes*), монг. *эс* 'красная медь' — п.-мо. *час* (*čas*), *гаулин* (*gaulin*) 'латунь', 'желтая медь', *күрлз* (*küril*) 'бронза'; ма. *сирил* 'медь' — *тэйшун* 'желтая медь', *шаньдан тэйшун* 'томпак' (*шаньдан* 'белый');

кор. *тонъ* / *донъ*, *жури* 'медь', 'красная медь' — *чхонъ-донъ* 'бронза' (*чхонъ* 'зеленый', 'синий') — *чито* (< кит.) 'латунь' и т. д.

Этимологические экскурсы в отношении названий для меди в алтайских языках обнаруживают или связь их со словами, обозначающими красный цвет, — в наименованиях для красной меди, как это имело место при анализе названий для золота, или ведут к гнездам слов со значением 'белый', 'светлый' — для названий желтой меди, латуни, томпака, или, наконец, позволяют выделить определители со значением 'зеленый', 'синий', 'темный' — в названиях для бронзы.

Так, большинство тюркских языков использует для обозначения меди (вообще, т. е. красной меди) следующую очень близкую фонетические разновидности: др.-тюрк., тур., каз., ног., башк., тат. *бақыр* (*baqır*), куманд., карач. *бақыр* (*baqır*), аз. *пахыр* (*paqır*), чув. *пăхăр*, которое одними авторами считается иранизмом (см. Räs. EW, 58b), другими арабизмом (Ег., 151) и с которым сопоставляется русск. *багр*, *багровый* (Меллес, 177—178), т. е. темно-красный. Дополнительное подтверждение значению этого корня мы находим в нивхском, где наименование для меди и признака «красный» совпадают, ср. нивх. *пăла-красный*, 'медь', также *пăла-ыть* 'медь' (досл. «красное железо», «красный металл»), ср. образительное слово *пăла-баыр* (удвоенная основа с чередующимися губными п/б) 'переливаться красным'.

По-видимому, к этой же группе наименований для меди, связанных с представлением о красном цвете, следует отнести монголо-тюркское название с архетипом **ǰes* (**ǰes*) > общетюркск. **ǰes* ~ *ǰez* (**jes* ~ *jez*) с переобладающим значением 'красная медь' (п.-мо., калм., монг., бур., як.) ~ 'желтая медь' (тюрк.), ср.: п.-мо. *ǰэс* ~ *ǰис* ~ *ǰэд* (*ǰes* ~ *ǰis* ~ *ǰed*), монг. *эс*, бур. *эд* (< **ǰes*), *улаан эд* 'красная медь', калм. *эс* 'медь', 'латунь', *улаан эс*: 'красная медь', *шара эс* 'латунь', 'желтая медь', як. *ǰэс* (< мо.), *ǰэс алтан* парс. 'красная медь';

др.-тюрк. *йез* (*jez*), башк. *эз*, казах. *жез*, тат. *жиз*, алт. *дъэс*, тув. *цес*, чув. *йес* 'латунь', 'желтая медь'.

В тюркском ряду отсутствует якутская форма, вместо которой мы имеем в якутском языке приведенный выше монголизм *ǰэс*. Однако, исходя из гипотетически возможной реконструкции якутской формы в виде **сэс* ~ **сис*, мы считаем возможным сопоставить с тюркскими вариациями названий для красной меди як. *сисии* 'окрашивать в красный цвет', *сисик* 'ольха' (кору которой

употребляли для окрашивания деревянной посуды и кож в красный и бурый цвет), *сисиктэ* 'окрашивать', 'окровавливать' (Пек., 2248—2249).

Пам представляется, что архетип **ǰes* (**ǰes*) является двухморфемным, т. е. восходит к **ǰэ-с* (**ǰe-s*), и, таким образом, корневым элементом является лишь первый слог **ǰэ* (**ǰe*). Это позволяет высказать предположение о том, что к тому же корню восходит наименование антилопы-дзерен и название масти коня — 'рыжий', 'гнедой', ср.:

п.-мо. *ǰэгарэн* (*ǰegeren*), монг. *зэр(эн)*, бур. *зэрэ(н)* 'антилопа-дзерен', 'косуля', ма. *ǰэрэи* 'косуля';

п.-мо. *ǰэгардо* (*ǰegerde*), монг. *зэрдэ*, бур. *зэрдэ*, калм. *эгерд* 'рыжий', 'гнедой' (о масти коня), сюда же ма. *ǰэрдэ морин* 'рыжая лошадь';

др.-тюрк. *йегрэн* (*jegrän*) 'гнедой', 'рыжий' (о коне), башк. *ерэн*, тат. *жирэн*, алт. *өверен*, хак. *чигрен*, чув. *сүрэн*, як. *сийр* 'рыжий', 'гнедой' (о масти коня); сюда же русск. *игреневый*. Ср. очень интересное значение 'медно-красный' в тат. парном сочетании *жирэн-кызыл*. Для тюркских языков Рясянен восстанавливает праформу *jägir-än* (*üägür-än*) ~ *jägrän* (*üägürän*) (Räs. EW, 194b; ср. также Ег., 223; R. KWb, 474b). Пришмая во внимание возможную семантическую связь между 'красный—рыжий—огонь—гореть', к рассматриваемому тюрко-монгольскому ряду можно подключить²⁰ т.-ма. глагольную основу *ǰэгдэ* 'гореть' (см. ТМС, I, 281—282).

Монгольское наименование для латуни **час* (**čas*) сопоставляется с названием 'белый' *ча-чан* (*ča-čan*) (R. KWb), ср.:

п.-мо. *час* (*čas*), монг., калм. *час*, бур. *сад* (< **час*) 'латунь, томпак', сюда же (?) чув. *шавас*, *шус* 'жесть';

др.-тюрк. *чал* (*çal*) 'серовато-белый', 'пепельно-белый', 'чальный', туркм. *чәл* 'серый', 'седой', тат. *чал*, башк. *сал* 'седой', сюда же русск. *чал-ый*. Для тюркских языков, согласно Рясянену, исходной формой является **čäl* (**čäl*) (Räs. EW, 96b).

К этому же корню со значением «белый» следует отнести и п.-мо. *чайр* (*čajr*), монг. *цайр*, бур. *сайр* 'цинк', ср.: калм. *цаһан хала* 'цинк' (досл. белая жесть).

Нетрудно заметить сходство в морфологическом облике мо. *ǰэс* (*ǰes*) 'красная медь' и *час* (*čas*) 'белая медь'. Концевой элемент *-с* (*ǰэ-с*, *ча-с*) позволяет высказать предположение, что здесь мы имеем дело с аффиксальным показателем (возможно, с аффиксом множественного числа?), ср. эвенк. *чйри-ктэ* 'медь' (*-кта* / *-ктэ* — афф. собирательный). Кстати, это наименование для меди, латуни или бронзы широко представлено в тунгусо-маньчжурских языках, ср.:

²⁰ Ср.: Räs. EW, 199b; Ег., 80.

Языки	Золото (красный + металл) (желтый + металл)	Червонное золото (= чистое золото)	Пластина (белое золото)	Серебро (светлый + металл) (белый + металл)	Медь (красная медь) (красная медь)	Латунь (желтая медь)	Бронза (синяя медь)
др.-тюрк. сарык алтын тур.	туң алтун айсын алтын	туң алтун	палтын	күмүш йүрүк күмүш сүмүш	бақыр кызыл бақыр бақыр	йез пиринч/з	тууч тууч/з бронза
туркм. галык тат.	сая алтын саф алтын	сая алтын саф алтын	ая алтын	күмүш көмүш ай көмүш	бақыр уст. бақыр	Уре жиз	бронза чаң
як. кызыл көмүс чүв.	таба ылтды чөбөр алтын сиңир алтын шижир алт(ан) чэсэр алт(ан) Улаан алта(н) шэжэр алта(н) чэсэр алтын	таба ылтды чөбөр алтын сиңир алтын шижир алт(ан) чэсэр алт(ан) Улаан алта(н) шэжэр алта(н) чэсэр алтын	шур ылтды чауан алтан цагаан алт(ан) палтина цабаан алтн	күмүш йүрүк күмүш сүмүш күмүш көмүш ай көмүш үрүк көмүс көмө көмүш чүшүн көмүш монго(н) күрээ(н) саба күрээ монгн кэсүн басгерин мэрүн мэргүн	бақыр уст. бақыр алтан палыр жэс гаули зэс зэд Улаан эд Улаан монгн шар зэс чиримэ алтын	йез пиринч/з	бронза чаң бронза курук гүрел гуулин бронзо күрл
п.-мо. сыра алтын монг.	алтын алт(ан)	алтын алт(ан)	алтын	күмүш йүрүк күмүш сүмүш күмүш көмүш ай көмүш үрүк көмүс көмө көмүш чүшүн көмүш монго(н) күрээ(н) саба күрээ монгн кэсүн басгерин мэрүн мэргүн	бақыр уст. бақыр алтан палыр жэс гаули зэс зэд Улаан эд Улаан монгн шар зэс чиримэ алтын	йез пиринч/з	бронза чаң бронза курук гүрел гуулин бронзо күрл
буур. калм.	алтын алтн	алтын алтн	алтын алтн	күмүш йүрүк күмүш сүмүш күмүш көмүш ай көмүш үрүк көмүс көмө көмүш чүшүн көмүш монго(н) күрээ(н) саба күрээ монгн кэсүн басгерин мэрүн мэргүн	бақыр уст. бақыр алтан палыр жэс гаули зэс зэд Улаан эд Улаан монгн шар зэс чиримэ алтын	йез пиринч/з	бронза чаң бронза курук гүрел гуулин бронзо күрл
эвенк. Адуарун мэрун	алтан айсин алчун	алтан айсин алчун	алтан айсин алчун	күмүш йүрүк күмүш сүмүш күмүш көмүш ай көмүш үрүк көмүс көмө көмүш чүшүн көмүш монго(н) күрээ(н) саба күрээ монгн кэсүн басгерин мэрүн мэргүн	бақыр уст. бақыр алтан палыр жэс гаули зэс зэд Улаан эд Улаан монгн шар зэс чиримэ алтын	йез пиринч/з	бронза чаң бронза курук гүрел гуулин бронзо күрл
ма. чжк.	цзынь цзынь	цзынь цзынь	цзынь цзынь	күмүш йүрүк күмүш сүмүш күмүш көмүш ай көмүш үрүк көмүс көмө көмүш чүшүн көмүш монго(н) күрээ(н) саба күрээ монгн кэсүн басгерин мэрүн мэргүн	бақыр уст. бақыр алтан палыр жэс гаули зэс зэд Улаан эд Улаан монгн шар зэс чиримэ алтын	йез пиринч/з	бронза чаң бронза курук гүрел гуулин бронзо күрл
кит. кор. халх-бодж	цзынь кыла	цзынь кыла	цзынь кыла	күмүш йүрүк күмүш сүмүш күмүш көмүш ай көмүш үрүк көмүс көмө көмүш чүшүн көмүш монго(н) күрээ(н) саба күрээ монгн кэсүн басгерин мэрүн мэргүн	бақыр уст. бақыр алтан палыр жэс гаули зэс зэд Улаан эд Улаан монгн шар зэс чиримэ алтын	йез пиринч/з	бронза чаң бронза курук гүрел гуулин бронзо күрл

эвенк., нап., ульч., орок. *чйриктэ*, эвен. *чйрит*, арм. *сйрат* (<*чйриктэ), иег. *чйиктэ* ~ *чииктэ* (<*чйриктэ), ма. *сирин* 'медь', уд., орок. *чйктэ* 'медь' (красная) ~ 'латунь', 'бронза'.

Указанные тунгусо-маньчжурские наименования восходят, вероятно, к тому же корню, который представлен в монгольских и в маньчжурском языках в следующих фонетических разновидностях:

п.-мо. *сирн* (*siri-*), монг. *ширэ* 'закаливаться', п.-мо. *сиригэ*, *сиригул* (*sirige*, *sirigül*), монг. *ширэ*, бур. *шэрэ* 'закалять' (металл), ср. ма. *шэрэ* 'раскаляться' (докрасна, добела — о металле), *шэрэбу*, *шэрэмбу*, *шэринг'э* ~ *шэринг'а* 'раскалять', 'накалять'.

Намечается еще ряд направлений для этимологического анализа наименований меди, которых здесь мы можем лишь коснуться.

Так, например, др.-тюрк. *туң* (*tūñ*), тур. *туңч/з* (*tunç/c*) 'бронза' сопоставляется (Räs. EW, 499b) с т.-ма. 'свинец', 'олово', ср. эвенк. *тужа*, эвен. *туз* (очевидно, исходя из второго компонента, входящего в сплав бронзы помимо меди).

В ряде случаев, как, например, в як. *чаң* ~ *чяң* 'бронза', 'сплав красной меди и олова', этимологические нити протягиваются к наименованиям тех или иных металлических изделий, ср. др.-тюрк. *чаң* (*çan*) 'колокольчик', 'ударный музыкальный инструмент — тарелки' (<перс., Räs., EW ~ <кит.?, ДТС).

Весьма возможно, что представление о металле связано с представлением о чем-то твердом и звенящем, ср. як. *тоң* 'звук бубна', *тоң* 'крепкий', 'мерзлый' и (?) 'чистый' — *тоң күмүс* 'чистое серебро', ср. др.-тюрк. *туң алтун* 'червонное золото'.

Среди наименований меди в алтайских языках имеются и заимствования из индоевропейских языков, например:

тур. *пиринч/з* (*pirinç/c*) 'бронза' (<перс., Räs. EW), тур. *бронз* (*bronz*) (<фр. ~ итальянск.), тат. *бронзо* (<русск.).

Некоторые наименования для меди и ее сплавов пока не этимологизируются. Сюда относятся:

п.-мо. *гаулин* — *гуулин* 'желтая медь'; п.-мо. *күрим* ~ *күрел* ~ *күрел* 'бронза', кор. *жури* 'медь'; эвенк. *чучин* ~ *чучун* 'медь' (ср. *чучун* 'скребок'); ма. *тэйшун* 'желтая медь'; эвен. *геган* 'желтая медь' (ср. мо. *гилай* 'блестеть', эвен. *гилтан'а* 'белый', 'блестящий').

II. НАЗВАНИЯ ОЛОВА, СВИНЦА, ЖЕЛЕЗА, ЧУГУНА, ЖЕСТИ, СТАЛИ, АЛЮМИНИЯ, РТУТИ

О л о в о и с в и н е ц. Названия таких цветных металлов, как олово и свинец, рассматриваются нами параллельно, так как в алтайских (и не только в алтайских) языках они нередко обозначаются одним и тем же словом. Следовательно, одно и то же наименование, в сущности, служит для выражения нерасчленимого понятия 'олово-свинец'. Если же необходимо точно ука-

зять, о каком именно из этих двух металлов идет речь, чаще всего используются определения 'белый, светлый' для наименования олова и 'черный, темный' — для свинца (см. ниже).

Для обозначения олова и свинца в языках алтайской общности служат преимущественно варианты пяти различных наименований, исходный облик которых может быть представлен в следующем виде: **коргалжин* / *korɣalʒin*, **калай* / *kalaj*, **тугылган* / *tuɣulɣan*, **түҗә* / *tūʒa*, **марш*.

Разнообразные фонетические варианты первого из приведенных названий — **коргалжин* / **коргалжин* — представлены в ряде монгольских языков и в подавляющем большинстве (исключение — чувашский) языков тюркских, хотя в отношении последних оно рассматривается как заимствование из монгольских языков. Что же касается тунгусо-маньчжурской группы, то это наименование известно в восточном диалекте эвенкийского языка в качестве якутизма.

Вторая группа наименований, восходящих к прототипу *калай* / *kalaj*, также является достоянием тюркских и монгольских языков, но в отличие от первой эти названия в монгольских языках принято считать тюркизмами.

Типичными же для монгольских языков обозначениями олова и свинца, по-видимому, являются слова, производные от праформы **тугылган*. Из тюркских сюда прирывает лишь чувашский.

Что касается тунгусо-маньчжурских языков, для них характерными названиями олова и свинца являются варианты, возводимые к исходной форме четвертого из указанных выше слов, а именно **түҗә*, которое на тюркской почве представлено со значением 'бронза' или 'латунь'. Последнее, по-видимому, связано с тем, что олово и свинец являются компонентами медных сплавов (свинец — в бронзе, олово — в латуни).

С исходной формой **коргалжин* / **коргалжин* 'свинец—олово' полностью совпадает п.-мо. *qorɣalʒin*, приводимая Рамstedтом (R. KWb, 187b). К ней восходят как калм. *xorɣoldʒu*, так и монг. (халх.) *xorɣol(жин)*. Для ср.-мо. имеется два варианта написания *qorɣarʒin* ~ *qorqarʒin*, совпадающие с чагатайскими (МА, 303a). Во всех упомянутых монгольских источниках основное значение — 'свинец', калм. также 'свинцовая пуля'. С присоединением определения «белый» это слово означает 'олово', ср.:

калм. *tsarɣan xorɣoldʒu* 'олово' — *xar* 'свинец';
монг. *цагаан хорголж(ин)* ~ *цагаан тугалга(н)* 'олово' — *хорголж(ин)* ~ *хар тугалга(н)* 'свинец'.

Для тюркских языков Ряснен в качестве исходной формы приводит *коргалжин* / *korɣalʒin*, хотя и считает это слово монголизмом (Räs. EW, 282a, b). Многие тюркские формы довольно далеко отошли от предполагаемого прототипа. Наиболее близкими монгольским являются туб. лэб. *korɣolʒin*, сойот. *korɣulʒin* и особенно як. *xorɣolʒun* ~ *xorɣolʒun* ~ *xorɣolʒun*.

При этом в якутском в отличие от других тюркских языков в качестве исходного приводится значение 'олово', а не 'свинец'. Впрочем, как и в калмыцком, семантика слова уточняется путем постановки соответствующего определения, ср.:

як. *ǰрǰу хорɣолʒун* (= *бурут* < рус.) 'олово',
як. *хара хорɣолʒун* (= *sibiniäs* < рус.) 'свинец'.

Отметим также, что як. *xorɣolʒun-на-* означает 'покрывать что-л. оловом'.

Приведен варианты интересующего нас названия для свинца, представленные в других тюркских языках, в порядке нарастающей наибольших отклонений от исходной формы:

кач. *корбанʒыла* / *korɣanʒil*, хак. *хорбанʒыла* / *ɣorɣanʒil*, шор.-саг. *корбаʒын* / *korɣaʒin*, саг. *корбулчун* / *korɣulʒun*, тел. *корбожын* / *korɣoʒin*, алт. *корбајын* / *korɣajin*, чаг. *корбашун* / *korɣaʒun*, кирг. *коргошун* ~ *коргошум*, каз. *курбашын* / *kuɣaʒin*, башк., тат. *курбаш* / *kuɣaʒ*, тур. *куршун* / *kuɣʒun*, туркм. *гуришун* / *guriʒun*, азерб., др.-тюрк., тур. *кошун* / *koʒun*.

В отношении тунгусо-маньчжурской группы выше уже было отмечено наличие заимствованного из якутского наименования для олова в восточно-эвенкийских говорах (ТМС, I, 414б):

эвенк. *корголаʒун* (< як.) Алд, Сх, Тмт, Члм (*колголаʒун* Учр, *корголаʒун* Сх, *корголаʒун* Учр, *кэргэлʒун* Урм).

Этимология слова *коргалжин* / *korɣalʒin* ясна. Исходная форма, как уже указывалось, тождественна письменно-монгольской, и морфологический состав ее имеет вполне монголообразный вид, напоминающая прежде всего существительные типа *гурбалжин* / *ɣurbalʒin* 'треугольник' (*гурбан* 'три' + *лжин*). К сожалению, Рамstedт не членит п.-мо. *коргалжин* / *korɣalʒin* на морфемы. Мы, со своей стороны, можем предложить предварительно два этимологических варианта:

а) п.-мо. *коргалжин* / *korɣalʒin* < **корбан* / *korɣan* 'расплавленное сало, жир' + афф. *-лжин*, т. е. букв. 'плавленный';

б) п.-мо. *коргалжин* / *korɣalʒin* < **коргаал* / *korɣal* 'похоть' (овен, верблюдов) + афф. *-лжин* / *-lʒin*, т. е. букв. «катышкообразный».

Довольно однообразные фонетические варианты слова, которое в имеющихся этимологических словарях приводится в форме *калай* / *kalai* (Егоров, Ряснен), широко представлены в тюркских языках с преобладающим и, по-видимому, исходным значением 'олово', в единичных случаях — 'свинец', иногда также 'полуда', реже — 'жесть'. ср.: алт., башк., калп., кирг., кумык., тат., тур., чаг. (Räs., EW), чув. *калай* / *kalai*, казах. *калайы*, уйг. (Ег.) *калай*, азерб. *галай*, турки. *галайы* 'олово'; туркм. 'жесть' (чув. 'белая жесть'), кумык. 'свинец', алт., тур. дополнително 'полуда', кирг. в эпосе — 'металл'; сюда же сойот. *хуја* 'зубная эмаль'.

Значения 'полуда' и 'жесть' тесно связаны с представлением об олове, как металле, который используется при лужении, т. е.

панесении слоя олова (полуды) на листовое железо или сталь, в результате чего и получается жечь, которая в ряде языков называется «белым железом» (см. ниже).

В связи с физическими свойствами олова, в частности с его светлым блеском, сходным с блеском такого благородного металла, как серебро, в ряде тюркских языков развились переносные значения, ср. тур. *kalay* 1) олово, полуда; 2) внешний, ложный блеск; мишура; 3) фиг. выговор, упрек (Тур. сл., 519), также кирг. *калай-ла* 1) покрывать оловом; 2) перен. делать что-л. только для вида (напр., не из серебра, а под серебро); делать непрочно (Кирг. сл., 3295). Поэтому нельзя не согласиться с Пикарским, который сопоставил як. *халай* в парном словосочетании *kiläi=халай* 'блестящий' (об украшениях) с тюрк. *калай* (Пек., 3257). С другой стороны, в татарском языке, где *калай* означает 'жечь', у глагола *калай-ла* отмечаются не только значения 'обить', 'покрыть жесью, листовым железом', но также устарелое 'лудить' (Тат. сл., 2146).

В монгольских языках это слово представлено в п.-мо. и калмыцком. При этом Рамstedт считал, что п.-мо. *qalai*, калм. *χalā ~ χalā* 'листовое железо' (R. KWb, 162a) пришло из тюркских языков, где оно, в свою очередь, является заимствованным неизвестного происхождения (*qalai < it̄. qalai. . . < ?*). Кроме того, Рамstedт предполагал, что из монгольских языков это слово в форме *калан / kalan* проникло в тунгусский язык, но уже в значении 'котел'. Егоров по поводу тюркских форм *калай* и т. д. (см. выше) отметил в свою очередь, что «это слово в значении 'олово' встречается во многих языках и вне тюркской группы, например в греч. (*χalai*), перс., а также в кавказских языках (груз. *кала*, осет. *к'ала*)» и что «по изысканиям Шрадера и Абаева его первоисточником является название города Qualah на полуострове Малакка, где с древнейших времен в большом количестве добывалось олово (Абаев. Эсл., 617)» (Ег., 86).

Рясянен вслед за Рамstedтом также отмечает, что *qalai* в монгольских языках — тюркизм (Räs. EW, 225a). Вместе с тем Рясянен делает интересную попытку поставить тюрк. *калай* в связь с тур. (осм.) *kal* 'плавление, очистка металлов путем плавки' (сюда же тур. *kal et(mek)* 'плавить', 'очищать металл', *kalci* 'штамповщик по металлу', — В. Ц., Т. Б.). С другой стороны, Рясянен (Räs. EW, 224a, b) тюркский (чаг., казах., алт., тел.) глагол *кала-* 'зажигать', 'жечь', 'калить' возводит к п.-мо. *qala-* 'становиться теплым', так же как и як. *халан < мо. qalaγun* 'горячий'.

Действительно п.-мо. *хала-*, монг., бур. *хала-* означает 'греться', 'нагреваться', 'обжигаться'. От этой глагольной основы образуется побудительная форма — п.-мо. *халаγа-*, монг., бур. *халаа-* 'греть, нагревать, накалывать, обжигать', сюда же — бур. *халаамал* 'нагретый', 'разогретый', *халаахан* 'накаленный', 'раскаленный'.

Принимая во внимание, что в тюркм. *гала:йы* 'олово', 'жечь' гласный *a* второго слога — долгий (*a: ~ ā*, Тюркм. сл., 145а, б), можно высказать предположение, что тюркская праформа должна быть реконструирована также с долгим гласным второго слога, т. е. в виде **калайы / *kalāji* вместо обычно до сих пор приводимой *калай / kalai* 'олово', 'жечь'. Кстати, отметим, что долгота гласного в тюркм. *гала:йы* как будто бы находит поддержку в як. *халай ~ ? халыан* 'горячий', 'дикий' (о лошади) (Пек., 3257, 3273). В таком случае в тюрк. **калайы / *kalāji* мы вправе видеть древнее образование от глагольной основы в побудительной форме типа мо. **калаγа-* +афф. *-йы / *калаγа-* +афф. *-ji*,²¹ т. е. букв. «нагретый», «накаленный» = «олово» (применяя олово для лужения или паяния, его нагревали, плавяли).

Туркменская, а также азербайджанская формы наименования для олова отличаются от форм других тюркских языков наличием слабого (~ звонкого) согласного *g* в аффикате (тюркм. *галайы*, аз. *галай*). Это дает нам право в соответствии с гипотезой Иллича-Свигица²² предполагать, что здесь мы имеем дело с отраженным придыхательного инициального гуттурального **k'/*k'*. Таким образом, реконструируемая нами праформа представляется в виде **k'ала-γа-йы / *k'ала-γа-ji > k'алā-йы / k'алā-ji*.

В связи с вопросом о возможной этимологии тюрко-монгольского **k'алā-йы / *k'алā-ji* 'олово' ~ 'жечь' помимо приведенного выше монгольского глагола *кала-γа-* / *кала-γа-* 'греть', 'накалывать' интерес представляет еще один монгольский глагол, а именно п.-мо. *хайла-*, монг., бур. *хайла-* 'плавиться', 'расплавляться', 'таять': глагольная основа *хайла-* при сравнении с имеющей *калай* 'олово' воспринимается как вариант с метатезой гласного *й (i)*, т. е. *калай / kalai > кайла-* / *kaila-*. Примеры подобной метатезы в маньчжурском и монгольском (халха) языках известны,²³ ср.: ма. *айсу / aisi* 'польза', 'выгода' < **асу / *asi < *асуг / *асиγ* = п.-мо. *асиγ*, монг. *ашиг* — др.-тюрк. *асиγ*.²⁴

Третья группа наименований олова или свинца представлена в монгольских языках и в некоторых тунгусо-маньчжурских (маньчжурский, нанайский, ульчский). Из тюркских языков здесь может быть назван чувашский.

²¹ Аффикс *-(ā)ы*, «известный в тюркских языках юго-западной группы и в некоторых других, заимствован из иранских языков, где он является одним из продуктивных показателей отыменного словообразования» (Севортян. Афф. им., с. 157), не может быть сопоставляем с приведенным нами, так как он парадигматизируется на именном основе. Ближе по функции тюрк. афф. *-ы*, который, однако, неизвестен в вариантах с *-ā(-j-)*. См.: там же, с. 289, 257—263.

²² Иллич-Свигиц В. М. Алтайские гуттуральные **k', h, g*. Этимология. 1964. М., 1965.

²³ См.: P. Vergl., 140—141.

²⁴ Сводку фонетических, семантических, этимологических и библиографических данных по приводимому примеру — ма. *айсу*, монг. *ашиг* и др.-тюрк. *асиγ* см.: Севортян, ЭТЯ, с. 196—197.

Наиболее полной в фономорфологическом плане является для монгольских языков форма п.-мо. *tuγülγa(n)* 'олово' ~ 'свинец'. Для уточнения значений ставится определение 'белый' (олово) или 'черный, темный' (свинец):

п.-мо. *ᠵаγūn tuγülγan*, монг. *цагаан тугалга(н)*, бур. *сагаан туулган* 'олово';

п.-мо. *хара туγүлγан*, монг. *хар тугалга(н)*, бур. *хара туулган* 'свинец'.

В бурятских словарях лексема *туулга(н)* приводится не только в значении 'свинец', но также 'слабительное' (ср. бур., монг. *туула-* 'слабить'). Заслуживает внимания также использование в качестве определений вместо прилагательных *сагаан* 'белый' или *хара* 'черный' существительных *зонин* 'овца' и *укэр* 'вол, корова', а именно *зонин* (или *сагаан*) *туулга(н)* 'олово', *укэр* или (*хара*) *туулга(н)* 'свинец'. Если омонимы *туулга(н)* 'свинец' и 'слабительное' восходят к одному корню *туула-* 'слабить', то этимологически мо. **туγүлган* 'олово' ~ 'свинец' связывается со вторым из высказанных нами выше вариантов трактовки: мо. **коргалжин* 'свинец' ~ 'олово' < 'катышкообразный'.

Тунгусо-маньчжурские данные (ТМС, II, 1926) предполагают для монгольских языков праформу с глухим заднеязычным, а именно **тукулган* ~ **токолгон*, ср.:

Нап. Бик *тохологон* 'свинец', ульч. *тохордо(н-)* (< **токолгон*) 'олово', ма. *тохолон* 'олово', *тохолон мука* 'ртуть'.

К приведенным монголо-тунгусо-маньчжурским обозначениям олова, по-видимому (Ег. 240), тяготеет чув. *тэхлан* 'олово', хура *тэхлан* 'свинец'.

Для большинства тунгусо-маньчжурских языков характерны названия для свинца и олова, восходящие к праформе **туᶑа* ~ **түᶑа* (см. ТМС, II, 2056):

эвенк. *тᶑа* ~ *түᶑа* 'свинец', 'олово', эвн. *туᶑ* 'олово', пег., нап. *таᶑа* 'свинец' (пег. также 'олово', нап. 'грузило'), ороч., уд., ульч. *туᶑа* 'свинец', 'олово' (ульч. также 'грузило'), орок. *түда* (< **туᶑа*) 'свинец'.

С этим наименованием для 'свинца' ~ 'олова' сопоставляется (Räs. EW, 499b) название бронзы в древнетюркском и турецком языках: др.-тюрк. *tuᶑ*, тур. *tunç* 'бронза'.

По-видимому, сюда же следует отнести чув. *туй* 'бронза', 'латунь': — «Слово неизвестного происхождения, в тюркских языках мы не нашли родственных слов, таковые имеются только в языках марийском (*той*) и в удмуртском (*туй*)» (Ег. 255).

Весьма вероятно, что пивх. *т'ать* 'олово' также связано с этой разновидностью названия для олова ~ свинца.

Следствия из сравнительно широко распространенных групп названий олова ~ свинца характерна для тунгусо-маньчжурских языков Приамурья и для маньчжурского языка (ТМС, II, 169а). На основании имеющихся данных тунгусо-маньчжурские разновидности восходят к праформе *таршин*, ср.:

эвенк. *тарчи* 'олово', пег., орок. *татчи* (< **тарчи*) 'свинец', 'олово', 'алюминий', нап. *тарчи(н-)* 'свинец', 'алюминий', ороч. *такси* ~ *татти* 'олово', уд. *такчи* 'свинец', ма. *тарчан* 'свинец'.

В маньчжурском языке наименование свинца служит определением для ряда существительных — наименований тех или иных предметов из свинца (З., 714б): *тарчан мухал'ан* 'свинцовая пуля', *тарчан и ируку* 'свинцовое грузило', *тарчан и суэси* 'свинцовая палочка, заменяющая грифель'; сюда же *тарчан нэму* 'свинцовые рудники'.

Железо. Для обозначения железа в алтайских языках служат наименования, восходящие к двум различным прототипам. При этом фонетические разновидности одного из них, а именно *тамыр / темür*, представлены в тюркских и монгольских языках, тогда как варианты второго — *сэлэ / селе* характерны для тунгусо-маньчжурских.

В древнетюркских памятниках наименование для железа зафиксировано в двух параллельных формах — с неогубленным и огубленным узким гласным второго слога (ДТС, 551):

temir ~ *temür* 'железо', *temürči* ~ *temürči* 'кузнец', *temirliḡ* ~ *temürliḡ* 'железный', 'имеющий железо', сюда же — *temürkän* 'наконечник стрелы', *temürlik* 'место, где плавят железо'.

Для большинства тюркских языков, судя по имеющимся данным (РСЛ., III, 4124; Ег., 252; Räs. EW, 473a), свойственны формы с неогубленным гласным, ср.:

алт., казах., ккап., ног., узб. *темир*, як. *tämür* ~ *timür*, хак. *тимир*, башк., тат. *тимер*, чув. *тимёр*, аз., тур., туркм. *демир / demir*, сар. *тебір*, шор. Леб. *тәбір*.

Для монгольских языков могут быть приведены следующие варианты: ср.-мо., п.-мо. *temür*, монг. *төмөр*, бур. *түмэр*, калм. *tömyr*.

Тюркское и монгольское название для железа Г. Рамstedтом этимологизируется как заимствование из древнекитайского: **t'et-mür* < **t'et-er-mür* (R. АКЕ, 19); ср. по Карлгрену *t'iet-miuaet*. Таким образом, реконструируемое сложное слово — бипом **тэ-мүр* буквально означало когда-то 'железное вещество' или, скорее 'железный предмет', 'железное изделие', 'изделие из железа'. Для сравнения приведем аналогичные словосочетания в корейском и современном китайском произношении при тождестве иероглифического написания:

кор. *чхальмуль* (*чхаль-муль*, кор. *чхаль* 'железо') 'железный предмет', ср. кор. *чхальчхо* 'железный материал', 'железо'; кит. *те у* 'железное изделие'.

В связи с предлагаемой этимологией тюрко-монгольского названия для железа обращает на себя внимание, что это слово, как, впрочем, и названия других металлов, означает не только 'железо' или в роли определения 'железный', но также и какое-либо изделие, вещь, предмет, сделанный из железа. В некоторых

словарях приводятся, помимо двух первых значений, т. е. 'железо', 'железный', также и третье — какой-либо 'железный предмет'. В качестве иллюстраций приведем соответствующие выдержки из монголо-русских и тюрко-русских словарей:

монг. *тэмор* 1) железо, жечь; редко металл; 2) ист. железная цепь с шейником (орудие пытки); 2) железный; жестиной (Монг. сл., 417б).

Приведенное в словаре значение 'железная цепь' настолько характерно для монг. *тэмор*, что оно отмечается и для производных от указанной импной основы глаголов, ср.:

монг. *тэмор-до(х)* 1) обделывать что-л. листовым железом; укреплять железом; 2) ист. заковывать кого-л. в железную цепь с шейником (там же).

Не менее выразительны значения, приводимые в турецко-русском словаре: *demir* 1) железо; 2) якорь; 3) железная часть какого-л. инструмента; 4) железный (Тур. сл., 232).

Семантика «железо» = «якорь» достаточно закреплена и находит свое отражение в форме обладания с афф. *-li*, ср.: *demirli* 'стоящий на якоре' (там же).

Значение 'оковы' прослеживается в киргизском языке, ср.: *көк темир салды колума* 'на руки мне наложили оковы' (Кирг. сл., 722а—723б). Кроме того, в киргизском языке в семантику слова *темир* входит и наконечник копья, ср.: *темир* 1. железо; *көк темир* сталь; 2. (в эпосе) металл; 3. железно копья, наконечник копья; *кээсинде темири жок, жалаң каска* 'у некоторых нет наконечников, а только древно' (там же).

В якутском языке в значении «оковы» употребляется слово «железо» с аффиксом мн. числа — *тiмiр-дiйр* 'железа', 'оковы, цепи'. Для же семантика, как и в монгольском, прослеживается в глаголе *тiмiр-дiй-* 'ковать, оковывать железом'; 'заковывать в железо, заключать в оковы' (Шек., III, 2672—2673).

Наличие согласного *ʒ/d* в афлауте туркменского, азербайджанского и турецкого названий для железа как будто бы свидетельствует в пользу непродыхательного характера этого переднеязычного в исходной форме.

Как уже отмечалось выше, тунгусо-маньчжурские языки в отличие от монгольских и тюркских характеризуются употреблением для обозначения железа варпантов слова с прототипом **сэлэ*; **селе* (ТМС, II, 140), ср.: эвенк., сол., нег., орок., уд., ульч., орок., ма. *сэлэ* / *селе*, сюда же чк. *séh-léh* 'железо'.

В шакающих говорах южного диалекта эвенкийского языка (подкаменно-тунгусские, сымские, северо-байкальские эвенки), где *c-/h-* название для железа соответственно имеет форму *шэлэ* / *шеле*.

В шакающих говорах северного и восточного диалектов эвенкийского языка, где *c-/h-*, наименование этого металла приняло форму *хэлэ*. Поскольку в эвенском языке, за исключением арманского диалекта, афлаутное *c* > *h-*, а конечный гласный второго

слога отпадает, то *сэлэ* > *хэлэ* > эвен. *хэл*. И, наконец, вследствие исчезновения афлаутного *h* в говоре быстринских эвенков на Камчатке возникает *эл* / *ел*.

Суммарно эвенкийские формы могут быть представлены в виде варпантов *сэлэ* ~ *шэлэ* ~ *хэлэ*, эвенские — *хэл* ~ *эл* (Камч. Быстр.) ~ *сэл* (Арм.).

С названием для железа в тунгусо-маньчжурских языках связаны наименования изделий из этого металла. Здесь прежде всего следует отметить кольчугу или панцирь, а именно: эвенк. *сэлли*, *сэлливун*, *сэлми* ~ *хэлми* ~ *хонмэ*, нег. *сэлэжа*, *сэлэси*, ульч., орок. *сэлэсу*, нан. *сэлэсу(н)* 'кольчуга, панцирь'.

В маньчжурском и солонском, а также в монгольских языках (маньчжуризм) от основы наименования для железа образовано название для меча, сабли, ср. сол. *сэлэм*, *сэлэмэй* 'сабля', ма. *сэлэму* ~ *сэлэмэ* 'меч', п.-мо. *seleme*, монг. *сэлэм* ~ *сэлэмэн* 'сабля', 'меч', 'шашка', калм. *selmэ* 'меч', 'палаш', бур. *хэлмэ* 'меч', 'сабля', 'шашка', 'клинок'.

В отношении тюркских языков аналогичное приведенным выше наименование холодного оружия типа меча, сабли и т. д. Ряснен (Räs. EW, 409a) рассматривает как монголизм, ср.:

тув. (сойотск.) *сэлэмэ* / *seleme* 'сабля, клинок, шашка', кирг. *селäбä* / *seläbä* 'сабля'.

В киргизско-русском словаре К. К. Юдахина (М., 1965, с. 642, а) *селебе* приведено со значением 'меч', 'сабля' с отметкой: *в эпосе*.

В эвенкийском и эвенском языках от основы наименования для железа образованы при помощи суффикса *-рүк* существительные со значением вместилищ для металлических предметов — слесарных инструментов и пр., ср.:

эвенк. *сэлэрүк* ~ *хэлэрүк* 'ящик, чехол для хранения слесарных инструментов', эвен. *хэлэрүк* (*элэрүк* Камч. Быстр.) 'сумка, ящик для хранения металлических предметов'.

В фольклоре тунгусо-маньчжурских народностей имеются персонажи, имена (~ прозвища) которых ассоциируются с представлением о железе, ср.:

эвенк. *сэллилэн*, *хэлмилэн* 'одетый в кольчугу, панцирь', эвен. *хэлэргун* Ох 'человек в железном одеянии', уд. *сэлэмэгэ* 'имя сказочного существа, поедающего железо', ма. *сэлэжэн* 'мифическое название зверя, питающегося железной рудой'.

Что касается этимологических поисков в отношении тунгусо-маньчжурского названия для железа, то прежде всего необходимо отметить разные точки зрения на связь между самим наименованием этого металла (*сэлэ*) и холодного оружия (*сэлэмэ* и т. д.).

Так, если для Н. Поппе (P. Vergl., 29, 125) связь между монгольским *seleme* 'сабля' и аналогичными ма. *сэлэмэ* / *сэлэму* 'меч', эвенк. *сэлэмэ* 'железный' с ма., эвенк. *сэлэ* 'железо' представляется бесспорной, то Рамstedт (R. KWb, 323a) и Ряснен (Räs.

EW, 409a) идентифицируют лишь названия оружия, но ставят под знаком вопроса отношение этих наименований к обозначению железа (*сэлэ / селе*). Вместе с тем Рамstedт сопоставляет тунгусо-маньчжурское (~ тунг.) *сэлэ / селе* 'железо' с афг. *села* 'пика', 'рапира', 'длинный меч', которое в свою очередь отмечает как индийское заимствование.

Учитывая имеющиеся в тунгусо-маньчжурских языках аффиксы, с помощью которых от именных основ образуются новые производные имена, можно высказать предположение, что формы типа мо. **сэлэ-мэ / селе-те* или ма. *сэлэ-мэ* восходят к субстантивированным именам прилагательным типа эвенк. или нан. *сэлэ-мэ* 'железный', 'сделанный из железа'. Аналогичным образом эвенк. *сэл-ми* ~ *хэл-ми* > *хон-ми* получает свое разъяснение при помощи эвенкского аффикса *-ми*, который образует отыменные названия предметов по материалу, из которого они сделаны, ср. эвенк. *мб-ми* 'лодка' от *мб* 'дерево'.²⁵ Менее ясны эвенкийские и прочие формы типа эвенк. *сэл-ли*, сол. *сэл-ди*, ульч., орок. *сэлэ-су*. Солонское *сэл-ди* позволяет предполагать в эвенк. *сэл-ли* форму, восходящую к **сэл-ли*, которая в свою очередь может быть сопоставлена с ульско-орокской *сэл-су*. По нан. афф. *-со / -су* образует прилагательные от глагольных основ.²⁶

В связи с рассматриваемыми выше наименованиями для кольчуги или панциря следует отметить, что нан. *сэлэ-сү* ~ *сэлэ-сү* означает также щит для защиты от стрел. Что же касается эвенкийского языка, то для формы *сэлми*, представленной на Подкамненной Тунгуске и Непе, при переводе 'кольчуга, панцирь' дается разъяснение: «из папшых на ровдугу металлических или костяных пластинок».²⁷ Далее, если форма *сэлми* в баргузинском говоре означает «металлические доспехи», то ее спирантизированный вариант *хэлми* приводится со значением «мужской нагрудник, вышитый бисером».²⁸

Тунгусоведами в связь с наименованием железа ставятся также названия таких рек, как Селенджа, ср. эвенк. *сэлэ-жэ* З, Урм 'железистая' и Селенга, ср. эвенк. *сэлэ-нэ* ~ *сэлэ-нэ* 'местность, богатая железом'.

Что касается возможностей этимологической интерпретации самого тунгусо-маньчжурского названия *сэлэ* 'железо', то И. Шмидт²⁹ считал возможным сопоставлять его с кор. *чхэль*.

²⁵ Василевич Г. М. Эвенкийско-русский словарь. М., 1958, с. 376а; см.: Пинциус В. Л. Очерк грамматики эвенкского (ламутского) языка. Л., 1947, с. 68, § 26, 3.

²⁶ См.: Петрова Т. И. Нанайско-русский словарь. Л., 1960, с. 234—235.

²⁷ Василевич Г. М. Эвенкийско-русский словарь, с. 376а.

²⁸ Там же, с. 506б.

²⁹ Schmidt P. Chinesische Elemente im Mandschu. — Asia Major, v. VIII, fasc. 3, p. 386.

О сопоставлении наименования железа с афг. *села* Рамstedтом говорилось выше.

Исходя из данных самих тунгусо-маньчжурских языков, в частности языка нанайского, можно было бы наименование железа считать двухморфемным и состоящим из корневой морфемы *сэ- / со- / су-* со значением 'красный' ~ 'оранжевый' ~ 'коричневый' и аффикса *-ла / -лэ*, указывающего на неполноту степени проявления признака.³⁰ В таком случае *сэ-лэ* 'железо' дословно означало бы 'красноватый', 'буроватый', ср. нан. *нэктэ* 'низко' — *нэктэ-лэ* 'низковато'.

Но вопрос в пользу такой трактовки слова *сэлэ* 'железо' остается открытым в связи с тем, что в имеющихся данных по нанайской огласовке интересующих нас корневых слов со значением 'красный', 'оранжевый', 'коричневый' у одних авторов гласные отмечаются во всех случаях как долгие.

У других же они приводятся и как долгие, и как краткие. Так, в словаре Т. И. Петровой долгота обозначается постоянно: *сэ-гден* 'красный', *сэ-где-лэ бй* 'красноватый', *сэ-лэ бй* 'красноватый', 'розовый', *сэ-м*, *сэ-мди* 'красно', *сэ-м бй* 'красный', *сэ-мди* — *сэ-мди бй* 'красно-желтый'.³¹ В работе же Н. В. Киле в одних случаях отмечается долгота, в других она отсутствует, ср.: *сэ-йгди* 'пребывая в относительном покое будучи пушковым-красным', *сэл-сэл* 'развеваясь будучи красным', *сэл-н'бл* 'то красным, то синим зарубцовываясь (о ране)', *сэм*, *сэмди* 'ментально покраснеть' и т. д.³²

Ч у г у п. Наименования для чугуна в алтайских языках в этимологическом плане могут быть подразделены на две подгруппы. В первую входят названия чугуна как продукта плавки руды, являющегося исходным «сырьем» для получения железа. Эта группа названий построена по модели «сырое (необработанное) железо». Ко второй подгруппе относятся названия чугуна как такового. Они созданы по модели «литье», «литое железо».

Модель «сырое — необработанное железо» соответствует ма. *жхун сэлэ* 'чугун'. По-видимому, в маньчжурском языке это название является калькой с китайского, ср. кор. *сэмхэль* 'чугун' (досл. *сэм* 'сырой, необработанный' + *хэль* 'железо'), кит. *шэнте* 'чугун' (досл. *шэн* 'сырой' + *те* 'железо'). Впрочем, такая модель свойственна и европейским языкам, ср., например, нем. *Roh Eisen* 'чугун', 'сыродутное железо', 'передельный чугун'.

Модели «литье», «литое железо» следуют названия чугуна в монгольских и некоторых тюркских языках, ср.:

³⁰ Петрова Т. И. Нанайско-русский словарь, с. 232.

³¹ Петрова Т. И. Нанайско-русский словарь, с. 121—122.

³² Киле Н. В. Образные слова нанайского языка. Л., 1973, с. 160—162.

п.-мо. *sirimel temür* 'чугун' (досл. «литое железо»), монг. *шэрэм*, бур. *шэрэм*, калм. *širm ~ širmu* (Р. KWB, 361) 'чугун' (досл. «литые», «литой»);

тур. *dökme demir* 'чугун' (досл. «литое железо»).

Этой же модели следует нем. *Guß Eisen* 'чугун'.

В преобладающем большинстве тюркских языков, а также в калмыцком языке для обозначения чугуна служит слово, происхождение которого до последнего времени оставалось загадочным. Рамстедт в своем калмыцком словаре триады приводит название для чугуна. Одно из них совпадает с монгольским и бурятским и указано нами выше. Второе — *tsö* Рамстедт предположительно возводит к ? *šöge* и, восстапавливая в форме **söi*, сопоставляет с кумандинским *söi*, тел. *söi*, тар. *sö* и русск. *чугун* (Р. KWB, 432b). Третье калмыцкое обозначение чугуна *çara tsö* (Р. KWB, 168a) представляет собой словосочетание со словом «черный», т. е. дословно значит «черный чугун». В русско-калмыцком словаре (М., 1964) в значении «чугун» приводится калм. *çö*, «чугунный» — *çөөһин*.

М. Ряснен в своем «Опыте этимологического словаря тюркских языков» не только сгруппировал большую часть тюркских данных по интересующему нас наименованию чугуна в двух словарных статьях, помещенных одна вслед за другой (Räs. EW., 113b), но и этимологизировал их. При этом формы первой статьи — тел. *šoj ~ šoj*, саг., койб. *soj*, сойот. *šoj*, куманд. *šöj*, тел. *šö* и калм. *tsö* (по Рамстедту) Ряснен возводит к др.-кит. *t'sju* 'лить металл'. Что же касается форм более распространенных, двусложных, типа *чойун ~ чойын*, *цойун ~ цуйын*, *шойун ~ шойын* 'чугун', а также названия таких сосудов, как *чойгон* тел. 'железный горшок', ойр. 'чайник' и т. д., так же как чув. *чугун ~ чогон* и русск. *чугун*, то Ряснен объясняет их происхождение из китайского словосочетания *t'sju-käng* 'сталь', 'твердый'. Со своей стороны заметим, что в современном корейском и китайском языках имеются словосочетания «литое железо» со значением 'чугун', ср.: кор. *чучхаль* (*чу* 'лить' + *чхаль* 'железо'), кит. *чжунте* (*чжун* 'лить', 'литой' — *те* 'железо').

Итак. Названия жести в алтайских языках самым непосредственным образом связаны с процессом обработки и физическими свойствами этого продукта металлического производства.

Так как жесть получается в результате покрытия листового железа сплавами олова, то в названиях жести отражается либо представление о цвете (близине, блеске) металла, либо о листовом, тонком, плоском его виде. В связи с этим наименования жести представлены в алтайских языках двумя разновидностями или моделями словосочетаний определительного типа. В этих словосочетаниях вторым компонентом является существительное «железо», тогда как в роли определения выступает соответствующее прилагательное («белый», «тонкий», «плоский»).

Первая модель словосочетаний характерна для монгольских языков, ср.: п.-мо. *баган темür*, монг. *цагаан төмөр*, бур. *сагаан түмэр* 'жесть' (досл. «белое железо»). Ср. китайское название жести *байте* (досл. «белое железо»).

Наряду с приведенным выше определением «белый» в монгольских языках употребляется также прилагательное «тонкий» (в отношении плоских предметов), ср.: п.-мо. *нимген темür*, монг. *нимгэн төмөр*, бур. *нимгэн сагаан түмэр* 'жесть' (досл. 'тощее-плоское железо', бур. 'тонкое-плоское белое железо'). Сюда же шор. лэб. *жалбак тәбір*, *жуға тәбір* 'жесть' (досл. «плоское железо», «тонкое железо»); *жалбак* 'плоский', *жуға* 'тонкий' (РСЛ., III, 1121).

К модели «плоское тонкое железо» относятся словосочетания, обозначающие «листовое железо», например: тат. *табаклы тимер* 'листовое железо' (*табак* 'лист бумаги, жести, фаяеры'), башк. *табаклы тимер*, *табаклы калай* 'листовая жесть'.

В бурятском и чувашском языках в этих словосочетаниях употребляется заимствованное из русского языка слово «лист», ср.: бур. *лиис түмэр* 'листовое железо'; чув. *листалла тимер* 'листовое железо'.

Такова же корейско-китайская модель: кор. *чхльпхан* 'листовое железо' (досл. «железный лист»).

В северной подгруппе тунгусо-маньчжурских языков — в эвенкийском, эвенском и негидальском, а также в нивхском языке для обозначения жести служит слово, которое рассматривается как якутизм, ср.: эвенк., эвен., нег. *н'албан* 'жесть', нивх. *н'албан* (*нялбан*) 'жесть' // як. *чјдлбан ~ јдлбан ~ чдлбан* 'жесть', 'жестяпка'.

Вместе с тем само якутское название жести нуждается в этимологизации. Поскольку оно выступает в трех фонетических вариантах в отношении аглаутного согласного, оно само как будто бы является в якутском языке заимствованием. Вариант *чдлбан* совпадает с тунг. *чдлбан* 'береза' (? белая, нечто белое). Вариант с начальным носовым тяготеет к монгольским корням, ср. бур. *налбагар* 'распростертый', 'широкий'. Вариант с начальным *д'* (*ј < й*) может быть сопоставлен с бур. *ялбагар* 'блестящий', 'сверкающий' или с др.-тюрк. *jalbi* 'плоский', тат., башк. *ялпак*, ср. выпеприведенное шор. лэб. *жалбак* 'плоский'. Сюда же название древесного листа в ряде тюркских языков (?), ср. Räs. EW, 188a, b (др.-тюрк. *jarir'raq ~ jarur'raq* и (!) *jalbir'raq*, *jar jaris'ru* парн. 'листья').

Кстати, заметим, что на якутской почве в соответствии с присутствием якутскому языку отраженном общетюркского аглаутного **й-**ј- в виде аглаутного *с-'*с- может быть указано слово *салбан* 'плоский', ср. также *салба ~ салбах ~ чалбах* 'лопасть весла', 'толстый конец древка пещни', 'кпсть руки', 'ступня' (Пек., 2043, 2044).

Выше в связи с рассмотрением названий для олова уже отмечалось, что в некоторых тюркских и монгольских языках для обозначения жести используется то же самое слово, ср., например, туркм. *galāy* 'олово', 'жесть', башк., тат., чув. *калай / kalaj* 'жесть', п.-мо. *χalaj*, калм. *χalā ~ χalā* 'листовое железо'.

В тунгусо-маньчжурских языках Приамурья в значении 'жесть', 'жестяная посуда' (чашка, миска) используется слово, которое в других алтайских языках наделено семантикой 'золото' или 'медь' (ТМС, I, 33а): нан., ульч., уд. *алта(и-)*, орок. *акта(и-)* < **алтан* 'жесть', 'оцинкованное железо', 'жестяная посуда'.

Семантический переход «медь → жесть → жестяная посуда» вполне объясним, так как луженню, т. е. покрытию оловом, подвергалась медная посуда.

Из единичных названий жести в тунгусо-маньчжурских языках отметим также эвен. *чабу* 'жесть', 'ботало' (жестяной колокол), в корейском — *брикка* 'жесть', кор.-кит. *янъчхаль* 'жесть' (досл. «европейское железо»).

Тот факт, что название металла одновременно может обозначать металлическое изделие, металлический предмет и, наоборот, какое-либо металлическое изделие дает наименование металлу, может быть проиллюстрирован также на бур. *сан(э)*, *сан түмэр* 'жесть'; 'музыкальные тарелки', ср. *санхир* 'светлый' // п.-мо. *сар*, монг. *цан(э)*, калм. *тсар* 'музыкальные тарелки'; 'шей, пзморось', калм. также 'белый', 'белый цвет'.

Сталь. Названия для стали в алтайских языках разнообразны, в каждой группе языков имеется по 2—3 наименования, и все они являются заимствованными. Сюда относятся: *ган(г)*, *болод*, *курча*, *ыстал*, *уклад*, *челик* и др. Лексема *ган(г) / ган(г)* 'сталь' представлена в монгольских, тунгусо-маньчжурских и корейском языках, в единичных случаях — в тюркских. В китайском языке, а также в корейском обычно она употребляется в сочетании со словом «железо». Интересно, что в ряде алтайских языков в обозначениях для стали также употребляются словосочетания со словом «железо» или другим наименованием для стали, ср.:

кор. *канъчхаль* 'сталь', кит. *ганте* (*ган* 'твердый', *те* 'железо'); п.-мо. *γang*, монг. *ган(г)*, *ган түмэр*, *ган болд*, бур. *ган*, *ган түмэр*, *ган булад*, калм. *ган*, *ган төмү* (R. KWb, 144a) 'сталь'; ма. *гән*, нег. *ган*, нан., ульч., орок. *гā(и-)*, сол., нан. *гā*, уд. *гана* 'сталь'; сюда же эвенк. *ганди ~ гани ~ ганри* 'огниво', 'металлическое точило', сол. (Ив.) *ганду* 'огниво' (ТМС, I, 139а, б).

Из тюркских языков лишь в сойотском (Räs. EW, 232a) это слово употребляется со значением 'сталь', 'стальной', ср. сойот. *кар* 'сталь', саг., хак. *хау* 'олово'. В ряде других языков оно встречается со значением 'припой' или 'грузило', ср.: тел., лоб. саг. и т. д. *кар* 'грузило'; в кирг. *капультур* 'листовое железо', 'жесть'.

Иранием *пулат / пулат ~ булат* 'сталь' (Räs. EW, 386a, Менгес и др. < перс. *pulat*) широко представлен в языках алтайской общности со значениями 'сталь', 'меч', нередко будучи заимствован через посредство других языков, ср.:

туркм. *полат ~ пулат* (< тадж.) 'сталь'; кирг. *болот* 'сталь', фольк. 'меч'; кумык. *булат* 'сталь', хак., шор. и т. д. *молат* 'сталь'; саг. *мулат* 'сталь', як. *болот* 'древний короткий меч', 'двулезвийное оружие', 'шпага', 'сабля', 'булава'; ср. *болоттих* 'пмеющий меч, саблю', 'воин'.

В монгольских языках это слово употребляется и самостоятельно, и в сочетании со словом «железо» в качестве первого компонента, ср.:

п.-мо. *bolad ~ bolud* 'сталь, стальной' (R. KWb, 50a); монг. *болод* 'сталь', 'стальной'; бур. *булад* 'сталь', 'стальной', 'крепкий', 'твердый', калм. *bol'd*, *bol'd tömү*, *gan bol'd* 'сталь', 'стальной', орд. *болод* 'сталь' (P. Mo. Comrag., 109).

В эвенкийском языке это слово представлено как монголизм или якутизм, ср. эвенк. *болот* Бург, Взм. К. 'сталь' (ТМС, I, 93б).

Для наименования стали в тюркских языках наиболее широко употребляется слово, которое в них, а также в монгольских выступает со значением 'острый', ср.:

др.-тюрк. *қурč* 'сильный', 'крепкий'; *қурč temür* 'сталь' (ДТС, 467б); чув. *хурч*, *хурч* 'сталь' (Ег., 308; Räs. EW, 303a, Менгес), кирг., алт. *қурч* 'острый'; казах. *қурч*, башк. *қорос*, тат. *қурч* 'сталь'.

Егоров подчеркивает, что в киргизском и алтайском языках *қурч* до сего времени употребляется исключительно в значении 'острый' и что то же самое наблюдается в монгольских языках, ср.:

п.-мо., монг., калм. *хурч* 'острый' (в разных значениях), бур. *хурса* 'острый' (в разных значениях), калм. *хуртс* (R. KWb, 199) 'острый' (в разных значениях).

Якутское наименование для стали — *ыстал* — заимствовано из русского языка; протеза в виде гласного *ы* в анлауте вызвана несвойственным якутскому языку стечением согласных. Русскими заимствованиями являются также як. *кулāt ~ укулāt ~ укулāt* (русс. *уклад*) 'уклад', 'сырая сталь'. Как руссизм или якутизм встречается в эвенкийском языке в вариантах *укулāt ~ укулāt*. Оба заимствованные из русского языка обозначения стали в якутском языке употребляются также в виде словосочетаний со словом *тими́р* 'железо', ср.: як. *ыстал тими́р*, *тими́р кулат ~ тими́р укулāt* 'сталь'.

Р т у т ь. Для обозначения ртути служат определительные словосочетания, в состав которых входит наименование для серебра (в связи с ассоциацией по цветовому сходству обоих металлов). Здесь могут быть выделены две основных группы названий. Одна из них включает наименования, созданные по типу «серебряная вода ~ серебряная жидкость». Во вторую группу входят названия следующие модели «живое серебро», ср.:

п.-мо. *mönggün usu(n)*, монг. *монгол ус*, бур. *мүнгэний уһан*, калм. *möngg'ne usu* 'ртуть'.

В структурном отношении в эту же группу входят названия ртути — пранизмы в ряде тюркских языков: тур. *simar*, кирг. *сыман*, узб. *симоб*, туркм. *сймән* 'ртуть' (< перс. *sim* 'серебро' - *āb* 'вода'; Räs. EW, 422a).

В маньчжурском языке для названия ртути в роли определения вместо названия для серебра стоит наименование для олова, ср. ма. *тодолон муя* 'ртуть' (досл. оловянная вода, оловянная жидкость); кор. *суын* (< кпт.) 'ртуть' (досл. вода+серебро) следует этой же модели.

В башкирском, татарском и чувашском языках представлены словосочетания из названий для серебра с предшествующим ему определением «живой» (Ег., 324): башк. *тергөмөш*, тат. *теркөмөш* (< *тере-көмөш*), чув. *чёр кёмёл ~ чёркёмёл* 'ртуть'; тур. *сива* 'ртуть'.

Подводя некоторые итоги по рассмотренным выше наименованиям металлов и их сплавов в целом по обсьем группам, нельзя не обратить внимание на следующее: если подойти к этим названиям с точки зрения наличия их в языках алтайской семьи, выясняется очень своеобразная картина распространения того или иного названия по группам языков (тюркской, монгольской, тунгусо-маньчжурской, корейского).

Общепитайской, или, вернее, представленной во всех названных группах — в тюркской, монгольской, тунгусо-маньчжурской и в корейском является лишь лексема с архетипом **ал-тон* с преобладающим значением 'золото' или 'медь' (якутский язык, восточные говоры эвенкийского языка, язык корейский) и, наконец, 'жесть' (тунгусо-маньчжурские языки Приамурья и Приморья).

Второе место по распространенности в алтайских языках занимает пранизм *пулат ~ булат ~ болад* и т. д. со значением 'сталь', нередко будучи заимствованным через посредство ряда языков.

Что же касается других наименований металлов, то в одних случаях они представлены в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках, но неизвестны тюркским, в других же, напротив, характерны для тюркских и монгольских, но неупотребительны в тунгусо-маньчжурских.

Так, монгольские и тунгусо-маньчжурские языки объединяются в одну группу, во-первых, по наименованию для серебра с архетипом **мйю-гун* > **мэңгүн* 'светлый металл', тогда как для тюркских языков характерно другое название для серебра, восходящее к архетипу **кям-леи* > чув. *кёмёл* > *кёмйиш* и т. д. Во-вторых, как в монгольских, так и в тунгусо-маньчжурских языках в качестве одного из нескольких наименований для стали используется *гаң ~ ган*, ср. кор. *канъ-чэль*. В тюркских же языках наряду с *пулат* употребляется *куч темір*.

С другой стороны, в тюркских и монгольских языках такой металл, как железо, обозначается варлантами одного и того же наименования **тэмйр*, тогда как тунгусо-маньчжурские используют характерное для них **сэлэ*. Тюркские и монгольские языки находятся в явном контакте и по употреблению названий для свинца и олова — здесь имеются в виду лексемы **коргаалжин* и **к'алайы*. Но монгольские наряду с этим объединяет с тунгусо-маньчжурскими другое название для свинца-олова, а именно **тугулган*.

Тюркские языки резко выделяются также по названию для меди с прототипом **бағыр*, которое, как и *пулат ~ булат*, ведет нас к ираноязычным народностям. Монгольские же языки для наименования меди использовали возможность собственного лексического фонда, поскольку название для красной меди *жэс*, как нам представляется, связано с корневой морфемой **жэ-* 'красный, рыжий', а желтая медь, или латунь, обозначается производным от корня **ча-* 'светлый', 'белый' (*ча-с*).

Несомненно, употребление того или иного наименования для металлов и их сплавов является свидетельством различных культурно-экономических связей алтаеязычных народностей как между собой, так и с иноязычными народностями.

В связи с затронутым вопросом о лексике как своеобразном отражении культурно-экономических связей или, быть может, более или менее тесных связей генетического порядка, например, между тунгусо-маньчжурскими и монгольскими языками, напомним, что и в других разделах, таких, например, как названия для домашних животных — лошади, коровы (*морин ~ мурин, һүжэр*), — монгольские и тунгусо-маньчжурские языки противостоят тюркским.

Схема-таблица распространения основных наименований металлов и их сплавов по языковым группам прилагается (см. с. 48).

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что подход к наименованиям металлов и их сплавов как к особой лексической серии или тематической группе подтверждает целесообразность применения подобного методического приема при этимологических штудиях. Во всяком случае в отношении данного раздела алтаеязычной лексики можно констатировать следующее:

А. Было выяснено, что группа наименований металлов и их сплавов довольно обширна и состоит из нескольких десятков названий.

Б. Выявлены типичные структуры названий металлов и их сплавов, в основном восходящие к сложным словам определительного типа. Суммируем исходные модели:

**ал + тон* 'красный + металл' = *алтун ~ алтын* 'золото', 'медь'

**мйю + гун* 'светлый + серебро' = *мёңгүн > мэңгүн* 'серебро'

**кям + леи* 'золото + серебро' = *кёмёл > кёмйиш* 'серебро'

**те + мур* 'железо + вещество' = *тэмйр > тёмйэр* 'железо'

**чу + гаң* 'лить + твердый' = *чугун > чойун* 'чугун'.

Распространение основных наименований металлов
и их сплавов в языках алтайской общности

Металл	Языки		
	тюрк.	мо.	т.-ма.
Золото (‘красный металл’)	*ал-тОн алтун алтын	алтан (‘золото — медь — жесть’)	алчун ~ алчун айсин ~ алтан
Серебро (‘светлый металл’)	*киэм-лиеву кёмёл күймүш	*мйёң-гүн мөң-гүн (чаган мэнггүн) (багдарын мэнгүн)	
Медь (красная)	бакыр	гэс	чириктэ-сириш
латунь (желтая медь)	йэс	час	гэст-тэйшун
Бронза (сплав медь)	туч	күрил	
Свинец (темный)	*коргалжин: хара коргалжин		коргалжин (<яп.)
Олово (светлый)	*к’алайы, чаган к’алайы тугулган		түгга
Железо (железный предмет)		тэмүр	сэлэ
Чугун (‘сырое железо’) (‘литое железо’)	чу-(гаң) сой-чэйун (дөкме демир)	калм. цб сиримэл тэмүр	эстун сэлэ
Жесть (‘белое железо’) (‘тонкое листовое железо’)	йалбак табыр табаклы тимер	чаган тэмүр шимгэн тэмүр лиш түймэр	(алтин) (н’алабан)
Сталь (‘твердое железо’) (‘острое железо’)	(кан) пүйлэд күрч тэмүр	гаң тэмүр булат-булад күрч	гаь болот ыстал, ун(у)лэт
Ртуть (‘серебряная вода’)		мөңгүн усу	тоғолон мүкэ

В. В названиях самых различных металлов или их сплавов большую роль играют прежде всего цветовые признаки (красный или желтый, светлый ~ белый, темный ~ черный), а также указания на другие физические свойства (тонкий ~ плоский ~ листовой, твердый ~ крепкий, литой ~ плавленый, сырой ~ обработанный, жидкий, легкий).

Г. В ряде случаев названия металлов восходят к названиям тех или иных металлических изделий или связаны с последними.

Д. Из сопоставления структуры названий металлов и их сплавов в разных языках алтайской общности со всей определенностью можно сделать вывод о высокой степени устойчивости

лексико-семантических моделей этих названий, нередко восходящих к моделям заимствований тысячелетней давности.

Е. При подходе к названиям металлов и их сплавов с точки зрения распространения их в языках алтайской семьи вырисовывается очень интересная картина регионов того или иного наименования.

В целом же этимологические анализы наименований металлов и их сплавов в алтайских языках как в отношении первой группы, т. е. золота, серебра и меди, так и второй, в которую вошли наименования олова, свинца, стали, жести, железа, чугуна, ведут в глубь столетий и, в частности, к районам, прилегающим к современной территории Кореи, где на исторической арене некогда близко соприкасались различные алтаеязычные племена — предки современных монголоязычных, тунгусоязычных и тюркоязычных народов.

Вместе с тем фронтальный этимологический обзор алтайской лексики, связанной с металлами и их сплавами, как нам кажется, поможет разрешить ряд спорных вопросов в области этимологических изысканий на материалах и других языков, в том числе индоевропейских. В сжатом виде основные исходные данные и выводы из них могут быть представлены следующим образом:

мо., т.-ма.	мо., т.-ма., тюрк.	тюрк.
серебро	золото	серебро
*миең + гүн	*ал + тОн	*кием + лиеу
светлый + серебро монгор. мийнгу мо., т.-ма. мөңгүн	красный + металл алтун ~ алтын ~ алтан монгор. анта чж. алчун ~ анчун, ма. айсин	золото + серебро чув. кёмёл др.-тюрк. көмүш
т.-ма.	мо.	мо., тюрк.
медь, бронза	медь светлая	медь красная, светлая
*чири-ктэ сириш	*ча-с	*гэ-с *йэ-с
‘раскаленное’	‘белое’ (тюрк. ча-а) (‘челый’, ‘седой’)	‘рыжее’ (*гэгерэн ~ *йэгерэн) (яп. свёр ‘рыжий’)
жесть бай те	железо *те + мур	чугун *чу + гаң
‘белое железо’ мо. чаган тэмүр, шимгэн тэмүр	железо + вещество *тэмүр ~ түймэр	литой + сталь мо. сиримэл тэмүр тур. дөкме демир

Ср. русск.: ал-ый, багр-овый, ча-ый, игрен-овый, джейран, чугуун.

ПЕРЕЧЕНЬ НЕКОТОРЫХ НАИБОЛЕЕ ХАРАКТЕРНЫХ НАИМЕНОВАНИЙ МЕТАЛЛОВ I ГРУППЫ

Драгоценные металлы (золото, серебро, платина)

айсин т.-ма. золото, см. алтун
 ак алтын тат. платина
 алтан мо., эвенк. золото, см. алтун
 алтун ~ алтын тюрк. золото
 алчун ~ акчун чжк. золото, см. алтун
 багдайин мэнун нег. серебро
 гина (< кит.) ма. золото листовое
 гымйиш тур. серебро, см. кымйиш
 гызыл аз., тур., туркм. золото
 зар ~ зер ~ зир (< перс.) тюрк.
 (кирг., аз., тур., туркм., тат.)
 золото, злато
 кымбел (< кит.) чув. серебро, см.
 кымйиш
 кымйиш (< кит.) тюрк. серебро
 кым (< кит.) кор. золото
 кысыл кымйис як. золото
 мийцзу (< кор.-кит.) монгол. се-
 ребро, см. мэнгэйн
 мэнгэйн (< кор.-кит.) мо. серебро
 мэнгэйн ~ мэнгун (< кор.-кит.) т.-ма.
 серебро
 сарыг алтун др.-тюрк. золото
 сицир алтан мо. червопное ~ чистое
 золото
 сйм ~ сим (< перс.) аз., тур. серебро
 сира алтан п.-мо. золото
 улаан алта(н) бур. червопное золото
 урйун кымйис як., урйун кымйис др.-
 тюрк. серебро
 голайин мэнун нег. золото
 нуларийн мэнун эвенк. вост. золото
 чаган мэнгэйн мо. серебро

ПЕРЕЧЕНЬ НЕКОТОРЫХ НАИБОЛЕЕ ХАРАКТЕРНЫХ НАИМЕНОВАНИЙ МЕТАЛЛОВ II ГРУППЫ

Олово, свинец

бурут (< рус.) як. олово
 ёнь (< кит.) кор. свинец
 калай тюрк., ма. олово, свинец;
 жость
 коргалжун мо., тюрк.; т.-ма. (< мо.)
 олово, свинец
 нап!-б кор. олово, свинец
 н'ур эвен. свинец; пуля, стрела
 сибилйис (< рус.) як. свинец
 тарчан ма. свинец
 тайлан чув. олово, см. тууулагн
 тожа ~ туза т.-ма. олово, свинец;
 грузишо

чебер алтан мо. червопное ~ чи-
 стое золото
 чолута ~ холута (< рус.) эвен. зо-
 лото
 ын (< кит.) кор. серебро

Медь, латунь, томпак, бронза

алтан як., эвенк. вост. медь
 бақыр (< перс.) тюрк. медь
 бронзо (< рус.) тат. бронза, см.
 пиринжин
 гаулин ~ гуулин мо. медь желтая
 геган эвен. медь желтая
 жас п.-мо., як. медь красная
 йез др.-тюрк., йес алт., чув., чес
 тув. медь желтая, см. жас
 кури кор. медь
 кунер ~ курел ~ нурил мо. бронза
 пиринжин (< перс.) тур. бронза
 пэк-тонь (< кит.) кор. латунь
 сирин ма. медь
 тонь!-донь (< кит.) кор. медь
 тунч тур., тунч др.-тюрк. бронза
 тайшун ма. медь желтая
 улаан гэд бур. медь
 улаан мэнун калм. медь
 хвань-донь (< кит.) кор. медь крас-
 ная
 чапг як. бронза
 час мо. медь желтая, латунь, томпак
 чиню (< кит.) кор. латунь
 чириктэ эвенк. бронза, латунь
 чучин ~ чучун эвенк. медь
 чхонь-донь (< кит.) кор. бронза
 шанйан тайшун ма. томпак

тодогорон нак., тодолои ма. олово,
 свинец, см. тууулагн
 тууулагн мо. олово, свинец
 чусок!-г (< кит.) кор. олово

Железо, чугун, сталь

болод ~ болуд (< перс.) мо. сталь
 болот як., кирг. меч, см. болод
 булад бур., булат кумык. сталь,
 см. болод

ли(э) (< кор., кит.) мо., т.-ма.
 сталь
 ган(э) булад, ган тымэр бур. сталь
 кун сойот. сталь
 кыкчоль (< кит.) кор. сталь
 корос башк., корыч тат. сталь, см.
 курч
 курч тюрк., мо. острый
 курч тэмйр др.-тюрк. сталь
 с-е кор. железо
 сунчоль (< кит.) кор. чугун
 сэл (? < кор.) т.-ма. железо
 уклат (< рус.) як. сталь
 тэмйр ~ тэмйр (< кор.-кит.) мо.,
 тюрк. железо
 челик тур. сталь
 чугун ~ чубун (< кор., кит.) чув.,
 тюрк. чугун
 чучоль (< кит.) кор. чугун
 чхоль (< кит.) кор. железо
 ширэм монг. чугун
 элбан (< мо.) эвенк. сталь

СОКРАЩЕНИЯ

- Аалто -- Aalto P. Ein alter Name des Kupfers. -- UAJb, Bd. 31, Wiesbaden, 1959.
 Гр. -- Grube W. Die Sprache und Schrift der Jucen. Leipzig, 1896.
 Д. -- Doerfer G. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen, II—III. Wiesbaden, 1963—1967.
 ДТС. -- Древнетюркский словарь. II., 1969.
 Ег. -- Егоров В. Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1984.
 З. -- Захаров И. Полный маньчжурско-русский словарь. СПб., 1875.
 Карлгрен -- Karlgren B. Grammata Serica Recensa. — The Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities, 1957, № 29.
 Кирг. сл. -- Киргизско-русский словарь. Сост. Юдахин К. К. М., 1965.
 Лигети -- Ligeti L. Note préliminaire sur le déchiffrement des petits caractères jouchen. — АОН, Т. III, fasc. 3, Budapest, 1953.
 МА. -- Поппе Н. П. Монгольский словарь Мукаддимат ал-адаб, т. I—II. — Труды института востоковедения, XIV. М.—Л., 1938.
 Менгес -- Menges K. H. Schwierige slawisch-orientalische Lehnbeziehungen. — UAJb, Bd. 31, Wiesbaden, 1959.
 Монг. сл. -- Монгольско-русский словарь. Под ред. Лувсандэндэв. М., 1957.
 Нек. -- Некарекий Э. К. Словарь якутского языка, I—II. СПб., Л., 1907—1930.
 Рсл. -- Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий, I—IV. СПб., 1888—1911.
 Сев. Афф. -- Севортян Э. В. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. М., 1966.
 Севортян. -- Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М., 1974.
 ТМС. -- Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Т. I, Л., 1975. т. II, Л., 1977.

Жесть, цинк, никель и др.

акта(н-) ороч. жость, см. золото
 алта(н-) нан. ульч., уд. жость,
 см. золото
 аён (< кит.) кэр. цинк
 брикки кор. жость
 жалбан ~ жалбан як. жость, см.
 н'албан
 жалбак тэмйр шор., йуга тэмйр
 шор. жость
 лисе тэмйр бур., листалла тимер
 чув. листовая жость
 нимгэр тэмйр мо. жость
 н'албайн эвенк., эвен., як. жость
 сагаан тымэр бур. жость, см. чаган
 тэмйр
 сан(э), сан тымэр бур. жость
 табагыл жалай башк. жость
 табагыл тимер башк. жость
 чабу эвен. жость; ботало
 чаган тэмйр мо. жость
 яльчоль (< кит.) кор. жость
 пэктонь (< кит.) кор. никель

- Тат. сл. — Татарско-русский словарь. М., 1966.
 Тур. сл. — Турецко-русский словарь. Сост. Магазини Д. А. Под ред. Гордлевского В. А. М., 1931.
 Туркм. сл. — Туркменско-русский словарь. Под общей редакцией Баскакова И. А., Каррыева Б. А., Хамзаева М. Я. М., 1968.
 Фасмер — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Пер. с нем. и дополнения Трубачева О. Н. Т. I, М., 1964, т. II, М., 1967.
 Joki — Joki A. J. Die Lehnwörter Sajansamojedischen. — MSFOu, 103, Helsinki, 1952.
 P. Mo. — Porre N. Introduction to Mongolian Comparative Studies. — MSFOu, v. 110, Helsinki, 1955.
 P. Vergl. — Porre N. Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen. Teil I. Wiesbaden, 1960.
 R. AKE — Ramstedt G. J. Additional Korean Etymologies. — JSFOu, v. 57, N 3, Helsinki, 1954.
 R. Einf. — Ramstedt G. J. Einführung in die altaische Sprachwissenschaft, I. Lautlehre. Helsinki, 1957.
 R. KWB — Ramstedt G. J. Kalmückisches Wörterbuch. Helsinki, 1935.
 R. SKE — Ramstedt G. J. Studies in Korean Etymology. — MSFOu, v. 95, Helsinki, 1949. II, ed. by P. Aalto — MSFOu, 95, 2, Helsinki, 1953.
 Räs. EW — Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki, 1969.

К. А. Новикова

НАЗВАНИЯ ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ В ТУНГУСО-МАНЬЧЖУРСКИХ ЯЗЫКАХ

Данная работа является продолжением наших публикаций по сравнительному изучению тунгусо-маньчжурских наименований животных.¹ Значительное место в ней уделено этимологическим исследованиям, которые предпринимаются впервые.

Как будет показано ниже, в группе лексик, относящейся к животному миру, которая является одной из древнейших лексических групп алтайских языков, имеется целый ряд лексических параллелей, позволяющих думать, что имеющееся между ними сходство обусловлено генетическими отношениями. Однако в отдельных случаях наши параллели могут оказаться недостаточно убедительными, спорными, что вполне закономерно, так как сравнительное изучение лексики тунгусо-маньчжурских и других алтайских языков сопряжено с целым рядом трудностей, на которые неоднократно и совершенно справедливо указывалось в различных алтаистических сочинениях. Ввиду этих трудностей, связанных с отсутствием древних письменных памятников, с малоизученностью некоторых языков, с недостаточностью сведений по истории слов, с отсутствием этимологических словарей по отдельным группам алтайских языков, с недостаточной изученностью фонетических соответствий в отдельных группах алтайских языков и др., порою очень трудно отличить соответствия генетического характера от ранних заимствований, явившихся результатом интенсивных контактов между тюрками и монголами, а также

¹ См.: Новикова К. А. 1) Иноязычные элементы в тунгусо-маньчжурских наименованиях животных. — В кн.: Проблема общности алтайских языков. Л., 1971, с. 236—255; 2) К этимологии названий собаки в тунгусо-маньчжурских языках. — Там же, 176—190; 3) Иноязычные элементы в тунгусо-маньчжурской лексике, относящейся к животному миру. — В кн.: Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. Л., 1972, с. 104—150; 4) К истории и этимологии названий лошади в алтайских языках. — В кн.: Проблемы алтаистики и монголоведения. Вып. 2, серия лингвистики (материалы Всесоюзной конференции, Элиста. 17—19 мая 1972 г.). М., 1973, с. 36—58.

между монголами и тунгусо-маньчжурами на протяжении всей их длительной истории.

Исследование названий домашних животных, естественно, тесным образом связано с историей древней культуры, с историей одомашнивания животных, поэтому, прежде чем приступить к рассмотрению языкового материала, мы считаем уместным остановиться коротко на некоторых исторических сведениях, указывающих на исключительно важную роль скотоводства в жизни алтайских племен и народов.

Известия о культуре древних тунгусо-маньчжуров, к сожалению, все еще крайне незначительны. Не установлена окончательно и территория первоначального формирования тунгусо-маньчжурской культуры, а вместе с тем и ее носителей как этнического целого.²

² По вопросу о месте зарождения тунгусо-маньчжуров и их культуры существует ряд предположений. Так, М. А. Кастрен, исходя из данных языка, считал тунгусо-маньчжурскую прародину запад Сибири (Саяно-Алтай). И. Шренк, опираясь в основном на этнографические данные, находил ее на Амуре и его притоках, Н. Я. Бичурин — в Маньчжурии, откуда, по его мнению, в процессе миграций тунгусо-маньчжуры распространились на север и запад (см.: Б и ч у р и н Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. 1, М.—Л., 1950, с. 375). Г. М. Васильевич высказывает гипотезу о происхождении тунгусов и их культуры в Прибайкалье. В последней из работ она пишет: «Начало становления тунгусского этноса происходило в среде охотников неолита, байкальской, по Окладникову, культуры, которой и соответствовала алтайская языковая общность. На средних этапах неолита в горно-гольцевых районах южного Прибайкалья стали обособляться охотники, а на юге этой территории — начинающие приручение мелкого рогатого скота предки монголов и тюрков» (В а с и л е в и ч Г. М. Эвепки, Л., 1969, с. 39). А. П. Окладников, основываясь на результатах новых археологических исследований в Сибири и на Дальнем Востоке, также считает, что наиболее ранней тунгусо-маньчжурской культурой является тунгусская, прародиной которой является Прибайкалье. Позднее он писал, что эту прародину следует искать к востоку от Прибайкалья вплоть до верховий Амура. В эпоху неолита и бронзы, пишет он, тунгусские охотничьи племена были аборигенным населением сибирской тайги. На территории Маньчжурии в это время развивалась самобытная земледельческая культура, сочетавшаяся с зачатками скотоводства. Доисторического передвижения предков тунгусов с юга на север, о котором писал Н. Я. Бичурин, по его мнению, не было. Он полагает, что археологические памятники и этнографические данные свидетельствуют о том, что наблюдался обратный процесс: проникновение северных тунгусских племен на более южные территории. В результате этого на берегах Амура произошло скрещение лесной тунгусской культуры с культурой местного аборигенного населения, вследствие чего образовались амурские тунгусо-маньчжурские народности (панайцы, ульчи). Попав на Средний Амур и на территорию Маньчжурии, пришельцы-тунгусы восприняли от аборигенов земледелие и скотоводство, а также новый тип жилища и одежды, но сохранили свой язык, некоторые предметы быта (кольчель), шаманство и многое другое и не только сохранили, но и передали их аборигенам. Здесь складывается предпосылка для возникновения классового общества и государства — бохайского, а затем чжурчженского (О к л а д н и к о в А. П. 1) К изучению начальных этапов формирования народов Сибири. — СЭ, 1950, № 2; 2) Вклад советской археологии в изучение прошлого северных народов. — Уч. зап. ЛГУ, 1950, № 115, ф-т народов Севера, вып. 1; 3) Тунгусо-маньчжурская проблема и археология. — История СССР, 1968, № 6).

Ряд ценных сведений о древней культуре тунгусо-маньчжурских племен Китая можно почерпнуть из работ Н. Я. Бичурина (Пакпифа), Н. В. Кюнера и М. В. Воробьева,³ построенных в значительной степени на письменных источниках (двенадцатый век в хрониках — Танская история, история Хэй-ши 386—581 гг. и Хэй-шу 386—536 гг.), из которых следует, что жизнь тунгусо-маньчжуров в древности во многом была сходна с жизнью других алтайских племен и народов. Так, известно, что древние тунгусо-маньчжуры, как и монголы, были охотниками. Позднее большая часть их перешла к скотоводству и коневодству, а еще позднее — к плужному земледелию и пахоте на волах. А. П. Окладников считает, что скотоводство и земледелие южных тунгусо-маньчжурских племен не являются результатом заимствования, они самобытны и корни их уходят в глубокую древность — в неолит.⁴

Наиболее полные сведения о древних тунгусо-маньчжурах относятся к X в. — к периоду существования чжурчженского государства Цзинь, представлявшего собой консолидацию близких по крови родов и племенных групп. Чжурчженцы занимались скотоводством (разводили крупный рогатый скот, лошадей, свиней), земледелием, охотой и рыболовством. В соответствии с видом хозяйства отдельные роды вели полукочевой (скотоводы и охотники) или оседлый (рыболовы и земледельцы) образ жизни. Основную роль в экономике чжурчженей играло скотоводство и коневодство. На развитие у них скотоводства и коневодства указывают такие факты, как выплата приданого, калыма, дани скотом, торговля конями на пограничных рынках. Воины чжурчженского войска были конными. С конем были связаны многие исконно чжурчженские обычаи — почитание коней, скачки, стрельба с коня и др.⁵

Южные тунгусо-маньчжуры, проживающие на территории Китая, занимаются земледелием и в настоящее время. Издавна занимаясь земледелием, они разводят в основном только тягловый скот — лошадей, быков, коров. В большом количестве разводят свиней скороспелой черной породы. Запятис скотоводством характерно для предков маньчжур и в глубокой древности. Занимаются скотоводством также хэцзя (панайцы), проживающие на крайнем северо-востоке Китая в провинции Хэйлуцзян. Кроме

³ Б и ч у р и н Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. 1—III, М.—Л., 1950—1953; К ю н е р Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока, М., 1961; В о р о б ь е в М. В. 1) Этнос в средние века (на материале этногенеза чжурчженей). — Доклады отделений и комиссий Геогр. об-ва СССР, Л., 1967, вып. 3 (этнография), с. 38—73; 2) Чжурчженцы и государство Цзинь. Автореф. докт. дис. Л., 1972.

⁴ Окладников А. П. Тунгусо-маньчжурская проблема и археология. — История СССР, 1968, № 6, с. 25—42.

⁵ Воробьев М. В. Чжурчженцы и государство Цзинь.

основных видов занятий — охоты, рыболовства, земледелия, они разводят крупный рогатый скот, лошадей, свиней, собак.⁶

Ранних сведений о тунгусо-маньчжурских народностях Сибири, Дальнего Востока и Амура нет. Наиболее ранние сведения о их хозяйственной деятельности относятся к XVII в., когда с ними впервые познакомились русские. К этому времени самыми распространенными занятиями их были охота и кочевое оленеводство, а у некоторых групп — охота и рыболовство.⁷ Так, одна из самых многочисленных северных тунгусо-маньчжурских народностей — эвенки (тунгусы) — в XVII в. разделялись по формам своего хозяйства на оленных (охотников-оленевонов) и конных (охотников, имевших табуны лошадей и содержащих рогатый скот). Конные жили в южном Прибайкалье, Забайкалье, верхнем Приамурье, Маньчжурии, в Монголии. В отдельных районах Забайкалья коневодство сочеталось с оленеводством. В XVIII — XIX вв. в районах, смежных с местами расселения якутов, охота стала сочетаться с разведением рогатого скота, а в ряде районов по соседству с русским населением к охоте, рыболовству и оленеводству добавилось не только скотоводство, но и земледелие, которым стали заниматься перешедшие на оседлость безоленные хозяйства.⁸

Перечисленные виды хозяйственной деятельности эвенков характерны в той или иной мере и для эвенков, живущих за пределами Советского Союза.⁹

Основная масса эвенков (даматов) в XVII в. были типичными кочевыми оленеводами и охотниками. Кроме этой основной массы, на Охотском побережье обитала небольшая группа полуоседлых эвенков, преобладающим занятием которых было рыболовство и морской промысел. Транспортными животными у них служили собаки. Эвены Камчатки пользовались для транспорта лошадей.¹⁰

Из числа тунгусо-маньчжурских народностей оленеводством занимались иорки о. Сахалина. Они славились также как искусные лесные охотники. Большую роль играл у них рыбный промысел и промысел нерпы. В настоящее время, помимо оленеводства, рыболовства, морского промысла и охоты, они занимаются огородничеством и животноводством — разводят коров и лошадей.¹¹

Основой хозяйственной деятельности тунгусо-маньчжурских народностей, живущих в нижнем течении Амура — нанайцев, ульчей, орочей, пегидальцев, удгейцев, являлись рыболовство и охота, а у некоторых групп также и морской промысел. Транспортным животным у них была собака. Как показывают археологические данные, эти виды занятий являются на данной территории

исконными с древних времен. Были они здесь и в XVII в., о чем свидетельствуют письменные исторические документы. В настоящее время основным занятием тунгусо-маньчжурских народностей нижнего течения Амура остается рыболовство. Охота стала у многих подсобной отраслью. Занимаются они также земледелием, огородничеством, животноводством.¹²

Приведенные исторические данные о тунгусо-маньчжурских народностях свидетельствуют о том, что домашние животные — лошадь, олень, крупный рогатый скот, свинья, собака — издавна занимали значительное место в их хозяйстве, быту и культуре. Сведениями о времени появления тех или иных домашних животных у древних тунгусо-маньчжуров мы не располагаем. Характерно, что названия перечисленных домашних животных известны всем или большинству современных тунгусо-маньчжурских языков. Это обстоятельство, по-видимому, свидетельствует о том, что эти названия оформились в очень раннюю эпоху, в эпоху наибольшей близости тунгусо-маньчжурских диалектов.

Исконность животноводства, в частности коневодства, подтверждается фольклором — эпическими сказаниями, сохранившимися у некоторых групп эвенков и эвенков. Лошадь в этих произведениях — мифическое, нередко крылатое существо, выступающее другом, волшебным помощником и спасителем героя. В изображении лошади прослеживаются черты, общие с фольклором монголов. Г. М. Васильевич объясняет эту общность как результат одновременного появления произведений у живущих рядом различных народов.¹³

У других алтайских племен и народов, территорией древнего расселения которых были Южная Сибирь и Центральная Азия, скотоводство являлось основным видом хозяйства. Следует отметить, что «Южная Сибирь и Центральная Азия относятся по-прежнему к областям древнейшего скотоводства Старого Света, но и являются одним из мировых центров одомашнивания животных. Известно, что здесь поныне живут дикие лошади Прикевальского, двугорбые верблюды, яки и северные олени — ближайшие сородичи разводных в этом районе домашних животных. К сожалению, в отличие от Передней и Средней Азии история скотоводства здесь остается почти неизученной».¹⁴

Наиболее многочисленные из алтайских племен — тюрко-монгольские упоминаются в исторических источниках с I тыс. до н. э.

¹² Там же, с. 778, 791, 818, 832, 845.

¹³ Vasilevic G. M. The Horse in Evenki Folklore. — САУ, 1965, № 12, р. 320—332. — В данном случае любопытно сопоставление с индийской, римской и германской мифологией, в которой лошадь ближе других животных стоит к божеству в где распространены миф о крылатом коне (см.: Трубачев О. Н. Происхождение названий домашних животных в славянских языках. М., 1960, с. 13).

¹⁴ Вайнштейн С. И. Историческая этнография тувинцев. М., 1972, с. 41.

⁶ Народы мира. Народы Восточной Азии. М.—Л., 1965, с. 674, 684—685.

⁷ Народы мира. Народы Сибири. М.—Л., 1956, с. 762.

⁸ Там же, с. 706.

⁹ См.: Народы мира. Народы Восточной Азии, с. 686—689.

¹⁰ Народы Сибири, с. 762.

¹¹ Там же, с. 856.

Они расселялись в пределах современной Монголии и Алтае-Саянского нагорья. Издавна ведя кочевой или полукочевой образ жизни и занимаясь главным образом скотоводством с круглогодичным выпасом животных, они создали общую скотоводческую культуру — кочевое животноводство, которое, судя по археологическим памятникам, появилось в Центральной Азии в конце II — начале I тыс. до н. э. и которому предшествовал длительный период приручения и первоначального разведения домашнего скота. В стадах были главным образом лошади и овцы, в меньшей степени — крупный рогатый скот и верблюды. Важное подсобное хозяйственное значение имели охота, рыболовство, собирательство. У ряда оседлых племен скотоводство сочеталось с земледелием.

Древнетюркские каменные памятники свидетельствуют о том, что в степях Центральной Азии паслись огромные табуны лошадей, крупного и мелкого рогатого скота. Osteологические материалы из древнетюркских погребений дают представление о породе скота, в особенности лошадей, которые были очень близки по экстерьеру к разводимой ныне монгольской породе лошадей, отличающейся небольшим ростом, коренастым телосложением, короткой и широкой мордой.¹⁵

О распространении лошади на территории Центральной Азии в глубокой древности и о ее большой значимости свидетельствуют также археологические раскопки, в частности находки погребений лошади с человеком, особенно характерных для древних тюрок, находки в погребениях статуэток лошади, связанных с религиозными обрядами далеких предков алтайских народов, а также существование у различных народов Центральной Азии культа коня, в котором отражены пережитки, связанные с очень ранними этапами развития человеческого общества.¹⁶

В условиях кочевого быта лошадь считалась ценнейшим животным благодаря выносливости, способности к круглогодичному содержанию на подпойном корму и исключительной подвижности, позволяющей осваивать самые отдаленные пастбища. Кочевники использовали лошадь прежде всего в качестве верхового и вьючного животного. Она давала также мясо, молоко, кожу, волос, имевшие важное значение в хозяйстве. Не случайно поэтому богатство кочевника определялось количеством имевшихся у него лошадей.¹⁷

Огромная роль лошади в жизни далеких предков тюркских и монгольских народов отражена в их героическом эпосе («Манас», «Гэсэр», «Джангар» и др.), в котором вместе с героем постоянно упоминается его конь, при этом характерно любовное, заботли-

вое отношение героя к коню. В эпосе, особенно в «Джангаре», уделено большое внимание описанию внешности коня, его красоте, повадкам, его боевым качествам. В эпосе имя герою дают только после того, как он получает коня.¹⁸

Предкам корейцев в неолите наряду с земледелием также было известно скотоводство. Они разводили лошадей, крупный рогатый скот, а также свиней и собак, мясо которых широко употребляли в пищу. Одной из форм хозяйства у древних корейских племен была охота. Она являлась не только источником средств существования у некоторой части населения, но и своеобразным развлечением знати. Охотились на оленей, кабаргу, косуль, тигров и других животных. Охотились верхом на конях, стреляли из луков. Наряду с охотой в качестве подсобного промысла сохранялось рыболовство.

Особую важную роль в жизни древних корейцев играли лошади. Так, у одного из наиболее древних корейских племен когурё (позднее — название раннего феодального корейского государства IV—VII вв.) разведение лошадей занимало весьма значительное место в хозяйстве. Наиболее распространенной породой была низкорослая лошадь *вахама* (не более трех футов вышней), приспособленная к жизни в горах. Заслуга выведения этой породы, очевидно, принадлежит древнекорейским племенам. Им же, по-видимому, принадлежит заслуга создания и усовершенствования жесткого седла со стременами — одного из величайших изобретений того времени. Самые ранние изображения такого седла сохранились в гробнице Мусичхон, датируемой корейскими учеными IV в. н. э. Характерно, что название лошади включалось в титулатуру зарождающейся аристократии древних корейских племен (*мага* < *ма* 'конь' + *га* 'титул родовой знати'). Не случайно в древних источниках в термине *когурё* перед слогами *гу* и *рё* ставился детерминатив «лошадь». На важную роль лошади у когурёсцев указывают также рисунки гробниц когуресской знати. На фресках гробниц наряду с изображениями фантастических птиц и животных нередко встречается изображение черного красного дракона с головой лошади. В гробницах сохранились многочисленные изображения сцен охоты, воинов-конников, портреты владетелей. Нередки в росписях и портреты знатных когурёсцев, важно восседающих на конях.¹⁹

Многовековой опыт когурёсцев по разведению лошадей отражен в их мифах, героями которых часто выступают прекрасные табунники. В народном эпосе лошадям приписывается особая сверхъестественная сила. До сих пор недалеко от горы Моранбон

¹⁵ Вайнштейн С. И. Личное имя, термины родства и прозвища у тувинцев. — В кн.: Ономастика. М., 1969, с. 125—126.

¹⁶ Вяткина К. В. Культ коня у монгольских народов. — СЭ, 1968, № 6, с. 117; Вайнштейн С. И. Указ. соч., с. 27.

¹⁷ Вайнштейн С. И. Указ. соч., с. 27.

¹⁸ Вайнштейн С. И. Личное имя, термины родства и прозвища у тувинцев. — В кн.: Ономастика. М., 1969, с. 125—126.

¹⁹ Джарылгасипова Р. Ш. 1) Древние когурёсы. М., 1972, с. 111—119; 2) Этноним когурё. — В кн.: Этнонимы. М., 1970, с. 81.

мется пещера, с глубокой древности известная как копящая
злещего коня киринма.²⁰

Как показывают данные этнографии, прирученные животные
алтайских народов играли культурную роль и использовались
при жертвоприношениях. Об этом свидетельствуют находки костей
домашних животных при археологических раскопках могильни-
ков, а также этнографические материалы о народных обрядах
поверьях, связанных с культом различных домашних животных.
Тунгусо-маньчжурских пародических жертвенными домашними
животными были домашний олень (у эвенков, эвенков, верховских
эвидальцев), лошадь (у эвенков-копеев), собака (у низовских
эвидальцев), свинья (у нанайцев, удэ). У монгольских и тюркских
народов также были широко распространены обычаи и верования,
связанные с домашними животными, первое место среди которых
занимали лошадь и баран.²¹

Таковы в кратком изложении исторические данные, убедитель-
но свидетельствующие о самобытности скотоводства и коне-
водства у древних тунгусо-маньчжурских, тюрко-монгольских и
орейских племен.

Собака. Наиболее древним домашним животным у алтай-
ских племен и народов является, по-видимому, собака. По заме-
чанию О. Н. Трубачева, «почти всюду, даже за пределами древней
палеоазиатской территории, первой была одомашнена собака».²²

Подробно о наименованиях собаки в тунгусо-маньчжурских
языках мы уже писали.²³ Здесь же в дополнении к изложенному
выскажем лишь предположение о том, что наиболее распростра-
ненное тунгусо-маньчжурское наименование собаки является об-
щепалеотайским словом.

Приведем это наименование: эвенк. *уина* М, Сх, Тт, Урм, Учр,
Имк ~ *ина* Сх, Урм, Учр ~ *ина* Сх, *уинакин* П-Т, В, Е, П, С,
Сх, Тк, Тмх, Тнг, Урм, Чдм, Тнт. ~ *инакин* П-Т, П, Тнт. ~
инакин П-Т, А, В-Д, С, П, Н, Тнг, Тнт. ~ *инакин* П-Т ~ *ина-*
кин Нрч, К.; сол. *инахй* П. ~ *инакин* ~ *инай* Ив. ~ *неукен* ~
неке М.; эвен. *уин*²⁴ Ол, Аэл, В, М, Сх, П, Ск, Т ~ *уина* К-О
~ *уен* Арм, Ох; нг. *уинайн* ~ *инайн* Н ~ *инакин* В ~ *ена-*
ин ~ *енаин* ~ *ина* ~ *нина* Ш.; ороц. *инаки* ~ *инаки*; уд. *инаи*
Хор, Ал, Бик, Смыг; улч. *инда*; орок. *уина* ~ *ина* ~ *уиуда* ~
инда, *уинака(н)* ~ *инака(н)* ~ *инака(н)*: нан. *инда* Нх,
инаки К-У ~ *инакы* диал.; ма. *индахун*, чж. *уин тән-һанг* (ТМС,
1961).

²⁰ Джарылгасинова Р. Ш. Древние когурёссы, с. 111—119.

²¹ Вяткина К. В. Культ коня у монгольских народов, с. 147—122.

²² Трубачев О. Н. Происхождение названий домашних животных
в славянских языках, с. 4.

²³ Новикова К. А. К этимологии названий собаки в тунгусо-
маньчжурских языках. — В кн.: Проблема общности алтайских языков.
Л., 1971, с. 176—190.

²⁴ Знаком *й* обозначен твердый гласный *й*.

Сопоставление приведенных фонетических разновидностей этого
слова, учет соответствия $\epsilon (> \eta > \text{н})$ — $й$ — $й$ в анклаути и $у$ — $и$ — $и$
 $и$ — $и$ ($у$ — $и$ — $и$) в середине позволяют восстановить для него
древнюю общетунгусо-маньчжурскую форму в виде $*g\ddot{y}daku^{\prime}y \sim$
 $*j\ddot{y}taku^{\prime}y$, которая легко расчленивается на $*g\ddot{y}y + *da + *ku^{\prime}y$, где
 $*g\ddot{y}y$ — основа, $*da$ — глаголообразующий аффикс, $*ku^{\prime}y$ — прямотворя-
ющий аффикс. Аффикс $*ku^{\prime}y$ в большинстве языков развился в
-кин, а в маньчжурском и чжурчженском языках — в *-хун*.²⁵

Относительно этимологии наименования собаки в упомянутой на-
шей статье было высказано предположение о его звукоподража-
тельном характере. Корневая часть его — *гун* — *гун* — *гун* — *гун*
является общепалеотайским образным словом, изображающим визг,
скуление собаки, ржание. Ср. тунг.-ма. *g'ay* ~ *гун* ~ *гун*, п.-мо.
g'ang, монг. *ган*.²⁶ Ср. также производные от этого слова — п.-мо.
g'ang'ina, монг. *гангина*, уйг. *гунин*, тат. *гунин*, чув. *йинин* —
'визжать', 'скулить', 'выть', 'лаять' (о собаке) и др. Следовательно,
тунгусо-маньчжурское $*g\ddot{y}da$ означает 'скулить', 'лаять', а $*g\ddot{y}da-$
 $ku^{\prime}y$ — 'скулящая, лающая, сколуха, лайка'.

В качестве типологической лексико-семантической параллели
в данном случае можно привести рус. костромск. *сколуха*, *ско-*
лушка 'гончая' от *сколить* ~ *скулить*,²⁷ лит. *skalikas* 'охотничья
собака', *skālyti* 'лаять',²⁸ а также рус. сиб. *лайка*, *лаюшка* 'со-
бака', особ. 'крестьянская охотничья собака, которая облаивает
белку и птицу на дереве'.²⁹

Не исключена возможность, что соответствие этому тунгусо-
маньчжурскому слову обнаруживается в тюркском *ит* ~ *ыт*
'собака', которое, по нашему мнению, является разрушенной
формой, восходящей к более полной древней форме. Ср.: др.-тюрк.
йт, туркм., караим. диал., узб. диал. *йт*, чув. *йыт* ~ *йыд*,
ног., каракалп., узб. диал. *йт*, казах., тат. диал. *йт*, уйг.
диал. *ишт*, сарыг-юг. *еит*, сал. *ist*.³⁰

Приведенные словарные варианты позволяют восстановить

²⁵ Подробно о тунг.-ма. аффиксе $*ku^{\prime}y$ см. в названной выше статье,
с. 183—184.

²⁶ Монгольский материал в данной работе приводится главным образом
по словарям: Mongolian-English dictionary compiled by M. Haldor, J. Gom-
bojab Wangin, S. Kasatkin, F. D. Lessing, California, Los Angeles, 1960;
Монгольско-русский словарь. Под ред. А. Лувсандоржева, М., 1957; Краткий
монгольско-русский словарь. Сост. А. Рившина. Под ред. Г. Д. Салжеева,
М., 1947; Бурятско-монгольско-русский словарь. Сост. К. М. Черемисов, М.,
1951; Бурятско-русский словарь. Сост. К. М. Черемисов, М., 1973; Калмыцко-
русский словарь. Под ред. В. Д. Мунлева, М., 1977.

²⁷ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка, т. IV.
М., 1955, с. 202.

²⁸ У а ш е р М. Russisches etymologisches Wörterbuch, Bd. 2, S. 642.

²⁹ Даль В. Толковый словарь. . . , т. II, с. 241.

³⁰ Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков.
(Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М., 1974, с. 385.

в предполагаемой общетюркской праформе древний анлаутный *-j-, сохранившийся в туркменских, узбекских, каракимских диалектах и в чувашском языке, т. е. *jita ~ *jida > jit > it > it.

Наличие анлаутного j- в этом слове тюркологи объясняют различно. Для Э. В. Севортяна историческое положение его и в начале, и после корневого гласного (узб. диал. *iyim*) не совсем ясно. Не может он признать его в протетическим, так как считает, что протетический j- для туркменского по характеру, а в узбекских диалектах спорадичен.³¹ По мнению А. М. Щербана, анлаутный j- в тюркских языках — довольно поздний звук, восходящий к *v — глухому межзубному спиранту. Кроме того, он считает, что в ряде языков развился протетический j-, появление которого он относит к периоду после дробления тюркского праязыка, отмечая при этом, что вопрос о протезах в тюркских языках относится к числу неясных и спорных и что использовались, особенно протетического i-, является ограниченным. Протетическим считает он анлаутный j- и в чувашском *йымă* ~ *йидă* 'собака', возводя его без необходимых объяснений к праформе *jim, совпадающей с приведенным выше узбекским диалектным вариантом *iyim*, наличие анлаутного -j- в котором, как уже указывалось выше, пока неясно.³²

На основании слов, однокоренных с *йымă* (ер., например, производные образные глаголы — чув. *йымш*, кирг. *ыгыра*, др.-тюрк. *ыра*, башк. *ыра*, туркм. *ыран*, таг. *ыши*, уйг. *гинши* ~ *ыциши*, кирг. *ычиши* 'стонать', 'скулить', 'выть'), а также на основании сопоставления с приведенным выше тунгусо-маньчжурским материалом можно допустить, что древняя предполагаемая тюркская форма наименования собаки имела анлаутный -y- > -n-, т. е. *gigla ~ *ginda ~ *jigla ~ *jinda > *jinla ~ *jinda, которая близка фонетически приведенной выше тунгусо-маньчжурской праформе *ginda-ku'ŋ ~ *jigla-ku'ŋ.

Краткие формы перечисленных выше тунгусо-маньчжурских наименований собаки, особенно сахалинская форма *ина*, сходны с общепонским *ini 'собака', на что впервые обратили внимание П. П. Шмидт и Е. Д. Полыванов.³³ Монгольская параллель к этому тунгусо-маньчжурскому слову нами не найдена, хотя основа его *gig-*, как уже упоминалось, находит соответствие в монгольском образном слове *yang*, изображающем визг, скуление собаки.

Для сравнения интересно привлечь также палеоазиатские параллели — чук. *ы'тмъын*,³⁴ коряк. *ы'тмъ'ын* 'собака'.³⁵

Сопоставление приведенных тунгусо-маньчжурских, тюркских и японского фонетических вариантов формы со значением 'собака' показывает, что наиболее полные и архаичные из них могут быть обнаружены в тунгусо-маньчжурском материале. Тюркские и японские формы необходимо рассматривать как более поздние, подвергнувшиеся существенным фонетическим изменениям. В них произошло оглушение начального согласного g- или j- ввиду слабости их артикуляции, оглушение конечного слога, являющегося аффиксом, выпадение одного из согласных в сочетании *yt ~ yd* в середине слова, при этом в японском варианте утратился *t ~ d*, *y > n*, пиротетный гласный второго слога *a* сузился и изменился в *u* (*gigla ~ *ginda > *igla ~ *inda > *ina > inu), а в тюркских вариантах выпал носовой *y* и гласный второго слога (*gigla ~ *ginda ~ *jigla ~ *jinda > jita ~ jida > ita ~ ida > it). Пока открытым остается вопрос о том, как объяснить сходство алтайских форм с палеоазиатскими. Возможно, что это свидетельство древних связей. Допустимо также полагать, что мы имеем близкие по звучанию звукоподражания, не связанные общим происхождением.

Названия самца собаки и других собакообразных образованы по единой семантической модели от глаголов со значением издавать запах:

Эвенк. *мур* П-Т, Е, И, Н, С ~ *мур* ~ *мър* П-Т, А, Алд, Брг, Е, И, М, Н, Сх, Ткм, Урм, Учр, Члм ~ *мур* ~ *нури* П-Т 'самец (собаки, лисы, собола)', 'кобель'. Это слово известно также диалектам панайского языка, в частности кур-урмийскому, в котором оно употребляется в словосочетании *мур челги* 'самец колонка' (ТМС, I, 667). Соответствие анлаутного *ç//n//m* в этом слове, возникшее вследствие перехода носового сонанта *ŋ* в другие носовые согласные, закономерно для эвенкийских диалектов и распространяется еще на ряд слов (ер. *ула* ~ *нла* ~ *мла* 'страх', *ури* ~ *нри* ~ *мри* 'свет', *уэнэ* ~ *мэнэ* 'двигаться' и др.). Это соответствие объясняется, по-видимому, особым видом слоговой ассимиляции, происходящей в словах с сонантами или шумными целевыми согласными. Долгий гласный *ū* в нем вторичен: развился из звукосочетания *ууо. Следовательно, первоначальный облик этого слова был близок к *уууори, которое восходит к глагольной основе *уууо- > уу- ~ уо- 'пахнуть', осложненной аффиксом *-ри > -р, и означает '*издающий дурной запах', '*вопучий'.

В этимологическом плане рассмотренному наименованию родственны эвенк. *уэко* Ол, Б, П, Т ~ *уэка* К-О ~ *уэка* Ох ~ *уэкэ* ~ *уэкэ* Ск, *уэн* (< *уэн) Ск 'самец (собаки, волка, лисы,

³¹ Там же, с. 385.

³² Щербан А. М. Сравнительная фонетика тюркских языков. П., 1970, с. 79—80, 179—181; О наличии протез в чувашском и о их позднем появлении здесь см. также: S e g e r b e n i k o v В. А. Zur Frage nach dem Ursprung der prothetischen Konsonanten o und j im Tschuwaschischen. — АОН, 1966, Bd. XIX, N 1, S. 65.

³³ Schmidt P. The language of the Negidals. — Acta Universitatis Latviensis, v. V. Riga, 1923, p. 16; Поливанов Е. Д. Предварительное сообщение об этимологическом словаре японского языка. — Проблемы востоковедения, 1960, № 3, с. 179.

³⁴ Чукотско-русский словарь. Сост. Т. А. Молл, Г. И. Инэликэй. Л., 1957, с. 151.

³⁵ Русско-корякский словарь. Сост. А. Н. Жукова. М., 1967, с. 538.

песца)', 'кобель' (ТМС, I, 665, 669). Расхождение вокализма в этих эвенских словах объясняется тем, что в говорах западного наречия губной гласный *ə* длабиализуется и произносится приближенно к неогубленному *a*. Эти слова являются производными от той же глагольной основы **чүү-о- ~ *чүү-ə- > чб- ~ чб-ə* 'пахнуть' с помощью именного аффикса *-*кэ* и означают также *'издающий дурной запах', *'воночий', *'воночка'. Возможность такого сближения вполне вероятна, так как глагол *чб- < *чүү-о-* 'пахнуть' может иметь и твердоядную, и мягкорядную огласовку, т. е. может содержать и гласные *у, о*, и гласные *ү, ө, э* (ср. уд. *чюһо-си- ~ чүһо-си-* 'нюхать', эвенк. *чб-кэй ~ чб-кэй* 'черная смородина'). Очевидна связь эвен. *чбкэ ~ чбкэ* с уд. *чүһо* 'соболь', ороч. *чөксө* Ш. ~ *өксө* Л. 'волк', ма. *н'охэ* 'волк'. Закономерность соответствия *ч//н'//и*, в данном случае образовавшегося в результате развития *ч > н' > и*, может быть подтверждена материалами эвенкийского языка, в диалектах которого *ч > н'* не только перед палатализующими, но и перед губными гласными (ср. *чэскэй > н'эскэй* 'вниз по склону', *чбрича- > н'брича- > нбрича-* 'бороться').

Приведенные тунгусо-маньчжурские наименования сходны с и.-м. *podai* (< ? *po- + -dai*), монг., бур. *нохой*, бур. Ал. *нохэ* 'собака',³⁶ даг. *ноү ~ нога* 'собака',³⁷ як. *ноко* собачья кличка,³⁸ чув. *ньуха* 'собака' (детское слово) < м. *podai*.³⁹ Ср. также пен. *нохо* 'песец', манс. *нэхыс ~ нэхэ* 'соболь'.⁴⁰

Весьма вероятно, что тунгусо-маньчжурский глагол *чб- < *чүү-о- ~ *чүү-ə-* 'пахнуть' этимологически связан с тюркским глаголом *кока- ~ кок-* (аз. *коху-*) с тем же значением. Соответствие т.-ма. *ч ~ тюрк. к* в данном слове, по-видимому, закономерно, так как оно возможно и в других словах (ср. т.-ма. *чйлаэ ~*

цала ~ цал ~ зала 'рука', монг. *гар* 'рука', тюрк. *кары ~ кар* 'рука', 'верхняя часть руки').⁴¹

В пегидальском, а также в южных тунгусо-маньчжурских языках название самца собакообразных и других животных образовано от глагола *мука- ~ мука-* 'портить воздух', ср. нег. *музоти* П ~ *музэти* В 'самец (собака, лисы, соболя)', ороч. *муэти* (< **муээти* < **муээти*), уд. *муээти ~ муээти* Хор, Бик (< **муээти*) 'самец некоторых животных' (ТМС, I, 554). Этимологическую форму **муээти ~ *муээти* мы рассматриваем как производное прилагательное, образованное от глагольной основы *мука- ~ мука-* 'портить воздух' с помощью аффикса *-ти*, что означает буквально 'портящий воздух'. Глагол *мука-* может иметь и твердоядную огласовку, ср. уд. *муһа-кта- ~ муа-кта-* 'портить воздух', а также ма. *муһаи* 'самец' (тигр, барс), нан. *моһа(н-)* Бик 'самец', 'бык' (ТМС, I, 543), которое в этимологическом плане является производным существительным, образованным аффиксом *-н* от глагола *мука-*.

С глаголами *чб- ~ чб-ə, мука- ~ мука- ~ мука-* в тунгусо-маньчжурских языках связаны названия и других животных, в особенности имеющих пахучие анальные железы, ср.: эвенк. *чохорин* Нак 'лось' (осенью во время гона), пег. *чбдолай*, ороч. *чбкүлә омхи*, улч. *вақолай ~ вақулай ~ чяқулай*, нан. *вйқолай ~ вйқолай ~ чоуқолай* 'хорек', 'комонок', букв. 'воночий', ма. *ванза сиңезри* 'выхухоль', букв. 'мышь, имеющая запах', эвенк. *муку* Алд, З, М, Урм, Учр, Хнг, Чмк, *мукуйин* А, М, *мэвэки* Олкм. 'мускусная кабарга', *мурэвэй* Брг, В-Л, С-В 'росомаха' (портящая воздух при преследовании ее собаками), *мукучай* В-Л 'ласка'.

По аналогичной семантической модели образованы названия некоторых животных семейства куньих и в тюркских языках, ср.: уйг. *сесики* (от *сесик* 'воночий' < *сеси-* 'вонять'), аз. *гогарча*, тур. *кокарча* (от *кокар* 'воночий' < *кока-* 'вопать') 'хорек', букв. 'воночка', чув. *пйсапа* (древнее причастие от глагола *пйсар-* 'портить воздух') 'хорек', букв. 'портящий воздух', др.-тюрк. *borsuq ~ bursuq* (< *bor- ~ bit- ~ pit-* 'пахнуть', 'вопать' + архаичный аффикс глагольного имени *-suq ~ -siq*), чув. *пурэйи* (< *пур-* + аффикс *-эйи*) 'барсук', букв. 'воночий', 'воночка'.⁴²

Наиболее распространенное наименование самки собаки в других собакообразных *уки ~ ука < *гуки ~ *гука*, которое в большинстве языков употребляется в оформлении аффиксами субъективной оценки, ср.: эвен. *уки* Ол, Б, К-О, М, Ох, П, Ск, Т

³⁶ О соотношении м. *podai* с ма. *н'охэ* 'волк' см.: Р о р р е N. On some Mongolian names of wild beasts. - САУ, 1964, v. IX, № 3, p. 166. — В. М. Иллич-Свитыч считает м. *podai* родственным эвенк. *луку* 'голубой песец', ороч. *локе* 'рысь', ма. *лука* 'рысенок'. Связь маловероятна, так как приведенные тунгусо-маньчжурские слова являются кличками или эфемизмами, имеющими иное соответствие в монгольских языках (ср. эвенк., ороч., нан., ма. *луку*, улч. *локо*, пег. *лохо ~ лоху*, уд. *лохо*, ороч. *лохэ ~ лохэй* 'гусей', 'лохматий', которое соответствует м. *лйг* 'гусей'). Приведенные им индоевропейские и картвельские параллели — арм. *lusanuk*, др.-в.-нем. *lubs* 'рысь', груз. *lekwi*, чап. *lakot-* 'щенок', чап. *lak* 'собака' — также сомнительны. Наиболее удачными из приведенных им параллелей являются драв. *nakke* (каппада) 'шавал', *nakka* (колами) 'лиса' (см.: И л и ч - С в и т ы ч В. М. Соответствия смычных в постратических языках. — В кн.: Этимология. 1966. М., 1968, с. 328—329).

³⁷ П о п п е Н. Н. Дагурское наречие. Л., 1930, с. 87.

³⁸ Ц е к а р с к и й Э. К. Словарь якутского языка, т. II. Л., 1959, с. 1751.

³⁹ Е г о р о в В. Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964, с. 141.

⁴⁰ Ненецко-русский словарь. Сост. Н. М. Терещенко. М., 1965, с. 317; Мансийско-русский словарь. Сост. А. Н. Баландиц, М. П. Вахрушева. Л., 1958, с. 63.

⁴¹ Р о р р е N. Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen. Teil 1. Wiesbaden, 1960, S. 24.

⁴² Щ е р б а к А. М. Названия домашних и диких животных в тюркских языках. — В кн.: Историческое развитие лексики тюркских языков. М.—Л., 1961, с. 146; Е г о р о в В. Г. Этимологический словарь чувашского языка, с. 150, 336; Ц е л ь н и к е р С. С. Некоторые дополнения к этимологии русск. *барсук*. — В кн.: Этимология. М., 1963, с. 120—123.

(< *гуки), эвенк. *укучэн* Н-Т, А, Алд, З, М, Сх, Урм, Учр, Тк ~ *укус'он* Ал ~ *укучэн* В-Л, Е, И, М, Н, С, Сх, Ткм, Тт, Урм ~ *укучэн* Тит. ~ *гукачэн* С-В (< *гукэчэн < *гука- (?) + пренебрежительный аффикс *-чэн), нег. *уэчэн* П ~ *укэчэн* В, уд. *гус'а* Хор, Бик, Смрг (< *гугачэн < *гукачэн < *гукэчэн), орок. *увэч(н-)*, ульч. *вэч(н-)* ~ *уэч(н-)*, нан. *вэч* Нх, К-У ~ *уэч(н-)* Бк, ороц. *уача* (< *гувачэн < *гугачэн < *гукэчэн), ульч. *вэчэ-кэ(н-)*, ороц. *вэчкэ* (< *гуэчэчкэн < *гугачэчкэн < *гукэчэчкэн < *гука- (?) + пренебрежительный аффикс *-чэн + уменьшительный аффикс *-кэн) 'самка (собаки, лисы, волка, соболя, песца)', 'сука'. В удийском языке это наименование обозначает также самку кунных (горностая, колошка), а также грызунов (белки, бурундука). Слово *уки*, кроме эвенского, имеется в кур-урмийском диалекте нанайского языка со значением 'самка колонка', а также в негидальском и маньчжурском языках со значением 'самка выдры, бобра' (ТМС, II, 256). Наиболее архаичной основой в перечисленных наименованиях является, очевидно, *уки* < *гуки. Этимология ее нам пока неясна.

Другие наименования самки собаки: ороц. *буни* (ср. эвенк. *бүни-* ~ *гүни-*), сол., нег. *бүни-*, эвеш., орок. *бүни-*, уд. *бүни-*, ульч., нан. *бүчи-* 'выть' (о собаке, волке), монг. *бүчи-* 'выть' (продолжительно, протяжно — о волках); ма. *эн'ихэн* ~ *эн'эхэн* (от *эн'и* ~ *эн'э* 'мать'); эвенк. *тиги* М, Тк, Урм, Учр < як. *тыгы* 'самка'.

Наименование самца и самки собаки в тунгусо-маньчжурских языках может быть передано также посредством словосочетания, в состав которого входит слово со значением 'самец' или 'самка', например: эвеш. *хискэн үн Ск*, орок. *хусэ үнда*, нан. *хусэ үнда* 'кобель', сука, 'самец-собака' (*хискэн* 'самец оленя', *хусэ* 'особь мужского пола'); нан. *вэч үнда* Нх, ороц. *уача инаки*, ма. *эн'эхэ үндахун* 'сука', букв. 'самка-собака' (*вэч* ~ *уача*, *эн'эхэ* 'самка собачьих').

Название детеныша собаки образовано от вокативного слова, которое в большинстве языков имеет форму *кач* ~ *кич* ~ *кас* ~ *хас* ~ *гаи* — подзывание щенка, ср.: эвенк. *качикэн* (< *качи зват. форма 'щенок' + уменьшительный аффикс -кэн), *качикат'кэн* Брг (< *качикэн + аффикс со значением детеныша -т'кэн), сол. *хасхэ* П. ~ *гаишэн* Пв. (< *качикэн), эвен. *кача* Ол. Б, П ~ *кача* Ох ~ *кач* Алд ~ *качын* Т (зват.), *качйқан* Ол, Алд, П ~ *качйқан* К-О, М, Ох, Ск, Т ~ *качйқан* В ~ *касқан* Арм, нег. *кач* П (зват.), *качйқан* Н ~ *качйқан* В, уд. *кас'ан'зига* (< *качикэн + аффикс собирательности и множественности *-зига), нан. *кача* К-У ~ *касқа* Бк (< *качйқан) 'щенок'. В солонском и в диалектах эвенкийского языка это слово употребляется также в значении собаки вообще. В орокском, ороцком и панайском языках вокативное слово, от которого образовано название щенка, выступает в иной фонетической форме — *кайч > *кэч* (ср. нан. Бик. *кэч-кэч* ~ *кэт-кэт* — подзывание щенка); орок. *кэчикэ* (< *кайчикэн) ласк. 'щенок',

ороц. *кайчкэ* (< *кайчэчкэн), нан. *кайч* (< *кайчэн) Нх, *кайчэч* (< *кайчэчэн) Нх 'щенок' (ТМС, I, 385).

В других алтайских языках представляет интерес тюркское наименование щенка, восходящее, по-видимому, к вокативному слову *күч. Оно близко к рассмотренным тунгусо-маньчжурским словам по структуре, но отличается от них фонетически (составом гласных), ср.: аз., алт., балк., кирг., уйг. *күчүн*, башк. *көсөн*, казах. *күшиз*, каракалп., пог. *күшүн*, где *күч ~ *күш ~ *көс вокативное слово, а *-к — непродуктивный уменьшительный аффикс.⁴³ Ср. также др.-мо. *arslani küçük* 'львенок'⁴⁴ и як. *качий-* ~ *кочиб-* ~ *кучий-* ~ *кыччй-* 'десять маленьким', *качыгыл* (от *качий-* + *-гыл*) ~ *кочугуи* ~ *кучугуи* ~ *кыччыгыл* 'маленький'.⁴⁵ Непосредственной параллелью к этим тюркским и монгольскому словам является, очевидно, эвен. *кочукэн* Ол, Алд, М, П, Т ~ *кочукэн* Б ~ *кочу-кан* К-О ~ *кучикэн* Арм ~ *кучукэн* Ох, *котл'ан* К-О ~ *котлэн* Ск 'маленький', *кочл'н'э* Ол ~ *кочл'л'э* В, *кучик'ишэн* Арм 'малютка', 'младенец', 'малыш', в которых -кэн, -л'ан ~ -лэн, -н'э ~ -л'э — аффиксальные элементы (ТМС, I, 421).

Приведенные алтайские вокативные слова и производные от них интересно сопоставить с индоевропейскими и финно-угорскими образованиями от фонетических вариантов *kut- ~ *kub- ~ *kuc- со значением 'щенок', а также 'сука', 'собака' вообще, ср.: рус. *куть-куть*, польск. *kuciu-kuciu* — подзывания, рус. диал. *кутенок*, *кутя*, *кутько*, *кутьок*, *кутик* 'щенок', *кутиха* 'сука', *кучб* ~ *кучб* 'кобель', 'пес', укр. *котьба*, словац. *kot'aha* 'собака', 'пес', рус. *кучак*, *кучка*, болг. *куче*, серб. *куче*, словен. *kūček* ~ *kūček*, латыш. *kuce* 'собака', 'сука', алб. *kutsch*, осет. *куз* ~ *куз*, пам. *kud* ~ *k'od*, курд. *kūçik*, венг. *kutya* 'собака', коми *kitši* ~ *kytši* 'щенок'.⁴⁶

Лошадь. Большинство названий лошади в алтайских языках также восходит к очень ранней эпохе. Предполагается, что лошадь была одним из первых домашних животных у предков всех алтайских племен и народов, которым уже в неолите были известны различные формы скотоводческого хозяйства.

Наиболее распространенным наименованием лошади, копия в тунгусо-маньчжурских языках, не дифференцированным относительно пола, является *мурин* ~ *муриш*. Оно известно почти всем языкам и диалектам. Исключения представляют арманский диалект эвенского языка, в котором бытует русское заимствование *көн'и*, и токинский диалект эвенкийского языка, в котором наряду с *муриш* употребляется якутское *ат* 'лопадь'. Назвали

⁴³ Об этом аффиксе см.: Себорян Э. В. Аффиксы именные словообразования в азербайджанском языке. М., 1966, с. 166.

⁴⁴ Шоппе П. Н. Монгольский словарь Мукадимат Ал-Адаб. М. — Л., 1938, с. 106.

⁴⁵ Пакарский Э. В. Словарь якутского языка, т. I, с. 998.

⁴⁶ Трубачев О. П. Происхождение названий домашних животных в славянских языках, с. 25.

для жеребца и кобылы, а также для мерина появились, очевидно, позднее, некоторые из них были заимствованы.

Тунгусо-маньчжурское *морин* ~ *мурин* имеет параллели в других алтайских языках, ср. монгольское *morin*, корейское *маль*. В тюркских языках это слово, по-видимому, отсутствует.

В научной литературе было высказано мнение, что исходной из перечисленных форм является монгольская, а тунгусо-маньчжурская и корейская формы заимствованы у монголов точно так же, как заимствована у них, например, сойотская (тувинская) форма *мор* 'лошадь' < *morī* < *morin* или общерусское *мерин* 'кастрированный жеребец'. Такой точки зрения, в частности, придерживался Г. И. Рамstedт в отношении корейской формы *маль*.⁴⁷ Г. Д. Санжеев, В. И. Цициус, С. Калужинский в отношении тунгусо-маньчжурских форм *морин* ~ *мурин*.⁴⁸

Предположение о заимствовании корейского и тунгусо-маньчжурского наименований лошади, на наш взгляд, следует считать неправомерным, так как слово это имеет широкое распространение в корейском и тунгусо-маньчжурских языках и их диалектах, образуя в них большие гнезда производных слов, среди которых имеются архаичные формы. Противоречат этому мнению и приведенные выше историко-этнографические и археологические данные, свидетельствующие об относительно высоком уровне древней материальной культуры предков корейцев и тунгусо-маньчжуров, о раннем знакомстве их со скотоводством и коневодством. Что же касается маньчжуро-монгольских, а тем более корейско-монгольских лексических связей, то они недостаточно ясны, хотя известно, что эти языки в древности не были изолированными. Фонетические закономерности освоения монголизмов установлены частично лишь для маньчжурского языка⁴⁹ и неизвестны для корейского.

В данной работе сделана попытка обоснования иной гипотезы, а именно что тунгусо-маньчжурское, монгольское и корейское наименование лошади, коня является общеалтайским, восходящим, как будет показано ниже, к единому прототипу **morin*, который в свою очередь восходит к более древней форме **markin*, возможно к **markin*. При реконструкции праформы, естественно, считывались данные не только алтайских языков, но также и тех, которые это слово заимствовали (тибето-китайских, германских и др.).

В тунгусо-маньчжурских языках отмечены следующие фонетические разновидности этого слова: эвенк. *мурин* (*морин* Нрч, Ткм. Хиг, Е., *муркин* ~ *муркун* Тк); сол. *морй* П. ~ *морі* ~ *морін* Пв., эвен. *мурян* Ох ~ *мурён* Ол, Алд, Б, М, П, Т ~ *мурон* К-О, Ск; нгг. *мојин* Н, В; ороц. *мур(н-)*; уд. *муји* ~ *муи* Нор, Бик, Сырг; улъч., орок. *мур(н-)*; нан. *морй* Нх, К-У ~ *морй(н-)* Бк;⁵⁰ ма. *морин*: чж. *тй-лп* 'лошадь, конь' (ГМС, I, 358).⁵¹

Перечисленные варианты, кроме эвенкийского токкинского *муркин* ~ *муркун*, который будет рассмотрен особо, восходят к единой, более древней форме **morin*, сохранившейся в нерчишском, токминском, хинганском говорах эвенкийского языка и в маньчжурском языке и совпадающей с общеалтайским прототипом **morin*.

Форма **morin* исторически членима. В ней может быть выделена корневая основа **mor-* и аффиксальное окончание **-n*. В диалектах основа **mor-* может иметь в начале губно-губной шумный согласный *b*. Основа в этом варианте прослеживается в арманском слове *борон'чи* < *бор-о-н'чи* 'конский волос' (слова *морон* или *борон* 'лошадь' в этом диалекте нет). В негидальском и удэйском языках мы имеем в основе *j* вместо общетунгусо-маньчжурского *p* (ср. нгг. *мојин*, уд. *муји*). Это регулярное фонетическое соответствие объясняется тем, что в негидальском и удэйском языках нет звука *p*. Он возможен здесь только в небольшом количестве образных и заимствованных слов.⁵² Чередование гласных *y* ~ *o* в основе возникло благодаря ассимилятивному влиянию губно-губного *m* на более архаичный гласный *o*. После основы в большинстве языков выступает гласный *u* ~ *i* ~ *i*. Эвенские варианты с широкими гласными *a* ~ *ɔ* ~ *o* вторичны. В солонском, удэйском, улъчском, нанайском, ороцском, орокском языках конечный *n* в форме **morin* в номинативе отпадает, при этом в солонском и нанайском языках предшествовавший ему гласный навалίζεται (ср. сол., нан. *морй*). При наращении аффиксов *n* сохраняется (ср., например, уд. *муји-ду*, улъч., орок. *мурян-ду*, ороц. *мурин-ду*, нан. *моран-ду* — форма дательного падежа).

Форма **morin* выступает в качестве основы при образовании вторичных аффиксально производных и сложных имен, которые широко представлены во всех тунгусо-маньчжурских языках. Приведем некоторые из них: эвенк. *мурда* Э, Тнг < **мор(н)гда*

⁴⁷ Ramstedt G. J. Einführung in die altalische Sprachwissenschaft. Lautlehre. Helsinki. 1957.

⁴⁸ Санжеев Г. Д. Маньчжуро-монгольские языковые параллели. — АН. Отд. гуманитарных наук, 1930, № 9, с. 699; Цициус В. П. Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков. Д., 1949, с. 130; Луцкий С. Solonisches Wörterverzeichnis. — RO, XXXIV, 2, S. 28.

⁴⁹ Санжеев Г. Д. Маньчжуро-монгольские языковые параллели, 601—615.

⁵⁰ Точкой над *й* и *ю* обозначены твердоядные узкие гласные тех тунгусо-маньчжурских языков, в которых по гармонии различаются твердоядные и мягкоядные узкие гласные; *ɔ* — редуцированный вариант твердоядного широкого гласного *a*.

⁵¹ О слове «лошадь» в тунгусо-маньчжурских языках см. статьи: Сипс V. I. Manchu-Tungus Data on the Word «Horse». — CAJ, 1965, v. X, № 3—4, p. 151—156; Попкова К. А. К истории и этимологии названий лошади в алтайских языках, с. 36—38.

⁵² Цициус В. П. Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков, с. 245.

'деревянное изображение коня', которое прежде возлагалось на могилу некоторыми из тунгусо-эвенкийских и зейских эвенков⁵³ (-да ~ -ба ~ -ди ~ -гда ~ -гдэ ~ -гди — диалектные варианты ограниченно продуктивного аффикса отыменных и отглагольных имен);⁵⁴ эвенк. *муриди* < **мори(н)ди* 'конный' (-ди — аффикс отыменных имен прилагательных); эвенк. *мурика* (*мурикса* (*мурикса* *Н* ~ *муриха* Алд, З, Ткм, Тмт, Хнг) < **мори(н)жа*, эвен. *мүрбэ* (*мүрбно* ~ *мүрбно* Ск), ульч. *мүрйжа*, нан. *мүрйжа* 'конская шкура' (-жа ~ -на ~ -жа ~ -жа ~ -на ~ -е — аффикс, обозначающий шкуру); эвенк. *мурикан* (*муриан* Алд, Б, З, Н, Тк) < **мори(н)кан*, эвен. *мүрбакан* Ол, Б, П ~ *мүрбакан* Алд, М, Т ~ *мүрбакан* Ск, нег. *мојбакан* Н, В 'имеющий коня, конный, всадник' (-кан ~ -кан ~ -лан — аффикс обладания); эвенк. *муричкиан* П-Т, Тк (*муричкиан* Тк, Учр, Члм, Члм) < **мори(н)тикан* 'жеребенок' (-чкиан, -тикан — аффиксы уменьшительности по признаку возраста); эвенк. *мурича* (*мурича* Прч, Ткм, Хнг, К.) < **мори(н)чи*, сол. *мориэ* 'имеющий коня, конный, всадник' (-чи ~ -э — аффикс обладания); эвен. *мүркан* М, Т ~ *мүркан* Ол, В < **мори(н)кан* 'игрушечная лошадка', нег. *мојкан*, нан. *мүрикя* 'жеребенок' (-кан ~ кан ~ ка — аффикс уменьшительности); эвенк. *муртај* С-Б < **мори(н)тај* 'с конем, конный' (-тај — аффикс совместности); эвенк. *мурун* П < **мори(н)вун* 'конский волос для починки сетей' (-ун — диалективный вариант аффикса -вун со значением орудия или предмета, при помощи которого производится действие); эвенк. *мурчен* Алд, З, Прч, Урм, Учр < **мори(н)чен* 'конный, коневод', ма. *моричи* 'конюх' (-чен, -чи — аффиксы со значением профессии или рода занятий); эвен. *мүрнрб* Ол, П ~ *мүрнрб* К-О ~ *мүрнрб* М, Т ~ *мүрнрб* Алд ~ *мүр-*

нрб Б < **морина* 'конский волос' (-рб ~ -др ~ -др'а ~ -нб — продуктивный собирательный аффикс); эвен. *мүрнчн* Ол ~ *мүрнчн* Ох ~ *мүрнчн* Ск ~ *мүрнчн* Б, М, Т < **мори(н)чн*, ульч. *мүрнчн* 'многошадный' (-чн ~ -нчн ~ -нчн — аффикс отыменных прилагательных со значением обладания большим количеством предметов); нан. *мүрнчн* ~ *мүрнчн*, ма. *мүрнча* 'конный', 'всадник' (-чн ~ -чнч, -чча — аффиксы отыменных имен); ма. *мурхо* (< *мурчин* 'лошадь' | *ор* | *хо* 'трава', Ш.) 'медок' — кормовая трава для лошадей; ма. *моса* (< *мошин*) 'лошадь' - [та]-са 'тигр', Х., Ш.) название мифического зверя, похожего на лошадь, и многие другие.

От основы **morin-* образован также ряд отыменных глаголов: эвенк. *мурда* (*мурда* В-П ~ *мурда* ~ *мурда* Прч, *мурида* М, Тк, *мурита* Члм) < **моринда*, эвен. *мүрнда* (*мүрнда* Ох ~ *мүрнда* Ск), эвенк. *мурй* < **моринй* - Н, ма. *морила* 'ехать на коне' (-да ~ -да ~ -до ~ -та, -ла ~ -ла — аффиксы отыменных глаголов); эвен. *мүркат* /ч- (*мүркан* /ч- Ох, Ск, Т, *мүрат* /ч- Алд) < **мори(н)кат* /ч- 'играть в лошади' (-кат /ч- ~ -кат /ч- — аффикс отыменных глаголов со значением игры); эвен. *мүраа* - В < **мори(н)ла* 'пойти за лошадью, лошадьми' (-ла — аффикс со значением движения к предмету); эвен. *мүрият* /ч- (*мүрият* /ч- Б) < **мори(н)лат* /ч- 'иметь лошадей' (-лат ~ -лат — аффикс отыменных глаголов со значением обладания) и др.

Нельзя не обратить внимания на то обстоятельство, что многие из этих производных слов в процессе развития тунгусо-маньчжурских языков и диалектов подверглись значительным фонетическим и структурным изменениям, в результате которых произошли не только качественные изменения звуков, но и угата их в слове и, как следствие этого, — изменение слогового состава слова. Ср., например, эвск. *мурда* < **мори(н)гда* 'деревянное изображение коня, которое прежде возлагалось на могилу', эвенк. *мурун* < **мори(н)вун* 'конский волос для починки сетей', эвенк. *мурда* < **моринда* 'ехать на коне', эвен. *мүркан* < **мори(н)кан* 'игрушечная лошадка'. Такие глубокие изменения свидетельствуют о большой древности как наименования коня, так и связанных с ним производных, и исключают, по нашему мнению, возможность его заимствования. Одним из аргументов в пользу исконности тунгусо-маньчжурского **morin* является то, что среди приведенных выше производных встречаются слова с архаичными, ныне непродуктивными или ограниченно продуктивными аффиксами (ср. *мур-да*, *мүрн-рб*), которые, по нашим наблюдениям, не образуют производных от заимствованных основ. Если все же допустить заимствование тунгусо-маньчжурского **morin* из неизвестного нам сейчас источника, то это заимствование могло быть в очень отдаленные времена, когда архаичные аффиксы типа имобразующего аффикса -да/-да или омертвело-собирающего аффикса -рб/-рб были продуктивными.

⁵³ Слово *мурда* 'деревянное изображение коня' заслуживает особого внимания, так как оно является очень древним словом, распространенным среди конных тунгусов (мурчен), у которых лошадь в хозяйственно-экономическом отношении играла значительную роль. Обычай помещать на могилу деревянное изображение коня несомненно заменил более древний обряд — убивать лошадь, принадеждающую покойному, на его могиле. При совершении похоронного обряда конные тунгусы (мурчен) убивали лошадь, мясо которой тут же съедали, а кости и голову лошади клали на гроб умершего (или умершей). Этот религиозный обряд позволяет сделать заключение о том, что лошадь в древних времена прочно вошла в быт этой группы тунгусов (см.: М а в Р. Путешествие на Амур. СПб., 1839, с. 76—78, 315).

⁵⁴ Фонетические варианты этого архаичного аффикса проследываются в следующих словах: *ичэдэ* Ск, Тк, Тмт, Урм, Члм ~ *ичэди* Е, Н, П, П-Т, Учр. Члм ~ *ичэдэ* З, П-Т, Члм 'внешний вид, облик, образ', 'масть' от *ичэ* 'видеть'; *мулнигди* Алд, Ск, Урм, Учр, 'жалкий' от *мулан* 'жалеть', 'жалость'; *нактирэгди* С, Ск 'темный' от *нактира* 'темнеть', 'темнота' (см.: В а с и л е в и ч Г. М. Эвенкийско-русский словарь. М., 1958, с. 183, 261, 465; Р о м а н о в а А. В., М ы р е с в а А. Н. Диалектологический словарь эвенкийского языка. Л., 1968, с. 70, 101); *гада* П-Т 'берущий, действующий' (о руке, если вторая не действует) от *га* 'взять'; *сацэгдэ* Н, Ск, Учр 'дырявый' от *сацэр* 'дыра'; *чолгэда* П-Т 'языкатый' от *чол* 'язык' (см.: К о н с т а н т и н о в а О. А. Эвенкийский язык. М.—Л., 1964, с. 111; В а с и л е в и ч Г. М. Эвенкийско-русский словарь, с. 80, 343).

Из приведенных выше фонетических разновидностей тунгусо-маньчжурского наименования лошади, коня особый интерес представляет эвенкийский диалектный вариант *муркин* > *муркун*, зафиксированный в диалектологическом словаре эвенкийского языка А. В. Романовой и А. Н. Мырсовой для токкинского говора.⁵⁵ В нем, как нам представляется, сохранилась наиболее архаичная форма наименования коня в тунгусо-маньчжурских языках. Уместно заметить, что привлечение данных говоров и диалектов в алтаистических исследованиях совершенно необходимо, особенно по тем алтайским языкам, по которым отсутствуют дрезные письменные памятники. Токкинский вариант позволяет реконструировать праформу рассматриваемого слова в виде **morkin*. Из нее в результате выпадения *k*, образовалась более поздняя форма **morin*, бытующая в различных фонетических вариантах в современных тунгусо-маньчжурских языках.

Заметим, что выпадение *k*, как и отпадение его в начале слова, весьма характерно для тунгусо-маньчжурских языков. Оно прослеживается в ряде слов и аффиксов. Ср., например, упоминавшиеся выше слова: эвенк. *мурайн* Алд, Е, З, П, Тк < **мори(н)-лакн* 'имеющий коня, конный', эвен. *муръс* < **мори(н)кса* 'конская шкура', эвен. *мурат*- Алл < **муркат* < **мори(н)кат* 'играть в лошади'.

Этимологически **morkin* следует рассматривать, по-видимому, как производное имя с аффиксом **-kin*. В современных тунгусо-маньчжурских языках этому аффиксу соответствует эвенк. *-кин*, эвен. *-кэн*-'кэн', нег. *-хин*, сол. *-хй*, ороц. *-хи/-ки* ~ *-ххи/-хки*, нан. *-киц* Спг ~ *-кй/-кй* К-У, ма. *-хун/-хун* ~ *-хон/-хон*. Аффикс **-kin*, обозначающий признак по действию, в настоящее время в одних языках не продуктивен, в других — ограниченно продуктивен. Немногие производные с этим аффиксом, главным образом прилагательные, реже существительные, принадлежат к древним словам. В некоторых из них можно выделить глагольную основу, которая выражает чаще всего состояние или является образной, например: эвенк. *ајуу-кин* 'сытый' от *ајуу-* 'насытиться', эвенк. *жаму-кин* 'голодный' от *жаму-* 'хотеть есть' и др. В ряде случаев слова с аффиксом **-kin* этимологически невозможно связать с какой-либо живой глагольной основой, но в них можно выделить образные корни, общие с корнями других знаменательных слов, ср.: эвенк. *жула-кин* 'голый', 'босой', *жула-кйт* П-Г 'ходить босиком': эвенк. *н'арба-кин* 'голый', 'босой', *н'арба-ти* П-Т 'лысый'; эвенк. *эртү-кин* З, Н, Сх, Тмг, Урм, Учр, Чдм 'пенюляный' (о сосуде), *эртү-р* Сх, Тмг, Урм, Учр, Чдм 'убавить, отлить' (из сосуда), *эртү-ргэ* П-Г 'убавиться'.⁵⁶

Таким образом, приведенные примеры позволяют сделать предположение о том, что основа **mor-* в **morkin* по происхождению могла быть или глагольной, или образной. Этимология ее нам окончательно неясна. В качестве рабочей гипотезы выскажем предположение, что **mor-* является образной основой, в которой заключено лексическое значение, передающее представление о масти животного. Она может быть сопоставлена, по нашему мнению, с эвенк. *мури* П-Г ~ *морин* С-Б, эвен. *мури* 'смуглый', 'смуглость', 'подпалина' (рыжеватые, желтые пятна на шерсти животного иной масти), сиб. 'белка-подпала' (сорт беличьего меха), а также с ма. *мурун*, *журун* малахи 'пестрая степная кошка' (желтая с черными пятнами). Это образное слово в эвенкийском и маньчжурском языках имеет твердоядную огласовку, в эвенском — мягкорядную.

Почему нам кажется возможным такое сопоставление?

Дело в том, что такая лошадь Центральной Азии, открытая Прикаспальским, и, по-видимому, прирученная предками алтайских племен и народов, имеет буровато-желтую окраску верха тела и боков и светло-желтую низа тела и конца морды. Вдоль спины проходит узкая темная полоса. Темные полосы имеются иногда также на плечах и ногах. Цвет гривы и хвоста черный.

Монгольские формы рассматриваемого слова близки тунгусо-маньчжурским или совпадают с ними, ср.: л.-мо. *mori(n)*, монг. Халх *морй(к)* ~ *морй* ~ *морь* (в транскрипции Владимирова — *морин* ~ *морй*),⁵⁷ монг. Даг, Орд, монгор. *морй*, могол. *морйн*, калм. *мөрөн* ~ *мөрн*, бур. *морйу* ~ *морбу* 'лошадь, конь', 'мерин'. Они также могут быть возведены к более древнему общемонгольскому архетипу **morin*, сохранившемуся без изменений в письменномонгольском, в халхасском диалекте и в могольском языке и совпадающему с общеалтайской праформой **morin*.

В большинстве приведенных монгольских словоформ во втором слоге содержится исходный гласный *i* ~ *й* ~ *й*. Формы с редуцированным и огубленным *o* являются поздними. Появление гласного *o* в бурятской диалектной форме объясняется ассимилятивным влиянием гласного *o* первого слога (**morin* > *morou*). В калмыцком языке, как полагает Г. Д. Санжеев, под палатализующим влиянием гласного *i* большое количество слов заднего ряда, в том числе и *morin*, перешло в передний (*morin* > *мөрйн*), а затем гласный *i* сам подвергся ассимиляции (*мөрйн* > *мөрбн* > *мөрн*).⁵⁸ Копечный *-н* в **morin* в некоторых монгольских языках и диалектах в основной форме отсутствует (ср. Халх *морй* ~ *морь*, Даг, Орд, монгор. *морй*). Это обстоятельство позволяет от-

⁵⁵ Романова А. В., Мырсова А. Н. Диалектологический словарь эвенкийского языка, с. 102.

⁵⁶ Васильевич Г. М. Эвенкийско-русский словарь; Диалектологический словарь эвенкийского языка.

⁵⁷ Владимирцов Б. Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхасского наречия. Л., 1929, с. 335, 357.

⁵⁸ Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков, т. 1. М., 1953, с. 75, 119.

ести **morin* к числу тех имен, которые принято называть в монгольских грамматиках именами с неустойчивым конечным *-n*, или именами, имеющими две основы — полную и усеченную.⁵⁹ При наращении аффиксов конечный *-n* в таких словах, как и в тунгусо-маньчжурских языках, сохраняется, например: Халх. *морь* ~ *орь* (имен. п.), *моринь* (род. п.), *мориндэ* (дательн.-местн. п.). Конечный *-n* в письменномонгольском языке Б. Я. Владимирцов называет морфологизированной фонемой, которая употребляется очень нерегулярно. Одни и те же слова, пишет он, могут употребляться и с *-n*, и без *-n* (*saran* ~ *sara* 'луна, месяц', *usun* ~ *usu* 'вода' и др.). Ослабление конечного *-n* в монгольских словах, отмечает он, началось рано, письменные памятники XIII—XIV вв. уже указывают на это. В старом письменномонгольском, пишет он, конечный *-n* принадлежал основе. Он наблюдался здесь чаще, употребляясь в тех словах, которые в новом письменномонгольском уже не имеют конечного *-n* (стар. п.-мо. *erten* 'рапо' — нов. п.-мо. *erte*; стар. п.-мо. *xigan* 'дождь' — нов. п.-мо. *xiga* и др.). Формы слов без *-n* являются здесь более новыми. Б. Я. Владимирцов отмечает также, что в ряде слов письменномонгольского языка конечный *-n* появился под действием аналогии.⁶⁰ В современных монгольских языках и диалектах конечный *-n* письменномонгольского языка отражается различно: в калмыцком языке и в ордосском диалекте монгольского языка он сохраняется, в халхасском диалекте — исчезает, назализуя предшествующий ему гласный, в бурятском — превращается в заднеязычный *ɣ*.⁶¹

Как и в тунгусо-маньчжурских языках, форма **morin* прослеживается в ряде производных слов и основ монгольских языков и диалектов, например: п.-мо. *moritai*, монг. *морьтой*, бур. *моритой* 'имеющий коня, с конем' (*-tai* ~ *-той* — аффикс со значением обладания); п.-мо. *moritu*, монг. *морьт*, бур. *морито* 'конный' (*-tu* ~ *-т* ~ *-то* — имяобразующий аффикс, указывающий на наличие того, что выражено основой); монг., бур. *морирхуу* 'похожий на лошадь, вроде лошади' (*-рхуу* ~ *-рхүү* — имяобразующий аффикс со значением подобия, сходства); бур. *моршо(н)* 'конюх' (*-шан* ~ *-шэн* ~ *-шон* — имяобразующий аффикс со значением занятия, рода деятельности); п.-мо. *morda-*, монг., бур. *мордо-* 'сесть на лошадь', 'отправиться в путь' (*-da* ~ *-до* — аффикс отымонных глаголов со значением действия, совершаемого при помощи того, что выражено основой); п.-мо. *morila-*, монг. *морило-* ~ *морьло-*, бур. *морил-* первоначальное значение 'отправиться верхом на лошадь', ныне в вежливой речи означает 'пожаловать, соизволить приехать, прибыть', а также употреб-

ляется вместо слова 'умереть' (*-la* ~ *-ло* ~ *-л* — аффикс отымонных глаголов); п.-мо. *morirxa-*, монг., бур. *морирхо-* 'хвастаться своей лошастью' (*-rxa* ~ *-рхо* — аффикс отымонных глаголов, значение — кичиться тем, что выражено основой) и др.

По происхождению тунгусо-маньчжурское и монгольское **morin* является общим с корейским *маль* (номинатив *мур-и*, диалектная форма — *моль*⁶²) 'лошадь'. В этих словах тунгусо-маньчжурское и монгольское *r* соответствует корейскому *ль* ~ *р*, а тунгусо-маньчжурское и монгольское *o* — корейскому *a* ~ *o*. Встречающееся в корейских диалектах слово *мураң* 'мерин', по-видимому, является монгольским заимствованием.

На генетическую связь монг. *morin* и кор. *маль* (*мур-и*) указывает Е. Д. Поливанов, который считает, что современные корейские формы восходят к древнекорейской *mur*, в свою очередь восходящую, вероятно, к **mor*.⁶³ Для доказательства своих положений он приводит следующие аргументы: 1) конечное *ль* в корейском слове *маль* и среднее *р* в номинативе *мур-и* являются вариантами одной фонемы *ль/р*. Допустимо, что раннее корейское слово со значением 'лошадь' звучало в обоих названных позициях одинаково, т. е. с одним и тем же согласным, следовательно, *маль* (номинатив *мур-и*) могло восходить к **mur*; 2) корейская орфография слова «лошадь» с кратким гласным *ä* (·) вместо буквы *a* (—) в других аналогичных словах, например, *маль* 'слово, речь', указывает на то, что в древности в слове *маль* был не *a*, а другой гласный, для которого и предназначалась особая буква (·). Впоследствии этот гласный, слившись с гласным, который обозначался буквой *a*; 3) соответствия согласных *m//m* в начале слова, *r//a/p* в середине слова и *n//ŋ* в конце слова наблюдаются и в других общемонголо-корейских словах, например: монг. *тигел* 'река' // кор. *муль* (*мур-и*) 'вода', 'река'.⁶⁴ Таким образом, корейское *маль* < **mur* < **mor*, а последнее, в свою очередь, вероятно, к общеалтайскому **morin* < **morkin*.

Следует заметить, что предположение Е. Д. Поливанова о первичности **mor*, преобразовавшегося впоследствии в **mur*, находит в противоречии с высказыванием П. П. Шмидта, который считает, что китайская форма наименования лошади с гласным *a* — *ma* < **ma* < **maran* < **marin* древнее форм с гласными *o*, *u*.⁶⁵ (См. с. 76 наст. работы).

⁵⁹ Там же, с. 141, 144. См. также: Рорре N. Introduction to Mongolian comparative studies. — MSFOU, 1955, v. 110, p. 167.

⁶⁰ Владимирцов Б. Я. Сравнительная грамматика. . . , с. 358—357.

⁶¹ Саянжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков, с. 1, с. 88.

⁶² Ким Бйэнь Чже. Чосонь маньчжук кэдо. Шхэньчэнь, 1959 (на корейском языке), с. 133; Мазур Ю. П. Заметки по корейской диалектологии. — В кн.: Корейский язык. М., 1961, с. 231.

⁶³ Поливанов Е. Д. Статьи по общему языкознанию. М., 1968, с. 163, 168.

⁶⁴ Поливанов Е. Д. Введение в языкознание для востоковедных вузов. Л., 1928, с. 52—54.

⁶⁵ Шмидт П. П. Опыт мандаринской грамматики. Владивосток, 1902 с. 6.

Прямых соответствий общеалтайскому наименованию лошади в тюркских языках, как уже упоминалось, по-видимому, нет. Однако К. М. Мусаев предполагает, что параллелью к монгольскому *morin* и корейскому *mal* 'лошадь' может служить общетюркское *mal* (чув. *muł*) 'скот', 'имущество', допуская при этом, что древним значением *mal* является '*лошадь'. Широко распространенное в тюркологии мнение, что *mal* является арабским заимствованием (см., например, Древнетюркский словарь, с. 335; R ä s ä n e n M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türkischen Sprachen, S. 323 и др.), он считает ошибочным, подчеркивая при этом, что *mal* в арабском языке относится к числу редко употребляемых слов.⁶⁵

Это предположение очень интересно, но оно должно быть подкреплено необходимыми фонетическими доказательствами. Как известно, в общеалтайских словах монг. *g* в шипауте и ауслауте может соответствовать или тюрк. *g* — в одной группе слов (ср. монг. *aru* 'спина' = тюрк. *arqa*), или тюрк. *z* — в другой группе слов (ср. монг. *boro* 'серый' = др.-тюрк. *boz*).⁶⁷ Третий случай соответствия — монг. *g* тюрк. *l*, наблюдающийся в примере монг. *morin* = тюрк. *mal*, не установлен. Если окажется, что аналогичное соответствие не единично и возможно в целом ряде общеалтайских слов, то оно должно быть признано закономерным.

Рассматриваемое древнее алтайское слово имеет очень широкий ареал распространения. Помимо алтайских языков, в качестве культурного заимствования оно распространено в странах юго-восточной Азии, в Индии, в Европе. Оно встречается в тибето-китайских языках (ср., например, китайское *ma* < древнекитайскому **mra* ~ **mla* > *mia* > *ma*, соккисское *marī*, бирманское *mra*, гирунгское *boroh*, абормирийское *buri*), в дравидийских (ср. тамильское *mā*),⁶⁸ а также в японском (*ba* < кит. *ma* < **mra*). Имеется это слово и в двух западноевропейских языковых группах — германской (ср. готтское *marka*, герм. *Mähre*, др.-псл. *terr*, англ. *mare*)⁶⁹ и кельтской (*u̯r̥ru̯* в глоссах),⁷⁰ для которых Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванов реконструируют праформу **mor-k-*.⁷¹ Г. И. Рамstedt полагает, что готтская, германская и

английская формы наименования лошади ближе всего к уменьшительным праформам от *mor* — **morqai*, **morqa*.⁷²

Из неалтайских языков следует упомянуть еще общерусское *мерин*, др.-рус. *меришь*, укр. *мєринь*, болг. *мєринь* 'кастрированный жеребец', которое восходит, по-видимому, к монгольскому *morin*, а возможно, как предполагает М. Фасмер, к казахскому *morin*, а возможно, как предполагает М. Фасмер, к казахскому *morin*, а возможно, как предполагает М. Фасмер, к казахскому *morin*, а возможно, как предполагает М. Фасмер, к казахскому *morin*. Интересно привести также ивхское наименование лошади — *мур* (амурский диалект), *муру* (сахалинский диалект), тяготеющее к тунгусскому прототипу *мурип*, в котором в первом случае произошло отпадение *n* и предшествующего ему гласного, а во втором — стяжение (выпадение гласного второго слога) и превращение конечного переднеязычного *n* в заднеязычный.⁷⁴ Ср. ивхские сложные слова с компонентом *мур*: *армур* 'жеребец', букв. 'самец лошадь' (< *ar* 'самец' + *мур* 'лошадь'); *мурань* 'кобыла', букв. 'лошадь самка' (< *мур* 'лошадь' + *ань* 'самка'); *мурнон* 'жеребенок', букв. 'лошадиный детеныш' (< *мур* 'лошадь' + *ноун* 'детеныш животных').

Такое широкое распространение данного слова позволяет Е. Д. Поливанову видеть в нем миграционный термин и высказать предположение о весьма древней доисторической миграции его из одного языкового семейства в другое, что связано, по его мнению, с самим фактом постепенного распространения лошади. Он полагает, что в пределах одной языковой семьи этому термину допустимо приписывать с известными оговорками и праязыковой характер, так как миграция его происходила в очень отдаленные времена.⁷⁵ От себя добавим, что приведенные выше материалы позволяют считать первоначальным источником этого миграционного термина алтайские языки.

Интересное высказывание о термине «лошадь», в частности о китайском слове *ma*, имеется у П. И. Шмидта. Он допускает, что китайцы могли заимствовать лошадь вместе с ее названием у алтайских племен, в частности у монголов, так как пустыню Гоби, пишет он, считают в Азии первоначальной родиной лошади и там она была впервые приручена. Если это так, сообщает П. И. Шмидт, то южные народы познакомились с лошадей у ки-

⁶⁵ Мусаев К. М. Лексика тюркских языков в сравнительном освещении. М., 1975, с. 73, 77.

⁶⁷ Порре Н. Vergleichende Grammatik ... S. 78—82.

⁶⁸ О связях дравидийского с алтайским см.: Bouda K. Dravidisch und Uraltaisch. — Lingua. 1956, v. 12, S. 131.

⁶⁹ О связях алтайских слов, в том числе и **morin*, с германскими, впервые замечены еще Лейбницем. см.: Ramstedt G. J. The relation of the Altaic languages to other Language groups. — JSPOn, 1947, v. LVI, N 1, p. 25.

⁷⁰ Поливанов Е. Д. Статьи по общему языкознанию, с. 337.

⁷¹ Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Проблема определения первоначальной территории обитания и путей миграции носителей диалектов общепалеоазиатского языка. — Конференция по сравнительно-исторической грамматике палеоазиатских языков. Предварительные материалы. М., 1972, с. 23.

⁷² Ramstedt G. J. Studies in Korean Etymology. Helsinki, 1949, S. 138.

⁷³ Ramstedt G. J. Kalmückisches Wörterbuch. Helsinki, 1935, S. 266; Меллоранский М. И. Заимствованные восточные слова в русской письменности домонгольского времени. — ИОРЯС АИ, т. 1, № 4, с. 123; Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, т. II. М., 1967, с. 604.

⁷⁴ Ю. А. Крейнович считает, что ивхское название лошади заимствовано у маньчжуров, см. его работу: Гиляцко-тунгусо-маньчжурские языковые параллели. — Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР, 1955, т. VIII, с. 160.

⁷⁵ Поливанов Е. Д. 1) Введение в языкознание для востоковедов вузов, с. 54; 2) Статьи по общему языкознанию, с. 163.

айцев и заимствовали у них ее название, которое в период заимствования, как показывают формы этого слова в тибето-китайских языках, по-видимому, не было односложным.⁷⁶ Об этом свидетельствует и древнекитайская форма **ma*, образовавшаяся, вероятно, в результате стяжения **maŋ* < **maŋ*.

Китайская форма наименования лошади с гласным *o* — *ta* < **ma*, по-видимому, древнее форм с гласными *o*, *u*, которые наблюдаются в некоторых упоминавшихся выше тибето-китайских языках, а также в большинстве алтайских. Древность китайского *a* в этом слове подтверждается тем, что ряд слов современного китайского языка с гласными *o*, *u* в первом слове восходит к древнекитайским формам с гласным *a* или с дифтонгами, например: кит. *боши* 'учитель' < др.-кит. *bagši*, кит. *чжо* 'мутный' < др.-кит. *zwaŋ*.⁷⁷ Древнекитайский *a*, развпвшийся затем в *o*, *u*, прослеживается также в ранних древнетюркских и письменномонгольских заимствованиях, например: др.-тюрк. *la* 'мул' < кит. *ло* < др.-кит. *lua* > *la*;⁷⁸ п.-мо. *laŋisa* 'мул' < кит. *лוצа* (< кит. *ло* < др.-кит. *lua* > *la* - аф. -*ца*).

Наличие рассматриваемого слова в индоевропейских языках несомненно свидетельствует о существовании взаимных культурных контактов между индоевропейскими и алтайскими племенами в древние эпохи. Но путь проникновения этого термина в индоевропейские языки пока недостаточно ясен. В литературе высказывается предположение о том, что некоторые лексические связи западной группы индоевропейских языков с алтайскими объясняются дальними миграциями носителей индоевропейских диалектов из областей первоначального расселения (Восточная Анатолия, Южный Кавказ, север Иранского плоскогорья) на Восток.⁷⁹

Едино для всех языков и диалектов наименования жеребца в тунгусо-маньчжурских языках нет. Наиболее распространенным наименованием является эвенк. *аџирга* Алд, Бит, Брг, Втм, З, С—Б, Тиг, К., Тиг.,⁸⁰ сл. *адирга* ~ *адига* II,⁸¹ *адирга морин* Пв., нан. *аџиргэ* [< ма.] Бк, *аџиркэ* [< ма.] ~ *аџиркэ диал.*, ма. *аџирган*,⁸² *аџирхан*, чж. 'á-ŋi-rh tū-lin 'самец лошади'.

Основное значение этого слова — 'жеребец'. В маньчжурском оно означает также 'кобель'. В сочетании с названиями животных данное слово имеет и более широкое значение — 'самец', ср. сол.

адирга морин, чж. 'á-ŋi-rh tū-lin 'самец лошади'. В маньчжурском языке от него образованы отыменные глаголы *аџиргала-*,⁸³ *аџиргала-* 'вскакивать, садиться на кобылу (о жеребце при случке)'.

Распространение данного слова в настоящее время ограничено, главным образом, южными тунгусо-маньчжурскими языками и восточными и юго-восточными диалектами эвенкийского языка. В прошлом оно было известно, по-видимому, шире, о чем свидетельствуют словосочетания с этим словом в отдельных языках и диалектах.

В диалектах эвенкийского и эвенского языков употребляются заимствования из якутского и русского языков, ср.: эвенк. *амйр* Сх, Урм 'нехолощенный самец', 'жеребец' < як. *амйр* 'жеребец', 'бык', 'пороз', 'нехолощенный самец';⁸⁴ эвенк. *сэрибэс* М, Тт < як. *сэрибэс*, эвен. *черебэс* Ол < рус. *жеребец*.⁸⁵

Данное наименование передается также словосочетанием, ср.: эвенк. *мурин сирү* П-Т 'жеребец', букв. 'лошадь-пороз' (*сирү* ~ *мурү* ~ *мурү* 'огонь-бык производитель', 'пороз');⁸⁶ эвенк. *көрбө* *мурин* А, М 'жеребец', букв. 'самец-лошадь' (*көрбө* ~ *көрбө* 'огонь-самец');⁸⁷ эвен. *мүрэн көрбэн* М ~ *мүрөн көрбөн* Ск 'жеребец', букв. 'самец лошади';⁸⁸ нан. *хусэ морй* Нх 'жеребец', букв. 'самец-лошадь', нан. *эиэ хактаза* Нх 'жеребец', букв. 'нехолощенный' (*хакта* 'холощенный').⁸⁹

Приведенные выше формы — сол. *адирга* 'жеребец' и ма. *аџирган* 'жеребец', 'кобель' нельзя, по-видимому, считать монгольскими заимствованиями, так как они по своему фонетическому облику архаичнее п.-мо. *аџирга* (солонская форма имеет *ǰ* > *ǰ*, а маньчжурская *ǰ* < **к*). Эти формы могут быть возведены к **adīrgan* < **adīrkan*.

Монгольскими параллелями для тунгусо-маньчжурских *адирга*, *аџирган* являются п.-мо. *аџирга* [< **adīrka* < **adīrgan*],⁹⁰ монг. *азарга* ~ *азрага* ~ *азрага(н)*, монг. Халх *адǰǰарга*, бур. *азирга* 'жеребец', в сочет. с назв. животных 'самец', бур. перен. 'большой, могучий, мощный'.

Тюркские соответствия: др.-тюрк. *адйр* ~ *адйр* ~ *аџйр*, тур. *аџйр*, тур. диал. *аџйр*, *ǰǰгүр*, аз., алт., башк., казах., карам., кирг., каракалп., кр.-тат., ног., тат., туркм., хак. диал. *айғыр*, узб., уйг. *айғыр*, гаг. туркм. диал. *хайғыр* (*hajjir*), балк. *азыр*,

⁷⁶ Там же, с. 624; ма. *аџиргала-* < мо. *аџиргала-*.

⁷⁷ Василевич Г. М. Эвенкийско-русский словарь, с. 40.

⁷⁸ Василевич Г. М. Эвенкийско-русский словарь, с. 148; Русско-эвенкийский словарь эвенкийского языка, с. 148; Русско-эвенкийский словарь. Сост. В. И. Цинцаус и Л. Д. Рипес. М., 1952, с. 150.

⁷⁹ Русско-эвенкийский словарь. Сост. В. Д. Колесникова и О. А. Копыташнина. Л., 1960, с. 66.

⁸⁰ Василевич Г. М. Эвенкийско-русский словарь, с. 212; Диалектологический словарь эвенкийского языка, с. 83.

⁸¹ Русско-эвенкийский словарь, с. 150.

⁸² Русско-напайский словарь. Сост. С. Н. Опенко. Л., 1959, с. 64.

⁸³ Владимирцов Б. Я. Сравнительная грамматика... с. 397; Порре Н. Vergleichende Grammatik... S. 4—5.

⁷⁶ Шмидт Н. П. Опыт мандаринской грамматики, с. 6.

⁷⁷ Древнетюркский словарь. Л., 1968, с. 82, 156, 322.

⁷⁸ G a b a i l A. Alttürkische Grammatik. Leipzig, 1950, S. 218; Древнетюркский словарь, с. 322.

⁷⁹ Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Указ. соч., с. 15—23.

⁸⁰ Нонце Н. Н. Материалы для исследования тунгусского языка. Л., 1927, с. 38; эвенк. барг. *аџирга* < мо. *аџирга*.

⁸¹ Порре Н. On some Ancient Mongolian Loan-words in Tungus. — САУ, 1966, т. XI, № 3, р. 192; сол. *адирга* возводится к предполагаемой древнемонгольской форме **adīrka*.

⁸² Санжеев Г. Д. Маньчжуро-монгольские языковые параллели, с. 620; ма. *аџирган* < мо. *аџирга*.

койб. *âskér*, карач. *âskar* ~ *âsker* (Castren), тув. *асыр*, хак. *асыр*, хак. Саг *атсыр*, карач.-балк. *ажыр*, як. *амыр* [$< *амыыр$], чув. *айыр* 'жеребец', туркм. диал. 'пятигодовалый жеребец', ик. 'табуш с одним жеребцом', як. 'бык, пороз, олений бык', як. 'нехолощенный самец', чув. 'самец', туркм. диал. 'осел', туркм. диал. перен. 'темпераментный, горячий', як. перен. 'отличающийся большой величиной, крепостью, силой, властью'.⁹¹

Э. В. Севортян наиболее архаичными из перечисленных тюркских форм считает турецкую диалектную форму *ajkir* и якутскую форму *амыр*. Первая форма, пишет он, по своему фонетическому облику должна быть старше формы *айгыр*, так как начальный глухой смывный *к* аффикса в ней не озвончен. Якутская форма допускает более старую основу **амыыр* и, следовательно, исходную форму в виде **амы-* наряду с **ам-* ~ **ад-*.⁹²

Следует заметить, что данное алтайское наименование жеребца распространено и в других языковых группах, в частности его тюркские формы вошли в качестве заимствований в славянские языки, ср. рус. диал. *огёр*, болг. *айгёр*, серб. *ажир* 'жеребец'.⁹³

Рассмотрением этого общеалтайского слова, сопоставлением его форм из различных алтайских языков и возведением их к единому архетипу занимался ряд ученых. Наиболее ранние сопоставления тюркских форм этого слова с соответствующими монгольскими и тунгусо-маньчжурскими эквивалентами мы находим у В. В. Радлова в его словаре тюркских наречий, а также у Э. Гомбоца.⁹⁴ Сближение монгольских, тюркских и тунгусо-маньчжурских форм этого слова как родственных имеется у Б. Я. Владимирцова в числе примеров, иллюстрирующих развитие древнемонгольского **di* ~ **di* в письменномонгольский *ji* (п. м. *ajirga* > алх. *аджарга* < **adirga*, ср. тюрк.: орх. *адир*, як. *амыр*, кирг. *мыр*; тунг. сол. *адырга*, тунг.-амур. *адирга*),⁹⁵ а также у Г. Д. Санжеева, который отмечает, что тунгусские формы являются наиболее архаичными, так как содержат согласный *d* вместо современного *ž*. Маньчжурскую форму *ажирган* 'жеребец' он считает монгольским заимствованием, а *ажирган* 'кобель' воспринимает как более архаичную форму, которая дала якобы монг. *ажирга* 'жеребец'.⁹⁶ Родственными считал эти слова и Г. Рамstedt.⁹⁷ Некоторые ученые считают это слово тюрко-монгольским (Н. Н. Поппе, Л. Лигети, Г. Дёрфер, М. Ряснен). Н. Н. Поппе восста-

навливает для него общеалтайскую праязыковую форму **adgirga*. Тунгусо-маньчжурские варианты он считает монголизмами. Общеалтайская праформа **adgirga* дается также в словаре М. Ряснена. Г. Дёрфер восстанавливает дотюрко-монгольский архетип в форме **adiryä*, разбившийся затем якобы в **adiryä* > **adiryä* > метатеза *adiryä*.⁹⁸ Большой материал о тюркском слове *айгыр* 'жеребец' содержится в этимологическом словаре Э. В. Севортяна, где он высказывает мнение о том, что восстанавливаемый Н. Н. Поппе общеалтайский архетип этого слова **adgirga* и архетип **adiryä* у Г. Дёрфера гипотетичны.⁹⁹

Особо следует остановиться на точке зрения А. М. Щербака, который в отличие от большинства перечисленных авторов считает это слово собственно тюркским, а письменномонгольскую форму *ажирга* 'жеребец' рассматривает как заимствованное из древнетюркской праформы **adgirak* (**adgir-ak*). Он полагает, что фонетические различия в этом слове в современных тюркских языках являются результатом многообразного отражения общетюркского **d* (ср. **adgir*).¹⁰⁰ Остается неясным, на основании каких материалов восстанавливается в праформе **adgirak* конечный *к*. Ни в одном из тюркских и монгольских языков это слово с таким окончанием не зафиксировано.

Сопоставление фонетических разномыслий этого слова в различных группах алтайских языков убеждает нас в том, что праформа Н. Н. Поппе **adgirga* достаточно точно учитывает фонетические швансы этого слова. По нашему мнению, в этой праформе на основании данных тюркских языков следует восстановить еще гласный *i* в основе (ср. якутскую форму *амыр* < **амыыр*), а в конце праформы добавить *n*, который наличествует в некоторых монгольских и тунгусо-маньчжурских словоформах, т. е. **adgirgan*. Учитывая данные тюркских языков и маньчжурского, можно допустить существование двух вариантов праформы — и со звонкими согласными, и с глухими, т. е. **adgirgan* ~ **atikirkan*. В качестве рабочей гипотезы мы позволим себе также высказать предположение, что материал тюркских языков, в частности наличие *h-* в гагаузской и туркменской диалектной форме (*hajir*), позволяет восстановить в общеалтайской праформе анлаутный *h-*, т. е. **hadgirgan* ~ **hatikirkan* (**had-* ~ **hati-* + **-gir* ~ **-kir* + *-gan* ~ *-kan*), хотя нам известно, что многие тюркологи расценивают анлаутный *h-* в азербайджанском, гагаузском, туркменском, узбекском, уйгурском и других языках как протезу, которая возможна не только в собственно тюркских, но и в заимство-

⁹¹ Севортян Э. В. Этимологический словарь. . . , с. 107.

⁹² Там же.

⁹³ Трубачев О. П. Происхождение названий домашних животных славянских языках, с. 59.

⁹⁴ Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. Вып. 1. СПб., 188, с. 15; Гомбоц З. Az allaji nyelvek hangtörténetéhez. — NyK, 195, v. XXXV, с. 272, 273.

⁹⁵ Владимирцов Б. Я. Сравнительная грамматика. . . , с. 397.

⁹⁶ Санжеев Г. Д. Маньчжуро-монгольские языковые параллели, 620—621.

⁹⁷ Ramstedt G. J. Kalmückisches Wörterbuch, S. 2.

⁹⁸ Poppe N. Vergleichende Grammatik. . . , S. 4—5; Ligeti L. Un vocabulaire mongol d'Istanbul. — AO (Budapest), 1962, XIV, 1—2, p. 15; Doerfer G. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen, Bd. II. Wiesbaden, 1963, S. 185—187; Räsänen M. Versuch eines Etymologischen Wörterbuch der Türkisprachen. Helsinki, 1969, S. 6.

⁹⁹ Севортян Э. В. Этимологический словарь. . . , с. 107—108.

¹⁰⁰ Щербак А. М. Названия животных. . . , с. 87—88.

анных словах и появилась довольно поздно, по мнению одних юркологов, под влиянием кавказского субстрата, по мнению других, — под влиянием арабского и персидского языков.¹⁰¹

Мы склоняемся к точке зрения тех ученых-алтаистов, которые читают, что тюркский анлаутный *h-*, установленный Г. Дёрфером для халаджской группы языков (ср., например, халадж. *hagyc* 'дерево', *hgt* 'лошадь', *hū't* 'огонь' и др.) и спорадически встречающийся в некоторых других тюркских языках, можно объяснить из диалектного древнетюркского *h-* < праторк. **p-*.¹⁰² Учи- вывая особенности халаджского языка и других тюркских языков, сохранивших архаические черты, в частности древние анлаутные согласные (*h*, *j* и др.), совершенно необходимо при сравнительном исследовании не только тюркских, но и других алтайских языков.

Аффикс **-gür* ~ **-kür* в праформе может быть сопоставлен тюркским продуктивным аффиксом *-gür* ~ *-qür*, образующим прилагательные от глагольных основ, ср., например, тат. *algür* 'хваткий' от *al-* 'брать', *sizgür* 'чувствительный' от *siz-* 'чувствовать', *otgür* 'быстро запоминающий, с хорошей памятью' от *ot-* 'запоминать', *utmür* 'острый' (о ноже) от *ut-* 'проходить' и т. д.¹⁰³ Аффикс **-gan* ~ **-kan* — с монгольским аффиксом имеющего лобовобразования *-gan/-gen* < **-kän*/**-kän*.¹⁰⁴

Существует несколько этимологий этого общеалтайского слова. Все они основаны на тюркском материале.

Е. И. Убрятова в статье «К этимологии слова *айгыр* 'жеребец'» пишет, что *айгыр* является очень древним словом, которое представляет собой имя существительное, образованное с помощью аффикса *-гыр* от несохранившейся глагольной основы **ай-* ~ **ад-*. В этой восстановленной глагольной основой она сопоставляет современный якутский глагол *ай-* 'творить', 'давать бытие (начало)', 'создавать', 'устраивать', 'основывать', 'производить'. В якутских древних словах *ай-* 'творить' и *атыыр* 'жеребец', замечает она, наблюдается соответствие *й//т* в основе. По ее мнению, это фонетические варианты одной древней основы, на что указывали О. Н. Бётлинг, С. Е. Малов, С. Калужинский и др.¹⁰⁵

А. М. Щербак, ссылаясь на Е. И. Убрятову, рассматривает *айгыр* как древнее причастие, восходящее к глагольной основе *ай-* < **ад-* + аффикс *-гыр*. Как и Е. И. Убрятова, он замечает, что

¹⁰¹ Щербак А. М. Сравнительная фонетика тюркских языков, с. 181—182; Севортян Э. В. К источникам и методам праторкских реконструкций. — ВЯ, 1973, № 2, с. 35.

¹⁰² Дёрфер Г. О состоянии исследования халаджской группы языков. — ВЯ, 1972, № 1, с. 89; Порре N. Altaic Linguistics — An Overview. Sciences of Language, 1975, v. 6, p. 137.

¹⁰³ Хапгилдип В. Н. Грамматика татарского языка. Казань, 1959, с. 97 (на татарском языке).

¹⁰⁴ Об аффиксе *-gan/-gen* < **-kän*/**-kän* см.: Порре N. The Primary Long Vowels in Mongolian. — JSFOu, 1962, v. 63, N 2, p. 13.

¹⁰⁵ Убрятова Е. И. Вопросы тюркологии. Ташкент, 1965, с. 11—16.

сам по себе глагол *ай-* (< **ад-*) не встречается, тем не менее и в древних, и в современных языках известен ряд форм, содержащих в основе комплекс *ай* (ср. ст.-узб. *айла-*) и имеющих значение 'делать', 'созидать'.¹⁰⁶

Г. Дёрфер предполагает, что в основе восстановленного им торкомонгольского архетипа **adiryä* > **adiryä* > **adiry* > *ad;ir* 'жеребец' лежит глагол *ad-* ~ *ai-* 'отделять'.¹⁰⁷

Э. В. Севортян считает, что *айгыр* ~ *ad;ir* ~ *ad;ir*. . . — название носителя процесса, образованное аффиксом *-гыр* ~ *-qür* от теоретически выделенной основы **ай-* ~ **ад-* ~ **ад-* ~ **аз-*, в состав значений которой входят *'возбуждаться (похотью)', *'покрывать (о животных)'. Восстановленную основу он сравнивает с тур. *az-* 'иметь сильное половое влечение', 'бесноваться' и др. и с чув. *ac-* 'беситься', 'быть обуяемым похотью или страстями', 'бесноваться', 'непостоянствовать', 'быть в периоде течки (о собаке)' и др. Быть может, пишет он, сюда же имеет отношение монг. *uzid* 'чувственный', 'похотливый', 'страсть, вожделение', 'распущенность, разврат, развращенность, безразличность'.¹⁰⁸

На основании материалов словаря В. В. Радлова основа *ай-* и *айгыр* может быть сопоставлена с живой глагольной основой *ai-* (тур.) 'подниматься'. В. В. Радлов указывает на варианты этой основы — *at-*, *ac-* и сравнивает ее с тур. *at-* 'подниматься', 'вздвигаться, приподниматься'. Вторым значением глагольной основы *ai-* он выделяет 'становиться на дыбы, наскакивать на кобылу', иллюстрируя это значение предложением *айгыр атырды атырды аттыр* 'жеребец — конь, который наскакивает на кобылу'. Таким образом, *айгыр* по Радлову — 'становящийся на дыбы, наскакивающий на кобылу'. В словаре В. В. Радлова приведен также омонимичный глагол *айгыр-* 'стать на дыбы', 'наскакивать на кобылу', который, по нашему мнению, подтверждает правильность указанной этимологии *айгыр*.¹⁰⁹

Второе наименование жеребца — эвек. *н'эк*, распространенное в Зейском и хинганском говорах, является однокоренным с ма. *н'экжэ* 'самец морской рыбы чмэ (из рода сомов)' (ТМС, I, 651). Форма *н'экжэ* производная, она восходит к сочетанию основы *н'эк-* с непродуктивным, по-видимому, показателем именного характера *-жэ*, которым могут быть оформлены и другие названия животных в мальчикурском языке, ср., например, *ичжа* 'овод', *тмолжэ* название черной птицы похожей на цаплю и др.¹¹⁰

¹⁰⁶ Щербак А. М. Названия животных . . . , с. 88.

¹⁰⁷ Doerfer G. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. III II, S. 185—187.

¹⁰⁸ Севортян Э. В. Этимологический словарь . . . , с. 108.

¹⁰⁹ Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий, с. 15.

¹¹⁰ Лебедева Е. П. Опыт сравнительно-морфологического анализа названий животных в мальчикурском и эвекском языках. — Докл. и сообщ. Ин-та языкознания, 1958, № 11, с. 40.

Маньчжурской аффикс *-жа/-жэ* можно сравнить с эвекийским аффиксом *-жа/-жэ*, образующим от глагольных основ имя деятеля.¹¹¹

Наименования *н'эк* и *н'экжэ* являются, по-видимому, эвфемизмами. В этимологическом плане они могут быть сопоставлены с тунгусо-маньчжурским глаголом **н'экэ-*, ср.: эвек. *н'экэ-* Ирч, Тк, Тяг, Хнг, *н'ико-* Тит., *н'икэ-* Урм); эвен. *н'эк-* Ол, Алл, Б, М, Ох, П, Т (*нок-* Ск, *нок-* Арм, *н'ек-* К-О); нег. *н'эхэ-* Ч ~ *н'экэ-* В; орок. *н'э-*, *н'эги-*; уд. *н'эхэ-* Хор, Ан, Смрг 'быть деятельным, заниматься чем-л., действовать, поступать, совершать', эвек. 'приниматься за дело', эвек. Сх, Урм, Чмк 'ходить, идти (по жизненному пути)', эвен. Ол 'проказничать', эвен. Ол, Ск 'совокупляться', эвен. К-О 'случаться (о животных)', в значении влом. глагола 'намереваться, собираться, пробовать, пытаться что-л. сделать' (ТМС, I, 651).

Сравнение показывает, что *н'эк* (< **н'экэ*) 'жеребец', букв. 'деятельный', 'действительный' и *н'экэ* ~ *н'эк-* (**н'экэ-*) 'быть деятельным, заниматься чем-л., действовать' представляют собой омонимичные именную и глагольную основы, причем первичной является основа с глагольным значением.

Глагол *н'экэ-* имеет соответствие в монгольском языке. П. Н. Поппе сближает его с мо. *neke-* < **n'eke-* 'преследовать, гнать, гнаться'. У него же дается сближение т.-ма. *н'экэ-* и мо. *neke-* < **n'eke-* с корейским *negi-* ~ *njegi-* < **neki-* 'смотреть, рассматривать, присматриваться',¹¹² что вряд ли приемлемо. Препятствием для такого сближения является семантика.

Для наименования мерина в большинстве тунгусо-маньчжурских языков распространено общепалтайское слово *акта* ~ *акта*, в которых оно обозначает не только мерина, но и других кастрированных животных, ср.: сол. *акта* П., Ив., М. ~ *акт* М. 'мерин', Ив. 'кастрированный бык', эвек. *акта* Аг, Алл, Брг, М, С-Б, Сх, Тк, Тмт, Тит., Уэр, Хнг, Члм, Тит. (*акта* Тк) 'кастрированный олень', 'верховой олень (кастрированный)', эвен. *акта* (< **акта*) Ох, орок. *жақта*, нан. *акта* Бк ~ *жақта* Н-А 'кастрированный олень', 'кастрированный', ма. *акта* 'мерин', 'муд', чж. *'á-táh* 'кастрированный'. Используется также словосочетание, состоящее из *акта* и названия лошади, ср.: сол. *акта морин* Ив., нан. *акта морин(н-)* Бк, ма. *акта морин*, чж. *'á-táh mǐ-lín* 'мерин', букв. 'кастрированная лошадь' (ТМС, I, 26).

У эвенков северо-западных районов Якутии бытует производное от *акта* — *актаий* (< *акта* + отыменный аффикс, подчеркивающий ветхость, древность, непригодность) 'самец-производитель 7—8 лет (которого холостят в этом возрасте)', 'холостеный олень'.¹¹³ В эвенских говорах Якутии кастрированного оленя

называют *атача* Ск или *атий* Алл. Первое является, по-видимому, производным от эвен. *ата* 'кастрированный олень' с помощью аффикса *-ка*, который близок по форме к якутскому уменьшительно-ласкательному аффиксу. Вполне возможно также, что *атача* архаичное производное, образованное от глагольной основы *ата-* (< **акта-*) 'кастрировать' при помощи непродуктивного сейчас аффикса отглагольных имен *-ка/-кэ*. Палецкие долготы в слове *атий* свидетельствуют, очевидно, о том, что оно образовалось от якутской глагольной основы *аттá-* > *атá-* 'кастрировать' с помощью непродуктивного аффикса отглагольных имен *-ий*, который может быть сопоставлен с эвекийским ограничительно-продуктивным причастным аффиксом *-ни* со значением законченности действия. Употребление гибридных словообразовательных форм вполне закономерно для эвенков Якутии, так как их язык подвергся сильному якутскому влиянию.

В маньчжурском языке от *акта* 'мерин' образован отыменный глагол *акталя-* 'кастрировать', 'оскоплять', который совпадает по форме с монгольским и тюркским *aytala-* 'кастрировать', 'оскоплять'. В остальных тунгусо-маньчжурских языках в этом значении широко бытует омонимичный глагол *акта-* ~ *жақта-*, ср.: эвек. *акта-* (*акта-* Урм < ? як. *аттá-*), эвен. *ат-* Ол, М, Ох, Ск ~ *ата-* Ох (< **акта-*), орок., нан. *жақта-* 'кастрировать', эвенк. 'кастрировать оленя', от которого образовалось значительное количество производных, среди которых есть архаичные, непродуктивные сейчас формы, например: эвенк. *октај* < **актај* Урм (**-ј* — непродуктивный причастный аффикс); эвенк. *актај* Е, И, П, П-Т, Хнг (**-ий* — непродуктивный аффикс отглагольных имен); эвенк. *актан* В-Ам (*-н* — аффикс отглагольных имен предлогов или названия предметов) 'кастрированный олень', 'верховой олень (кастрированный)', совпадает по форме с монг. *актаий* (ан) 'кастрированный конь, мерин'; эвенк. *актаий* В, *актаий* Тит. (*-ий*, *-ши* — аффиксы отглагольных имен деятеля); эвенк. *актарй* П, Сх, Урм (*-рй* — аффикс причастия настоящего времени) 'человек, занимающийся кастрацией оленей'; эвенк. *акталйн* (*-лйн* — аффикс отглагольных имен со значением 'мастер своего дела') 'человек, умею кастрирующий оленей'; эвен. *аткй-* чан М, Ск ~ *аткйчан* Ол, П ~ *аткйчан* (**-кй* — непродуктивный аффикс отглагольных имен, *-чйн* — уменьшительно-презрительный аффикс) 'верховой олень (кастрированный)'; эвен. *атаман* Ох < **актаманта* (*-ман* — аффикс причастия только что совершившегося действия) 'недавно кастрированный'; нан. *жақтакто:у* Их (*-кто:у* — аффикс отглагольных прилагательных); орок. *жақтапала* (*-пала* — аффикс пассивного причастия) 'кастрированный'; нан. *жақтаоха* < **жақтаохан* Бк (*-о-ха* < **во-хан* — аффикс пассивного причастия прошедшего времени) 'лошадь'. Возможны производные и от заготовых форм глагола *акта-* — эвенк. *актаз-* (*-з-* — аффикс страдательного залога) 'быть кастрированным', эвен. *атэб-|п-* Ол, М ~ *итэб-|п-* Ск (*-б-|п-* — аф-

¹¹¹ Васильевич Г. М. Эвекийско-русский словарь, с. 755.

¹¹² Порре N. Vergleichende Grammatik. . . S. 39, 56, 104, 125.

¹¹³ Романова А. В., Мирсва А. Н., Баранков П. П. Взаимовлияние эвекийского и якутского языков. М., 1975, с. 147.

аффикс возвратного залого) 'подвергаться кастрации', например: эвенк. *актавкй* ~ *актавай* 'Тиг' (**кй* — непродуктивный словообразовательный аффикс), эвенк. *актавчй* Урм ~ *актавай* Алд, нег. *актавчй* Н. эвен. *йтѣмча* Ол. М ~ *йтѣмча* Св (-*чй* ~ -*ча* — аффикс причастия прошедшего времени) 'кастрированный олень', 'верховой олень (кастрированный)', эвен. 'кастрированный' и др. (ГМС, I, 26). Судя по производным, в тунгусо-маньчжурских языках большее распространение имеет основа *акта-* ~ *хақта-* с глагольным значением.

Тунгусо-маньчжурское наименование мерина принято считать монгольским заимствованием. Так, Г. Д. Савижев относит к монголизмам маньчжурское *ақта* 'мерин', 'мул',¹¹⁴ С. Калужинский — солонское *акта* ~ *акт* 'мерин', 'кастрированный бык',¹¹⁵ Э. В. Севортян указывает в числе заимствований не только маньчжурскую и солонскую, но и эвенкийские формы.¹¹⁶

Монгольскими соответствиями тунгусо-маньчжурскому *акта* ~ *хақта* 'кастрированный олень' являются: др.-мо. *ахта*,¹¹⁷ п.-мо. *ахта*, монг. *агт*, *агт(ан)*, бур. *агта*, калм. *акт*¹¹⁸ 'копь (кастрированный), рысак, скакун', 'мерин', 'ездовой конь', 'табун лошадей', 'кастрированный'.

В большинстве монгольских словоформ имеем в начале -*г*-, который восходит к дописьменно-монгольскому или внеписьменно-монгольскому **q*.¹¹⁹ Этот исходный согласный прослеживается в слове *агталахи* 'сесть верхом', 'оседлать'.¹²⁰ В калмыцкой форме он изменился в *к*. В современном монгольском языке, кроме более новой сокращенной формы *агт* 'мерин', возможен полный вариант с конечным -*н*, т. е. *агтан*, в котором сохранилась, по-видимому, наиболее архаичная аффиксально-производная форма этого слова. В остальных языках конечный -*н*, очевидно, утрачен в виду неустойчивости его в монгольских языках, о чем уже упоминалось выше (с. 74). Отмеченные фонетические особенности слова *ахта* позволяют восстановить его первоначальную форму в виде **агтан*.

В монгольских словарях помещены следующие производные от *ахта*: п.-мо. *ахтала* (-*ла* — глаголообразующий аффикс), монг.

¹¹⁴ Савижев Г. Д. Маньчжуро-монгольские языковые параллели, с. 618.

¹¹⁵ Kaluzynski S. Solonisches Wörterverzeichnis, S. 43.

¹¹⁶ Севортян Э. В. Этимологический словарь... с. 78.

¹¹⁷ Козин С. А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием *Mongyol-un niyuca tobciyan*. Юань чао биши. Монгольский обыденный сборник. М.—Л., 1941, с. 579.

¹¹⁸ Ramstedt G. J. Kalmückisches Wörterbuch, S. 5.

¹¹⁹ Относительно чередования глухих и звонких дописьменного и письменного языка монголов см.: Ramstedt G. J. Das Schriftmongolische und die Urgamundart phonetische verglichen. — JSFOu, 1902, Bd XXI, № 2, §§ 5—17; Владимирцов Б. Я. Сравнительная грамматика... с. 408; Савижев Г. Д. Маньчжуро-монгольские языковые параллели, с. 618.

¹²⁰ Козин С. А. Сокровенное сказание, с. 579.

агтла-, бур. *агтал-* 'кастрировать', 'оскоплять', 'хвостить'; монг. *агталсан* (-*сан* — причастный аффикс) 'кастрированный'; п.-мо. *ахтай(н)* (-*ин* — аффикс со значением профессии), монг. *агтач* ~ *агтин* 'табунык'; бур. *агталагга* 'кастрация', *агташа* 'коновал' (-*гга*, -*ша* — именные словообразовательные аффиксы).

Тюркское *агта* ~ *ақта* распространено в большинстве языков, ср.: туркм. *агта*, алт., казах., каракалп., кирг., лоби. *ақта*, аз., узб., уйг. *ақта*, аз. диал., тур. диал. *ahda*, тув. *атқа* (< *ақта*) 'мерин', 'кастрированный самец', 'кастрат', 'скопец', 'кастрированный, оскопленный'. Встречается оно и в ряде памятников, главным образом поздних. По мнению Дж. Клаусона и Э. В. Севортяна, *агта* ~ *ақта* появилось в тюркских языках не ранее XIV в.¹²¹

Производными от этого имени являются глаголы — туркм. *агтала-*, тув. *ақтала-*, лоби. *ақтал-* (ср. п.-мо. *ахтала-*, маньчж. *ақтала-*), каракалп. *ақта* *ит-*, узб. *ақта* *йил-* 'кастрировать', лоби. 'кастрировать лошадей'. Ср. также уйг. диал. *ахлай-* 'оскоплять'.¹²² В некоторых тюркских словарях указывается омоимичная глагольная основа, ср., например, общетюрк. *ақтамак* ~ *агтамак* 'класть (животное)' — у Л. Э. Будагова,¹²³ алт. *ақта-* 'кастрировать'. Омоимичная глагольная основа проследживается и в кирг. *ақтаған ат* 'мерин', букв. 'холощенный конь'.¹²⁴

В научной литературе существует точка зрения, высказанная впервые П. М. Мелиоранским, что монгольское и тюркское *агта* ~ *ақта* является этимологически изолированным словом и восходит к персидскому *агта*, которое было заимствовано в эпоху монгольских завоеваний в XIII в. из иранских языков. В пользу этого, по его мнению, говорит связь этого слова с персидским глаголом *агтан* 'извлекать (пз ножен)', 'кастрировать', 'оскоплять' (*агта* — причастная форма),¹²⁵ тогда как в монгольских и тюркских языках оно не этимологизируется. Он полагает, что первоначальным значением этого слова является 'выложенный', 'кастрированный', 'оскопленный', позднее оно стало заключать в себе и представление о лошади вообще.¹²⁶

Точку зрения П. М. Мелиоранского, привлекающего для объяснения происхождения алтайского *акта* материал иранских языков, разделяет ряд ученых-тюркологов — Дж. Клаусон, М. Ря-

¹²¹ Clauson G. Turkish and Mongolian horses and use of horses. An etymological study. — CAJ, v. X, N 3-4, p. 162; Севортян Э. В. Этимологический словарь... с. 77.

¹²² Jarring G. An Eastern Turki. — English dialect dictionary. Lund, 1964, p. 15.

¹²³ Будагов Л. Э. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, т. 1. СПб., 1869, с. 17.

¹²⁴ Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий, т. 1, с. 116.

¹²⁵ Миллер В. Ф. Персидско-русский словарь. М., 1953, с. 11.

¹²⁶ Мелиоранский П. М. Заимствованные восточные слова в русской письменности домонгольского времени. — ИОРЯС, СПб., 1905, т. X, кн. 4, с. 112—113; Щербак А. М. Названия животных... с. 86.

Янен, Э. В. Севортян, Г. Дёрфер и др., которые возводит непосредственно к персидскому *axta* и тюркские, и монгольские формы.¹²⁷ А. М. Щербак возводит к персидскому *axta* только тюркские формы, считая монг. *aγta* тюркским заимствованием.¹²⁸

С предположением П. М. Мелиоранского о персидском происхождении рассматриваемого наименования не согласен А. Йокки, по мнению которого *akta* исконно монгольское слово и из монгольского перешло в тюркские и тунгусские языки.¹²⁹

Противоречивость приведенных точек зрения свидетельствует о том, что история этого слова пестра и версия о персидском происхождении его спорна. В самом деле, трудно себе представить, чтобы коренные скотоводы и коневоды, какими являются алтайские народы, до XIII в. не имели собственной терминологии, связанной с кастрацией животных, в частности с кастрацией лошадей, и вынуждены были заимствовать ее у иранских народов. Надо полагать, что предки современных алтайских народов пользовались термином *akta* не только начиная с периода монгольского владычества, но и задолго до него. Логично предположить обратное, а именно, что это общеалтайское слово проникло в иранские языки из алтайских языков, по-видимому, из тюркских, являясь примером ареальных культурных и языковых связей между иранскими народами и алтайскими народами Средней Азии. Допустимо также предположение о раннем проникновении этого слова и в алтайские, и в иранские языки из общего неизвестного сейчас источника.

Первым сопоставил рассматриваемое слово в различных алтайских языках Г. М. Рамstedt. Он сближал монг. *aγta* и тюрк. *aqta* 'холощенный конь', 'верховая лошадь', с тунгусским *aktaki* 'холощенный олень'.¹³⁰ Позднее он сравнивал монг. *aγta* с тюрк. *at* 'лошадь'.¹³¹

Указание на возможную генетическую связь монг. *aγta* с тюрк. *at* < **aqt*, тув. *a'l* 'лошадь' имеется у С. Мураямы,¹³² а также у Г. Дёрфера, который возводит их к персидской форме *axta*, предполагая следующую линию развития: перс. **axta* 'мерин' дало монг. *aγta* и др.-тюрк. **aqta*, преобразовавшееся позднее в **aqt*, а затем в *at*.¹³³ В плане сравнения с тунгусо-маньчжурским

материалом (*akta* ~ *zakta* 'кастрированный', 'кастрированный олень') здесь любопытно привести халаджскую форму наименования лошади — *hat*,¹³⁴ которая позволяет предположить наличие анлаутиного *h* и в древней форме *akia* (**hakta*).

П. Н. Попов восстанавливает единую общеалтайскую форму **akta*, к которой он возводит монг. *aγta* и тюрк. *at*, не привлекая для сравнения тюркское *arma* ~ *aqma*, считая его, очевидно, поздним заимствованием. Вот его схема: монг. *aγta* < **akta* 'мерин' — др.-тюрк. *at* < **akt* < **akta* 'лошадь'.¹³⁵ Из этой схемы следует, что в тюркских языках необходимо различать древнее **akta* > **akt* > *at* и позднее *arma* ~ *aqma*, являющееся заимствованием.

С общеалтайским *akta* следует, по-видимому, сближать тюрко-монгольское *atan*, ср.: п.-мо. *atan*, монг. *am(au)*, калм. *at^o* ~ *aty*¹³⁶ 'холощенный верблюд'. Употребляется обычно в составе словосочетания — п.-мо. *ata temeγen* ~ *atang temeγen*,¹³⁷ калм. *at^o temen* ~ *aty temē*, бур. *aman tamγan* 'холощенный верблюд', в котором указывает на признак и означает 'кастрированный, холощенный'. Ср. также др.-тюрк. *atan*, *atgan*,¹³⁸ казах., кирг., тар., туркм. диал., узб., чаг. *aman*, каракалп., пог. *aman tuγe*, тув. *adan* 'холощенный верблюд'.

История этого слова не совсем ясна. Г. И. Рамstedt считал его, по-видимому, монгольским, так как указывает в Калмыцком словаре, что монг. *atan* > киргизское и таджикское *atan*.¹³⁹ М. Ясаян высказывает обратное предположение, относя монг. *atan* к тюркскому заимствованию.¹⁴⁰ Тюркским считает это наименование, как и всю терминологию, относящуюся к верблюду, и А. М. Щербак. Приведенные же им для сравнения письменномонгольские и тюркские наименования верблюда не подтверждают его точку зрения, так как в большинстве случаев монгольские формы являются полными, а следовательно, наиболее архаичными, а тюркские более новыми, стяженными. Ср.: п.-мо. *temegen* — тюрк. *mēē* 'двугорбый верблюд', п.-мо. *buγura* — тюрк. *buγra* 'верблюд-самец', п.-мо. *inggen* — тюрк. *iyän* 'верблюдица', п.-мо. *botuyan* — тюрк. *бота* ~ *ботук* 'верблюд по первому году' и др.¹⁴¹ А. М. Щербак указывает также на возможную связь тюрк. *atan* с *at* 'конь, мерин'.¹⁴²

¹²⁷ Clauson G. Turkish and Mongolian horses and use of horses, p. 162; Ясаян М. Etymologisch Wörterbuch, S. 9; Севортян Э. В. Этимологический словарь... с. 77; Doerfer G. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen, Bd II, S. 114—117.

¹²⁸ Щербак А. М. Названия животных... с. 87.

¹²⁹ Joki A. J. Die Lehnwörter des Sajan-Samojedischer. Helsinki, 1952, S. 59—60.

¹³⁰ Ramstedt G. J. Kalmückisches Wörterbuch, S. 5.

¹³¹ Ramstedt G. J. Einführung in die altaische Sprachwissenschaft, I. Lautlehre, S. 153.

¹³² Murayama S. Einige Formen der Stammverkürzung in den altaischen Sprachen. — Oriens, 1958, v. II, S. 224.

¹³³ Doerfer G. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen, Bd I, S. 114—117.

¹³⁴ Дёрфер Г. О состоянии исследования халаджской группы языков. — ВЯ, 1972, № 1, с. 94.

¹³⁵ Poppe N. Vergleichende Grammatik... S. 121.

¹³⁶ Ramstedt G. J. Kalmückisches Wörterbuch, S. 17—18.

¹³⁷ Монгольско-русско-французский словарь. Сост. О. Ковалевский. Т. 1. Казань, 1844, с. 60.

¹³⁸ Мелиоранский П. М. Араб-филолог о турецком языке. СПб., 1900, с. 48; Battal A. İbnü-Mühenna İlgati. İstanbul, 1934, с. 13.

¹³⁹ Ramstedt G. J. Kalmückisches Wörterbuch, S. 17—18.

¹⁴⁰ Ясаян М. Versuch... S. 31.

¹⁴¹ Щербак А. М. Названия животных... с. 109—110.

¹⁴² Там же, с. 104.

Э. В. Севортьян предполагает, что тюркское *atan* ~ *atʁan* с первоначальным значением 'холощенный' является глагольным именем с аффиксом *-an* ~ *-ʁan* от этимологически выделенного глагола **at-* 'холостить', *at* 'холощенный копы'. Эту омонимичную основу он сравнивает с алт., казах., кирг. *am* 'легченый жеребец', 'мерин',¹⁴³ як. *am* 'кастрированный самец', *am obus* 'кастрированный бык, вол', *amta-* (< *am- + -ta-*) 'класть', 'облегчать', 'холостить', 'осколпять',¹⁴⁴ ног., каракалп. *aman tūye* 'холощенный верблюд'.¹⁴⁵ Основу *at-* с указанным выше значением выделяет в этом слове также Ю. Немет.¹⁴⁶

Тюркское **at-* 'холостить' интересно сопоставить с приведенными выше живыми эвенскими основами — *ama-* ~ *ām-* 'кастрировать', *ama* Ох 'кастрированный', которые являются стяженными формами, восходящими к **akta-*. Это сопоставление позволяет думать, что основа **at-* в *atan* ~ *atʁan* также восходит к первоначальной форме **aqta-*, а исходная форма этого общеалтайского слова имела вид **aqtaʁan* (< **aqta-* 'холостить' + **-ʁan*) **'холощенный'*, которая затем подверглась значительной фонетической эволюции: **aqtaʁan* > **aʁtaʁan* > **ataʁan* > *atʁan* > *atan*. Этимологическая форма **aqtaʁan* может быть сопоставлена с современным киргизским *актаған am* 'мерин', букв. 'холощенный копы'.

В литературе имеется и другая, на наш взгляд, менее убедительная этимология *atan*, предложенная М. И. Хаджилаевым. Он предполагает, что термины *aman* 'холощенный верблюд' и *акта* 'мерин' являются исконно тюркскими и этимологически восходят к причастной форме на *-хан* ~ *-ған* от глагола *am-* 'бросать, выбрасывать' — к **amxan*, которая преобразовалась в *aman* 'холощенный верблюд', а также в *акта* 'мерин' в результате метатезы *tx* > *xt* и отпадения конечного *x*.¹⁴⁷

Следует привести также данные корейского языка. В средневековых корейских памятниках встречается слово *актай* 'кастрированный', *актай-мър* 'кастрированная лошадь, мерин', которое корейский ученый Ли Гимун считает монгольским заимствованием (**aktai* < мо. *aqta*).¹⁴⁸ Современная форма произносится *актэ* 'мерин', *актэ* [so] 'вол'.¹⁴⁹ Древнюю корейскую форму *актай* 'кастрированный' можно сравнить с приведенным выше эвенкийским диалектным (урмийским) вариантом *октај* < **aktaј* 'кастрированный олень'.

Из неалтайских языков любопытны ненецкие формы — *хабт* 'кастрированный олень', *хатърка* 'кастрированная важенка', *хатманъ-зъ* 'кастрировать оленя', *хатманда-сэ* 'заниматься кастрацией', *хатмандава* 'кастрация'.¹⁵⁰ Форма *хатт* 'кастрированный олень' в фонетическом отношении близка алтайским, в частности южной тунгусо-маньчжурской форме *хақта*. Не исключено, что они общего происхождения. Допустимо и древнее заимствование *хатт* из алтайских языков.

Перейдем к анализу приведенных выше форм наиболее архаичной группы алтайских языков — тунгусо-маньчжурской. Предположение о их заимствованном характере, по нашему мнению, является спорным. Заимствованными можно считать с известными оговорками только солонские формы (ср., например, сол. *акт* в записи Муромского, совпадающее с монгольским *акт*), что же касается форм других тунгусо-маньчжурских языков, то в них мы имеем все признаки древнего тунгусо-маньчжурского слова, которое, если и было заимствовано, то в очень раннюю эпоху, возможно, в эпоху алтайской языковой общности из неизвестного сейчас источника.

На древность тунгусо-маньчжурского *акта* указывает прежде всего то, что наиболее архаичные формы его сохранили анлаутный *ʁ*, который в большинстве современных языков утрачен, ср. орок., нан. *хақта* > *акта* 'кастрированный олень', орок., нан. *хақта* > *акта* 'кастрировать'. Таким образом, внутри тунгусо-маньчжурской группы мы имеем в этом слове соответствие *ʁ* / *θ*.

Соответствие *ʁ* / *θ* или *x* / *θ* характерно для значительной группы тунгусо-маньчжурских слов, имеющих в нанайском, ульчском, орокском анлаутный заднеязычный глухой щелевой согласный *x* или его увулярный вариант *ʁ* (в сочетании с гласными твердого ряда), а в остальных языках — анлаутный гласный, ср., например: нан., ульч. *хаваси* ~ *хаоси*, орок. *хавасай* 'куда' // эвенк. *аваскй*, ма. *авси*; нан., ульч., орок. *холо* ~ *хулу* 'белка' // эвенк. *улыкй*, ма. *улку*; нан., ульч., орок. *хэрэ* 'лягушка' // эвенк. *эрэкй*, ма. *эрэ* и др. Это фонетическое соответствие носит в тунгусо-маньчжурских языках закономерный характер. Слова с соответствием *ʁ* ~ *x* / *θ*, судя по широте их распространения внутри тунгусо-маньчжурской группы и по их семантике, в большинстве своем, за единичными исключениями, не могут быть отнесены к заимствованиям. Нет оснований и для того, чтобы считать нанайский, ульчский, орокский *ʁ* ~ *x* в этом соответствии поздним протетическим согласным.

В. И. Цинциус предполагает, что в анлауте приведенных слов был какой-то древний согласный, который в одних языках утрачился, в других отразился в виде *x*- (по говорам *h*-, иногда *ʁ*-, перед узким гласным — *s*-). Этот утраченный древний анлаутный

¹⁴³ Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий, т. 1, с. 441.

¹⁴⁴ Пекарский Э. К. Словарь якутского языка, т. 1, с. 195.

¹⁴⁵ Севортьян Э. В. Этимологический словарь... с. 202.

¹⁴⁶ Németh J. Die Volksname qumar und qan. — Körösi Csoma Archivum. Budapest, v. III, N 1, s. 109.

¹⁴⁷ Хаджилаев Х.-М. И. Очерки карачаево-балкарской лексикологии. Черкесск, 1970, с. 95–96.

¹⁴⁸ Lee, Ki-Moon. Mongolian Loan-Words in Middle Korean. — UAIJ, 1964, v. 35, p. 190.

¹⁴⁹ Корейско-русский словарь. Сост. А. А. Холодович. М., 1958, с. 524.

¹⁵⁰ Ненецко-русский словарь. Сост. П. М. Терещенко. М., 1965, с. 709.

огласный реконструируется ею как заднеязычная придыхательная аффриката (*kʰ-), а в более поздних работах — как придыхательный к (*kʰ-), который существовал в тунгусо-маньчжурском праязыке наряду с заднеязычными согласными *к- и *g-.¹⁵¹

Существуют и другие мнения о тунгусо-маньчжурском соответствии $x \sim x-/\theta$. Так, Н. Бенцинг полагает, что оно восходит к *x-.¹⁵² П. Н. Поппе считает, что вопрос о соответствии $x-/\theta$ в тунгусо-маньчжурских языках не до конца исследован. Но его мнению, голыцкие (нанайские) слова с афлатным $x-$ различны по происхождению. Среди них есть и общеалтайские слова, и одновременные монгольские заимствования.¹⁵³

Тунгусо-маньчжурский придыхательный кʰ восходит, очевидно, к древнему (праалтайскому) придыхательному кʰ, который в современных алтайских языках преобразовался в к, q, x, h или утратился.¹⁵⁴ Следует заметить, что неустойчивость придыхательного кʰ и других придыхательных смычных, их преобразование в простые смычные или в h, а затем исчезновение характерны и для других языковых семей.¹⁵⁵

При сопоставлении тунгусо-маньчжурских слов с соответствием $x \sim x-/\theta < *kʰ-$ с другими алтайскими языками оказывается, что тунгусо-маньчжурский *кʰ- в большинстве случаев соответствует монгольскому $x \sim k-$ и тюркскому $q \sim -k$, например: общетунг.-ма. *кʰ^абу-ли- 'опухать, отекает' > нан. *хаоло-*, ульч., орок. *хавли-* ~ *хавлай-*, эвенк. *авул-* ~ *абуа-* = п.-мо. *хави-d-* 'опухать, отекает' = др.-тюрк. *qaba-r-* 'вздуваться, распухать'; общетунг.-ма. *кʰ^абди 'скользить' > нан., ульч. *хадү* ~ *хадө*, эвенк. *адй*, ма. *уду* = п.-мо. *kedü* ~ *kedün* 'скользить' = др.-тюрк. *қай* 'скользить'; общетунг.-ма. *кʰ^алу-кта 'медведь' > нан., орок. *халүкта* ~ *халокта*, эвенк. *луқта* = п.-мо. *xali-saq* 'оболочка, кожаца' = др.-тюрк. *qasıq* 'кожа, кожаца'; общетунг.-ма. *кʰ^акэ- 'сосать грудь' > нан. *күчи-* (< *күкэ-чи-), эвенк. *уку-*, эвен. *өкэ-* = п.-мо. *köke-* ~ *kökü-* 'сосать грудь' = др.-тюрк. *köküz* 'грудь' и др. (ТМС, I, 9, 14, 33; II, 254).

Возможны также случаи, когда тунгусо-маньчжурскому афлатному *кʰ- в монгольских и тюркских параллелях соответствует огласный, например: общетунг.-ма. *кʰ^абаса > орок. *хасас* ~ *хасасу* 'сумка, коробка', эвенк. *авса* 'сумка, коробка', 'сундук', 'гроб', ма. *абса* 'гусь (берестяной)', 'лодка (долбленая, дощатая или бере-

¹⁵¹ Ципицус В. П. 1) Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков, с. 133—146, 247—250; 2) О соответствии тунгусо-маньчжурского афлатного $x-/\theta$ тюркскому $k-, kʰ-$. — В кн.: Тюркологические исследования. М., 1976. с. 233—236.

¹⁵² Benzing J. Die tungusischen Sprachen. Versuch einer vergleichenden Grammatik. Wiesbaden, 1955, S. 990—991.

¹⁵³ Поппе Н. Altaic Linguistics, p. 169—171.

¹⁵⁴ О реконструкции общеалтайского придыхательного кʰ- см.: П. Л. Сидяч-Свищач В. М. Алтайские гуттуральные *кʰ, *к, *g. — В кн.: Этимология. 1964. М., 1965.

¹⁵⁵ Серебряников Б. А. Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1974, с. 118.

стяная) = п.-мо. *absa* 'гроб'; общетунг.-ма. *кʰ^амара > нан. *хаморој*, ульч. *хамурј*. орок. *хамарј* ~ *хамарре* 'задний', эвенк. *амар зал* = п.-мо. *umara* 'север'; общетунг.-ма. *кʰ^аса- > нан. *хасар*, ульч. *хасали*, орок. *хаса*, эвенк. *асали* 'крыло', ма. *асха* 'крыло', что-либо подвешенное у лошади = др.-тюрк. *as-* 'вешать' и др. (ТМС, I, 9, 35, 54). К этой группе примеров относится, по-видимому, и рассматриваемое слово, ср.: общетунг.-ма. *кʰ^акта > нан., орок. *хакта*, эвенк. *акта* 'кастрированный олень', ма. *акта* 'мерин', 'муш' = п.-мо. *ayta* 'мерин' = тюрк. *ayta* ~ *ayta* 'мерин'. Таким образом, эта группа примеров позволяет предположить, что монгольские и тюркские языки, как и некоторые тунгусо-маньчжурские, могли утрачивать афлатные согласные x, q . Утрачены они, очевидно, и в слове *акта*. Следует заметить, что тенденция к неустойчивости, ослаблению, а затем к исчезновению некоторых афлатных согласных, в том числе и x, q , обнаруживается в большинстве алтайских языков. Так, в монгольских языках общеалтайский вежирный глубоко-заднеязычный q , существовавший в письменном языке примерно до XIV в., развился позднее в $χ$, а в современных живых языках в x или в h . В диалектах (халх.-ург., халх.-вост.) спорадически наблюдается преобразование афлатного x в наиболее слабый из всех согласных — в h , который может исчезать (ср. монг. *один* ~ *ходин* 'звезда').¹⁵⁶ В некоторых тюркских языках q перешел в k (в турецком, кумыкском, казахском, якутском) или в x (в чувашском, азербайджанском), а в казановском диалекте татарского языка заменился гортанной смычной.¹⁵⁷

На древность тунгусо-маньчжурских слов *хакта* ~ *акта* 'кастрированный олень', *хакта* ~ *акта* 'кастрировать' указывает также то, что в них мы имеем стечение согласных *кт* в афлате, которое в эвенском и чжурчженском языках развилось в *т*, вероятно, благодаря ассимиляции *кт* > *тт*, а затем упрощения *тт* > *т*. Ср. эвенк. *акта* > эвен. *ата* 'кастрированный олень', чжк. *ä-täh* 'кастрированный'; эвенк. *акта* > эвен. *ата* ~ *ät-* 'кастрировать', а также приведенные выше эвенские производные формы — *аткыман* < **актакыман* 'верховой олень (кастрированный)', *атаман* < **актаман* 'недавно кастрированный', *атъяк* < **акта-та-як* 'кастрация' и др., которые следует рассматривать как вторичные, стеченные.

Переход *кт* > *т* в тунгусо-маньчжурских языках совершился не во всех случаях. Он не произошел в заимствованных словах, особенно в сравнительно поздних, ср., например, эвенк., эвен. *макта-* [< мо. ~ як.] 'хвалить', не коснувшись корней и непроемных основ, распространившиеся главным образом на ряд конечных

¹⁵⁶ Владимирцов Б. Я. Сравнительная грамматика... с. 403—404; Поппе Н. Introduction to Mongolian comparative studies, p. 153.

¹⁵⁷ Серебряников Б. А. Вероятностные обоснования в компаративистике, с. 121—122; Гаджиева Ш. З. Некоторые тенденции в развитии строя тюркских языков. — Советская тюркология, 1976, № 2, с. 8.

словообразовательных морфем: эвенк. *-кта/-ктэ* > эвен. *-та/-тэ* > *-т*, эвенк. *-кту* > эвен. *-та/-тэ*, эвенк. *-макта/-макта* > эвен. *-мат/-мэт*, что объясняется, по-видимому, упрощением группы согласных в конце эвенских слов в связи с изменением его слоговой структуры. Кроме слова *акта* > *ата* 'кастрированный олень', переход *кт* > *т* отразился в сравнительно немногих древних производных словах, в которых выделяется этимологически словообразовательный аффиксальный элемент *-кта/-ктэ*, но по всегда ясна семантика основ, например: эвенк. *босокто* > эвен. *бостэ* 'ночка'; эвенк. *гиктэ* < **гиктэ* > эвен. *гит* 'голубика'; эвенк. *дэвуктэ* < **дэвуктэ* > эвен. *дэвэт* 'пчела'; эвенк. *йктэ* > эвен. *йт* 'зуб, зубы'; эвенк. *осикта* > эвен. *остэ* 'погодье'; эвенк. *оукто* > эвен. *оукт* 'нос' и др. В ряде случаев в словах этой группы может быть выделена производная основа, которая является глагольной или образной, например: эвенк. *йүктэ* ~ *йүктэ* ~ *н'үктэ* > эвен. *н'үт* ~ *н'вт* 'ключ, родник' (от *йү* ~ *йү* ~ *н'ү* 'выйти'); эвенк. *кбуиктэ* > эвен. *кбуат* 'колхозничка, богато' (от *кбу* ~ *кбу* 'резко позваивал'). По-видимому, нельзя говорить о полном прекращении продуктивности аффикса *-кта/-ктэ* в тунгусо-маньчжурских языках, так как в диалектах эвенкийского языка он и сейчас может образовывать отглагольные существительные, ср. эвенк. *гиракта* 'шаг' (от *гир* 'шагнуть'), эвенк. *гүктэ* 'высказанная мысль, слово' (от *гүн* 'сказать'), эвенк. *инэктэ* 'дневка, стоянка' (от *инэ* 'днеть'), *уанмакта* 'комар, комары' (от *уанман* 'расплодиться — о комарах'), эвенк. *эжэктэ* 'струя' (от *эжэн* 'течь') и т. д. Семантика слов с аффиксом *-кта/-ктэ* самая различная. По мнению Г. М. Василевич и О. А. Константиновой, они обозначают результат действия.¹⁵⁸

Кроме того, как уже было отмечено, *хақта* ~ *акта* 'кастрированный олень', *хақта* ~ *акта* 'кастрировать' являются омонимичными именной и глагольной основами. Наличие таких омонимичных пар характерно для всех тунгусо-маньчжурских языков. В большинстве случаев в таких омонимичных парах именная основа является первичной, представляющей собою исторически членимое отглагольное образование, в котором может быть выделен архаичный корень и омертвевший аффикс.¹⁵⁹

Таким образом, можно предположить, что тунг.-м. *хақта* ~ *акта* < **какта* 'кастрированный олень' является древним отглагольным образованием с аффиксом *-кта* от корневой морфемы **ха* < **ка* - со значением 'резать что-либо', которая в чистом виде в тунгусо-маньчжурских и в других алтайских языках не употребляется, но прослеживается в ряде производных. Ср. нег. *акй* ~ *какй* - В (< **а* ~ **ка* < **ка* + аффикс переходности *-кй*-)

'подрезать'; уд. *акпидна* < **капидна* - Хор, Бик, Смерг (< **а* < **ка* < **ка* + аффикс обычности действия *-кй* + аффикс однократного вида *-на*) 'перерезать', 'тянуть (ножом)'; нан. *хаза* < **кага* - Нх. Бк, К-У (< **хэ* < **ка* - аффикс переходности *-за*) 'перезать'. В это же гнездо слов относятся ма. *ажа* < **кажа* - З., Сиб 'надрезать, прорезать', улеч., нан. *хажа* - 'резать ножом', нег., орок., улеч., орок., нан. *хажа*, уд. *хажа* Хор, ма. *хасага* ~ *хасган* 'пожницы', нан. *хаско* ~ *хаско* - Бк ~ *хатко* Сиг 'коса', 'серп', чув. *hah-tsi-hah* 'ножницы', основа в которых близка к мо. *хажа* 'кусать, откусывать', а также эвенк. *каји-к* П-Т 'пожницы', *каји-ра* П-Т, С 'резать ножницами', нег. *каји-син* - Н 'разрезать', основа в которых совпадает с мо. *хaji* - 'обрезать, подрезать'. Ср. также однокоренные монгольские формы — п.-мо. *хadi* - (< **ха* + **-ди*), монг., бур. *хада* - 'подрезать, срезать, косить, жать'; п.-мо. *хадарур*, монг., бур. *хадур* 'коса, серп'; п.-мо. *хажа* - (< **ха* + **-жа*), монг., бур. *хазар* - 'кусать, откусывать'; п.-мо. *хажаур*, монг., бур. *хазур* 'клетки-кусачки, шипцы'; п.-мо. *хaji* - (< **ха* + **-ji*), монг., бур. *хай* - 'обрезать, подрезать', бур. 'подрезать копыта'; п.-мо. *хaji(i)* (п) ~ *хай(i)*, монг. *хайч(ич)* ~ *хайч*, бур. *хайша* 'пожницы'; монг. *хутага*, бур. *хутага* (< **х(а)утага*) 'нож';¹⁶⁰ тюркские формы — др.-тюрк. *kes* - 'резать, отрезать', 'преграждать', 'прерывать', 'грызть',¹⁶¹ чув. *кас* - 'резать, рубить', 'кромить', *кастар* - 'холоестить, кастрировать', тув. *кестир* - 'кастрировать';¹⁶² корейские формы — средневековый кор. *кашан*, диалектн. кор. *каса* < *кашан*,¹⁶³ лит. кор. *кави*¹⁶⁴ 'пожницы'.¹⁶⁵

Следует заметить, что трудность этимологии слова *акта* состоит в отсутствии описаний способов кастрации животных у алтайских народов, а, главное, в незнании того, какой способ кастрации существовал у них в период возникновения этого технического термина.

Что касается тунгусо-маньчжуров, то кастрация животных известна им с глубокой древности. Так, по сообщению Г. М. Василевич, раньше у тунгусов существовало несколько способов кастрации, которые совершались обычно на втором году жизни оленя. Интересно, что у некоторых групп тунгусов до наших дней сохранился наиболее древний, так называемый закрытый способ кастрации, который заключается в подкусывании, раздавливании

¹⁶⁰ О выделении общалтайского корня *ха* - со значением 'резать что-либо' на материале бурятского языка см.: К а й д а р о в А. Т. О некоторых общих тюрко-монгольских однокоренных основах. — В кн.: Якутский филологический сборник. Якутск, 1976, с. 23.

¹⁶¹ Древнетюркский словарь, с. 502.

¹⁶² Е г о р о в В. Г. Этимологический словарь чувашского языка, с. 91.

¹⁶³ Чосонмаг сачжол, I кван. Шхёнъянь, 1960 нён (Словарь корейского языка, т. I. Пхеньян, 1960), с. 38, 135.

¹⁶⁴ Корейско-русский словарь. Сост. А. А. Холодович, с. 24.

¹⁶⁵ О сооставлении кор. *кави* 'пожницы' с тунгусо-маньчжурскими и монгольскими формами см.: R a m s t e d t G. J. Studies in Korean Etymology. S. 100.

¹⁵⁸ Василевич Г. М. Эвенкийско-русский словарь, с. 764, 765; Константинова О. А. Эвенкийский язык, с. 88.

¹⁵⁹ Суляк О. П. Глагол в тунгусо-маньчжурских языках. М.—Л., 1962, с. 96—104.

тестикул зубами без их удаления. Этот способ называется по-эвенкийски *йтэмэн*, по-эвенски *йтмэн* < **йтэмэн* (производное имя с афф. -н от глагола *йтэмэ* < *йтэ* 'зубы' + глаголообр. афф. -мэ- 'раскусить, раздавить па зубах'), букв. 'раскусывание, раздавливание зубами' или *кикмат* (< *кик*- 'грызть, кусать' + причастный аффикс -мат) букв. 'кусание, разгрызание'. У некоторых групп эвенов Якутии закрытый способ кастрации оленей производился раньше путем прокалывания тестикул. Этот вид кастрации называется *хучи* (производное имя с афф. -н от глагола *хучи*- 'втыкать, вонзать, прокалывать'), букв. 'прокол, прокалывание', *хучэпчиэ* 'кастрированный', букв. 'проколотый' (причастная форма с афф. -чэ от глагола возвратного залога *хучэ-н-чи* 'прокалываться'). Известен тунгусам и другим тунгусо-маньчжурским народностям и кровавый способ кастрации, который применяется к оленьим бычкам в возрасте 3—4 лет. Мошонку, выше того места, где лежат тестикулы, туго перевязывают илковой, затем подрезают мошонку ножом и извлекают тестикулы. У эвенов этот способ называется *актажак*, у эвенов *атажак* Ох ~ *атэжак* М ~ *атэжак* Ол (производное от глагола *акта-ж* ~ *ата-ж* 'кастрировать', -ж- — вдовой аффикс со значением длительности, незавершенности, -ак — пмяобразующий аффикс со значением процесса). У некоторых групп тунгусов кровавый способ кастрации называется термином *урймэт* (причастие с аффиксом -мэт от глагола *ури-* 'вытаскивать, вынимать, доставать, подцеплять'). Кровавый способ кастрации может осуществляться у тунгусов и путем простого отрезания тестикул и тогда он называется *мэлэжэмет* (причастие с афф. -мет от глагола *мэлэжэ* 'резать что-л. пластинами', 'разрезать на куски').¹⁶⁶

Описанный выше кровавый способ кастрации оленей — *актажак*, близок в основных чертах к кастрации жеребцов, характерной для скотоводческих народов Центральной Азии. К сожалению, этот древний обычай коневодов, сходный у всех тюрко-монгольских народов, не описан достаточно подробно в литературе. Имеется лишь описание кастрации лошадей у тувинцев, выполненное С. И. Вайнштейном. Он сообщает, что кастрация жеребцов совершалась у них в возрасте 1—2 лет в отличие от народов Средней Азии, которые кастрировали в возрасте 3—4 лет. При совершении кастрации, которая называется у тувинцев *акта* или *акталаашкын* (производное от глагола *актала-* 'кастрировать'), мошонку сжимали специальными деревянными тисками, затем выдавленную под тисками часть мошонки срезали ножом и выдавливали семенники, а разрез аккуратно прижигали небольшим железным утюжком или клеймом для таврения.¹⁶⁷

Итак, сопоставление приведенного материала приводит нас к выводу о том, что тунг.-ма. *жақта* ~ *акта* (< **к'акта*) 'ка-

стрированный олень', мо. *ақта* ~ *ақтан* (< **ақтан*) 'кастрированный конь, мерин, ездовой конь', тюрк. *ақта* ~ *ақта* (< **ақта*) 'мерин, кастрированный семен', тюрк. *ат* ~ *аът* ~ *һат* (< **һагт* < **һагт*) 'лошадь, конь, мерин', мо. *атан*, тюрк. *атан* ~ *атан* (< **ақтаған*) 'кастрированный верблюд' представляют генетически родственный ряд форм, который может быть возведен к общей исходной форме **к'антаган* с первоначальным значением 'кастрированный'. Для реконструкции такой общеалтайской прформы, по нашему мнению, есть достаточные основания.

Что касается алтайского термина *акта*, то он, как и рассмотренный выше миграционный термин *морин* 'лошадь', распространен не только внутри алтайской семьи языков, но и далеко за ее пределами — в иранских и самодийских языках как свидетельство древних культурных связей. Общеизвестно, что техника кастрации и названия для кастрированных животных очень легко распространялись от народа к народу. Если все же допустить, что *акта* в алтайских и других языках — древнее заимствование и восходит к какому-то общему неизвестному сейчас источнику, то надо признать, что в этом древнем языке-источнике *акта* имело англантичный согласный, о чем свидетельствуют тунгусо-маньчжурские и непечские формы.

Специальных терминов для наименования кобылы в тунгусо-маньчжурских языках нет. Употребляются заимствования из монгольского, якутского и русского языков, ср.:

эвенк. *гэгу* Втм ~ *гэгу* Брг ~ *гэи* Тпт. ~ *гэи* К. ~ *гэгу* С-Б, Тк, Тмт, Учр, Чмк, *гээн* Вл, сол. *гэгу*, ма. *гэо*, чж. *к'б* 'кобыла', в эвенк. также 'самка дикого оленя', в ма. 'корова', 'самка четвероногих' < мо.: н.-мс. *gegün* ~ *gegün*, монг. *гүү(н)*, *гү* (Халх), бур. *гүү(у)* 'кобыла';¹⁶⁸ ма. *гэо*, чж. *к'б* ср. с кит. *к'б* 'кобыла'.¹⁶⁹ Ср. также словосочетания с этим термином — ма. *гэо морин*, чж. *к'б т'и-ли* 'кобыла', сол. *сүвэй гэгэ*¹⁷⁰ 'яловая кобыла', ма. *кисари гэо морин* 'нежеребая кобыла' (ТМС, I, 145, 399; II, 117).
эвенк. *бэ*¹⁷¹ Тк, Тмт, Учр, эвен. *бэ*¹⁷² Ск 'кобыла' < як. *биэ* (ср. тюрк. *би* ~ *бе* ~ *бее* ~ *бийэ* ~ *бейэ* ~ *пичи* 'кобыла', кит. *би* 'самка').

эвенк. *каб'ла*¹⁷³ М, эвен. *қаб'ла* ~ *кэб'лэ* Арм 'кобыла' < рус. *кобыла*.

Помимо заимствований, характерных главным образом для тех тунгусо-маньчжуров, которые подверглись сильному пноязычному

¹⁶⁶ Рорре Н. On some ancient Mongolian Loan-words in Tungus. p. 190; Поппе Н. Н. Материалы по солонскому языку. Л., 1931, с. 52.

¹⁶⁸ О сближении ма. *гэо* с кит. *к'б* 'кобыла' см: Schmidt G. Chinese-Elemente im Mandschu. — AM. 1932, v. VII, fasc. 4.

¹⁷⁰ Поппе Н. Н. Материалы по солонскому языку, с. 68.

¹⁷¹ Диалектологический словарь эвенкийского языка, с. 23.

¹⁷² Русско-эвенкийский словарь, с. 225.

¹⁷³ Диалектологический словарь эвенкийского языка, с. 72.

¹⁶⁶ Васильевич Г. М. Эвенки. Л., 1969, с. 72—73.

¹⁶⁷ Вайнштейн С. П. Историческая этнография тувинцев, с. 33.

влиянию — для маньчжур, солонов и некоторых групп эвенков и эвенков, для наименования кобылы, как и для наименования самок других животных, используются притяжательные и беспритяжательные словосочетания, состоящие из видового наименования лошади и названия самки. Ср.: эвен. *мүрэн н'амичаннй*¹⁷⁴ *Ол* 'кобыла', досл. 'самка лошади', орок. *намай мүрй* (ТМС, I, 631) 'самка лошадь' (*н'амичан*, *намай* 'важенка', 'самка вообще', -ни аффикс принадлежности 3-го л. ед. ч.); нан. *эктэ морй*¹⁷⁵ *Их* 'кобыла', досл. 'самка лошадь' (*эктэ* < *эко-тэ 'женщина, женский пол', 'самка'. Корневой элемент *экэ в этом слове может быть сопоставлен с п.-мо. *эге* 'мать', др.-тюрк. *эки* 'старшая сестра', 'тетя').

Для самки лошади имеются еще следующие наименования: эвен. *хуркэ мүрэн*¹⁷⁶ *Ол* 'жерёбая', досл. 'стельная лошадь' (*хуркэ* < *хурэ-кэ 'беременная, зачатая, стельная' — о самке животных. Корневой элемент *хурэ прослеживается в ср.-мо. *hüre*, п.-мо. *üre* 'ребенок, дитя, потомок', 'плод', п.-мо. *üre-zi-gül* 'плодить', тур. *üre-* 'размножаться, плодиться'); ма. *индэри* 'лошадь, приносящая жеребенка через год', досл. 'периодически отдыхающая', которое восходит к причастной форме на -ри от глагола *индэ* 'днать, отдыхать, делать привал', 'переставать работать' (ТМС, I, 319); ма. *алашан* 'кляча', обозначающее также 'вялый, лопивый', которое восходит к тюрк. *алаша* 'мерин', 'лошадь, конь', 'высокая неуклюжая лошадь', 'животное, прирученное к вьючному седлу', аз. 'кляча' (ТМС, I, 30).

Названия лошади по масти представлены монголизмами. Они распространены в маньчжурском и солонском языках, а также в южных в восточных диалектах эвенкийского языка (в баргузинском, черчинском, сахалинском).¹⁷⁷

Для образования наименований молодых животных и детенышей, в том числе и жеребенка, в тунгусо-маньчжурских языках используется словообразование с уменьшительными аффиксами. Так, от *мурин* 'лошадь' образованы эвенк. *муринчикан* П-Т, *муриткан* Тк, Учр, Члм (-чикан, -ткан аффиксы уменьшительности по признаку возраста), нел. *мурйкан* Н, нан. *морйкэ* < *морйкан (-кан аффикс уменьшительности) 'жеребенок', досл. 'лошадка' (ТМС, I, 558).

Употребительны также словосочетания, состоящие из названия лошади и названий детенышей, ср.: эвен. *мүрэн энкэчэнни*¹⁷⁸ *Ол* ~ *мурал энкэчэнни* *Ох* (ТМС, II, 457) 'жеребенок', досл. 'теленочек лошади' (*энкэн* 'теленек оленя, лося, коровы до года',

энкэчэн 'теленочек', также 'теленек дикого оленя', -ни аффикс принадлежности 3-го л. ед. ч.): эвен. *мүрэн хунэн* М ~ *мурон хунэн Ск*¹⁷⁹ 'жеребенок', досл. 'детеныш лошади' (*хун* 'ребенок, детеныш, потомок', -ни аффикс принадлежности 3-го л. ед. ч.). В накайском языке употребительно словосочетание *нүчи морйкэ*¹⁸⁰ *Их* 'жеребенок', досл. 'маленькая лошадка, молодая лошадка' (*нүчи* 'маленький', 'молодой' — о животных).

В эвенкийском, негидальском и эвенском языках для наименования жеребенка до года используется то же слово, что и для годовалого теленка оленя, лося, коровы. Ср. эвенк. *эункэн* (*эункэн* Ткм, *эункэн* С-Б, *эункэн* Д), нел. *эучэсэн* Е ~ *эункэн* В < **эункэн*, эвен. *энкэ* *Ол*, *Алл*, М, *Ох*, П, Т ~ *энкэн* *Арм*, Б ~ *эункэн* *Ск* < **эункэн* < **эункэн* 'годовалый теленок оленя, лося, коровы', нел., эвен. 'жеребенок' (ТМС, II, 457).

Эвен., нел. **эункэн* восходит к именной основе **эунй-* 'важенка-однолетка' (ср. современное восточное эвенкийское *эунй* *Алл*, З, Сх, Урм, Учр 'важенка, отелившаяся на втором году', *эунй-* 'отелиться на втором году'), оформленной уменьшительным аффиксом -кэн. В эвенкийских диалектах эта основа ввиду неустойчивости заднеязычного носового согласного у в тунгусо-маньчжурских языках и модификации узкого гласного и второго слога в широкий э под влиянием э первого слога преобразовалась в *эунэ* ~ *эннэ* ~ *эмкэ* и утратила долготу. В эвенских диалектах произошло, вероятно, стяжение основы — выпадение носового сонанта, сокращение долготы гласного второго слога, а затем утрата этого гласного, т. е. **эунй-* > **эун-* > **эун-* ~ **эни-* > **эу-* ~ **эн-* (ср. современное эвенское *эни* *Ол*, *Алл*, Б, П, Сх, Т 'важенка, отелившаяся на втором году'). Возможно также, что эвенские формы образовались непосредственно от основы **эу-* > **эн-*.

Основа **эунй-* производная. В ней может быть выделен этимологический корень **эу-* со значением 'отелиться на втором году' и аффикс *-нй — ассимилированный вариант причастного аффикса -ри после основ на м, у. Следовательно, **эунй* означает дословно 'отелившаяся на втором году'. Корень **эу-*, по-видимому, омонимичен. Об этом свидетельствуют некоторые эвенские производные, в которых может быть выделен именной корень **эу-* > **эн-* со значением 'годовалый теленок, телка'. Ср., например, эвен. *эни* *Ск* < **эунй-* 'испать теленка (о важенке)', -ни — глаголообразующий аффикс со значением сбора, добычи, поиска чего-либо. Переход щелевого сонанта л аффиксов в и при слиянии с основами, оканчивающимися на смычные носовые сонанты м, н, н', у — распространенный вид ассимиляции в эвенском языке: эвен. *энэ* *Ох* ~ *энэ* *Ол*, Б, П ~ *энэ* *М*, Т ~ *эунэ* *Алл* 'мех теленка, ш-

¹⁷⁴ Русско-эвенский словарь, с. 225.

¹⁷⁵ Русско-накайский словарь, с. 92.

¹⁷⁶ Русско-эвенский словарь, с. 150.

¹⁷⁷ О названиях лошади по масти см.: Новикова К. А. Иноязычные элементы в тунгусо-маньчжурской лексике, относящейся к животному миру, с. 118.

¹⁷⁸ Русско-эвенский словарь, с. 150.

¹⁷⁹ Там же.

¹⁸⁰ Русско-накайский словарь, с. 64.

жик', -с ~ -h < общетунг.-ма. **-ка/кэ* аффикс, образующий названия шкур животных. В саккырыркем говоре это производное образуется от *эүкэн* 'годовалый теленок' — *эүкэс* ~ *эүкэһ* 'шажик'.

Приведенные тунгусо-маньчжурские слова с корнем **эн-* > **эн-* > **эн-* этимологически могут быть облежены со следующими тюркскими формами: др.-тюрк. *enik*, тур. *enik*, тув. *эник*, гаг. *йеник* 'детеныш животных и зверей', 'молодое животное' 'щенок' — производное с аффиксом *-к* в значении результата действия; тур. *енцик* ~ *енсек*, тат. *энчик*, чув. *анчык* 'детеныш (собаки, кошки и других млекопитающих)', 'щенок' — производное с уменьшительным аффиксом *-цик* ~ *-чик*; тат. диал. *энка* 'самка', 'сука' — производное с аффиксом *-ка* со значением носителя процесса; тур. диал. *engi* 'ребенок'; *jeni-* 'рожать' (в словаре Махмуда Кашгарского). Основу *en-* ~ *эн-* в этих производных Э. В. Севортян возводит к этимологическому корню **en-* со значением 'рожать', 'зачать'.¹⁸¹

Сопоставление тунгусо-маньчжурских и тюркских фонетических вариантов корня со значением 'телиться (о молодых животных)', 'рожать, производить потомство' позволяет считать наиболее архаичными из них тюркские формы с афлатным *j-* (гаг. *йеник* 'детеныш животных и зверей', 'молодое животное', *jeni-* 'рожать' — из словаря Махмуда Кашгарского), если полагать, что *j* в них не протетический, а изначальный согласный. В тунгусо-маньчжурских вариантах сохраняется более древний конечный согласный — заднеязычный носовой сонант *-y*. Следовательно, можно предположить, что этимологическая форма этого алтайского глагола имела вид **jer-* или **jeni-*. В процессе дальнейшего развития этой предполагаемой формы афлатный *j-*, благодаря слабости его артикуляции,¹⁸² в большинстве языков отпал, оставив в тунгусо-маньчжурских языках рефлекс в виде долготы последующего гласного *э-*. Заднеязычный носовой сонант *y* преобразовался в тюркских языках и некоторых тунгусо-маньчжурских диалектах в переднеязычный *n*.

Следует заметить, что в этимологических исследованиях А. М. Щербака и М. Рясняна тюрк. *enik* ~ *enik* 'детеныш животных и зверей' ошибочно, по нашему мнению, сближается с шор., алт. диал. *унэгэш*, тат. диал. *өнегөш* 'щенок', як. *онугэс* ~ *унугэс* 'побег, росток', 'малолеток, подросток', 'щенок',¹⁸³ которое В. В. Радлов и Э. К. Пекарский считают производным от глагола *өн-* ~ *йн-* 'расти, вырастать', 'выпускать ростки', 'подниматься

¹⁸¹ Севортян Э. В. Этимологический словарь. . . , с. 281—283.

¹⁸² О тесноте афлатного *j* и исчезновению в тюркских и других языках см.: Серебряников Б. А. Вероятностные обоснования в компаративистике, с. 96—97.

¹⁸³ Щербак А. М. Названия животных. . . , с. 129; Räsänen M. Versuch. . . , S. 44.

вверх'.¹⁸⁴ Конечный *-ш* ~ *-с* в этом слове — непродуктивный аффикс со значением уменьшительности.¹⁸⁵

Спорным является также включение этих тюркских слов в следующие афлатические соответствия: як. *унугэс* < **ün'ekäs* 'щенок' = мо. *ünegen*, ср.-мо. *hünegen* < **rün'eken* 'лиса' = ма. *фун'эзэ* < **rün'ekēi* 'волосы, шерсть, пух' — у Н. Н. Поппе;¹⁸⁶ тюрк. *enik* ~ *enik* 'детеныш животных и зверей', *өнегөш* ~ *унэ-гөш* 'щенок' = мо. *ünegen* 'лиса' = ма. *фун'эзэ* 'волосы, шерсть, пух' = фин. *peni-kka* 'собака' — у М. Рясняна.¹⁸⁷

В эвенкийском языке по материалам Кастрена одним из наименований жеребенка является слово *ноңокоп*.¹⁸⁸ В солонском языке ему соответствует *но́рбхā* П.¹⁸⁹ ~ *ноуошон* М.¹⁹⁰ 'жеребенок', 'жеребенок до года'.

Н. Н. Поппе и С. Калужинский в качестве параллелей к этому слову приводят эвенкийское диалектное *унукан* Брг., Нрч,¹⁹¹ слово *унукан*¹⁹² 'годовалый жеребенок', которые являются в этих языках монгольскими заимствованиями, а также монгольское *унуан* ~ *унуан* 'жеребенок до года'.¹⁹³

По нашему мнению, такое сближение спорно, хотя фонетический облик и семантика приведенных слов близки. Препятствием для такого сближения является афлатный *n* в некоторых тунгусо-маньчжурских формах.

Мы думаем, что *ноңокоп* ~ *но́рбхā* < **ноңокан*, ввиду ограниченности его распространения в тунгусо-маньчжурских языках, является заимствованием, причем более архаичным является вариант с инверсикальным *γ*. Переход *γ* > *н* может быть объяснен ассимилирующим влиянием начального носового согласного. Рассматриваемое слово состоит из основы *ноңо(н)-* ~ *но́рб(н)-* и уменьшительного аффикса *-коп* ~ *-хā* < **-кан*. Основа может быть сближена с п.-мо. *нигун* ~ *нигун*, *погун*¹⁹⁴ 'дтия мужского пола, мальчик', монг. *нуган* ~ *нугун*, бур. *нуган* кнжн. устар. 'сын, мальчик'. Ср. сол. *но́*¹⁹⁵ < **но́н* < **но́гн* 'дитя' < мо. *погун*.

¹⁸⁴ Пекарский Э. К. Словарь якутского языка, т. III, с. 3128.

¹⁸⁵ Севортян Э. В. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. М., 1962, с. 171.

¹⁸⁶ Poppe N. Vergleichende Grammatik. . . , S. 70.

¹⁸⁷ Räsänen M. Versuch. . . , S. 44.

¹⁸⁸ Castrén M. A. Grundzüge einer tungusischen Sprachlehre nebst kurzem Wörterverzeichnis. SPb., 1856.

¹⁸⁹ Поппе Н. Н. Материалы по солонскому языку, с. 62.

¹⁹⁰ Калужинский С. Солонisches Wörterverzeichnis, S. 32.

¹⁹¹ Поппе Н. Н. Материалы для исследования тунгусского языка, с. 56; Poppe N. The primary Long Vowels in Mongolian, р. 8.

¹⁹² Санжеев Г. Д. Маньчжуро-монгольские языковые параллели, с. 624.

¹⁹³ Поппе Н. Н. Материалы по солонскому языку, с. 62; Калужинский С. Солонisches Wörterverzeichnis, S. 32.

¹⁹⁴ Монгольско-русско-французский словарь. Сост. О. Ковалевский. Т. II. Казань, 1846, с. 679.

¹⁹⁵ Поппе Н. Н. Материалы по солонскому языку, с. 62.

Упомянутые выше монгольские заимствования — эвенк. *улу-кән* Брг, Нрч ~ *улукап* К., ма. *унаган* 'годовалый жеребенок' сохранили более древнюю форму по сравнению с п.-мо. *инаγан* ~ *иниγан* 'жеребенок до года', так как содержат в конечном слого глухой согласный *к* ~ *χ* и долготу гласного. Следовательно, тунгусо-маньчжурские заимствования варианты позволяют возвести п.-мо. *инаγан* ~ *иниγан* к этимологической форме **инакән*,¹⁹⁶ которая членится на основу **ина-* и аффикс **-кән*. Семантика основы не совсем ясна, хотя ее аффиксальное оформление (**-кән* — уменьшительный аффикс) позволяет думать, что она является именной. Предположительно сблизим п.-мо. *инаγан* ~ *иниγан* < **инакән* 'жеребенок до года' с тунг.-ма. **кунякән* (< **куня + *кән*) > эвенк. *кунякән* ~ *кунякән* ~ *көнкән* ~ *кунякән* Ткм ~ *кун-кән* С-Б, сол. *кунхан* Ив., эвен. *куняқан* Ол, Ц ~ *куняқан* Б ~ *куняқан* Ох, Т ~ *кунякән* К-О ~ *коакән* Ох ~ *кокан* Алл ~ *көца* Ол, Б, Ц, нег. *қоңақан* Н ~ *қоңақан* В ~ *коакан* Шт, нан. *оуақә* Нх, *қоңар бй* Бк 'ребенок', 'дитя, младенец', 'новорожденный', 'юный', 'молодой', сол. 'сын', эвен. Ох 'медвежонок до года' (ТМС, I, 433). Как уже отмечалось выше, неустойчивость аффиксов *к*, *қ*, отпадение их — широко распространенное явление в алтайских языках и диалектах.

Семантической параллелью, допускающей сближение наименования жеребенка и молодого юного существа, могут служить славянские языки, в которых установлена связь между *junъ* 'юный, молодой' и *junьсь* 'телок, бычок, телка'.¹⁹⁷

В диалектах напайского и маньчжурского языков жеребенок по второму году и старше называется *дахан*, которое, очевидно, также является монгольским заимствованием, вошедшим только в южные тунгусо-маньчжурские языки. Ср.: нан. *даха(н-)* Бк 'годовалый жеребенок', ма. *дахан* З., Сиб ~ *дахан* Сиб¹⁹⁸ 'лошадь от двух до пяти лет', Сиб 'жеребенок' < мо.: п.-мо. *даγаγан*, ср.-мо. *da'agan*, монг., бур. *даага(н)*, монг. Халх *дэгэ*¹⁹⁹ 'годовалый жеребенок', 'жеребенок по второму году', бур. 'двухлетний жеребенок, лопчак'.²⁰⁰

Б. Я. Владимирцов выделяет в п.-мо. *даγаγан* 'жеребенок по второму году' основу *даγа-*, которую он возводит к более древней форме **dawa-*. Возможность такой реконструкции в этом и ряде других монгольских слов он объясняет тем, что в общемонгольском праязыке между гласными смелся билабнальный спирант **w*,

который в письменном монгольском языке дал заднеязычный *γ* ~ *g*, в среднемонгольском выпал и дал сочетание двух гласных, а в современных монгольских языках — долгий гласный, т. е. **awa* > *aya* > *aa* > *ā*, **ewe* > *ege* > *ee* > *ē*. На существование в общемонгольском праязыке билабнального спиранта **w*, помимо данных собственно монгольских языков, указывают, по его мнению, многочисленные эквиваленты в родственные тюркские и тунгусо-маньчжурские языки. В качестве эквивалента к п.-мо. *даγаγан* < **dawa-γан* 'жеребенок по второму году' он приводит тур. *јарақ* 'жеребенок-сосунок', которое и по фонетическому облику, и по значению близко рассматриваемому монгольскому слову.²⁰¹

Сближение п.-мо. *даγаγан* 'жеребенок по второму году' с алт. *јабага* 'двухгодовалый жеребенок', тур. *јарақ* 'жеребенок-сосунок' допускает и Г. И. Рамstedt.²⁰²

Н. И. Поппе, для которого очевидна генетическая связь приведенных слов, уточняет их праформы, считая исходными варианты с глухими согласными в середине слова, ср.: мо. *dāgan* < **dawāgan* < **dapā-kan* 'жеребенок по второму году' = тур. *јарақ* < **dapā-k* 'жеребенок'.²⁰³

Генетическую связь между этими словами признает и М. Ряснен, который сближает тюркские варианты — тур. *јарақ* 'жеребенок-сосунок', алт. Тел *јабага* ~ *јабага* 'двухгодовалый жеребенок', чаг. *јабаγи*, чул. Кюэр *јабаγу*, казах. *јабаγу* 'жеребенок в первую осень после рождения', хак., шор., тув. Саг *сбага*, кумык. *јабу* 'жеребенок', тув. *савā* 'стригунок', с мо. *даγаγан* 'жеребенок по второму году', возводя его, как и Н. И. Поппе, к праформе с глухими согласными в ингауте — к **dawāqan* < **dapakan*.²⁰⁴

А. М. Щербак приводит следующие тюркские варианты этого слова — алт., тат. *јабага* 'жеребенок до двух лет', 'жеребенок во вторую после рождения весну', башк. *јабак*, башк., казах., каракалп., кирг. *јабарғи* 'жеребенок, рожденный осенью до весны следующего года', 'жеребенок от шести месяцев до года', 'годовалый жеребенок', туркм. *јанарғи*, ног. *јанаш* 'поворожденный жеребенок', хак. *чабага* 'двухгодовалый жеребенок', тув. диал. *чавā* 'годовалый, двухгодовалый жеребенок', як. *убаһа* (*убаса*, *узаса*)²⁰⁵ 'жеребенок с первой осени до года', 'первогодок, годовой, прошлогодний, стригун, стригунец', которые он возводит к общетюркскому **јабага*, связывая с ним и бурят-монгольское *dāgan* 'двухлетний жеребенок'.²⁰⁶

¹⁹⁶ Porre N. The Primary Long Vowels in Mongolian, p. 8, 13.

¹⁹⁷ Трубачев О. П. Происхождение названий домашних животных в славянских языках, с. 45.

¹⁹⁸ Kałuźński S. Sibinische Sprachproben. II. Wörterverzeichnis. — RO, XXXVII, 2, S. 60.

¹⁹⁹ Владимирцов Б. Я. Сравнительная грамматика..., 208.

²⁰⁰ В Сравнительном словаре тунгусо-маньчжурских языков нан. *дади(н-)* Бк и ма. *дадан* З., Сиб 'жеребенок' ошибочно помещены в словарную статью *дага-* 'подчинять', см. т. 1, с. 191.

²⁰¹ Владимирцов Б. Я. Сравнительная грамматика..., с. 207—208.

²⁰² Ramstedt G. J. Kalmückisches Wörterbuch, S. 81.

²⁰³ Porre N. Vergleichende Grammatik..., S. 47, 123, 146.

²⁰⁴ Räsänen M. Versuch..., S. 188.

²⁰⁵ Пекарский Э. К. Словарь якутского языка, т. III, с. 2968.

²⁰⁶ Щербак А. М. Названия животных..., с. 92.

Приведенный список следует дополнить чувашской формой *юпах*, *юпах туха* 'жеребенок по второму году', 'стригунок' (так называют жеребенка, когда он сбросит первую шерсть во время линьки).²⁰⁷ В якутской и чувашской формах имеем в первом слоге огубленный гласный *y*, который образовался, очевидно, под влиянием последующего губно-губного согласного, т. е. як. *ybaħa* < **ybaħa* < **jaħaħa*, чув. *yūnah* < **jaħaħ*. Закон губной ассимиляции — уподобление гласных по участию губ в словах с губными гласными и губно-губными согласными, действовавший в тюркских и других алтайских языках в древности, характерен в той или иной мере и для некоторых современных языков, но в большинстве из них он не является регулярным и всеобщим, так как чаще всего наблюдается два равноправных произношения слов — и с уподоблением гласных по участию губ, и без уподобления. Ср. аз. диал. *boħ* < *baħ* 'голова', *dovan* < *daħan* 'ступня', *döwä* < *döwä* 'верблюд', уйг. *moħaj* < *maħaj* 'старуха', *töħür* < *töħür* 'железо', тюркм. *yuaħ* < *jaħaħ* 'спокойный', як. *ħomyc* < *ħamyc* 'камыш', *ħotun* < *ħatun* 'госпожа' и др.²⁰⁸ В якутской форме *ybaħa* анлаутный *j*- выпал. Утрата анлаутного *j*- в тюркских языках возможна. Ср., например, карач.-балк. *aħşy* < *jaħşy* 'хороший';²⁰⁹ а перед узкими гласными аз. *il* < *jil* 'год', *ilan* < *jilan* 'змея', аз., уйг. *yaduz* < *jaduz* 'звезда', *uz* < *jüz* 'лицо',²¹⁰ тур. диал. *üže* < *jüže* 'высоко' (Средняя Анатолия), *üzük* < *jüzük* 'кольцо' (северо-восточная Болгария) и др.²¹¹

Таким образом, мы имеем два варианта праформы рассматриваемого слова — праформу (Н. Н. Шоппе) с переднеязычным звонким согласным **d*- в анлауте и глухими согласными в середине слова (**darakan*), которая учитывает существующую в алтаистике гипотезу о развитии письменно-монгольских анлаутных *d*-, *ǰ*- и древнетюркского анлаутного *j*- (> *ǰ*, *č*, *s*, *s'* и т. д. в различных тюркских языках) из общеалтайского **d*-,²¹² и праформу (А. М. Щербак) с **d'*- в анлауте и звонкими согласными в середине слова (**daħaħa*), при построении которой автор исходит из положения о том, что тюркский анлаутный *j*- является довольно поздним звуком «самым отдаленным от праформы отражением, восходящим к **v*, глухому межзубному спиранту, который в наибольшей мере сохранил свое первоначальное качество в чувашском (*ç*) и якутском (*ç*) языках, т. е. в языках, обнаруживающих, по общему мнению, некоторое количество очень древних черт».

«Система согласных фонем и их распределение в большинстве современных тюркских языков таковы — пишет он, что они исключают возможность ископного употребления *j* в начале слова».²¹³

Еще ранее мысли о позднем появлении *j* в тюркских языках, о большей древности тюркского анлаутного *ǰ*- по сравнению с *j*- и о возможности перехода *ǰ*- > *j*- были высказаны С. Е. Маловым. Он пишет по этому поводу следующее: «Относительно *й*, *дж*, *ч*, *ш*, *ж* я могу сказать предположительно, что более древними здесь были шипящие и свистящие звуки *дж*, *ч*, *ш*, звук же *й* здесь в очень малом и редком употреблении (в начале слова) в письменном языке древних тюрок и у ближайших потомков их теперь по языку — желтых уйгуров».²¹⁴

По мнению Н. А. Баскакова, «Вопрос хронологии *j* > *ǰ* в начале слова является спорным. Если конечный коренной *j* в слове мог быть результатом развития *d*, *t* > *z*, *s* > *j*, то *j* в начале слова мог быть также результатом фонетического развития аффрикативных и фрикативных, в том числе и шипящих согласных *č*, *ǰ*, *tj*, *dj*, *ž*, *s* > *j*».²¹⁵

Б. А. Серебряников, возражающий против изложенных точек зрения, считает тюркский анлаутный *j*- изначальным согласным.²¹⁶ Гипотеза Г. И. Рамstedта и других о том, что общеалтайский *ǰ*- дал пратюркский *j*-, который затем в отдельных языках снова превратился в *ǰ*- (*ǰ*- > *j*- > *ǰ*-), по его мнению, весьма сомнительна, так как переход *ǰ*- > *j*- является нетипичным. Деаффрикатизация *ǰ*- — пишет он, происходит обычно путем превращения *ǰ* в *ž*.²¹⁷

Мнение Б. А. Серебряникова, учитывающее наиболее часто встречающиеся закономерные звуковые изменения, в частности, распространенность в языках мира перехода *й* (*j*) в *дж* и *ж*, позволяет допустить вариант праформы рассматриваемого слова с анлаутным *-j* (**jarakan*), который в тюркских языках, как это видно из приведенных выше примеров, или сохранился, или преобразовался в *ǰ*, *č*, или исчез, а в монгольских языках изменился в *d*-, вероятно, через промежуточную ступень *ǰ*- (**j*- > **ǰ*- > *d*-).

Для уточнения праформы рассматриваемого слова интересно обратиться к материалу тунгусо-маньчжурских языков, в которых, кроме приведенного выше заимствования *даħан* 'годовалый жеребенок', может быть обнаружена и этимологическая параллель к и.-мо. *daħayan* и тюрк. *jaħaħa* 'жеребенок 1—2 лет', близкая им не только фонетически, но и семантически. Такой параллелью, по нашему мнению, является общетунгусо-маньчжурское **siħara*-

²⁰⁷ Егоров В. Г. Этимологический словарь чувашского языка, с. 349.

²⁰⁸ Щербак А. М. Сравнительная фонетика тюркских языков, с. 39.

²⁰⁹ Баскаков Н. А. Примечание к русскому изданию книги: Ряснен М. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955, с. 246.

²¹⁰ Щербак А. М. Сравнительная фонетика тюркских языков, с. 159.

²¹¹ Ряснен М. Материалы по исторической фонетике тюркских языков, с. 165.

²¹² Ramstedt G. J. Einführung in die altaische Sprachwissenschaft, S. 65—66; Porre N. Vergleichende Grammatik..., S. 22.

²¹³ Щербак А. М. Сравнительная фонетика тюркских языков, с. 79—80.

²¹⁴ Малов С. Е. Древние и новые тюркские языки. — ИАН ОЛЯ, 1952, т. XI, вып. 2, с. 141.

²¹⁵ Баскаков Н. А. Указ. соч., с. 216.

²¹⁶ Серебряников Б. А. О некоторых спорных вопросах сравнительно-исторической фонетики тюркских языков. — ВЯ, 1960, № 4, с. 67.

²¹⁷ Серебряников Б. А. Вероятностные обоснования в компаративистике, с. 338.

kān 'теленка 1—2 лет' < **siĵara-* + уменьшительный аффикс **-kān*. В современных тунгусо-маньчжурских языках древний облик этого слова с аффиксным *s-* сохранился только в орокском *sāno* ~ *sēno*, *sēnyū* 'теленка домашнего оленя 1—2 лет'. В остальных языках имеем формы с видоизмененным аффиксом — *s-* исчез, а звукосочетание *iĵa-* преобразовалось в *jā-* или в дифтонг, развившийся затем в дифтонгоидный или долгий гласный, ср.: эвен. *jāwkan* Алл, К-О, М, Т ~ *uawkan* М ~ *šwkan* Ол, Б, П ~ "эвкан Ск ~ *šwkan* Ох 'теленка домашнего оленя 1—2 лет'; 'ягненок'; эвен. *jāwkan* Алл, М, Т ~ *uawkan* М ~ *šwkan* Ол, Б, П ~ "эвкачан Ск ~ *šwkan* Ох 'теленка домашнего оленя 1—2 лет'; эвенк. *šwkan* ("эвкән Тмт, Учр ~ *šwkan* П-Т, Д, Нак, Тк) 'домашний олень-бык 2—3 лет'; эвенк. *šwkan* (*šwkan* П-Т, Д, Нак, Тк) 'осенок одного года'; ног. *šwkan* Н 'теленка домашнего оленя до года' (ТМС, I, 288).

Относительно этимологии рассматриваемого наименования А. М. Щербак пишет: «Этимология *jabaga*, как и многих других слов, обозначающих возрастные группы, неясна». ²¹⁸ Но здесь же он приводит вполне приемлемое предположение Ф. Г. Исхакова, почерпнутое из его неопубликованных материалов по диалектам тувинского языка, который сближает тюрк. *jabaga* и бур.-монг. *daagan* — названия жеребенка после первой линьки, с названием шерсти, которую сбрасывают животные весной во время линьки — с тат. *jabaga* и бур.-монг. *daagi*. ²¹⁹ Сравнение тюркских и монгольских наименований жеребенка, когда он сбросит первую шерсть, с названием шерсти-линьки дает также В. Г. Егоров. ²²⁰

В алтаистических работах и этимологических словарях название шерсти-линьки рассматривается как общетюркско-монгольское слово: п.-мо. *daŋaki* < **dawāqi* < **daraki*, монг. *daag*, монг. Халх *dā'xi* ~ *dā'ar*, бур. *daagi* 'шерсть, вылезавшая весной во время линьки', 'сваливающаяся шерсть' = др.-тюрк. *jar* 'сваливающаяся, сбившаяся шерсть', тур. *jaraq*, *jaraŋ* 'необработанная шерсть, руно'. ²²¹

В токишском и томтоском диалектах эвенкийского языка для наименования жеребенка употребляется якутское заимствование *кулун*, ²²² которое является общеалтайским словом, обозначающим жеребенка в любом возрасте до года. Ср. др.-тюрк. *qulun*, аз. *фулун*, алт., казах., караим., каракалп., кирг., тув., уйг., узб., чаг. *кулун*, башк. *колон*, тат. *колын*, гаг. *кули*, ног. *кулын*, хак.

²¹⁸ Щербак А. М. Названия животных..., с. 92.

²¹⁹ Там же.

²²⁰ Егоров В. Г. Этимологический словарь чувашского языка, с. 349—350, словарные статьи *юпак* I, *юпак* II.

²²¹ Владимирцов Б. Я. Сравнительная грамматика..., с. 208; Ramstedt G. J. Kalmückisches Wörterbuch, S. 81; Porre N. Vergleichende Grammatik..., S. 47, 123, 146; Räsänen M. Versuch..., S. 188.

²²² Диалектологический словарь эвенкийского языка, с. 85.

хулун, ж.-уйг. *кулум* ~ *кулым* ~ *хулум* 'жеребенок', 'жеребенок по первому году', 'жеребенок-сосунок'. Приведенные варианты В. Г. Егоров возводит к **хулу(н)*, ²²³ а А. М. Щербак предположительно к **кул* ²²⁴ (ср. др.-тюрк. *qul-na-* наряду с *qulun-la-* 'жеребятся'). В этимологических словарях тюркских языков приводится и чувашский вариант этого наименования жеребенка — *хām*, который по мнению П. П. Ашмарина имеет также значение 'плод': *xām nārah* 'скинуть плод (о кобылице)'. ²²⁵ Это значение чув. *хām* позволяет предположить, что тюрк. *кулун* 'жеребенок' этимологически является однокоренным со следующими словами: др.-тюрк. *qolıca* 'шобег, отпрыск, потомок'; ²²⁶ алт. Тел, тат. Тоб и др. *кулға* 'зародыш, росток, всходы', хак. *хулға* 'хлебные всходы до образования колосьев', 'ростки'; *кулғана-* 'всходить, произрастать'. ²²⁷ В них прослеживается общая основа *qol-* ~ *qul-* ~ *qolı-* ~ *qolo-* ~ *qulı-* ~ *qulu-*.

В диалекте арманских эвенов для названия годовалого жеребенка использовалось русское заимствование *лан'чау*. ²²⁸ Ср. рус. диал. (олоонец., рязанск.) *лончак* ~ *лончак* 'годовалый жеребенок' от диал. *лоний* 'в прошлом году'. ²²⁹

В маньчжурском и диалектах эвенкийского языка имеется еще ряд возрастных наименований молодняка лошади:

Ма. *сучуту* 'двухлетний жеребенок' (ТМС, II, 133). Это название указывает на развитие резцов-зацепов у жеребенка, которое начинается в возрасте двух, двух с половиной лет и завершается во второй половине третьего года. Оно является производным от основы *сучу-* < **суча-* 'клык, клыки животного', *'резцы' с помощью аффикса имени прилагательных *-ту*, *сучуту* досл. 'имеющий клыки, резцы, клыкастый'. Должно быть, сюда же относится ма. *сучун вэйхэ* 'передние зубы', где *сучун* образовано, по-видимому, от глагола **сучу-* *'раздирать пищу (о животных)', 'зацеплять, щипать (траву)'.

Система исчисления возраста животных, связанная с развитием и состоянием у них зубов, является, по-видимому, очень древней. Она характерна не только для тунгусо-маньчжурских народностей, но также для восточных монголов и некоторых тюркских народов (тувинцев, якутов, киргизов). ²³⁰

²²³ Егоров В. Г. Этимологический словарь чувашского языка, с. 291.

²²⁴ Щербак А. М. Названия животных..., с. 90.

²²⁵ Егоров В. Г. Этимологический словарь чувашского языка, с. 291; Räsänen M. Versuch..., S. 299.

²²⁶ Древнетюркский словарь, с. 455.

²²⁷ Räsänen M. Versuch..., S. 298.

²²⁸ Ришес Л. Д. Арманский диалект эвенского языка. Канд. дис. Ин-т языкознания, Л., 1947.

²²⁹ Трубачев О. Н. Происхождение названий домашних животных и славянских языках, с. 58.

²³⁰ О названиях домашних животных в связи с исчислением их возраста у тюркских и монгольских народов см.: Вайнштейн С. И. Историческая этнография тувинцев, с. 44—51. Об исчислении возраста животных

В современных тунгусо-маньчжурских языках маньчжурскому *сучу* < **суча*- 'клык', 'клыки'. 'резцы' соответствует эвенк. *сурка* Алд, Брг, З, П, П-Г, Сх, Урм, Учр, Хлг, Тит. ~ *хурка* Е, П, Сх, Урм ~ *шурка* П-Т, С, С-Б. эвен. *хурка* Ох ~ *хуртэ* М ~ *хуркэ* Ол, П ~ *хурко* Ск ~ *урка* Б, нег. *сойка* П ~ *сом'ка* В, ороц. *соққа* (< **сойка* < **сурка*), уд. *суна* (< **суика* < **суйка* < **сёрка*), ульч. *сйча* (< **сёрка*), орок. *сйтти* (< **суча* < **сурка*), нан. *сойка* ~ *сойка* (< **сурка*) 'клык, клыки животного' (ТМС, II, 130). Переходной является форма **сёрка*, интервокальная группа согласных *рк* в которой в негидальских диалектах преобразовалась в *йк* или *т'к*, в орокском в *кк*, в удайском в *к*, в ульчском в *ч*, давшим затем в орокском *тт*. Превращение *рк* ~ *рк* > *йк* ~ *йк* > *т'к* > *с'к* > *кк* ~ *кк* > *к* > *ч* > *т* ~ *тт* являлось закономерным процессом в истории развития тунгусо-маньчжурских языков, что может быть подтверждено рядом примеров.²³¹

В качестве лексико-семантической параллели к маньчжурскому *сучу* 'двухлетний жеребенок' приведем якутское *тисэйя* ~ *тисэйя* (< *тис* + *эйя*) 'жеребенок или теленок по третьему году (двухлетний, двулеток, стригун)', которое Э. К. Пекарский возводит к *тис* 'зуб, зубы', 'клыки', так как только к осени третьего года — замечает он, у этих животных выпадают молочные зубы; *тисэй* (< *тис* - *эй*) 'лишаться молочных зубов, освобождаться от молочных зубов'.²³²

Ма. *арту* 'трехгодовалый жеребенок' (ТМС, I, 50) также связано с названием зубов и означает дословно 'с клыками, клыкастый', так как к трем годам у жеребенка заканчивается смена передних молочных зубов (клыков и резцов). Ма. *арту* является, очевидно, стяженной формой, восходящей к мо. **арагату* > **араату* > **арату* > **арту*. Ср. бур. *араата* 'с клыками, клыкастый' < **арагата* < **арага* 'клык животных' + аффикс **-та*, образующий от предметных имен имена качественные. Допустимо также предположение о том, что ма. *арту* < **арагату* образовалось в результате сращения именной монгольской основы *арага* 'клык животных' > *араа* > *ара* > *ар*- с аффиксом предглагольных *-ту*.

Н. Н. Поппе возводит мо. *арага* 'клык животных' к **аригā*. Эту более архаичную форму он восстанавливает, очевидно, на основании однокоренных монгольских слов, содержащих в основе гласный *i*, например, п.-мо. *аригалан* < **аригāлан* 'зверь, хищник', досл. 'клыкастый'.

Мо. *арага* < **аригā* 'клык животных' образовано, должно быть, от глагольного корня **ара* < **арі*, этимология которого пока неясна, посредством аффикса **-га* < **-gā*. В маньчжурском оно

по зубам у тунгусо-маньчжурских народностей см.: U r a u - K ö h a l m i K. Zwei Systeme der Alterszeichnungen des Viehes bei den Mongolen. — Studia Mongolica, 1959, t. I, fasc. 31.

²³¹ Циплюс В. И. Фонетика, с. 230—231.

²³² Пекарский Э. К. Словарь якутского языка, т. III, с. 2686.

имеет форму *арган* и означает не только 'клык животных'. По имеет ряд переносных значений — 'росток (выходящий из земли)', 'рог луны', 'зубец (пилы)', 'зубчик (на листьях растений)'. Кроме *арту*, в маньчжурском имеется еще ряд производных от мо. *арага* < **аригā* 'клык животных', например: *аргали* < **арагали* < **аригāли* 'серна', *аргаму* < **арагату* < **аригātu* 'кабарга-самен'. *арсу* < **арагасу* < **аригāсу* 'пускать ростки' и др. (ТМС, I, 50).

Г. П. Рамstedt, Н. Н. Поппе, М. Ряснен сближают мо. *арага* < **аригā* 'клык животных' с тюрк. *азы* 'клык',²³³ которое выступает в тюркских языках в следующих фонетических вариантах: др.-тюрк. *азы*; тув., хак. *азык*, лоби. *азык*, узб. *азык*, тур. *азі*. туркм. *азы*, як. *асы* ~ *аһы* (< **асык*). каракаш., кр.-тат. *азув*, алт.-казах., кирг., узб. диал. *азу*, башк., дат., тур. диал. *азав*, чув. *агаз* 'клык', 'корешкой зуб', алт. 'зуб, зубы'. Переносные значения — тур. диал. 'особые деревянные гвозди, употребляемые при сооружении больших телег', кумык. 'длинное шило, игла', як. 'острие, жало, лезвие'.²³⁴

Вопрос о том, какую форму считать исходной — монгольскую с интервокальным *г* или тюркскую с интервокальным *з*, является спорным, хотя этой проблеме посвящены работы многих авторов, особенно тюркологов.²³⁵

Г. П. Рамstedt и другие исследователи, разделяющие его точку зрения, например Н. Н. Поппе, предполагают в данном случае переход *г* > *з*. Они восстанавливают для алтайского языка два типа *г* — *г* и *г¹*, которое у Г. П. Рамstedта, очевидно, условно называется «палатальным» (у Н. Н. Поппе — *г¹* и *г²*). Обычное *г* (*г¹*) отражается в монгольском и тюркском как *г*, в тунгусо-маньчжурских как *г* (иногда как *л*), в корейском как *г* и *л*, а «палатальное» *г¹* (*г²*) — в монгольских и тунгусо-маньчжурских как *г*, в корейском как *г* и *л*, в тюркских (за исключением чувашского) как *з*, например: мо. *арай* 'едва' — тюрк. *аз* 'мало', мо. *боро* 'серый' — тюрк. *боз*, мо. *пاران* 'солнце' — тюрк. *яз*, чув. *сыр* 'весна', мо. *йиру* 'писать' — тюрк. *язз*, чув. *сыр* и др.²³⁶

По мнению Б. А. Серебряникова, гипотеза Г. П. Рамstedта о первичности *г* и вторичности *з* в алтайских языках несостоятельна, так как по существующим в языках фонетическим закономерностям *г* не может превратиться в *з*. Он замечает, что ссылка Г. П. Рамstedта для подтверждения своей гипотезы на польский и чешский языки, в которых якобы встречаются примеры перехода *г* > *з*, ошибочна, так как в действительности в этих языках

²³³ Ramstedt R. J. Kalmückisches Wörterbuch, S. 12; Porre N. Vergleichende Grammatik. . . , S. 81, 94, 122, 138; R ä s ä n e n M. Versuch. . . S. 33.

²³⁴ Севортьян Э. В. Этимологический словарь. . . , с. 96, 97.

²³⁵ Цербак А. М. Сравнительная фонетика тюркских языков, с. 83—88.

²³⁶ Ramstedt G. J. Einführung in die altaische Sprachwissenschaft. S. 103, 110—112; Porre N. Vergleichende Grammatik. . . , S. 78—82.

никогда не наблюдалось такого перехода. Факты из истории развития индоевропейских и других языков, которые приводят Б. А. Серебрянников, свидетельствуют о том, что возможна обратная линия развития, т. е. переход интервокальных *s* и *z* в *r*.²³⁷

Э. В. Севортия высказывает сомнение по поводу возможности сближения тюрк. *aziŋ* с мо. *araŋa* < **arigā*. Он считает *azi* ~ *aziŋ* древним общетюркским словом, известным уже в древнейших памятниках. *Aziŋ*, по его мнению, производное со значением орудия, средства, образованное аффиксом *-r* от глагола *azi-*. Ср. тюр. диал. *azi-mak* 'разжесывать еду, пицу', первоначально, по-видимому, *'раздирать, разжевывать (о животных)', ср. тюр. диал. *azab tis* 'собачьи зубы'; тюр. диал. *azi-lu* 'дикий', 'хищный'. Сюда же он относит производные от этимологически выделенного глагола **az-* (?) *'колоть' — тюр. диал. *az-an* 'вид растения с колючками', тюр. диал. *az-gan* 'вид кустарника с мелкими колючими листьями', тюр. диал. *az-muk* 'сорняк', тюр. диал. *az-man* 'поле, на котором много колючих растений'. Приведенный выше в перечне тюркских форм вариант *azab* предполагает, по мнению Э. В. Севортия, в качестве исходной основы **aza-*,²³⁸ что сомнительно, так как в данном случае могла быть ассимиляция — переход *azi-* в *aza-*.

Точка зрения Г. Дёрфера на историю тюрк. *aziŋ* противоречива. С одной стороны, он возводит все тюркские формы с корнем *azi-* к праформе **araŋan*, т. е. считает исходной, очевидно, форму с анлаутным *r*, с другой — предлагает свою, отличную от Э. В. Севортия этимологию, согласно которой *aziŋ* происходит от глагола *az-* 'отклоняться от пути'. Таким образом, *aziŋ*, по его мнению, '(зуб), который отклоняется от остальных зубов, находящихся с ним в одном ряду'. При принятии такой этимологии, замечает он, сравнение с мо. *araŋa* отпадает, так как в монгольском языке нет глагола *ar-* 'отклоняться от пути'.²³⁹ С этой этимологией трудно согласиться.

Г. П. Рамstedt в качестве этимологических параллелей к мо. *araŋa* и тюрк. *aziŋ* 'клык', 'коренной зуб' ошибочно указывает голд. *paru*, *palu*, ульч. *palu*, *pali*, кор. *pal* в *nippal* 'зубы' (*ni* 'передний зуб', тунг. *i-kte* 'зуб', *pal* 'коренной зуб'),²⁴⁰ которые относятся к другому этимологическому гнезду слов.

Здесь следует заметить, что в тунгусо-маньчжурских языках имеются два различных по происхождению анлаутных *r*-. Один из них наблюдается во всех тунгусо-маньчжурских языках, но в очень небольшом количестве заимствованных и образных слов.

²³⁷ Серебрянников Б. А. Вероятностные обоснования в компаративистике, с. 148—149, 335—337.

²³⁸ Севортия Э. В. Этимологический словарь... с. 97.

²³⁹ Doerfer G. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen, Bd II, S. 55, 56.

²⁴⁰ Ramstedt G. J. Einführung in die altaische Sprachwissenschaft, S. 55, 56, 111, 139.

Другой свойствен трем языкам южной подгруппы — нанайскому, ульчскому и орокскому. В маньчжурском ему соответствует анлаутный *f*-, в пегидальском, орокском и удэйском — *x*-, в эвенкийском и эвенском — *h* или *θ*, в солонском *θ*. Предполагается, что эти анлаутные согласные развились из пратунгусо-маньчжурской аспирированной аффрикаты **pf*^h.²⁴¹ К этой второй группе тунгусо-маньчжурских слов с анлаутным *r*- принадлежат в примере Рамstedта голдское (нанайское) и ульчское наименования зубов.

Тунгусо-маньчжурским словам с анлаутными согласными, развившимися из аффрикаты **pf*^h, а возможно, из **p*^h, в монгольских языках соответствует ср.-мо. *h*-, монгол. *f*-, п.-мо. *θ*- < **p*-, в корейском *r*- или *p*^h-, в тюркских *θ*-, в юго-восточной и юго-западной группах *h*- < **p*-. Таким образом, нан. *пало* Нх 'молоток', 'коренной зуб', ульч. *пали* Ш. 'коренной зуб', орок. *пало* ~ *пало* ~ *пало* ~ *палу* 'молоток' // ма. *фо*ло 'молоток' // нег. *халка* Н, В, орок. *халу* ~ *халува*, уд. *халу* Хор, Ан, Бк, СМрг 'молоток' // эвенк. *халка* ~ *алка*, *алука*, эвен. *халка* К-О, Ох ~ *хал*э Ол, Алл, П ~ *халко* Ск ~ *алу*э Б 'молоток' // сол. *алха* 'молоток' = ср.-мо. *haluxa*, п.-мо. *aluxa*, монг. *алх(ан)*, бур. *алха* 'молоток' = кор. *и-ппал* 'зуб'. Н. Н. Попие предполагает, что первоначальная алтайская форма этого слова могла быть заимствована из аккадского, ср. *pilakku* (ГМС, II, 313).²⁴²

Мы думаем, что в качестве тунгусо-маньчжурской параллели к мо. *araŋa* в тюрк. *aziŋ* 'клык' предварительно можно указать эвенк. *каси*- П.-Г, Н ~ *кахи*- Алд, Е. З. И. Сх, Тк, Урм, *кахи* (< **каси* (а)) Д 'рвать, разрывать, раздирать (о собаке)'. (Допустима омонимичная именная основа **каси* (а) 'то, чем разрывают, раздирают (о животных)', т. е. 'клыки'. Если считать предложенную тунгусо-маньчжурскую параллель приемлемой, то надо полагать, что она наиболее архаична и близка к общеалтайской праформе. Следовательно, общеалтайская праформа со значением 'клыки животных' может быть реконструирована в виде **kasiga*, т. е. с анлаутным *k*- и интервокальным *s*.

Какова была линия развития этой праформы в отдельных алтайских языках? В тюркских языках произошла утрата анлаутного *k*-, а интервокальный *s* перешел в большинстве языков (за исключением якутского и чувашского) в *z*, т. е. **kasiga* > *aziga* > *azig*. В монгольских языках анлаутный *k*- также утратился, а интервокальный *s* перешел в *r*, возможно, через промежуточную ступень *z* (*s* > *z* > *r*), т. е. **kasiga* > *ariga* > *araga*.

Ротацизм интервокального *s* и *z* возможен. Он наблюдается в истории развития индоевропейских и других языков, что убедительно показывает Б. А. Серебрянников на примерах из ла-

²⁴¹ Циплюс В. И. Фонетика, с. 148—155.

²⁴² Ramstedt G. J. Studies in Korean Etymology, S. 185; Poppe N. Vergleichende Grammatik... S. 10, 11.

тинского, из диалектов древнегреческого, из чувашского и других языков, ср.: лат. *aurora* 'утренняя зоря' < *ausosa*, лат. *generis* 'рода' (род. п. ед. ч.) < *genesis*; ср. чув. *šyradär* 'я пишу' и тат. *jazam*.²⁴³

В баргузинском говоре южного наречия эвенкийского языка употребляется наименование для трехгодовалого коня, заимствованное из монгольских языков, — *тунтууур* ~ *туңтууур* (ТМС, II, 217). Оно может быть сопоставлено с монг., бур. образным словом *тунтэгэр* 'выпуклый (о лбе, животе)', бур. 'овальный, с выпуклостью (о передней части, например, о лбе, о скулах)'. Является производным от глагола *тунтэ-* 'быть выпуклым, выдаваться (о лбе, скулах)' при помощи аффикса *-гар* ~ *-гэр* ~ *-гор*, который образует от глагольных основ качественные имена, обычно очень эмоциональные, в которых качественный признак выходит за пределы нормального (о внешнем виде человека, животных и частей тела).²⁴⁴

В говорах эвенкийского языка имеется наименование для лошади четырех лет — *н'буркән* Азд, В-Л, Е, И, З, М, П-Т, Сх, Тк, Ткм, Тмт, Тнг, Урм, Учр, Члм, Чмк ~ *н'оарканэ* ~ *н'ооркана* Тит. ~ *н'бваркана* В, Е, Тпт ~ *н'буркана* В, Гк, Нак ~ *н'буркән* Тмт ~ *н'буркән* Гк ~ *н'буркән* Н ~ *н'уаркана* Тпт. ~ *н'уркәнэ* Тт. Основное значение этого наименования 'четырёхгодовалый олень-бык', 'олень-бык 3—4 лет', по словарю Титова — название лося трех лет, т. е. лося, у которого три «пальца» на рогах.²⁴⁵ В ряде говоров южного наречия, в частности, в подкаменно-тунгусских говорах, в ванаварском говоре — 'лошадь 3—4 лет' (ТМС, I, 641, статья *н'б-* 'опередить').

Н'буркән является стяженной формой < **н'буранкән*, в которой может быть выделена основа *н'буран* 'передовой, ведущий (о ездовом олене, ездовой собаке)', 'олень (передовой, ездовой)' и уменьшительно-ласкательный аффикс *-кән*. В этимологическом плане *н'буран* представляет собой имя, образованное от глагола **н'бур-* 'идти, ехать впереди', 'быть вожакom, вести', 'быть передовым' при помощи аффикса **-ран*, который в современных тунгусских языках считается непродуктивным. Так, в эвенкийском языке этим аффиксом оформлены отглагольные и отыменные образования типа *талгуран* 'безветрие' (от *талгу-* 'затихать — о ветре'), *хокторон* 'тропинка' (от *хокто* 'дорога'), а также мужские имена собственные, например *Мэлэнтэрэн* (от *мэлэнтэ-* 'отрезать', 'срезать').²⁴⁶

²⁴³ Серебряников Б. А. Вероятностные обоснования в компаративистике, с. 148.

²⁴⁴ Бурат-монгольско-русский словарь. Сост. К. М. Черемисов М., 1951, с. 817.

²⁴⁵ Титов Е. И. Тунгусско-русский словарь. Иркутск, 1926, с. 105.

²⁴⁶ Василевич Г. М. Эвенкийско-русский словарь, с. 786; Копстантинова О. А. Эвенкийский язык, с. 85, 93.

Корова. Наиболее распространенным наименованием для крупного рогатого скота (коровы, быка, вола, буйвола), известным в большинстве тунгусо-маньчжурских языков, является: сол. *ixán* ~ *ixán'* Ив. 'бык'; нег. *ixan* II 'корова'; ороц. *ixā(n-)* ~ *uha* Л. 'корова', 'бык'; уд. *je^hx* Хор ~ *uha* Ш., орок. *ixā(n-)*, ульч. *ixā(n-)* 'корова'; нен. *ixā* Нх ~ *ixā(n-)* Бк 'корова', 'вол'; ма. *ixan* З ~ *ixan* ~ *jixan* Сиб²⁴⁷ 'скот (рогатый, рабочий)', 'корова', 'бык', 'вол', 'буйвол'; чк. *wèi-hàn* 'скот' (рогатый, крупный) (ТМС, I, 299).

Сравнение фонетических разновидностей этого слова позволяет считать наиболее полной его формой, близкой к исходной, чжурчженскую *wèi-hàn* < **wejikān*, которая затем преобразовалась путем упрощения в **jikān* > *jixan* > *ixan* > *ixā* > *ixa*. Превращение древнего *k* между гласными в *x* — характерная закономерность большинства тунгусо-маньчжурских языков (за исключением эвенкийского и эвенского).²⁴⁸ В удэйском и чжурчженском языках *k* может отражаться как *h* (ср. уд. *je^hx* ~ *uha*, чж. *wèi-hàn*).

Этимологическое объяснение этого наименования затруднено, так как неясно его происхождение. Параллелей в других алтайских языках ему нет. Возможно, что это иноязычное слово. Морфологически **wejikān* (< **weji-* + **-kān*) может быть уменьшительной формой имени существительного **weji*, которое предположительно можно сравнить с китайским *вэй*, мифическим названием зверя.

Попытку этимологии *jixan* ~ *ixan* можно усмотреть в том, что в Сравнительном словаре тунгусо-маньчжурских языков это наименование помещено в одной гнездовой словарной статье с удэйским звукоподражательным глаголом *ику-* 'мычать (о корове, лосе)'. (См. ТМС, I, 299). Такое сближение любопытно, но, по-видимому, ошибочно. Если бы *jixan* ~ *ixan* было производным от *ику-* 'мычать', то во втором слове этого слова был бы гласный *y*, т. е. *икун* > *икун*. Преобразование *икун* > *изан* необъяснимо. К тому же, глагол *ику-* в других тунгусо-маньчжурских языках имеет в анлауте долгий гласный *i* и согласные *j*, *l'*, *n'*, ср.: эвенк. *jəku-* Д ~ *jəkə* П-Т, В, Лак, эвен. *ik-* ~ *l'ik-* ~ *n'ik-* Арм, нег. *ik-чи-* В 'кричать', 'реветь (о звере)' (См. ТМС, I, 353).

Сравнительно поздняя, упрощенная тунгусо-маньчжурская форма *jixan* ~ *ixan* < **wejikān*, распространенная, главным образом, в южных языках, вошла в качестве заимствования в нивхский язык. Ср. нивх. *əha* (амурский диалект) ~ *əhaŋ* (сахалинский диалект) 'корова'; *arəha* 'бык', букв. 'самец корова' (< *ar* 'самец' + *əha* 'корова'); *əhanonk* 'теленоч', букв. 'коровий детеныш' (< *əha* 'корова' + *nonk* 'детеныш животных').

²⁴⁷ Kałuziński S. Die Sprache des mandschurischen Stammes Sibe aus der Gegend von Kuldšcha. Warszawa, 1977, S. 209, 276.

²⁴⁸ Цицикус В. И. Фонетика, с. 248.

В тунгусских языках (эвенкийском, эвенском, солонском) известно общеалтайское наименование крупного рогатого скота: эвенк. *хукур* Алд, Брг, З, Кч, Тв, Учр, Хиг ~ *хукул* Хиг ~ *укур* В-Л, Втм, Ирч, С-В, К., Т. ~ *укун* Бнт ~ *эун* А, Алд, И ~ *уку* Втм, З 'корова', К. 'рогатый скот'; сол. *ухур* П. ~ *узур* ~ *укур* ~ *укур* Ив. ~ *укур* М.²⁴⁹ 'рогатый скот', Ив. 'бык'; эвен. *хөкэн* Ох ~ *хөкэн* ~ *хукэн* М ~ *хөкөн* Ск 'корова' (ТМС, II, 341).

Возможно, что приведенные формы имеют разное происхождение. Собственно тунгусскими являются, очевидно, только формы с конечным *н* (эвенк. *укун* ~ *эун*, эвен. *хөкэн* ~ *хөкэн* ~ *хукэн* ~ *хөкөн*), а формы с конечным *р* (эвенк. *хукур* ~ *хукул* ~ *укур*, сол. *ухур* ~ *узур* ~ *укур* ~ *укур*) пришли из монгольских языков. Эвенкийская диалектная форма *уку* Втм, З образовалась, вероятно, в результате утраты конечного *р*, так как в витимском говоре зафиксирована и полная форма *укур*.²⁵⁰

Н. Н. Поппе ошибочно, по нашему мнению, относит к монголизмам все варианты с аналутным *h* — и эвенк. *хукур* ~ *хукул*, и эвен. *хөкэн* ~ *хөкөн*. Он считает их древними заимствованиями и возводит к средне-монгольскому *hüker* 'бык', 'быкоподобное животное', 'вол'; монголизмом считает тунгусское *хукур* и М. Ряснен.²⁵¹

Из приведенных собственно тунгусо-маньчжурских форм — эвенк. *укун* ~ *эун*, эвен. *хөкэн* ~ *хөкэн* ~ *хукэн* ~ *хөкөн*, наиболее архаичными следует считать эвенские, имеющие аналутный *h*, гласный *ө* в первом слоге и конечный *н*, которые позволяют восстановить праформу этого слова в виде **höken*. Форма **höken* этимологически членима на основу **höke-* и аффиксальный элемент **-н*. Исходный гласный *ö* (*ө*) первого слога сохранился в этом и ряде других мягкорядных слов только в эвенских диалектах, в которых он является слабогубленным гласным заднего ряда среднего подъема, а в других тунгусо-маньчжурских языках преобразовался в *у*. Примеры: **хөвэ* 'скребок' > эвен. *ө* ~ *ү*, эвенк. *үвэ* ~ *ү*, нег., уд. *ү*, ульч. *хүэ*, нан. *хүэ* ~ *үэ*; **хөкэй* 'рыболовная снасть' > эвен. *өки* Б, эвенк. *хүки* ~ *үки*, нег. *хүй*, ороч., уд., нан. *үки*, ма. *үку*; **бө-* 'дать' > эвен. *бө-*, эвенк., сол., нег., ороч., уд., ульч., орок., нан. *бү-*, ма. *бу-*; **гөни-* 'сказать' > эвен. *гөн-*, эвенк., нег. *гүн-*, сол., ороч., уд. *гун-*, орок., нан. *үн-*, ульч. *вн-*, ма. *гүни-* З. ~ *гопи-* Сиб; **жөкэ* 'лод' > эвен. *жон* ~ *жун*, эвенк., ороч., нан. *жукэ*, нег. *жүкэ* ~ *жүкэ*, уд. *жүкэ*, ульч. *жүэ* ~ *жү*, орок. *дукэ*, ма. *жүкэ*; **жөвэр* 'два' > эвен. *жөр* ~ *жүр*, эвенк. *жүр*, нег. *жүй*, уд. *жүй*, орок. *дүй*, ульч. *жүэ*, нан. *жүэр*, ма. *жүэ*, чж. *дөһ* и др. Исходный широкий гласный *ө* второго слога в **höken* также

превратился в *у* (эвенк. *укун* < **höken*), а в эвенских диалектах в *ө* (эвен. *хөкөн* Ск < **höken*). Замена неогубленных гласных огубленными происходит в тунгусо-маньчжурских языках под влиянием губной ассимиляции. Следует заметить, что процесс этот не является здесь регулярным и всеобщим, так как в диалектах чаще имеют место два равноправных произношения слов — с удвоением гласных по участию губ и без удвоения. Подтверждением тому, что конечный *н* в **höken* восходит к аффиксу, являются производные — словообразовательные и словоизменительные формы от этого слова, при образовании которых *н* утрачивался, как и в других тунгусо-маньчжурских словах с конечным аффиксальным *н*. Ср., например, эвен. *хөкэ-с* ~ *хөкэ-с* 'корова', *пкура* (< **хөкэн* + аффикс **-кэ*), эвен. *хөкэ-р* ~ *хөкэ-р* 'коровы' (форма множественного числа от *хөкэ-н*).

Монгольскими соответствиями к тунгусо-маньчжурским формам, восходящим к **höken*, являются: ср.-мо. *hüker*, п.-мо. *üker*, монгол. *fugior* 'бык', монг. *үхэр* 'крупный рогатый скот', бур. *үхэр* 'крупный рогатый скот', 'вол', 'корова', калм. *үкр* 'корова', которые Н. Н. Поппе возводит к **rüker* < **röker*.²⁵²

Тюркские соответствия: др.-тюрк., тур. *öküz*, аз., туркм., уйг. *огуз*, узб. диал. *окіз*, тур. диал. *ögüz*, каракалп., кирг., койб., кумык. *өгүз*, кр.-таг. *огуз*, кумык диал. *огуз*, лоб. *өгүс*, каракалп. *өгиз*, казах., узб. диал. *огіз*, башк., таг. *үгіз*, караим. диал. *өгиз*, як. *офос* ~ *офус* ~ *уфус*, сарыг.-югур. *күс* (< *өкүс*), чув. *вйгар*, таг. *юкуз*, уйг. *хөкүз*, узб. *хониз* 'бык', караим. 'рогатый скот', сарыг.-югур. 'корова'.²⁵³

По предположению Э. В. Севортяна форма *огуз* более ранняя по сравнению с *өгүз*, а аналутный *j*- в гагаузском *јөкүз* и *h*- в уйгурском *хөкүз*, узбекском *хониз* являются вторичными, протетическими.²⁵⁴

А. М. Щербак, наиболее древней в фонетическом отношении считает форму со звонким согласным в пиллауте, т. е. *өгүз*, что менее вероятно. При наличии вариантов этого слова и с глухим, и со звонким согласным, исходным следует считать вариант с глухим, так как в тюркских языках звонкие согласные в интервокальном положении являются обычно результатом ослабления сильных.²⁵⁵ Как мы уже отмечали выше, в данном и в аналогичных случаях в общетюркской праформе следует, по-видимому, указывать и вариант с глухим, и вариант со звонким согласным, т. е. **öküz* ~ **ögüz* или **ök(g)üz*. Аналутные согласные в этом слове он, как и Э. В. Севортян, считает вторичными «развившимися на почве инкурсии». Чувашский вариант с конечным *р* (*өйкәр*), по его мнению, отражает разделение древних тюркских

²⁴⁹ Капузунский С. Solonisches Wörterverzeichnis. S. 52.

²⁵⁰ Васильевич Г. М. Эвенкийско-русский словарь, с. 434, 435.

²⁵¹ Рорре N. On some Mongolian loan words in Evenki. — CAJ, 1972, Bd XVI, p. 99; Räsänen M. Versuch. . . , S. 370.

²⁵² Рорре N. Vergleichende Grammatik. . . , S. 56, 109.

²⁵³ Севортян Э. В. Этимологический словарь. . . , с. 521.

²⁵⁴ Там же, с. 522.

²⁵⁵ Щербак А. М. Сравнительная фонетика тюркских языков, с. 101.

языков на две диалектные группы — группу *p* и группу *z*. Письменно-монгольскую форму *üker* он рассматривает как результат взаимодействия общемонгольского языка с тюркской ротаццирующей группой. Игнориря другие, более ранние монгольские формы — ср.-мо. *hüker*, мошгор. *fuguor* 'бык'.²⁵⁶

М. Рясänen считает анлаутный *h-* в уйг. *hokuz*, узб. *hoina* этимологическим, возводит варианты этого тюркского слова к общетюркской праформе **(h)öküz* (< **(h)ökür*) и сближает их с соответствующими монгольскими формами — ср.-мо. *hüker*, п.-мо. *üker*, мошгор. *fuguor* 'бык', полагая, что они родственны.²⁵⁷ Здесь вызывает возражение лишь то, что праформа с конечным *z* (**höküz*) возводится к ротаццирующему варианту (< **hökü*). Как мы уже писали выше, ссылаясь на наиболее типичные звуковые изменения в различных языках, более вероятно переход *z* > *r*, чем переход *r* > *z*.

Еще раньше монгольские и тюркские формы этого наименования сближали Э. Гомбоц, Б. Я. Владимирцов, Н. П. Поппе.²⁵⁸ Г. П. Рамstedт привлекал для этих составленных также данные тунгусских и финно-угорских языков, ср.: венг. *ökör* 'рогатый скот', чув. *vəgər*, монг. *hüker*, *üker*, сол. *üxür* 'скот', тунг. *hukur* 'рогатый скот', 'корова', тюрк. *öküz*, туркм. *hokiz*, як. *ogus* 'бык', полагая, что все эти формы развились из общеалтайского **pökü-r* 'рогатый скот', которое он сравнивает с индоевропейским **peku* > др.-инд. *paśu*, лат. *pecu*, *pecus*, гол. *faihu* 'скот', а также с яп. *beko* 'бык' < айну.²⁵⁹

Некоторые ученые высказывали гипотезу о том, что это алтайское наименование, в частности тюрк. *öküz* 'бык', относится к числу древнейших заимствований из индоевропейских языков. Так, Б. Мункачи сравнивал *öküz*, монг. *üker*, тунг. *ükür* 'бык', 'рогатый скот' с санскр. *ukṣā*, авест. *uṣša* 'бык'. Эту же мысль высказал Х. Педерсен, который считал, что тюрк. *öküz* 'бык' < индоевроп. **uqsō* (корень **uqsen-*). Ср. тохар. *okso* 'бык', 'вол', др.-верх.-нем. *ohso* 'бык'.²⁶⁰

В наше время аналогичную точку зрения высказывали Дж. Клаусон, Ю. Немет, А. М. Щербак.²⁶¹

²⁵⁶ Щербак А. М. Названия животных... с. 98.

²⁵⁷ Räsänen M. Versuch... S. 370.

²⁵⁸ Gombocz Z. 1) A magyar magánhangzók történetéből. — MNy, Bd VIII, 3. S. 103; 2) Az altaji nyelvek hanglörténetéhez. — NyK, XXXV, 1905, S. 248; Владимирцов Б. Я. Сравнительная грамматика... с. 322; Порре N. Vergleichende Grammatik... S. 12, 56, 109, 155.

²⁵⁹ Ramstedt G. J. 1) Kalmückisches Wörterbuch, S. 456; 2) Einführung... S. 13, 18, 54, 104.

²⁶⁰ Munkácsi B. — Ksz. 1905, VI, S. 378; Pedersen H. Armenisch und die Nachbarsprachen. — Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen, Bd XXXIX, Neue Folge, Bd XIX, Gütersloh, 1906, S. 455.

²⁶¹ См.: Клаусон G. The case against the altaic theory. — CAU, 1956, II, p. 186; Немет Ю. — ВЯ, 1963, № 6, с. 128; Щербак А. М. Названия животных... с. 98.

Против гипотезы об индоевропейском происхождении *öküz* выступил Д. Шнор. Он считает, что такому предположению противоречит среднемонгольская форма с анлаутным *h* — *hüker*, которую он, как и Г. П. Рамstedт, возводит к **pökür*.²⁶²

Мы думаем, что правы те ученые, которые считают варианты рассматриваемого наименования в различных группах алтайских языков генетически общими, восходящими к праалтайской форме с анлаутным **p-* > в тунг.-ма. языках *p- ~ /- ~ h- ~ ɕ-*, в мо. *h- ~ /- ~ ɕ-*, в тюрк. *h- ~ ɕ-*.²⁶³

Как отмечает Б. А. Серебряников, развитие *p-* > *h-*, а затем исчезновение *h-*, благодаря слабости его артикуляции, происходило в истории развития многих языков (индоевропейских, финно-угорских, монгольских, тюркских и др.). В монгольских *h-* < *p-* в одних языках сохраняется, в других исчезает, ср. монг. *harban* 'десять', п.-мо. *arban*; мошг. *hodun* 'звезда', п.-мо. *odun*.²⁶⁴ Утрата *h-* характерна и для некоторых тюркских языков и диалектов. Ср. южнокараим., крымско-караим. *enüs ~ henüz* 'только'; крымско-тат. *Asan* < *Hasan* (имя); тат. мензелинский говор *ava ~ hava* 'воздух', *ər ~ hər* 'каждый' и др.²⁶⁵

Сопоставим праформы этого наименования: тунг.-ма. **höke-n* < **pöke-n* 'корова', мо. **hüke-r* < **pöke-r* 'крупный рогатый скот', 'корова', 'бык', 'вол'; тюрк. **ökü-z* < **hökü-z* < **höke-z* < **pöke-z* 'бык'. В них можно выделить общую основу **pöke-*, которая в каждой из приведенных групп имеет свое окончание (в тунг.-ма. *-n*, в мо. *-r*, в тюрк. *-z*). Здесь уместно привести также монгольскую диалектную форму *ухут*, в которой окончанием является *-t*. Возможно, что эти окончания восходят к различным аффиксальным элементам.

Сказать что-либо об этимологии этого общеалтайского наименования пока невозможно, так как неясна его история. Версия о том, что первоначальная форма его **pöke-* могла быть древним (доисторическим) заимствованием, вполне допустима. Более вероятным источником этого заимствования, по-видимому, следует считать латинское *pecu*, *pecus* 'скот', но никак не тохарское *okso* 'бык'.

Другими наименованиями коровы являются:

Эвенк. *мурэ* (< **мурэ- + *-кэ*) 'корова', 'самка дикого оленя' (ТМС, I, 546) является производным от общеалтайского звукоподражательного глагола **мурэ- < *mögöre ~ *mögöre-* 'мычать', 'реветь (о звере)' (ср. эвенк. *морэ- II ~ мэрэ- ~ мурэ- II*, Иркэ 'реветь, рычать'; ороц. ульч., орок. *мура-*, нап. *мора-* 'кричать'; ма. *мура-* 'мычать', 'реветь, рычать'; п.-мо. *mögöre- ~ mögöri-*,

²⁶² Sinot D. — АО, Budapest, XV, 1--3, S. 315—324.

²⁶³ О праалтайском анлаутном **p-* см.: Порре N. Vergleichende Grammatik... S. 10.

²⁶⁴ Порре N. Introduction to Mongolian Comparative Studies, p. 96—98.

²⁶⁵ Серебряников Б. А. Вероятностные обоснования в компаративистике, с. 93—94.

монг., бур. *mөөрө*, др.-тюрк. *täyüä-*, башк., тат. *мөңре-*, як. *мбүүрүд-* ~ *мбүүрүдүд-* 'мычать', 'реветь (о звере)', пмяобразующий аффикс — *-кэ в современном эвенкийском языке непродуктивен. Встречается в различных по семантике отглагольных существительных, которые в ряде случаев легко расчленяются на основу и словообразовательный аффикс. Г. М. Васильевич отмечает в этом аффиксе долготу (-кэ ~ -кэ ~ -кэ).²⁶⁶

Эвенк. *мачыла* А, Алд, Е, И, М, Н, И-Т, С-Б, Тк, Члм, Чмк ~ *мачыла* Тнг. 'корова', в ербогоченском говоре также 'стельная самка дикого оленя' (ТМС, I, 533) является производным образным словом, передающим внешний вид, образ предмета по его положению, *мачыла* ~ *мачыла* (< к образному слову **мачы-* + аффикс производных образных слов *-ла) досл. «лежащий вверх животом (о стельных важенках)». В подкаменно-тунгусских говорах есть омонимичный образный глагол, имеющий твердый и мягкорядный варианты, — *мачыла* ~ *мачыла* 'лежать вверх животом (о стельных важенках)', перен. 'бездельничать'.

Эвенк. *абдучан* ~ *абдучан* (*авдучан* В-Л, З, Тнг ~ *авдучан* В-Л, Тк) 'рогатый скот', 'корова' (ТМС, I, 6).

В основе этого наименования лежит существительное *абду* ~ *абдү* ~ *авду* ~ *авдү* 'скот, стадо, табуи', оформленное уменьшительно-пребрежительно-аффиксом *-чан* (*абду* 'скот', *абдучан* 'скотинка').

Кроме приведенных эвенкийских вариантов этого слова, в диалектах существует слово *авду*, которое и является, очевидно, наиболее архаичным, т. е. *авдү* > *авдү* > *абдү*. В других тунгусо-маньчжурских языках ему соответствуют эвен. *абдү* Ол, Алд, Б, М, Ох, П, Ск 'имущество, вещи', 'одежда', 'ткань'; нег. *абдун* Н 'стадо'; орок. *абдү* 'хозяйство, имущество', 'богатство'; ма. *аду* З., Сиб, чж. *häh-tü* 'платье, одежда' (ТМС, I, 6). Варианты этого слова могут быть возведены к более древней форме **абдүн* < **авдүн* < **авдүгүн*, которая может быть сопоставлена с п.-мо. *адүгүи*, *адүгүн*, монг., бур. *адуун*, калм. *агт* (*агтэ*) 'табуи лошадей' < **авдүгүн*. Солонская форма *адү* И. ~ *адун* М. и маньчжурская *адун* З., Сиб. 'стадо, табуи', возможно, восходят к монгольскому *адун*.²⁶⁷

Н. Н. Поппе в качестве тюркской параллели к эвенк. *авдү* и мо. *адүгүн* приводит др.-тюрк. *адү* < **адү* < **адүгү* 'медведь', что нам представляется ошибочным.²⁶⁸

Эвенк. *инак* А, Алд, М, Сх, Урм, Учр, Члм, нег. *инак* В 'корова' < як. *инак* 'корова' (ТМС, I, 315).

²⁶⁶ Васильевич, Г. М. Эвенкийско-русский словарь, с. 758; Константинова О. А. Эвенкийский язык, с. 96—97.

²⁶⁷ Kałuzynski S. Die Sprache des mandschurischen Stammes Sibe. . . S. 92.

²⁶⁸ Porre N. Vergleichende Grammatik. . . S. 130.

Сол. *үнигэ* ~ *үнэгэ* П.,²⁶⁹ *унуһу* ~ *унуһун* ~ *унуһун* ~ *унэһэн* М.²⁷⁰ 'корова', ма. *ун'эн* З. 'дойная корова', *униһи*, *униһи жууан*, *униһан* ~ *ун'ихан* ~ *униһен* Сиб²⁷¹ 'корова' < п.-мо. *ünigen* ~ *ünijen* 'корова' (ТМС, II, 274).

В алтаистической литературе тюрк. *инек* и мо. *ünigen* объединяются как генетически общие.²⁷² Приведем соответствующий материал.

Тюркские языки: др.-тюрк. *inäk*, *iyäk*, *ингек*,²⁷³ *инкэк*,²⁷⁴ тур. *inek*, алт., гаг., карач., кирг., кумык., кр.-тат., тув., туркм., хак. *инек*, аз., уаб. диал. *инэк*, тоф. *иниг*, тат. диал. *енэк*, чув. *эне*, алт., карач.-балк. *ийнек*, балк. *ийнег*, галицко-караим. *йшек*, шор. *нак*, хак. *нек* 'корова', гат. диал. 'самка', тоф., чув. 'самка лося, оленя', огуз. 'самка черепахи'.²⁷⁵

Из приведенных форм наиболее архаической считается древнетюркская *ингек*, из которой образовалась затем форма *iyäk* > *inäk* > *näk*.²⁷⁶ Изменение *нг* > *п*, а также *п* > *п* весьма характерно для алтайских языков. В тюркских языках неустойчивость *п* и превращение его в *п* наблюдается в чувашском, турецком, азербайджанском, караимском и др. языках.²⁷⁷ Наличие в древнетюркских памятниках различных форм этого слова — *ингек*, *iyäk*, *inäk*, свидетельствует, очевидно, о том, что для более раннего состояния тюркских языков допустимо было употребление всех этих фонетических вариантов. История формы *ийнек*, которая по данным К. М. Мусаева, кроме алтайского и карачаево-балкарского языков, встречается в крымско-татарском, хайдакском диалекте кумыкского языка и армяно-кыпчакских памятниках,²⁷⁸ а также история изолированной галицко-караимской формы *йшек*, неясны. По мнению Э. В. Севортыяна, первичной из них является *йшек*, аплаутиный *й-* в которой он считает этимологическим, допуская возможность происхождения *йшек* от глагола *yeni-* 'рожать' (из словаря М. Калпгарского).²⁷⁹ Таким образом, исходная тюркская форма этого слова может быть возведена к **ингек* < ? **жинигек*, в которой может быть выделен корень **in-* < ? **jini-* и аффиксальный элемент *-*gek*.

²⁶⁹ Поппе Н. Н. Материалы по солонскому языку, с. 76.

²⁷⁰ Kałuzynski S. Solonisches Wörterverzeichnis, S. 54.

²⁷¹ Kałuzynski S. Die Sprache des mandschurischen Stammes Sibe. . . S. 276.

²⁷² Владимирцов Б. Я. Сравнительная грамматика. . . с. 175, 323; Порре N. Vergleichende Grammatik. . . S. 62, 141; Räsänen M. Versuch. . . S. 172.

²⁷³ Малов С. Е. Памятники древней письменности. М.—Л., 1951, с. 381.

²⁷⁴ Radloff W., Maloff S. Uigurische Sprachdenkmäler. Leningrad, 1928, S. 272.

²⁷⁵ Севортыян Э. В. Этимологический словарь. . . с. 358—359.

²⁷⁶ Там же.

²⁷⁷ Серебрянников Б. А. Вероятностные обоснования в компаративистике, с. 122—123.

²⁷⁸ Мусаев К. М. Лексика тюркских языков в сравнительном освещении. М., 1975, с. 82.

²⁷⁹ Севортыян Э. В. Этимологический словарь. . . с. 359.

Монгольские языки: п.-мо. *ünigen* > *ünijen*,²⁸⁰ (< др.-мо. **ünigēn*²⁸¹ < **ünikēn*²⁸²), ср.-мо. *ünien*, монг. *үнэн(и)*, *yn'ē* Халх, бур. *үнэ(н)*, н'эу Ал 'корова', калм. *үнэ*, *үнэн* 'корова', *үнэн* (< *үнэн*) 'самка диких животных, птиц', устар. 'корова-первоотелка'.²⁸³ Исходной монгольской формой следует считать **ünigēn* < **ünikēn*, в которой вычленяется корень **üni-* и аффикс **-gēn* < **-kēn*.

В рассматриваемом наименовании тюркский анлаутный *i-* (< ? **ji-*) соответствует монгольскому *ü-*. Различие в анлаутном гласном в данном случае не может явиться препятствием для сближения, так как соответствие тюрк. *i-* // мо. *ü-*, а также тюрк. *ī-* // мо. *u-* в первом слоге слова наблюдается еще в ряде тюрко-монгольских параллелей и считается закономерным, например: тюрк. уйг. *jūyla-* // п.-мо. *ujila-* (< **uyila-* < **iyila-*) 'плакаты'; тюрк. кирг. *juzak* // п.-монг. *žusaγ* 'двухлетний баран'; тюрк. *uγur* ~ *инур* ~ *уγур* (< **igir*) 'сумерки' // п.-мо. *ünijer* ~ *unijar* 'вечерняя мгла, вечерний туман'; тюрк. осм. *süyn* 'лось', орх., уйг. *süyn* 'марал' // п.-мо. *siyu* 'маралуха, самка оленя'; тюрк. осм. *qisraq* 'кобыла', кирг., вумук. *кысрак*, каракирг. *кыырак* 'молодая кобылица' // монг. Халх *хуэрап*, *хусуру*, ойрат. Дарб-Аст *хусрү* 'бесплодная самка, кобыла' и др. По мнению Б. Я. Владимирцова, приведенные и аналогичные им соответствия, как правило, имеют генетический характер. Но в ряде случаев они могли возникнуть в результате заимствования, так как и при заимствовании монголы воспринимали иногда тюрк. *i* как *u*, а тюрк. *i* как *ü*.²⁸⁴

Итак, тюрк. *inäk* и мо. *ünigen* сводимы и в фонетическом, и в семантическом отношении. Но их морфологический состав различен. В тюркском *inäk* < **in-gek* < ? **jini-gek* основа, очевидно, глагольная, так как оформлена аффиксом субстантивированных имен действия **-gek*,²⁸⁵ а в монгольском *ünigen* < **ünikēn* < ? **jini-kēn* — именная, оформленная уменьшительно-ласкательным аффиксом **-kēn*. Возможно, что в данном случае мы имеем омонимичную основу — *in-* < **jini-* 'рожать', *üni* < **jini* 'мать', 'самка'.

Однако генетическая связь между тюрк. *inek* и мо. *ünigen* признается не всеми. Так, А. М. Щербак высказывает предположение о происхождении письменно-монгольского *ünigen* от древне-

тюркского *inäk* 'корова',²⁸⁶ что менее вероятно, так как форма *inäk*, как уже упоминалось, является сравнительно новой, восходящей к *iyäk* < *ingek*.

Имеющиеся этимологии рассматриваемого наименования основаны на тюркском материале. Помимо упомянувшейся уже этимологии Э. В. Севорияна, который считает *inäk* < *ingek* < ? **jini-gek* отглагольным образованием, в основе которого лежит глагол *yeni-* 'рожать', есть этимология, допускающая именная происхождение *inäk*. Так, В. Шотт полагал, что *inäk* это уменьшительная форма на *-k* от *inä* 'мать'.²⁸⁷ Эту же гипотезу высказывает А. М. Щербак, который сближает *inäk* 'корова', с *ицен* 'верблюдица', тат. *енак* 'самка', *энчек* 'самка собаки' и возводит их к *inä* ~ *inä* 'матушка',²⁸⁸ а также А. Н. Колопов: тюрк. *inek* (< *ingek*), монг. *ünigen* ~ *üniyen* < *inä*, *änä*, *ana* 'мать' + тюрк. афф. *-(g)ak* / *-(g)ek*.²⁸⁹

К тюрк. *inäk* и мо. *ünigen* могут быть приведены тунгусо-маньчжурские параллели, образованные от общетунгусо-маньчжурского корня *эн'(u)-* ~ *эн'(э)-*: эвенк. *эн'э* ~ *эн'ü* ~ *ин'э* Алд, В-Л, И, С, Урм ~ *эн'э* К., *эн'ин*, сол. *эн'э* П. ~ *ан'э* ~ *ен'э* ~ *эн'э'* Ив., *эн'э* П. ~ *ан'ин* ~ *он'эн* Ив., эвен. *эн'ин* Ол, Б, М ~ *эн'эн* Ох ~ *эн'ын* Алд, П, Т ~ *он'он* Ск, нег. *эн'э*, *эн'ич* П, В, ороц. *эн'и*, уд. *эн'и(н-)*, ульч. *эн'э*, орок. *эн'и(н-)*, *энэ*, нан. *эн'ин*, ма. *эн'э*, *эн'эн* ~ *эн'ан*, чж. *oh-ning* 'мать, мама', 'самка'; эвенк., нег., уд., ма. 'самка (лося, кабарги, кабарги, косули)'; эвенк., нег. *энэн*, орок. *эинэ*, нан. *эн'ина* 'рыба-самка', ороц. *энэ* 'самка', 'рыба-самка', ульч. *энэ* 'самка (рыбы, птицы, зверя)'; уд. *эн'эс* Хор 'самка' (рыб, птиц); эвенк. *эн'эж* В-Л 'медведица'; эвенк. *эн'эжэн* ~ *эн'эжэ* ~ *ин'эжэ* В-Л, П, Кч, С ~ *энэжэ* Тк 'бабушка', 'тетя', 'самка', Тнг 'медведица', нег. *эн'ичэн* Н 'самка соболя', орок. *энэжэ* 'мать', ма. *эичэн* ~ *эн'эхун* ~ *эн'эхэн* 'самка'; эвенк. *эн'ичэ* ~ *эн'ичэн* П-Т, У ~ *эн'ичэн* Е, И 'самка глухаря', *эн'ичэ* П-Т ~ *эн'эжэ* С-Б ~ *энэжэ* Тнг. 'самка лося', Тпт. 'самка соболя'; эвен. *эничэн* Ол, Ох, Ск ~ *энжэл* Ол, Б, Ох, П, Ск. Т 'самка', 'самка лося', 'самка рыбы'; нан. *эн'ирэ* Нх 'самка зверя' (ТМС, II, 456).²⁹⁰

Г. Н. Рамштедт считал возможным сближать тунг. *эн'э* ~ *эн'и* 'мать', 'самка', як. *ifä* 'мать', чув. *айне* 'мать' с корейским *эн* (< **эн'и*) 'мать'.²⁹¹

²⁸⁰ Владимирцов Б. Я. Сравнительная грамматика. . . , с. 323.
²⁸¹ Порре N. On Some Ancient Mongolian Loan-words in Tungus, p. 191.
²⁸² Порре N. The Primary Long Vowels in Mongolian, p. 13.
²⁸³ Ramstedt G. I. Kalmückisches Wörterbuch, S. 458; Калмацко-русский словарь. М., 1977, с. 551.
²⁸⁴ Владимирцов Б. Я. Сравнительная грамматика. . . , с. 174—175.
²⁸⁵ Щербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. (Имя). Л., 1977, с. 173.

²⁸⁶ Щербак А. М. О характере лексических взаимосвязей тюркских монгольских и тунгусо-маньчжурских языков. — ВЯ, 1966, № 3, с. 29.
²⁸⁷ Севориян Э. В. Этимологический словарь. . . , с. 359.
²⁸⁸ Щербак А. М. Названия животных. . . , с. 97.
²⁸⁹ Колопов А. N. Isimler in ve sifatlarin küçültme şekilleri ve söz varımı. — TDAY, V., 1969, p. 87.
²⁹⁰ Об алтайских словах с корнем *эн'э* ~ *эн'и* см.: Ци и Циус В. И. К этимологии алтайских терминов родства. — В кн.: Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. Л., 1972, с. 27—29.
²⁹¹ Ramstedt G. J. Studies in Korean Etymology, S. 52.

Итак, основа, от которой образованы рассмотренные тюркские и монгольские наименования коровы, прослеживается во всех группах алтайских языков.

Наименование коровы может быть передано и словосочетанием, ср., например, нан. *эжэ үжэ* 'корова', букв. 'самка крупного рогатого скота' (*эжэ* 'женщина', 'самка', *үжэ* 'крупный рогатый скот, бык, корова').

В современных тунгусо-маньчжурских языках и диалектах распространено также русское наименование коровы, ср.: эвенк. *корбва* (*корбба* Тиг),²⁹² эвеп. *корбва* Ох ~ *қорбва* Арм, В, Ол, П,²⁹³

Имеющиеся в тунгусо-маньчжурских языках возрастные наименования коровы являются монгольскими заимствованиями:

Эвенк. *гунажин* Брг²⁹⁴ 'трехлетняя корова' < п.-мо *гунажин* < *гунап* [**гу-* — корень числительного *gurbaŋ* 'три' + **-nān*]²⁹⁵ 'трехлетний (о самцах крупных животных и зверей)' + аффикс *-жин*, обозначающий самку животного.

Эвенк. *донужин* Брг 'корова четырех лет' < п.-мо *dōnežin* < *dōnep* [**дō-* — корень числительного *dōrben* 'четыре' + **-nēn*]²⁹⁶ 'четырёхлетний (о самцах крупных животных и зверей)' + аффикс *-жин*.

Названием самца крупного рогатого скота, быка-производителя является эвенк. *бука* А, Брг, Втм, С-Б ~ *бўка* К. 'бык', 'бык-пороз', 'олень-производитель', Втм 'буйвол'; сол. *буха* П.²⁹⁷ ~ *боһ* М.²⁹⁸ 'бык-пороз'; ма. *буқа* 'самец (барак, козел)', *буқа* 'зверь', *буқа* гургу 'дикий бык, буйвол' (ТМС, I, 103).

Это наименование известно также в других алтайских языках. Ср.: п.-мо. *буха*, монг. *бух* 'бык', 'самец', калм. *бух* (< бухь) 'бык-производитель', бур. *буха* 'бык-пороз', 'могучий, огромный'; ср. др.-тюрк. *буқа*, алт., кирг., туркм., узб., уйг. *буқа*, аз., гаг., каракалп., чаг. *буға*, кумык. *буғча*, балк., тат. диал., тур. *бога*, алт., хак. *пуға*, ж.-уйг. *пућа* 'бык-производитель'.²⁹⁹

По мнению С. Калужинского, тунгусо-маньчжурские формы — эвенк. *бука*, сол. *буха* ~ *боһ*, ма. *буқа* — восходят к монгольскому *буха*,³⁰⁰ что, однако, спорно и нуждается в обосновании.

По происхождению *бука* (< **бу-* + **-ка*) является, очевидно, образным словом. Опираясь на материалы тунгусо-маньчжурских языков, можно предположить, что в основе его лежит звукоподражательный глагол **бу-* 'мычать (о корове)', ср. нан. *бўчи-*

(< **бў-* — аффикс *-чи-* со значением продолжительности или постоянства совершения действия) 'мычать (о корове)', 'выть, скулить (о собаке)'.³⁰¹ орок. *бучу-* (< *бучи-*) 'разлаяться (о звуке)'.³⁰² Аффикс **-ка* в современных языках непродуктивен. Он оформляет различные по семантике существительные, в которых в ряде случаев может быть выделена глагольная, звукоподражательная или образная основа.³⁰³

От этого алтайского наименования произошли русские *бык*, *бугай*³⁰⁴ и другие славянские названия быка, ср.: рус.-црк.-слав. *быкъ*, укр. *бик*, болг. *бик*, слов. *bik*, словен. *bik*, сербохорв. *bik*, польск. *бук*, н.-луж., в.-луж. *вук*, чеш. *вук*.

По мнению О. Н. Трубачева, к заимствованиям относится только укр. *бугай*, которое заимствовано из тюркских языков. а все остальные формы, восходящие к слав. *быкъ*, развились самостоятельно, являясь, как и алтайские наименования, ономастическими словами, тесно связанными с звукоподражательными глаголами, передающими рев, мычание (ср. хорв. *bukati*, чеш. *bŭkati*, *bŭkati*, словен. *bikati*, лит. *bukti* 'мычать', а также латыш. *bucēt* 'звучать, греметь').³⁰⁵

В диалектах эвенкийского языка, преимущественно в восточных, в пивском диалекте мегидальского языка и в эвенкских диалектах Якутской АССР для названия быка крупного рогатого скота употребляется якутское заимствование *оуус* 'бык', 'вол'.

Ср.: эвенк. *оуус* М, Нак, Тк, Ттг, Урм, Учр ~ *оуус* Нак ~ *оуус* А, Е, Сх, Урм, Учр, нег. *оуус* П, эвен. *оуус* М, Т, Ск [< як.] 'бык', 'бык крупного рогатого скота' (ТМС, II, 341).

Об общетюркском *екуз* ~ *өгүз* 'бык' и о его соответствиях в других алтайских языках см. с. 114—115.

В современных тунгусо-маньчжурских языках и диалектах широко распространено русское наименование *бык*.

Название самца крупного рогатого скота, как и название самца других животных, может передаваться также словосочетанием. Первое слово в этом словосочетании название самца, второе — название коровы.

Ср.: орок. *хусэ үжэ*, ульч., орок. *хусэ үжэ*, нан. *хусэ үжэ* Их (*хусэ* 'особь мужского пола', 'самец', *үжэ* ~ *үжэ* 'корова') 'бык', букв. 'самец корова' (ТМС, I, 332).

Для названия теленка коровы употребляются те же наименования, что и для теленка домашнего и дикого оленя. лося.

Сол. *тухёй* П. ~ *тохёй*, *тухёй* М. 'телепок до году', ма. *тухшан* 'телепок'. В эвенкийском языке этому наименованию

³⁰¹ Русско-нахайский словарь, сост. С. И. Оленко, с. 110.

³⁰² ТМС, I, с. 117.

³⁰³ Васильевич Г. М. Эвенкийско-русский словарь, с. 758; Копстаптинова О. А. Эвенкийский язык, с. 96.

³⁰⁴ Ramstedt G. J. Kalmückisches Wörterbuch, S. 58; Räsänen M. Versuch... S. 87, Vasmers M., Bd I, S. 134, 158.

³⁰⁵ Трубачев О. Н. Происхождение названий животных в славянских языках, с. 41—42.

²⁹² Васильевич Г. М. Эвенкийско-русский словарь, с. 213.

²⁹³ Русско-эвенкийский словарь, сост. В. И. Ципиус, Л. Д. Ринке, с. 233.

²⁹⁴ Поппе Н. Н. Материалы для исследования тунгусского языка, с. 42.

²⁹⁵ Поппе Н. Н. Монгольский словарь Мукаддмат ал-адаб. — Труды ИВ, XIV, М.—Л., 1938, с. 69.

²⁹⁶ Там же.

²⁹⁷ Поппе Н. П. Материалы по солонскому языку, с. 45.

²⁹⁸ Kałużyński S. Solonisches Wörterverzeichnis, S. 52.

²⁹⁹ Räsänen M. Versuch... S. 87.

³⁰⁰ Kałużyński S. Solonisches Wörterverzeichnis, S. 52.

соответствует *тукучан* ~ *тукучян* Брг, К. ~ *тукучян* Нрч, С-Б 'теленки лоса' (ТМС, II, 210).

Солонскую форму *тухдан* (по материалам Ф. В. Муромского) С. Калужинский относит к маньчжурским заимствованиям,³⁰⁶ что вполне возможно, однако требует обоснования. Фонетическая близость этих форм *тухдэ* в записи П. Н. Поппе и *тухдан* в записи Ф. В. Муромского, не может служить критерием.

Сравнение приведенных вариантов — эвенк. *тукучян* ~ *тукучян*, сол. *тухдэ* ~ *тохдэ* ~ *тухдан*, ма. *тухчан*, позволяет реконструировать раннетунгусо-маньчжурскую форму в виде **тууучян*, в которой может быть выделена глагольная основа **тууу-* 'телиться' (ср. эвенк. *тууу-* ~ *туу-* ~ *тйе-* ~ *тй-* 'телиться') и уменьшительный аффикс **-чян*. Такая морфологическая структура необычна для тунгусо-маньчжурских языков, она противоречит закономерностям их словообразования. После глагольной основы не может следовать уменьшительный аффикс, который присоединяется только к основам имен, не изменяя их лексического значения, а только придавая им дополнительный оттенок уменьшительности. Поэтому мы думаем, что **тууучян* неполная, стяженная форма, так как после глагольной основы **тууу-* должен следовать именной словобразовательный аффикс. Преформу **тууучян* следует возвести к **туууччян* < **туууччян* (< **тууу-* 'телиться' + непродуктивный именной словобразовательный аффикс **-та* со значением результата действия³⁰⁷; уменьшительный аффикс **-чян*). О возможности такой реконструкции свидетельствует якутская форма *тугут* 'олоненок до года', диал. 'лосенок', которая, по-видимому, заимствована из тунгусских языков.

Монгольскими параллелями к тунг.-ма. **тууучян* < **туууччян* являются н.-мо. *тугил* (< *тугил* + *-л*), монг., бур. *тугал*, калм. *тухл* (< *тухлэ*) 'теленки'; калм. *тухлэ* (< *тухлэ*) 'телиться (о корове)'.

Корневая часть тунг.-ма. **туууччян* < **туууччян* — глагол *тууу-* ~ *туу-* 'телиться' — имеет соответствия в тюркских языках: др.-тюрк. *туу-* 'рождаться', 'возникать, появляться', тур. *доу-*, аз., туркм. *доу-*, уйг., узб., хак. *туу-*, пог. *туу-*, кирг., казах. *туу-*, авт., каракалп., тат. *туу-* 'родить', 'родиться', хак. 'телиться', чув. *туу-* ~ *тйэ-* 'делать', 'класть яйца' (первоначальное значение 'родить', 'родиться'), балк. *тйган* 'рожденный ребенок', казах., хак. *тууган* 'двоюродный брат', 'двоюродная сестра', 'родственник', чув. *тйган* 'родственник' (первоначально 'рожденный', 'единоутробный').³⁰⁸

В качестве корейской параллели Г. П. Рамстедт приводит **togi-*, ср. сев. кор. *twēda* < **togi-* ~ **tobi-* (?) 'становиться'.³⁰⁹

М. Рясänen считает возможным сближать с приведенными алтайскими формами финский глагол **tuo-* < **tōy-* 'приносить', 'рожать', 'пропагандировать на свет'.³¹⁰

Эвенк. *боро* Брг 'годовалый теленок'.³¹¹ В Сравнительном словаре тунгусо-маньчжурских языков это наименование помещено в словарной статье *боро* I 'серый' вместе с другими названиями животных по масти: эвенк. *боронкян* П-Т 'серый, коричневато-серый', кличка оленя; *борон* Алх, М. Сх, Тк, Урм, Учр, Хит, Члм, *борончян* М ~ *борончон* Тк 'серый, бурый', 'беловатый'; *бурдалат* М, *бурнадај* Тт 'серо-бурый (о масти оленя)', кличка оленя; ма. *боро доби* 'темнобурая лисица'; *боро иган* 'бурая корова'; *боро лафу* 'бурый медведь' (ТМС, I, 96).

Такое сближение, предпологающее, что лексическое значение эвенк. *боро* 'годовалый теленок' связано с цветом меха, спорно. По-видимому, *боро* 'годовалый теленок' и *боро* 'серый' являются в эвенкийском языке омонимами, при этом оба слова заимствованы из монгольских языков. Ср. эвенк. *боро* I Брг, В, И 'серый' с н.-мо. *боги*, монг. *бог*, бур. *боро* 'серый, сивый', а эвенк. *боро* II Брг 'годовалый теленок', распространенное только у баргузинских эвенков, проживающих в Бурят-Монголии среди бурят, с бур. *буруу* 'теленки до года'.

Приведем монгольские наименования теленка первой возрастной группы, т. е. от рождения до года:

Н.-мо. *барау* (< **biragū*).³¹² ср.-мо. *барау*, монг. *барау(н)* 'теленки до года', *бару* ~ *биру* Халх (< **b'aragū* < **b'aragū*)³¹³ 'теленки до года', 'в возрасте до года', бур. *буруу* 'теленки до года', 'в возрасте до года (о медведе, рысе, лосе, лисе, лютере)', *буруун* 'телка-двуухлетка', калм. *бур* 'бычок (от года до двух)'.

Среди приведенных форм наиболее архаичной является, несомненно, письменнo-монгольская *барау* < **biragūn*, остальные развились из нее. Так, в халхасской форме *бару* в первом слоге на месте письменнo-монгольского *i* появился гласный 'а, т. е. гласный, близкий к гласному последующего слога. «Явление это, — пишет В. Я. Владимирцов, — объясняется тем, что гласный второго слога антиципировался, т. е. голосовой аппарат принял положение, необходимое для воспроизведения этого гласного до образования находящегося между *i* и последующим гласным согласного. Ввиду того что в подобных случаях последующий гласный как бы пропикает в первый слог, явление это, очень часто встречающееся, получило название «нерелома».³¹⁴ Формы с губ-

³⁰⁶ Kałuziński S. Solonisches Wörterverzeichnis, S. 49.

³⁰⁷ Васильевич Г. М. Эвенкийско-русский словарь, с. 790; Константинова О. А. Эвенкийский язык, с. 98.

³⁰⁸ Егоров В. Г. Этимологический словарь чувашского языка, с. 255; Räsänen M. Versuch... S. 483.

³⁰⁹ Ramstedt G. J. Studies in Korean Etymology, S. 271.

³¹⁰ Räsänen M. Versuch... S. 483.

³¹¹ Васильевич Г. М. Эвенкийско-русский словарь, с. 595.

³¹² Порре N. Vergleichende Grammatik... S. 21.

³¹³ Владимирцов В. Я. Сравнительная грамматика... с. 181.

³¹⁴ Там же, с. 176.

ными гласными (ср.-мо. *biru'a*, бур. *буруу*, кам. *бүрү*) — результат губной ассимиляции под действием анлаутного губно-губного согласного и губно-губного гласного конечного слога (*birayu* > *birau* > *biruu* > *buruu* > *burū* > *buru*). Бурятская форма *буруу* 'теленка' позволяет восстановить в мо. *birayu* конечный *-n* — **birayun*, на который оно некогда оканчивалось, а затем это *-n* было утрачено. Этимологически **birayun* < **biragūn* можно рассматривать как производное имя с аффиксом *-yun* < **-gūn* от именной основы **bira-*, семантика которой на монгольском материале неясна. Аффикс *-yun* < **-gūn* по характеристике В. Котвича является архаичным аффиксом имен собирательных. Некоторым словам с этим аффиксом в архаичных монгольских языках и диалектах и в тюркских языках соответствуют формы без этого аффикса, ср.: мо. *šibayun* // монгол. *šū* 'птица', мо. *xuruyun* // монгол. *xuri* 'палец', мо. *niruyun* // монгол. *niri* 'позвоночник', мо. *šilayun* // тюрк. *taš*, мо. *yalayun* // тюрк. *qaz* 'гусь' и др.³¹⁵ Аналогичный аффикс встречается в небольшом количестве слов и в тюркских языках, например др.-тюрк. *alquyun* 'вместе, целиком, в совокупности' от *alqu* 'всё', 'все'. К. Грэнбек также считает его архаичным собирательным аффиксом.³¹⁶

В тюркских языках это наименование обозначает теленка вообще и вместе с тем является наименованием теленка от рождения до года: др.-тюрк. *bozayu* ~ *bizayu* ~ *bizay*, тур. *bizagi*, староузб. *бузагу*, узб. *бузак*, кумык. *бузав* ~ *бузау*, балк. *карач. бузоу*, гаг. *бузā*, тат. *бозау*, башк. *бызау*, казах. *бызау* ~ *бозау* ~ *бузау*, каракалп. *бызав* ~ *бузав* ~ *бузау*, ног. *бызав* ~ *бузав*, аз. *бизоу* ~ *бизō* ~ *бузов* ~ *бузой*, алт. *быза* ~ *бозу*, тув. *бызā*, уйг. *музай* ~ *mozай* ~ *mozai*, кирг. *музō*, хак. *пызā* ~ *пызō*, шор. *пыза*, тат. Бараб. *пузау*, чув. *пāру* (< *pārdā*).³¹⁷

В анлауте этого наименования возможны все типично тюркские губные согласные — *p*, *b*, *m*, но более древними являются формы с анлаутным *n* > *b*, формы с *m* появились позднее на месте *b* (< **n*). «В большинстве тюркских языков — пишет А. М. Щербак, анлаутный исходный *n* подвергся ослаблению и более или менее значительному озвончению почти в общетюркском масштабе. Только чувашский, хакасский и шорский языки сохранили относительно сильный глухой *n*. В некоторых тюркских языках начальные *n* и *b* свободно заменяют друг друга».³¹⁸ Исходным гласным первого слога является *u*, который в ряде языков под влиянием анлаутного губного согласного преобразовался в *y* или *o*. Обратный путь развития (*y* ~ *o* > *u*) необъясним. Гласный *ā* в первом слоге чувашской формы *пāру* (< *pārdā*).

по-видимому, вторичен как результат регрессивной ассимиляции (*pārdā* < **nirdā*). Вопрос о том, какой интервокальный согласный считать первичным в древнедиалектном соответствии *z/p*, остается спорным. Как уже упоминалось выше, традиционная алтаистическая точка зрения считает первичным *p* > *z*. Б. А. Серебрянников, опираясь на факты из истории индоевропейских и алтайских языков, единственно возможной линией развития считает ротацизм интервокального *z* (*z* > *p*).³¹⁹ Более архаичным окончанием рассматриваемого наименования является *-yu* ~ *-gy* > *-y* ~ *-k* > *-v* ~ *-y* > *-p*. Учитывая все изложенное, мы возводим раннетюркскую форму к вариантам **pizagu* ~ **piragu* > **bizagu* ~ **biragu*.

Приведенные монгольские и тюркские формы этимологически соотносительны. Из сравнения их можно заключить, что наиболее архаичные фонетические черты (глухой анлаутный согласный, чередование интервокальных *z* ~ *p*) сохранились в тюркских вариантах, а наиболее полный морфологический вариант содержится в мо. **biragūn*. Следовательно, можно полагать, что и монгольские, и тюркские разновидности этого наименования восходят к одному источнику — общеалтайской праформе **pi^zagūn*, в анлауте которой следует, очевидно, указать и интервокальное *z*, и интервокальное *g*.

Приведем заслуживающие внимания этимологические объяснения тюрко-монгольского наименования теленка до года. Так, Г. И. Рамstedт предположительно сравнивает мо. *birayu* и тюрк. *бузагу* 'теленка' с шумерским *bir* 'крупный рогатый скот'.³²⁰ А. М. Щербак считает это наименование теленка тюркским словом, фонетические разновидности которого (см. с. 126) он возводит к тюркской праформе **бузагу* ~ **бурагу* и сопоставляет ее с *буз* ~ *бур* 'темный', 'серый', полагая, что **бузагу* обозначает молодяк коровы в том возрасте, когда происходит линька и потемнение шерсти. По нашему мнению, эта этимология неудовлетворительна в фонетическом отношении, так как она опирается не на исходную форму этого наименования — **bizayu* ~ **birayu*, а на более позднюю, в которой *i* первого слога под влиянием анлаутного губно-губного согласного преобразовался в *u* — **бузагу* ~ **бизагу*. Кроме того, А. М. Щербак высказывает мнение о взаимодействии п.-мо. *birayu* из восстановленной им древнечувашской формы **birayu* (ср. чув. *пāру*), что также вызывает возражение, так как морфологически тюркские формы разъясняются из монгольского материала (аффиксальное окончание *-yu* < мо. **-gūn* ~ **-gūn*).³²¹

³¹⁵ Котвич В. Исследования по алтайским языкам. М., 1962, с. 72.
³¹⁶ Grönbech K. Der türkische Sprachbau I. Kopenhagen, 1963, S. 59—60.

³¹⁷ Räsänen M. Versuch. . ., S. 74—75.

³¹⁸ Щербак А. М. Сравнительная фонетика тюркских языков, с. 81, 93, 95.

³¹⁹ Серебрянников Б. А. Вероятностные обоснования в компаративистике, с. 148.

³²⁰ Ramstedt G. J. Kalmückisches Wörterbuch, S. 69.

³²¹ Щербак А. М. Названия животных. . ., с. 100.

Еще раньше монгольские и тюркские формы этого наименования сопоставлялись как генетически однородные Г. И. Рамstedтом, Н. Н. Поппе, М. Рясняном. Н. Н. Поппе находит для них тунгусо-маньчжурские соответствия, сближая их с эвенкийскими диалектными словами *бэру* 'овца', *боре* 'баран'.³²²

Это сближение со ссылкой на Н. Н. Поппе дано также в Сравнительном словаре тунгусо-маньчжурских языков, в котором в словарной статье *бебе-* 'блеять', помимо *бэру* Н 'овца' и *боре* Олж, Тнг 'баран', приводятся другие диалектные наименования овцы — *бебеэки* ~ *бэбээки* Н, *бэраэки* Н, Ткм, при этом *бэру* возводится к праформе **bijaŋ*, очевидно, на том основании, что в ряде современных эвенкийских слов *ē* < **iŋa* (ср., например, **биџа* 'место' > эвенк., орок. *бэ*, эвен. *бэ*, уд. *бээ*; **эйџа* 'другой' > эвенк., нег. *гэ*, эвен. *гэ*, уд. *гээ*; **нџан* 'плотно' > эвенк., нег. *нэн*, орок. *нэн*, нан. *нџан*; **мџата* 'шкура с головы животного' > эвенк. нег., сол., орок. *мџа*, эвен. *мџт*, ульч., нан. *мџата* и др.)³²³ (ГМС, I, 78).

Объединение в качестве однородных мо. *biŋaŋ* 'тенок до года', 'в возрасте до года' (о других животных), тюрк. *bizaŋ* ~ *biŋaŋ* ~ *bizaŋ* ~ *biŋaŋ* 'тенок', 'тенок до года' и эвенкийских *бэру* 'овца', *боре* 'баран' представляется нам спорным, так как семантика их различна, хотя фонетически они и близки. Сближение было бы возможным, если бы *бэру*, *боре* были не видовым наименованием овцы, барана, а означали бы овцу, барана до года, по указаниям на возраст в словарях нет. Препятствием для сближения приведенных слов является также то, что история эвенкийских слов *бэру*, *боре* недостаточно ясна.

О происхождении их может быть высказано несколько предположений.

1. Возможно, что эвенк. *бэру* 'овца', зафиксированное только в непском говоре южного наречия, является поздним монгольским заимствованием (ср. монг. *баруу*, монг. Халх. *б'ару* 'тенок до года'), если при этом допустить, что оно имеет значение '*годовалая овца'.

2. Можно допустить, что *бэру* 'овца' древнее тунгусо-маньчжурское слово, восходящее, как предполагают авторы Сравнительного словаря тунгусо-маньчжурских языков, к **bijaŋ*, которое этимологически можно расчленить на основу **biŋa-* и морфологический элемент **-ŋi*. Семантика основы неясна, **-ŋi* — непродуктивный мертвый аффикс, который в современном эвенкийском языке оформляет ряд существительных, в большинстве случаев неразложимых на корневую часть и аффикс, например: *кбларџ* П-Г 'удочка для зимнего лова рыбы', *удурџ* 'клюв, нос, острый

конец морды животного', *умурџ* 'вздержка, шнур, завязка' и др.³²⁴ В некоторых существительных с аффиксом *-рџ* ~ *-ру* содержится глагольная основа, например: *биру* Сх (<би- 'жить' + *-ру*) фольк. 'стойбище'.

3. Допустимо также полагать, что эвен. *бэру* 'овца', как и другие приведенные выше диалектные наименования овцы — *бэраэки*, *бебеэки*, является производным от звукоподражательного слова *бе* ~ *бэ*, изображающего бляние овцы, которое может употребляться и в удвоенном виде — *бебе* ~ *бэбэ* 'блеять'. Так, *бэру* 'овца' восходит, возможно, к звукоподражанию **бэ-* 'блеять', оформленному указанным выше непродуктивным аффиксом **-ру*; *бэраэки* 'овца', букв. 'блеющая' < *бэра-* (< звукоподражание *бэ* + глаголообразующий аффикс *-ра-*) 'блеять' + аффикс причастия многократного действия *-эки*; *бебеэки* ~ *бэбээки* 'овца', букв. 'блеющая' < *бебе-* ~ *бэбэ-* 'блеять' + аффикс причастия обычного действия *-эки*. Причастия с аффиксами *-эки*, *-эки* легко субстантивируются и употребляются в качестве названий животных по признаку обычно совершаемых ими действий.³²⁵

4. Форма *боре* 'баран' могла образоваться из *бэру* 'овца' в результате метатезы гласных.

5. Можно предположить также, что эвенк. *бэру* 'овца', *боре* 'баран' являются древними миграционными терминами, первоначальный источник которых установить сейчас невозможно. Слова, близкие им по фонетическому облику и по значению имеются в индоевропейских языках, ср.: слав. *beran*, *baran* 'баран', алб. *berr* 'мелкий скот, овца, баран', дагест. (андийск.) *bara* 'барашек', думак. *bedā* (*d < r*) 'овца'.³²⁶ Но, возможно, это случайное совпадение.

Какое из приведенных предположений более достоверно, покажут дальнейшие исследования. Мы думаем все же, что *бэру* тунгусское слово, образованное, как и *бэраэки*, *бебеэки* от звукоподражания, передающего бляние. Любопытно обратить внимание на внешнее сходство эвенкийской формы *бэраэки* 'овца' со славянским *beran* 'баран'. В тунгусо-маньчжурских языках возможна и форма *бэран* 'блеющее', 'блеющее животное', представляющее собой производное имя от глагола *бэра-* 'блеять', образованное с помощью очень продуктивного аффикса *-и* с значением имени действия и в меньшей степени — носителя процесса. Но, к сожалению, эти сближения не могут быть подкреплены историческими данными, свидетельствующими о возможной языковой связи славян с тунгусо-маньчжурами.

Следует заметить, что связь слав. *beran*, *baran* 'баран' с созвучным названием овцы, барана в других языках (в греческом,

³²² Ramstedt G. J. Kalmückisches Wörterbuch, S. 69; Poppe N. Vergleichende Grammatik. . ., S. 24, 60, 81, 131, 146, 147; Räsänen M. Versuch. . ., S. 74—75.

³²³ Ципирус В. И. Фонетика, с. 106.

³²⁴ Константинова О. А. Эвенкийский язык, с. 96.

³²⁵ Там же, с. 82, 99.

³²⁶ Хубшильд П. Дославянские и дороманские этимологии. — Этимология. 1967. М., 1969, с. 245—246.

албанском, в итальянских и французских диалектах), признаваемую большинством исследователей, О. Н. Трубачев считает иллюзорной. Территориальная ограниченность распространения слав. *baran*, *beran* (оно известно лишь части славянских языков) и неясность его структуры с точки зрения славянского словообразования позволяют считать его заимствованным словом, но источник заимствования неясен. Но шенно О. Н. Трубачева, «распространение слав. *baran*, *beran*, отсутствие его в южнославянских языках, соперничество его с **ovъnъ* и ряд других соображений позволяют думать, что это слово не могло прийти с Балканского полуострова, бывшего наиболее древним связующим звеном между раннеславянской территорией и центром и югом Европы, экспансия его шла с востока», но «время и место заимствования определить не представляется возможным». Он предполагает, что слав. *baran*, *beran* было заимствовано из тюркских языков, в которых «для названий животных и птиц очень характерны образования па *-an/-yan*, но в данном случае непосредственным тюркским прототипом этого славянского слова могло послужить древнетюркское причастие настоящего времени **baran* 'идущий', позднее *barγan*, туркм. *baran*», при этом он связывается на ряд индоевропейских наименований овцы, образованных от названий ходьбы, движения.³²⁷

Предложенная этимология слав. *baran*, *beran* 'баран' спорна, так как она опирается не на раннюю тюркскую форму этого причастия, а на позднюю, стяженную. Ранней тюркской формой причастия на *-yan* от глагола *bar-* 'идти', 'ходить', 'бродить' является *baraγan* ~ *barγan* > *baran* 'идущий'. К тому же исходной славянской формой наименования барана является, очевидно, *beran* > *baran*.

Сол. *итѣ* П. ~ *итѣ* М. 'теленки на втором году', ма. *итѣн* 'двухгодовалый теленок (с длинными рогами, приносимый в жертву)'. Ср. эвенк. *иктѣнэ* (евтана Ткм, *иктано* ~ *иктоно* ~ *иктона* Гит.), нег., орок. *иктѣнэ*, эвеп. *йтѣн* (< **иктѣнэ*) 'домашний олень двух-трех лет' (ТМС, I, 301).

С. Калужинский полагает, что солонские формы *итѣ* ~ *итѣн* заимствованы из маньчжурского языка,³²⁸ что спорно, так как такая же стяженная форма характерна и для эвенского языка. Более вероятно полагать, что солонское, маньчжурский и эвепский варианты развились из более полной общетунгусо-маньчжурской формы **iktēne*.

В основе наименования *иктѣнэ* 'теленки (домашнего оленя, коровы)' лежит существительное *иктэ* (< **и-* + имяобразующий аффикс **-ктэ*) 'зуб, зубы', оформленное аффиксом вторичного имени *-нэ* < **-нэ*. Этимологически выделенный корень **и-* 'зуб'

сопоставим с современным корейским и 'зуб' < к средневековой форме *ni* 'зуб'.

В баргузинском говоре эвенкийского языка для возрастных наименований теленка коровы употребляются монгольские заимствования:

Эвенк. *каширик* Брг 'двухгодовалый теленок коровы' < мо.: п.-мо. *хасираγ үкер*, калм. *хашру үкү*³²⁹ 'трехлетний теленок', бур. *хамараг* 'двухгодовалый телок, двухлетний бычок' (ТМС, I, 385). Ср. также бур. *хамараг хандагай* 'двухлетний лось', *хамараг баахалдай* 'двухлетний медведь'.

К исходной прамонгольской форме ближе всего п.-мо. *хасираγ*, интервокальный *s* в которой перед *i* палатализвался и дал в современных языках *ш*.³³⁰ Переход интервокального *i* в *a* в бурятском (*хасираγ* > *хамараг*) объясняется ассимиляцией гласных. Калмыцкая форма *хашру* является стяженной, так как в калмыцком языке гласный *i* непоследовательно подвергается редукции и выпал.

Это монгольское наименование, обозначающее молодых животных двух-трех лет, в частности неприводительный молодняк коровы, имеет параллели в тюркских языках. Ср.: койб. *қазыра* ~ *қазра* 'теленки двух-трех лет', тув. *қазыра* 'двухгодовалый бычок', 'двухгодовалая телка', 'нетель' (еще не телившаяся трехлетняя корова и самка яка), хака. *хазыра* 'телка трех лет',³³¹ казах., узб. диал. *қашар* ~ *қачар* 'двухлетний теленок', которые могут быть возведены к пратюркской форме **kasira*. Интервокальный *s* в ней в койбалском, тувинском и хакасском языках преобразовался в зовонкий *z*, так как в тюркских языках в интервокальном положении происходит ослабление глухих, а в казахском и узбекском — в *ш* > *ч*.

Сравнение монгольских и тюркских форм показывает, что наиболее полной и архаичной в фонетическом отношении является письменномонгольская форма, позволяющая восстановить общеалтайскую праформу в виде **kasirag*. Тюркские варианты представляются более новыми, усеченными, утратившими конечный *-g*, а в ряде языков и предшествующий ему гласный (ср. казах. *қашар*). Исходный анлаутный **к-* в монгольских языках дал *х-*, а в тюркских — *к-* ~ *х-*. Соответствие монгольских интервокальных *s* ~ *ш* тюркским интервокальным *z* ~ *ш* ~ *ч*, которые в данном случае являются формами отражения *s*, закономерно.

Этимологическое объяснение тюрк. *қашар* ~ *қачар* дает А. М. Щербак, который, ссылаясь на мнение К. К. Юдахина, считает его производным от казах., кирг. глагола *қач-* 'быть в охоте, желать самца' (о самке животного). Здесь же он приводит сравнение с казах. *қашпазан* 'проворный, быстрый'.³³²

³²⁹ Ramstedt G. J. Kalmückisches Wörterbuch, S. 172.

³³⁰ Владимирцов Б. Я. Сравнительная грамматика. . . , с. 374.

³³¹ Räsänen M. Versuch. . . , S. 243.

³³² Щербак А. М. Названия животных. . . , с. 101.

³²⁷ Трубачев О. Н. Происхождение названий домашних животных в славянских языках, с. 73—76.

³²⁸ Kalužinský S. Solonisches Wörterverzeichnis, S. 18.

Эта этимология спорна, так как она опирается не на исходную, а на одну из поздних форм этого наименования (*қашаар* ~ *қачар* < **kasirag*). К тому же *қашаар* ~ *қачар*, являясь общим наименованием молодняка коровы, означает не только телку, но и бычка.

Возможна иная этимология, основанная также на тюркском материале: **kasirag* ~ **kazirag* (< **kasira-* ~ **kazira-* + аффикс -*g*) *'обросший подбрюшным жиром, ожиревший' этимологически является отглагольным изменением с широке распространенным в монгольских и тюркских языках аффиксом -*g* от **kasira-* ~ **kazira-* *'образовать подбрюшным жиром, становиться жирным', который восходит к др.-тюрк. *qazı*, казах., тув. *қазы*, уйг. (тараич. диалект) *kezı*, хак. *хазы*, як. *хаса* ~ *хаса* 'нутряное сало, брюшной жир', 'жир, жировые складки на животe' - глаголообразующий аффикс -*га*.

Эвенк. *гунан* Брг 'теленка трех лет' (бычок или телка), соп. *гунā* П. ~ *гунā*, *гунан* М.³³³ 'трехлетний самец животного', ма. *гуна*, *гуна* *изан*, *гунан* 'трехлетний бычок' < мо.: л.-мо. *гунан*, монг., бур. *гунан*, калм. *хунн* (< *хунн*) 'трехлетний (о самцах крупных животных и зверей)' (ТМС, I, 171).³³⁴

В качестве монгольского заимствования это наименование имеется и в тюркских языках, ср.: туркм., уйг. *гунан*, узб. диал. *гунан* ~ *хунан*, узб. *гонан*, алт., ж.-уйг., казах., кирг., пог., чаг. *кунан* 'лошадь 2—3 лет', 'жеребец 2—3 лет', 'трехлетний' (о животном), ж.-уйг. 'вол 2—3 лет', як. *кунан* 'молодой бык 3—4 лет', шор. *кунан* 'трехлетний' (о животном) < мо. *гунан*.³³⁵

Ср. рус. вост.-сиб. *гунан*, *гунан* 'трехгодовалый бычок', заимствованные из монгольских и тюркских языков.³³⁶

Как уже говорилось выше, этимологически мо. *гунан* членится на **гун-* — корневой элемент числительного *гунбан* 'три' и аффиксальный элемент **-нан* < **-нан*.³³⁷

В эвенкийских говорах Якутской АССР для наименования молодняка крупного рогатого скота употребляются такие заимствования, например: эвенк. *торбујок* Чмк 'телка', *тармијак* М, Тк, Урм, *тамијак* Тт 'телочка'³³⁸ < як. *торбујак* ~ *тормујак* ~ *томујак* ~ *тарбујак* ~ *тармијак* ~ *тамијак* 'теленка, теленок по первому году' (ТМС, II, 199), которое является уменьшительной формой (< *торб[ос]* 'теленка' + *-ијак*).³³⁹

Основа этого якутского наименования — *торбос*, по происхождению является, по-видимому, образным прилагательным с аффиксом **-(а)с* от образного глагола **торбий-*, семантика которого неясна, но его можно сравнить с однокоренным образным глаго-

лом с видовым аффиксом *-луй-* — *торолуй-* 'расти, подрастать', 'мухать'.

Яв. *торбос* 'теленка' составимо с хак. *торбақ* ~ *торнақ*, алт. *торбоқ*, казах., уйг. *торнақ*, кирг. *торноқ* 'двухлетний теленок', 'двухлетний бычок'; тат. Тар *тбнақ* 'теленка', 'молодой бык'; тат. Бараб *торбоғи* 'большая теленка', которые представляют собой также отглагольные образования с непродуктивными в современных тюркских языках аффиксами -*қ* ~ -*х*, -*ғыш* < **(j)ғыш*.³⁴⁰ а также со ст.-узб. *тор* 'теленка', кирг. *торлан* (< **торла* + **н*)³⁴¹ 'жеребенок, когда он начинает подрастать', которые позволяют выделить этимологический глагольно-именной корень **тор* 'подрастающий, подрост', **тор-* 'подрастать'.

По мнению А. М. Щербака, разные окончания в як. *торбос* и тюрк. *торба-қ* ~ *торбо-қ* ~ *торна-қ* ~ *торна-х* ~ *торно-қ* ~ *тбна-қ* могли развиваться из общего пратюркского **торбоғуз* ~ **торбоғоз* (ср. тат. Бараб *торбоғи*) в результате разных путей развития его конечной части — в якутском языке выпадение *ғ* (**торбоз* > *торбооз* > *торбос*), в других языках — утрата конечного слога (**торбоғоз* > *торбоғ* > *торбоқ*).³⁴²

Дефицитом сближение приведенных тюркских наименований теленка со следующими монгольскими наименованиями: п.-мо. *torum*, монг., бур. *тором*, калм. *торм* (< *торэм*) 'двухгодовалый верблюжонок'; п.-мо. *torai*, монг., бур. диал. *торой* 'детеныш некоторых домашних животных' (*гахайи торой* 'поросенок', *сарлагийи торой* 'теленка сарлыка'), аффиксальное оформление которых показывает, что они являются непродуктивными образованиями от корневой ныне не существующей древней глагольной основы **тор-*.³⁴³

Тюркские наименования двухгодовалого верблюжонка — др.-тюрк., тур. *torum*, тув. *дорум*, туркм. *торым*, а также казах. *торай* 'молодая дикая свинья' являются монгольскими заимствованиями.³⁴⁴

В современных тунгусо-маньчжурских диалектах употребляются русские заимствования, ср.: нан. *теб'лоқ* Пх, *т'блқа* Пх, *эвен. бичбк* Ол.³⁴⁵

Для выражения понятия «теленка коровы» используются также аффиксальный способ и словосочетания.

Так, в эвенкийском языке название теленка коровы, как и названия детенышей других животных, образуются с помощью аф-

³³³ Ka fu z y ũ n s k i S. Solonisches Wörterverzeichnis, S. 72.

³³⁴ R a m s t e d t G. I. Kalmückisches Wörterbuch, S. 155.

³³⁵ Там же; R ä s ä l e n M. Versuch..., S. 300—301.

³³⁶ Ф а с м е р, I, с. 321.

³³⁷ П о л п е П. Н. Монгольский словарь Мукаддима ал-адаб, с. 69.

³³⁸ Диалектологический словарь эвенкийского языка, с. 152.

³³⁹ П е к а р с к и й Э. К. Словарь якутского языка, т. III, с. 2736—2737.

³⁴⁰ Об аффиксах -*қ* ~ -*х*, -*ғыш* < **(j)ғыш* см.: Севортян Э. В. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке, с. 140, 200.

³⁴¹ Об аффиксе -*лан* (< **-ла*—**-н*) см. там же, с. 337.

³⁴² Щ е р б а к А. М. Названия животных..., с. 102.

³⁴³ R a m s t e d t G. J. Kalmückisches Wörterbuch, S. 402; R ä s ä l e n M. Versuch..., S. 490.

³⁴⁴ R ä s ä l e n M. Versuch..., S. 490—491.

³⁴⁵ Русско-нанайский словарь..., с. 232.

³⁴⁶ Русско-эвенкийский словарь..., с. 607.

фиксов *-ткән / ткән*, *-чикән / чикән*, которые присоединяются к наименованию коровы, например: эвек. *мачәлттән* А, Алд, Е, И, М, Н, С-Б, Чмк (< *мачәлә* 'корова' + аффикс *-ткән*), *тукур-чикән* Кч (< *тукур* 'корова' + аффикс *-чикән*) 'теленок коровы' (ТМС, I, 533; II, 341).

В других языках в этих целях используется уменьшительный аффикс *-кән / -кән*, например: нег. *йҗақан* Н, нш. *йҗақә* (< *йҗан* 'корова' + аффикс *-қан*) 'теленок коровы', букв. 'коровка'.³⁴⁷

Обозначение теленка коровы словосочетанием наблюдается в эвенском и панайском языках. В эвенском языке первым словом в словосочетании является название коровы, а вторым — название теленка, которое оформляется притяжательным аффиксом 3-го л. ед. ч.: *корөва һөнүҗчанн* Ол, Б, М, П, Т, *корөва энкәжәнн* Ол, Б, М, П, Т (*һөнүҗчан*, *энкәжән* 'теленок', 'теленок оленя (бычок)', *-ни* притяжательный аффикс 3-го л. ед. ч.) 'теленок коровы', букв. 'корова теленок ее'.³⁴⁸

В панайском языке название теленка бычка образуется словосочетанием *хусә йҗақә* Нх, букв. 'самец теленок', а название телки — словосочетанием *эктә йҗақә* Нх 'самка теленок'.³⁴⁹

Итак, нами рассмотрены в сравнительном плане тунгусо-маньчжурские видовые и половозрастные наименования собаки, лошади, крупного рогатого скота. Произведен их лингвистический анализ и сделана попытка этимологии. Оказалось, что большинство из них, кроме явных заимствований, являются общеалтайскими словами или имеют параллели в какой-либо из групп алтайских языков. В них прослеживаются общеалтайские корневые элементы, которые на протяжении длительного развития на тунгусо-маньчжурской почве подверглись значительным фонетическим и морфологическим изменениям. Некоторые из этих наименований распространены не только внутри алтайской семьи, но и далеко за ее пределами, в других языковых семьях, что свидетельствует об их широкой миграции и большой древности. Эти общие слова — свидетельство древних историко-культурных связей алтайских народов с другими народами, в частности с палеоазиатскими.

Рассмотрение наименований других домашних животных (мелкого рогатого скота, свиньи, осла, верблюда), а также очень богато представленных в тунгусо-маньчжурских языках наименований домашнего оленя будет продолжено в наших следующих публикациях.

Л. В. Дмитриева

ИЗ ЭТИМОЛОГИЙ НАЗВАНИЙ РАСТЕНИЙ В ТЮРКСКИХ, МОНГОЛЬСКИХ И ТУНГУСО-МАНЬЧЖУРСКИХ ЯЗЫКАХ

В предлагаемом очерке приведены общераспространенные в пределах каждой из трех групп алтайских языков фитонимы: в тюркских (I), монгольских и тунгусо-маньчжурских (II), а также наиболее известные межтюркские названия частей растений (III).

Общетюркская фитонимия малочисленна (12 наименований, из них одно — явное заимствование, 4 — условно относимые к таковым), отражает издавна широко употребляемые в хозяйственной жизни тюрк растения и их части: дерево (2 названия), береза, яблоня, можжевельник (2), горох, лук, просо, пшеница, ячмень, ветвь, лист.

Только два фитонима зафиксированы в древнетюркских памятниках (т. е. по X в.),¹ остальные в тюркских XI в. и условно по ?XI в. (для недатированных памятников). Поэтому древность общетюркских фитонимов может быть вскрыта только специальными исследованиями. По характеру распространения рассматриваемые названия делятся на имеющиеся в ряде языковых групп (целком вся лексема — для обозначений пшеницы, ячменя, яблока), тюрко-монгольские и собственнотюркские. Все общетюркские наименования восходят к общим для ряда языковых групп основам.

Из большого количества всех монгольских и тунгусо-маньчжурских фитонимов и названий частей растений (фитонимическая терминология) выявляется лишь 14 общих наименований: 2 общемонголо-тунгусо-маньчжурских, 9 общемонгольских, 3 общетунгусо-маньчжурских. Приводим 29 межтюркских названий частей растений.

¹ Определение древнетюркского времени историками, археологами и этнографами по гербу четверть X в. обязывает языковедов по возможности четко ограничить древнетюркские письменные памятники этим временем или, условно, — по X в. Древние монголизмы и тунгусо-маньчжуризмы в тюркских языках можно условно ограничить по XII в.

³⁴⁷ Русско-панайский словарь. . . , с. 232.

³⁴⁸ Русско-эвенский словарь. . . , с. 607.

³⁴⁹ Русско-панайский словарь. . . , с. 232.

В очерке в качестве заглавного обозначения для каждого из рассматриваемых названий приводятся их исходные или близкие к ним, по нашему мнению, формы в латинском написании.

1. *ī*; *īyač* // *jīyač* ~ *jayač* // *ayač* 'дерево'. В современных тюркских языках для рассматриваемого названия дерева преобладают формы с начальным широким гласным *a*:- туркм. и др. *ağac*, аз. *ağac*, башк. хак. *ağac*, тат. Бараб *ağac*, карак., алт. и др. *ağış* и т. д. В меньшей части этих языков и в их диалектах зафиксированы формы с йотированным началом, обусловившим сужение последующего широкого гласного *-a- > -ı- // -u-*: ж.-уйг. *ıyğış* // *ıyğış*, уйг. Лоби, тат. Срг *ıyğış*. В отдельных языках начальный *ı-* не вызвал такого сужения: уйг. *ıyğış*, узб. *ıyğış*. В киргизском *ı-* дал характерный для тюркского **ı-* рефлекс *ж-* (*жығаш*). В одиночных языках, где обозначение дерева не имеет йотированного начала, аналогичному широкому гласному других тюркских языков соответствует узкий: хал. *ağış* // *ıyğış*, тув. *ıyğış*.

В тофаларском начало лексемы стерлось: *n'ash*, в якутском утрачена ее средняя часть *mas*. Доказательством производности данной тофаларской формы от рассматриваемого фитонима может служить в виде параллели алтайская диалектная форма: алт. Туба *ağış* // *ağış* // *аш* (о якутской пшже). Стыкнутая форма *аш*, помимо алтайского, есть еще в двух языках: тур., гаг. *аш*. Встречаются варианты лексемы с узким гласным второго слога: тур. диал. *ağış*, алт. Леб *ağış*, хак. Сг *ağış*.

Рассматриваемая лексема в современных языках имеет значения: 'дерево (растение и материал)' (основное), 'лес (растение и материал)', 'ствол', 'палка', 'мера длины'. В татарских диалектах встречаются формы: тат. Гиз *ağac* — *буғаш*, Хвл *ağac* — *пуғаш* 'мелькие дрова', 'деревяшки', 'сучья'.

В тюркских памятниках примерно по ?XI в. зафиксированы формы *īyač* 'дерево' и производная *īyačči* 'деревобделочник', 'плотник' (ГТ: ДТС, 218). Лексема *ī* 'дерево', 'кустарник', 'растение', лежащая в основе *īyač*, встречается в памятниках VIII (Тоб.), X (Сув.) и по ?XI (Uig.: ДТС, 216) вв. Форма *jīyač* отмечена в памятниках XI (Ов, Мк) — XIII (ЛОК: ДТС, 265) вв. Лексема *jayač* в ДТС не зафиксирована. Для более поздних памятников указаны: *jīyač*, *ayač* (особенно последние).

В этой форме фитоним заимствован монгольскими языками, венгерским (*ács* 'дерево', первая фиксация в памятниках 1233 г., — МТЭС, 94), русским (*агач* в значении меры длины, — Фасмер, I, 60). В монгольских он получил узкоспециализированное значение (п.-мо. *arši*, монг. *arç*, казм. *aktšj* 'клен') и ограниченное употребление в словосочетаниях, что подтверждает заимствование.²

Предлагают урало-алтайские параллели для обозначения дерева (хант. *iuz* 'дерево', чер. *jakte* 'высокое дерево', зпр. *jag* 'лес', 'сосновый лес' ~ орок. *žagda*, ма. *jakdan* 'сосна' ~ уйг. *jəyač*, чув. *jəyəs*, тур. *ağac* 'дерево', — S., 16) с праформами (урал. **yVk* ~ т.-ма. **yVk* // *yVg*) и словообразовательной моделью (т.-ма. **jag* + афф. -*ğda*, когда чув. *jəyəs*, чер. *jakte* < т.-ма. — Sinor, 251).

Независимо от вероятности такого заимствования можно было бы выделить урало-алтайскую основу *iuz* // *jag* со значением 'сосна', 'дерево', 'сосновый лес', 'лес' и полагать, что в алтайских языках обозначение дерева образовано с помощью афф. *-ač* (тюрк.) и *-da* (т.-ма). Этому соответствовали бы некоторые из являющихся этимологий, правда, лишь по характеру членения тюркской лексемы *jayač*: *ıyač* 'сжигать' + афф. *-ač* (Хаб., 170), *ay-* < **ıy-* 'подниматься (вверх)' + тот же аффикс.³

Семантически последняя этимология не обоснована, так как глагол *ay-* означает 'подниматься (вверх)' в смысле 'взлетать', 'возноситься', что видно из подтверждающих цитат к нему в словаре В. В. Радлова (РСЛ, I, 142). Первая этимология семантически оправдана, так как дерево является древесным горючим материалом для человека. Но обе этимологии не объясняют в одних случаях форм без начального *j-* (первая) и в других — с ним (вторая). Понятно и их соотношение с др.-тюрк. *ī*, *īyač*.

Принятая в тюркологии этимология для рассматриваемого фитонима: др.-тюрк. *ī* 'семя', '(по)сев', 'кустарник', 'дерево', 'растение' + афф. *-yač* с увеличительным значением (Сев., 72). Подтверждают ее такими примерами семантического соответствия *ī* и *īyač* как древнетюркские парные слова *ī* *īyač* 'деревья (растения)', *ot* *īyač* 'растения' и, не объясняя причин перехода *īyač* в *ayač*, указывают на возможность узкого и широкого гласного в обоих слогах слова.

Сторонниками такой этимологии являются и алтаисты, но др.-тюрк. *ī* они возводят к **hī* < **fi* < **pi* 'дерево', 'лес', а вторую часть лексемы (*-kač*) — к мо. **kači* 'ветвь', 'сук' (R. SKB, 199, 101).

Полагаем, что для др.-тюрк. *ī* в лексеме *īyač* основным значением было 'дерево (растущее)', что подтверждается показаниями древнетюркских памятников, пословиц и поговорок, а значения 'срубленное дерево', 'палка' вторичные, производные, встречающиеся уже в памятнике в честь Топлюкука. Например, следующие пословицы и поговорки: башк. *ağac* *сметше менән*, *эзәм эшә менән*; тат. *ağac* *жилеше белән*, *адам эшә белән*; туркм. *ağac* *иймишинден белли*, *адам кылмышындан* 'достоинства дерева оцениваются по его плодам, достоинства человека — по его делам' (Мусаев, 164—167).

Если в *īyač* основа *ī* 'дерево', то афф. *-yač* не требует увеличительного значения. В памятниках и в современных языках он образует отглагольные имена орудия, инструмента, признака,

² Бертагаев Т. А. Лексика современных монгольских литературных языков. М., 1974, с. 360.

³ Hatiboğlu V. «Ağac» ve «sus». — TDAY. Belleten. Ankara, 1972.

редко — отмененные с уменьшительным значением (последнее в основном в памятниках). Исторически это аффикс имени действия, для которого характерно отменное и отглагольное употребление.

Из показаний памятников можно сделать вывод, что формы без йотированного начала и без аффиксации древнейшие, нейотированные формы с аффиксацией — *yač* старше таковых с йотированным началом. Вероятно, поэтому считают *j-* в *jīyač* // *jayač* протезой (Räs. EW, 7) или ареальным явлением (Сев., 72), не объясняя при этом происхождения формы *ayač*, если в основе его лежит *i* (> *iyač*). Может быть, в *ayač* проявилось действие регрессивной ассимиляции гласных (*iyač* > *ayač*), обеспечившее легкость произношения? Но непонятно, почему тюрк. *i* 'дерево' должно было путем аффиксации дать новое тюркское же обозначение дерева. При замствованном характере подобная аффиксация была бы понятной.

Протезу *j-* рассматривают как результат процесса дифтонгизации начального долгого широкого (*a*) с переходом первого элемента образовавшегося дифтонга (*ia*) факультативно в *j*.⁴ Однако памятники и современные языки, их диалекты и говоры подают для рассматриваемого обозначения дерева форм с начальным долгим широким гласным (*a*), не считая поздних стяжсных форм (тур., гаг. *āč*). Узкий гласный в начальном слоге в *jīyač* объясняют действием начального *j-* (Сев., 72).

Йотированные формы для интересующей нас лексемы всегда аффиксальные. Видимо, ее йотирование и аффиксация хронологически почти одновременные явления. Судя по показаниям памятников и современных языков, выделяются в данном случае два хронологических пласта: более ранний (позже VIII в. и по ?XI в.) пласт *iyač* ~ *jīyač*, более поздний — *ayač* ~ *jayač*. Если *j-* здесь не протеза, а диалектное довольно раннее явление, то нужно искать возможную исходную форму данной лексемы с учетом начального *j-* или его вероятного источника.

Следы исчезновения искомого начального *j-* с сужением последующего широкого гласного или с сохранением уже имевшегося узкого гласного есть в тунгусо-маньчжурских языках, на что обратила наше внимание К. А. Невикова: эвенк. *ēsa* // *ēha* // *ēša* // *īsa*, сол. *īsal*, эвен. *xečā* // *ēsal* // *žhol* // *uačēā* // *jasal* // *jāhēā* // *jāšal*, нег. *ēsa*, ороч. *isa*(e-), уд. *je^hæ*, ульч. *īsal* // *īsalu*, орок. *īsa* // *īsal*, нан. *nasal* // *īsal*, ма. *jasā*, чж. *yā-si* 'глаза' (TMC, I, 291). Тунгусо-маньчжурским формам в монгольских языках в подобных случаях соответствуют формы без йотированного начала — с начальным узким гласным: эвек. *ин'э*, эвен. *ин'*, нег. *ин'э*, ороч. *ин'эктэ*, уд. *ин'э*, ульч. *ин'эктэ*, нан. *инэктэ*, ма. *ин'э*, чж. *yīn-ēē* 'смеяться', ср. п.-мо. *inije-*, монг. *инэ-*, бур. *эн'ээ-ид*. (TMC, I, 319).

⁴ Щербак А. М. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970, с. 148, 80, 167.

На основании показаний чжурчженского языка, в первом примере также маньчжурского, удэйского и диалектов эвенского можно судить, что подобный начальный *j-* в приведенных примерах является ископным, а не протетическим, т. е. в тунгусо-маньчжурских языках прослеживается исчезновение начального *j-* чжурчженского языка в современных языках с сохранением его лишь в диалектах и иногда в единичных языках.

В венгерском ископный начальный *j-* исчезает перед гласным *-i-*, в других уральских он спорадически утрачивается и перед другими гласными (Основы, 129).

Тюркские йотированные формы наименования дерева мы связываем с зафиксированной С. Е. Маловым желтоуйгурской формой *nia* 'растение (употребляется для удобрения рисовых полей)' и с предлагаемой Г. Дёрфером тюркской праформой **pičgāč* 'дерево' (D. Kh., 290). В них можно выделить дифтонг *-ia* // *-iē* в основе *nia* // *pič gāč*, соотносимой с др.-тюрк. *i*.

Исчезновение **p-* в тюркских формах можно было бы объяснить действием отмечаемого алтаистами перехода **p* > *θ* через **p* > **ɣ* > **f* > *h* > *θ*. Алтаисты уточняют формы его действия в разных группах алтайских языков: Г. Рамстедт отмечает для тюркских языков **p* > *θ*-, монгольских — **p* > *h* > *θ*-, тунгусо-маньчжурских — **p* > *pf* > *h* > *θ*-, корейского — **p* > *p*-.⁵ Н. Понпе — для монгольского **p* > **ɣ* > **f*- (среднемонгольский) > *h*- (монгольский), для тунгусо-маньчжурских — ма. *f* ~ гольд. *p* ~ эвенк. *h*-, для тюркских — пратюрк. **h* ~ прототюрк. **h* > юго-восточные и юго-западные тюрк. *h* ~ остальные тюрк. *θ*- (P. Vergl., 10).

Отмеченные переходы свойственны и другим группам языков: для финно-угорских завершение перехода **p* > **f*- относят до середины I тыс. н. э., отсюда древнетюркские заимствования в венгерском, условно датруемые V—X вв. н. э., вероятно, не подпали под этот переход, завершенный в венгерском до переселения на территорию современной Венгрии (Основы, 121). В др.-славит. **p* > ар. *f*-, лат. *f* > исп. *h* > *θ*-, арм. **p* > *h*-, яп. **p* > *f* > *h*-, герм. **p* > *f*- (R. Einf., 10) и др.⁶ Таким образом, следует говорить не об общалтайском законе перехода **p* > *θ*- и *h* > *θ*-, а о свойственной ряду языков тенденции упрощения артикуляции начальных фонем и их сочетаний. Еще Б. Я. Владимирцов указывал, что для монгольских языков, например, этот закон не обусловлен историко-лингвистически, а отражает лишь общее развитие языка в его физиологическом аспекте.⁷

⁵ Ramstedt G. J. Über die Stellung des Koreanischen. — JSFOu, 1951, Bd 55, S. 56.

⁶ Doerfer G. Zwei wichtige Probleme der Altaistik. — JSFOu, 1968, Bd 69, No. 4, S. 4—9.

⁷ Владимирцов Б. Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхасского наречия. Введение и фонетика. Л., 1929, с. 54; Щербак А. М. Об алтайской гипотезе в языкознании. — ВЯ, 1959, № 6, с. 60.

Очевидно, в каждом конкретном случае тенденция упрощения артикуляции осуществляется только на основании фонетических закономерностей определенных языков.

Исчезновение начального **p*- в названии дерева мы объясняем следующим образом. Первый компонент (-*i*-) дифтонга *-ia//iē* в *ria* ~ *riē* → *gāē* постепенно превратился в самостоятельный звук (-*j*-), который мог вытеснить предшествующий *p* > *h* (ср. аналогичное явление в чувашском, когда такой -*j*- вытеснил *h*), так как стечение двух согласных в начале тюркского слова невозможно. Затем дальнейшая фонетическая эволюция такого дифтонга не исключала возможности усиления как первого, так и второго компонента (Щербак, 167, 154), т. е. вытеснение *p* (> *h*-) новым звуком *j* сопровождалось усилением второго компонента дифтонга (-*a*-), что дало форму *ja-yaē*, где *j*- не протеза, а результат отмеченной выше эволюции. Этот *j*- сузил последующий широкий гласный, в результате чего возникли формы *jūyaē* (др.-тюрк.) // *ййгаи* (ж.-уйг.).

На основании сказанного можно предположить, что *jayaē* // *jūyaē* восходят к **ria* // **riā*, исконым значением которого было не 'растение' (ж.-уйг.), а 'дерево'. Аффикс *-yaē* в *jayaē* является отыменным и функционирует в обычном для такого вида словообразования удобительном значении.

Возможным доказательством того, что в тюркском обозначении дерева с помощью аффикса *-yaē* был в основе **p*-, является як. *mas* 'дерево', где *m*- — естественный рефлекс **p*- в тюркских языках, *s* — рефлекс конечного *-č* аффикса *-yaē*. Гласный *-a* в *mas* должен быть отнесен к аффиксу (-*y-a-č*) и к основе (ср. современное тюркское *a-yaē*). Естественно, что произошло стяжение *-aya-* > *-ā-* (например, *ayaē* > *āē*) с последующей утратой долготы. В связи с *ria* можно полагать, что *ria* = *yaē* (i > *biāš* > *biāš* > *māš*) > *mas*, так как в тюркских и других алтайских языках известны соответствия *p-//e-//m-*, переходы *č* > *s* (для якутского: *č* > *š* > *s*), *-aya-* > *-ā-* > *-a-*.⁸

Отмеченные татарские диалектные формы *агаи* — *пугаи* (*бугаи*) 'мелкие деревья', 'деревяшки', 'сучья' являются более поздними образованиями. Вероятно, основы **ria* // **riā* и *i* представляют собой две хронологические ступени развития одной лексемы: **ria* // **riā* — начальная из зафиксированных, *i* — более поздняя, развившаяся из первой отмеченным выше путем: **ria* // **riā* > (*jā* // *ja*) > (*jī* // *jī*) > (*i* // *i*). В связи с этим интересно замечание Н. Поппе о том, что чув. *jəvəz* 'дерево' ≠ орх. *i* 'дерево', 'лес'

а тюрк. *iyāē* // *ayaē* = мо. *iryai* (< **i-ryai*) 'кустар-вник' (< *φi*).⁹

Это высказывание справедливо в деталях: чув. *jəvəz* прямо не восходит к др.-тюрк. *i*, а к более ранней его форме — **ria* // **riā*. Возможно, основа мо. *i-ryai* соответствует тюрк. *i*; монгольская лексема образовалась путем присоединения к этой основе монгольского словообразовательного аффикса *-ryai* (составной: *-r-* + *-yai*); образует отыменные имена вещественного значения, — Дон., 25.

Указанные в памятниках формы без йотированного начала фиксируют отражение разных этапов эволюции перехода **p* > *θ*. Г. Рамstedт сравнивает тюрк. **ri* (> **fi* > **hi* < *i*) с т.-ма. **ria* // **riā* 'дерево', 'лес' (R. SKE, 199, 101). Последняя праформа может быть соотнесена в современных тунгусо-маньчжурских языках только с лексемой *nə*: ульч.: орх. *nə* 'береза', ма. *ф'а* 'береста', нан. *ниа* // *ниагдаи* 'береза' (ТМС, II, 36; П.). Навайские формы вышнее близки тюрк. (ж.-уйг.) *nia*. С тунгусо-маньчжурскими формами сопоставимы уральские наименования дерева: венг. *ja*, манс. — *pā* (в словосложениях), нем. *pā* // *pēā*, эвенк. *pē*, иган. *fā*, сельк. *pō* // *pu*, камас. *pā*, фин. *pū*, мар. *pu*, удм. комп. *pu*, караг. *xu*, койб. *pa*, мотор. *ha*, тайги *hā* с общеуральской праформой **purye* 'дерево' (И.-Св., I, 184). Уральские формы относят к уральскому лексическому пласту до IV — второй половины IV тыс. до н. э. (Основы, 403).

Предположительно выделенная нами выше на основании известных в литературе урало-алтайских параллелей и праформ основа *juz* // *jag* 'сосна', 'дерево', 'сосновый лес', 'лес' с последующими — тюркским словообразовательным аффиксом *-aē* и тунгусо-маньчжурским *-da* в свете всего сказанного об основе тюрк. *jūyaē* // *iyāē* ~ *jayaē* // *ayaē* может быть уточнена как утратившая при аффиксации свой конечный согласный и получившая в тунгусо-маньчжурских языках аффикс *-kta*, а в тюркских — *-yaē*. Тогда в уральских и тунгусо-маньчжурских эта основа дала обозначение сосны, дерева, соснового леса, т. е. для носителей уральских и тунгусо-маньчжурских языков сосна является одним из основных деревьев. Правда, среди исконных для уральской прародины, судя по языковым данным, сосна не указывается (Основы, 35).

С основой *jag* вышнее соотносимо др.-инд. *naḡa* 'дерево', в котором некоторые предполагают источник тюрк. *агаи* id. (Мусаев, 219). Рефлекс *j*- исконного **n*- в тюркских языках возможен, но исключают тогда отпадение конечного *-a* (*naḡ-a*). Понятной была бы при заимствовании причина тюркской аффиксации: *-aē* (отыменные имена с умельшительно-удобительным значением) или *-yaē*

⁸ В монгольских языках отмечают долгие гласные, явившиеся результатом стяжения исконых **iā* > *i'a* > *ā*, **ige* > *i'e* > *ē*, **iū* > *i'u* > *ū*, **igū* > *i'ū* > *ū*, **ayu* > *a'u* > *ū*, **egū* > *e'ū* > *ū* (Mura yama Sh. Die Entwicklung der Theorie von den Primären langen Vokalen in mongolischen. — Mongolian Studies, ed. by Ligeti L. Budapest, 1970, S. 370).

⁹ Поппе П. Н. Чувашский язык и его отношение к монгольскому и тюркским языкам. — ИРАН, 1924, т. 18, № 12—18; 1925, т. 19, № 1—5, № 9—11.

(ср. халайскую форму с долгим гласным аффикса: *aḡāč* < *aḡa-ḡač* < ? *naḡaḡač*). Может быть, древнеиндийская форма вместе с указанными уральскими и алтайскими отражает общую для ряда языковых групп основу ~ лексему для обозначения дерева и некоторых конкретных его видов, древнейших и основных для прародины носителей этих языковых групп.

Если сопоставить отмеченные лексемы с начальным *р- для уральского обозначения дерева, тунгусо-маньчжурского — березы с предполагаемой тюркской праформой названия дерева, то эта общая (или взаимозаменяемая) основа выделяется как урало-алтайская, голучившая в тюркских языках словообразовательный формант -*yač*. Основы *iux* // *jag* с утратой своего конечного согласного могли бы фиксировать следующую стадию эволюции данной общей основы в конкретных языковых группах.

Получается постратический ряд: алт. (тюрк. **ria* // **ria:yač* > *i* // *i:yač* ~ *yač* (// *ja:yač* ~ *yač*) 'дерево' ~ мо. *Y-ḡač* 'кустарник' ~ т.-ма. *nā* // *nā* ~ *nāḡdan* 'береза') ~ урал. *p'ā* // *pra* // *ra* 'дерево' < **riye* ил. [?] ~ и.-с.: др.-инд. *naḡa* 'дерево'.

Праформу **riēḡāč* 'дерево', рассматривают как композиту, состоящую из *ri* 'дерево' и *yač* в том же значении. В последнем ее элементе выделяют аффикс -*ač* и основу *ar*, соотносимую «через ступень монгольского *baḡ* 'дерево' с др.-яп. *na*⁰ 'лист'». В свете всего сказанного выше выделение *yač* и подобная его этимологизация невозможны семантически ('лист' — 'дерево') и фактически (отсутствии монгольской лексики *baḡ* 'дерево'), а также требуют серьезных фонетических обоснований в плане тюркско-японских соответствий.

В современных языках лексема *yač* часто встречается с предшествующим прилагательным или существительным, передавая названия различных растений. Среди таких наименований можно выделить несколько групп.

С помощью прилагательных цвета в качестве их первого компонента образуются в современных тюркских языках многие обозначения деревьев и кустарников (нередко они сливаются с лексемой *yač*, утратив свой конечный гласный, или утрачивается начальный гласный этой лексики, например: таг. *qaraḡač* 'карагач' > *qara aḡač*): тур. *kara yač* 'вяз' (= 'черное дерево'), аз. *qızılaḡač* 'ольха' (= 'красное дерево'), кпрг. *sarı ḡyḡač* 'барбарис' (= 'желтое дерево'). Основная масса их, как и всех тюркских обозначений с первым компонентом — прилагательным цвета, является образованием метонимического типа, когда целое называется по его части: дерево по цвету коры (вяз), древесины (ольха), цветков (барбарис) и т. п.¹¹

¹¹ К о р н и л о в Г. Е. Евразийские лексические параллели, I. Чебоксары, 1973, с. 9.

¹² А р а к и н В. Д. Сложные существительные с первым компонентом — прилагательным цвета. — Turcologica. . . , II, 1976, с. 20—26.

При сочетании *yač* с предшествующим существительным: а) *yač* маркировано аффиксом принадлежности 3-го лица единственного числа, а первый компонент обозначает тот же вид дерева, что и все словосочетание: тур. *kaḡın aḡacı* 'береза' (= 'березовое дерево'), карак. *toz* (< ир.) *aḡaḡı* 'лесница' (= 'ореховое дерево'). Эта группа часто встречается в турецком языке. Единичны случаи маркирования первого компонента аффиксом родительного падежа (алт. *tolonıy* *aḡaḡı* 'боярышник' = 'боярышниковое дерево') и немаркирования обоих компонентов (кум. *qayıñ aḡač* 'береза' = 'береза — дерево'). Як. *mas* в подобных случаях не маркируется: *persik* (< рус.) *mas* 'персиковое дерево' (= 'персик — дерево').

б) *Yač* маркировано и (редко) не маркировано, ему предшествует существительное любого значения (в данном случае передко срещение определяемого с определением в некоторых тюркских языках): таг. *sārvi* (< ар.) *aḡačı* 'акация' (= 'кшарисовое дерево'), кбалк. *şifataç* 'вяз' (= 'коза-дерево'). Эта группа более распространена, чем первая. Первым ее компонентом нередко выступают довольно ранние заимствования. Маркирование компонентов (и особенно первого) — сравнительно позднее явление. Указанные сочетания отражают особенности использования обозначаемых ими растений животными и человеком, внешний вид, строение и т. д.

Обозначение дерева сопровождало названия его конкретных видов сначала, видимо, для различения наименований плода и самого дерева, а потом — без подобного различия.

Относим рассматриваемое название дерева к древним пластам тюркской лексики в силу общего для ряда языковых групп характера его основы,

qadîñ // *qajîñ* 'береза'. В данном обозначении березы начальный согласный является примером соответствия веллярного *q- в тюркских языках. Он, как имеющий сложную (глубокозаднюю) артикуляцию, неустойчив и переходит в одних языках в заднеязычное k-, в других — в л-: алт. и др. *qayıñ*, туркм., аз. *qayıñ*, тур., кар. т. *qayıñ*, таг. и др. *qayıñ*, узб. *qayın*, уйг. *qayın*, уйг. *qayın*, Лобн *qayın*, шор. *qayın*, как. *qayın*, тув. *qayın*, як. *qayın*, чул. *qayın*, чув. *qayın* // *qayın*. Следовательно, для этой лексики можно зафиксировать изменения начального q-: q- // k- // l-.

Еще Махмуд Кашгарский приводит в XI в. это название как один из фонетических показателей для классификации тюркских языков, имея в виду соответствия интервокального гласного в нем в разных языках. Судя по приведенным выше вариантам фитонома в современных языках, это соответствия: -y- // -ö- // -m- // -z- // -p- // -θ-. Прослеживаются также изменения конечного согласного (-ñ // -n), гласных первого (-a- // -ä- // -e- // -o- // -y-) и второго (-ы- // -u- // -ü- // -ä-) слогов.

В современных языках, кроме турецкого, рассматриваемая лексема имеет одно значение — 'береза'; в турецком — еще значения

'бук', 'граб'. В туркменском *гайың* вытекает русизмом *березы* (производные от него: ар *береза* 'белая береза', *береза тоңайы* 'березовый лес'). В кумыкском, турецком и туркменском береза обозначается одной лексемой или сочетанием, состоящим из названия березы и наименования дерева с аффиксом принадлежности 3-го лица единственного числа (в кумыкском — без него): кум. *қайың ағач* (= 'береза — дерево'), тур. *кайн ағач*, туркм. *гайың-ағачы* (= 'березовое дерево'). В кумыкском зафиксирована заимствованная, очевидно, из кавказских языков лексема *мақар* 'береза', (ақ *мақар* 'белая береза').

Турецкие значения 'бук', 'граб', как и туркменский неологизм 'береза', можно объяснить тем, что для южных районов тюркоязычного мира лет и, видимо, не было естественных зарослей березы (Мусаев, 138). В памятниках фитоним зафиксирован в формах *qadîr* (МК, XI в.: ДТС, 404), *qajîr* (QB, XI в.: ДТС, 407) и только в значении — 'береза'. В последней форме он отмечен в поздних памятниках. С указанным обозначением березы соотносят тув. *хады*, туркм. *кайн*; чув. *хйра* // *хй* 'сосна' (Räs. EW, 218), а также как. *харахазы* id. (= 'черная сосна'), як. *харыйа* 'ель' (Ег., 314). Действительно, как. *хазы* соотносимо с тув. *хады*, а як. *харыйа*, как и *хара* в фитониме *харахазы*, происходят, вероятно, от основы *хара* 'черный'.

Туркм. *кайн* 'сосна' можно рассматривать как производное значение одной и той же лексики (неточно фонетически переданной М. Рясаненом) — *қайың* 'береза'. Перенос названия с березы на сосну объясним в какой-то мере тем, что сосна также имеет светлый (серый) цвет коры (у молодой сосны он красноватый) и выделяет сок (смола), а также пригодностью коры сосны, как и березы, для хозяйственных поделок. Тур. *кайн* одновременно для обозначения березы и бука, граба, тоже, очевидно, объясняется почти одинаковым — серым цветом коры (бук, граб) и также высоким качеством древесины в хозяйственном ее использовании. Причиной переноса значений могли быть уже отмечавшиеся ботанические особенности указанных южных районов.

Знаменательно, что, по данным топонимии, например, Русской равнины в историческое время, широколиственные леса занимали гораздо большую площадь ее, чем теперь, хотя и не имели здесь сплошного распространения. Бук был основной породой этих лесов и рос не только на западной границе равнины.¹² Поэтому название березы могло быть перенесено на рощий в тех же районах и в достаточном количестве бук.

В качестве монгольской параллели тюрк. *qadîr* // *qajîr* 'береза' называют *хусуу* в том же значении (Будг., II, 35), т. е. п.-мо.

¹² Любимова Е. Л. О распространении широколиственных пород на Русской равнине в историческое время (по данным топонимии). — В кн.: Исследования географии природных ресурсов животного и растительного мира. М., 1926, с. 95—99.

хусу(n), монг. *хус(ан)*, бур. *хуша(n)*, калк. *хусн* // *хусн модн* (= 'береза — дерево') 'береза'. Сравнивают эти монгольские формы и с чув. *хурдн* 'береза' (Ег., 314). Известно, что именно чувашский язык перекликается с монгольскими в явлениях ротащизма, т. е., если в чув. *хурдн*, то в монгольских должны быть формы с интервокальным *-р-*, а не *-с-*, как в *хусу(n)*. Если видеть в ротащизме—зетащизме лишь проявление соответствия *р ~ з*, компоненты которого сосуществовали одновременно, или чув. *р*, чередующиеся с тюрк. *з*, произошло из *з* в связи с ослаблением смычки согласных,¹³ то в каких-то случаях тюрк. *-з-* соответствует мо. *-р-*, а в каких-то — мо. *-з-*, но не мо. *-с-*. Тогда указанные выше монгольские параллели не могут быть приемлемыми.

Тюркское название, праформой для которого называют **kadun* (Räs. EW, 218), было заимствовано в иранские языки в форме *haday* 'береза', чаще — 'тополь',¹⁴ а также *hadanj*, и в арабский — ар. *haley* в значении 'береза' (Doerfer, III, 183). В форме *haday* оно попало в рукопись исследованного нами староузбекского перевода конца XV — начала XVI в. персидского географического сочинения «Аджайиб ал-махлуқат».¹⁵

Название *haday* для дерева со светлой корой, выделяющего целебный сок, в местности, занимаемой ныне Чистопольским районом Татарской АССР, приводится у арабского путешественника на Волгу в 921—922 гг. Ибн-Фадлана. Оно близко к указанной тюркской праформе **kadun* и к современным: тув. *хадың*, як. *хатың* 'береза' и калк. (дербетские калмыки) *хаду* 'вид дерева' (= 'береза', R. KWb, 159). В качестве монгольской праформы приводится **qudun* (Räs. EW, 218).

Тюркское обозначение березы заимствовано венгерским языком в форме *katang (katay)* 'береза' (первая фиксация в источниках — 1395 г., — MTES, I). Венгерская форма фонетически близка к иранской и приводимой у Ибн-Фадлана. Источником многих тюркских заимствований в венгерском считают болгарские тюркские языки, а взаимодействие болгар с предками венгров, живших ранее в районе Уральских гор, происходило на Северном Кавказе — между Доном и Кубанью и началось еще в V—VI вв. н. э.¹⁶

¹³ Серебрянников Б. А. Что было первичным г² или з? — СТ, 1971, № 1, с. 18. Об одновременности см., например: Кайдаров А. Уйгурско-монгольские языковые связи в области фонетики. В кн.: Исследования по уйгурскому языку, т. 2. Алма-Ата, 1970, с. 67.

¹⁴ Laufer В. Sino-Iranica. Chinese Contribution to the History of Civilization in Ancient Iran. Chicago, 1919, p. 553.

¹⁵ Дмитриева Л. В. Рукопись тюркского перевода персидского географического сочинения «Аджайиб ал-махлуқат». — В кн.: Письменные памятники Востока, 1975, М., 1979.

¹⁶ Ковалевский Н. А. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956, с. 151—154.

Венгерские этимологи относят *katay* к тюркской основе *qala-* без указания ее значения (MTES, I). Судя по технической стороне ее передачи (в конце знак =), она глагольная.

С названием березы мы не можем соотносить тюркское обозначение коры *gas* 'кора', 'кожура' (Rach., MK — XI в.: ДТС, 430) // *qaz* 'кора дерева' (MK: ДТС, 439), так как здесь соответствие *s/z*, а не *ð/z/j*. Производные от *gas*: *qasiq* 'кожа', 'кожура', 'кора' (MK: ДТС, 410) // *qasuiq* 'кора дерева' (MK: ДТС, 431) < *gas* id. + аффт. *-iq* // *-uq*, образующий отыменные имена уменьшительные и отглагольные имена процесса, орудия, объекта, результата действия. Однако наименование березы мы хотели бы соотносить с другим тюркским обозначением коры: *qadiz* 'кора дерева' (MK: ДТС, 404) // *qadiz* 'кора' (Man.: ДТС, 403) 'корича' (Rach.) < *qad* // *qaz* + аффт. *-iz*, рассматриваемый как архаичный показатель множественного числа,¹⁷ а также как непродуктивный отыменный и редко отглагольный аффтис с неясным значением (как разновидность аффт. *-duz*). Тюркский аффтис *-z* определяют как отыменный с уменьшительным значением и как адъективизирующий. Есть мнение, что тюрк. *kadiz* 'береста' — производное от **kad* 'нечто отделяемое ~ отдираемое (от дерева)' (Cl., 608). М. Ряснен в качестве параллелей к фин. *kuori*, чер. *karʒʒ* 'кора дерева', венг. *hárs* 'липа' указывает тюрк. *kāz* 'кора' (с праформой **kār*), сом. *zēr*, узб. *horakta* // *hurakta* id. (Räsänen, 29).

С другой стороны, тюрк. *qāz* (др.-уйг.) // *kās* (хак.) 'кора' относят к постратическому **kar*'ā id.: с.-х. *qr(m)* 'кора', 'корка' ~ н.-е. *ker-* 'кора', 'кожа' ~ урал. *kōre* // *kere* 'кора' ~ алт. *k'E* // *r'ā* // *Kār* 'кора' (И.-Св., I, 341—342).

В хант. *zys* 'березовая часть лука' (восходит к финно-угорскому обозначению бересты и березы) видят древний миграционный термин, который сопоставляется с арич. *kus* 'береза' и др., а также предположительно с др.-бирм. *-khok*, тибет. (s) *kog-pa* 'древесная кора'.¹⁸ Может быть, эти финно-угорские формы в какой-то мере сопоставимы с тюрк. *gas* 'кора'.

Последний согласный основы **qad* // *qaz* в тюрк. *qadiz* 'кора' дает закономерные соответствия: **-ð* < *-z* // *-j* // *-d* // *-t*, которые встречаются в тюркских фонетических вариантах названия *qadiz* 'береза'. Если отделить указанную выше основу, которую мы рассматриваем как общую для ряда языковых групп, то остается аффт. *-iz* // *-in* (тюрк.) ~ *-än* (чув.). В тюркских языках аффт. *-in* // *-iz* образует отглагольные имена со значением процесса, имени действия, однако в ранних памятниках встречаются и отыменные имена уменьшительного, интенсивного и других значений, опре-

делить которые не удается в связи с ограниченным числом отыменных образований с этим аффтисом. Редко встречается в ранних памятниках и в современных языках отыменный аффтис *-an*, где он имеет преимущественно уменьшительное значение. Отмечаются иногда и отглагольные образования с аффт. *-an*. Все сказанное дает возможность соотносить аффтисы *-iz* // *-in* и *-ay* // *-an* с единым древним аффтисом имени действия на *-j* // *-n*. Конечный веларный *-n* неустойчив в силу сложности его происхождения и, как в уральских языках, перешел в *-n*.¹⁹

В нерчинском диалекте эвенкийского языка есть лексема *кивэ* 'береза', 'береста', в остальных его диалектах и в эвенском (*кивэ*) — в значении 'береста', а в других тунгусо-маньчжурских (ороч. *каван* и др.) — 'шалаш' (ТМС, I, 391). Эта лексема, возможно, сопоставима с финно-угорскими и уральскими формами: фин. *koivu*, венг. *koiv*, чер. *kie* // *kige* и вост. *кыць* // *кыць*, перм. *кыць*, зыр. *кыдь* — все в значении 'береза' (Келлен, 16).²⁰ М. Ряснен сопоставляет фин. *koivu* 'береза' с мо. *ku-sun*, эвенк. *kiwé* id. (Räsänen, 27). Объединяет отмеченные финно-угорские и уральские формы и Б. А. Серебрянников, реконструирующий коми-зыр. *кыдь* и близкие ей формы как *ku-ʒi*, где *ku* — корень ('береза'?), а *-ʒi* — суффикс, имевший, вероятно, значение собирательной множественности. Отсюда первоначальное значение коми-зыр. *кыдь* он определяет как 'березняк'.²¹

Видно, на основании подобных сопоставлений реконструируется алтайско-уральская праформа для березы как ?**koju(a)*, а алтайская — **kib(a)*, с оговоркой о возможности уральского заимствования в алтайские языки. При этом среди алтайских форм перечисляются указанные выше тунгусо-маньчжурские и предположительно монгольские с праформой **kiʒ-sun*: н.-мо. *qusun*, монг. *xus*, бур. *xuhan*, калм. *xusm* 'береза' (И.-Св., I, 300).

Учитывая все изложенное, мы не соотносим тюрк. *qadiz* // *qajiz* 'береза' с мо. *xusu(n)* 'береза', выделяя в первом случае основу *qid* // *qaj* (тюрк.), а во втором — *xus* (мо.), — обе со значением 'кора' (так как тюрк. **kad* 'нечто отделяемое ~ отдираемое (от дерева)' = 'кора'?). Аффтисация разная: в тюркских языках аффт. *-iz* // *-n*, в монгольских *-sun*. Оба они в данном случае дают отыменные образования. Значение именно коры (бересты) березы для тюркских племен и народов выражено в пословице: башк. *кайыдиз тузын макта, илэнден узен макта* 'у березы хвали ее бересту, а у дуба — древесину', а также в следующих выражениях и обозначениях: тат. *тузга ямаган сүз*, башк. *тузга ярмаган* 'побы-

¹⁷ Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого языка. М.—Л., 1956, с. 71.

¹⁸ Иванов В. В. Связи фольклора и языков обско-угорских народов с кетским фольклором и языком. — В кн.: «Soome-ugri rahvad ja idamaad. Финно-угорские народы и Восток. Orientalistika kabinetit teaduslik konverents 12—14. XI 1975. Ettekannete teesid». Tartu, 1975, с. 33—34.

¹⁹ Серебрянников Б. А. Вероятные обоснования в компаративистике. М., 1974, с. 122—123.

²⁰ См. также: Ряснен М. Об урало-алтайском языковом родстве. — ВЯ. 1968, № 1, с. 48; Collinder W. Fennougric vocabulary. Uppsala, 1955, p. 25.

²¹ Серебрянников Б. А. Этимологические заметки. — В кн.: Этимология, 1968. М., 1974, с. 210.

лица', 'ерунда' (досл. 'точно не написанное на берете [слово]'), тат. *тузга язмаганни сойлау* 'говорить чепуху', *каен тузыннан ясалган айберлар* 'берестяные изделия', *туз чиләк* 'берестяное ведро', башк. *туз тубал* 'берестяной кузовок' (Мусаев, 170).

Чулымская форма обозначения березы с долгим гласным первого слога (*kāzū*) является, вероятно, поздней, так как, судя по показаниям других тюркских языков, письменных памятников и исходя из этимологии этого фитонима, в исконных его формах в первом слоге долготы не было.

Можно было бы считать соотносимыми п.-мо. *xusu(n)*, монг. *xus* 'береза' с п.-мо. *xusi*, монг. *xusi* 'сосна' по линии производящей основы: *xus-su(n)* и *xus-i*. Однако словари монгольских языков фиксируют фонетически близкую к отмеченной для обозначения сосны лексеме (п.-мо. *xusiyin*, монг. *xusi*, бур. *xusia*) в значении 'кедр'. Сосна же, как и ель, в монгольских языках не обозначается подобной или фонетически близкой ей лексемой.

Остаются неясными финно-угорские и монголо-тунгусо-маньчжурские соответствия для названия березы: ф.-угр. **kojw* ~ мо. **ki*, т.-ма. **kive* (Основы, 47).

В эвенк. *гуран* 'полярная береза' предполагается чувашизм *гуран* 'береза',²² что фонетически возможно. Подобное предположение ставит вопрос о чувашско-эвенкийских связях, так как монгольское посредство в данном случае, вероятно, исключается, потому что в монгольских языках бытует лексема с интервокальным *-c-* (*xuscun*, *xusc*), хотя не исключена вероятность отражения здесь каких-то диалектных монгольских форм с *-p-*, но они не прослеживаются в источниках.

На разных территориях нашей страны встречается немало географических наименований, производных от рассматриваемого обозначения березы. Так, в Новосибирской области при посещении барабинских татар мы встречали речушку Каинка (впадает в Омь) и старое название города на ней — Каинск (ныне Куйбышев), болотистая речка Каинцасе (< *каин* 'береза' + *цасе* < *саз* 'болото').

Однозначное обозначение березы в тюркском памятнике XI в. (МК: ДТС, 329) *kürt* предположительно относим к алтайскому корню **kür* с идеей коричнево-бурого цвета: шор. и др. *küräy*, казах. *küräy*, тат. *körän*, чув. *kören* // *kören*, як. *kürüy* 'коричневый', 'бурый', 'гной' < мо. *kürey* (Räs. EW, 310). В тунгусо-маньчжурских языках этой лексеме соответствует *куру(n)* 'серый' (пап.).

Позднее азербайджанское наименование березы путем словосочетания *агчааңдын* (< *агча* 'беловатый', 'светлый' + *аңдын* 'береза') перекликается с семантической моделью индоевропейских

языков для обозначения березы — 'светлое дерево' (Абаев, I, 253). Также тур., кар. кр. *акагач* 'береза' (= 'светлое дерево').

Название по цвету коры березы имеется в тунгусо-маньчжурских языках: эвенк. *чялбан* // *чялбан*, сол. *сйабя* // *чялбя*, эвен. *чялбан*, нг. *чялбан*, ороц. *чяба* // *чябба(н-)* 'береза' < *чял* 'светлый', 'пепельный', 'чалый' (< мо. *чал* id. — ТМС, II, 380—382). Лексема *чал* зафиксирована в ДТС как тюркизм по памятникам XI в. в значении 'серовато-белый', 'пепельно-белый', 'чалый'. За выделением основы остается афф. *-бан*. В тунгусо-маньчжурских языках он неясен; тюрк. *-ман* // *-бан* — старый аффикс отыменно-отглагольных образований, в первых передает угоднительно-увеличительное и уменьшительное значения, во вторых — значения орудия, режы — действующего лица, признака действия и др. Исходя из сказанного, можно видеть в данном тунгусо-маньчжурском обозначении березы общеалтайскую основу *чал* с идеей светлого цвета и тюрко-тунгусо-маньчжурский словообразовательный аффикс.

Полагают, что этот фитоним по сравнению с т.-ма. *кива* // *кйва* (см. выше) является повообразователем, вытеснившим в большей части тунгусо-маньчжурских языков лексему *кива* // *кйва* (И.-Св., I, 300).

Такая же модель в основе п.-мо. *borulžin*, монг. *боролж(ин)* 'береза (кустарниковая)', ср. бур. *боролжо* 'кустарник', 'кусты'. В основе *borulžin* лежат п.-мо. *boru* (монг. *бор*) 'серый', 'бурый' + афф. *-žin*, состоящий из афф. *-l*, предположительно относимого к тюрко-монгольским по происхождению отглагольно-именным аффиксам, в отглагольных именах означающим процесс, режы — признак действия, в отыменных — значение его неясно, и монгольского аффикса *-žin*, являющегося непродуктивным отыменным аффиксом с предметным и отвлеченным значением (R. Einf., 63).

Эта основа является общей для индоевропейских и алтайских языков с праформой **bor'a* 'бурый', 'серо-коричневый': п.-е. *bher-* 'бурый', 'коричневый' ~ алт. *bor'a* 'серый', 'бурый' с исходной семантикой — 'бурая мазь животного'. П.-е. **bherH-ǵ-* 'береза' (< **bherH-ǵ-* 'блестеть', 'белый') считается «явным повообразованием» (И.-Св., I, 183. 300). Интересно, что в индоевропейских языках только название березы является общим, остальные виды деревьев общих наименований в них не имеют.²³ Подобное характерно и для тюркских языков.

Береза явилась одним из исконных деревьев тюрко-монгольской прародины, как и прародни — уральских и индоевропейских племен и народов, широко использовавших ее в хозяйстве и в культовых

²² Корпилов Г. Е. К вопросу о сибирской прародине чувашского языка. — Сибирский тюркологический сборник, Новосибирск, 1976, с. 224.

²³ Филли Ф. П. Образование языка восточных славян. М.—Л., 1962, с. 97.

обрядах.²⁴ Поэтому тюркский фитоним стал производящим для ряда названий растений и животных, например: тат. *каен жыләге* 'земляника' (= 'березовая ягода'), алт. *кайың кат* 'костяника' (= 'береза-ягода'), чув. *хурәнцус* 'уж' (= 'береза-голова', — Мусасев, 169).

Burġaq 'горох'. Горох и нередко другие растения семейства бобовых в современных тюркских языках обозначаются лексемой *бурчақ*, варьируемой в основном по начальному (*б-||-п-||-м-*), второму (*-ч-||-у-||-с-||-г-||-ш-*) и последнему (*-ң-||-х-||-θ*) согласным, а также по линии гласных первого (*-у-||-ū-||-y-||-ы-||-ä-*) и второго (*-а-||-о-*) слогов; в некоторых уйгурских диалектах исчезает согласный *-р-*: туркм. и др. *бурчақ*, кирг. *бүрчақ*, узб. *бурчоқ*, тат. *бүрчақ*, башк. *бүрсаң*, тат. *Бараб пурчаң* || *буричаң*, пог., карак. *буршаң*, казах. *бүршаң*, кар. т. *бурчах*, ж.-уйг. *пурчаң*, уйг. Син *пучақ*, алт. *мырчаң*, тур. *barça*, чув. *пәрса*.

В памятниках данный фитоним отмечен в форме *burġaq* (ГГ — по? XI в.: ДТС, 125) в значении 'горох' и другие растения семейства бобовых. В более поздних памятниках указана лексема *borsu* 'горох' (USp., XII—XIV вв.: ДТС, 113), к которой фонетически близко ж.-уйг. *порсо* id.

В монгольских языках для обозначения гороха употребляется этот же фитоним: п.-мо. *burġau*, монг. *бурцаг*, калм. *burisny* (R. KWb, 62), по бур. *бүрсаг* 'семя', 'плод'. Для тунгусо-маньчжурских языков сол. *борчб* 'бобы' отмечен как монголизм (ТМС, I, 94).

Тюрк. *burġaq*, как и его чувашскую форму — *пәрса*, относят к глаголу *bär-* 'скручивать', 'закручивать' (Doerfer, II, 731; СЛ., 357; Ег., 149).

Интересно, что в ДТС он не указан.

Зафиксирован ностратический глагол *muri-* 'скручивать' (с развитием семантики по линиям: 'скручивать' → 'вращать', 'поворачивать' и 'скручивать' → 'изгибать', 'исправлять'). С.-х. *mr-* 'вертеть', 'скручивать', 'заворачивать', 'поворачивать' ~ урал. *murä-* 'поворачивать', 'вывихнуть' ~ драв. *muri-* 'скручивать', 'вращать', 'изгибать' ~ алт. *muri-* 'крутить', 'поворачивать', 'изгибать' (мо. **muri-*, тунг. **muri-*, кор. *muri-* id.; тюрк. **bur(a)-* 'вращать', 'сверлить' > ностр. **burä-* 'сверлить', но частично отражает и алт. **muri-* с его значениями (И.-Св., II, 74).

Мы разделяем приведенную выше этимологию: *бурчақ* 'горох' от *бур-* в значении 'вить', 'закручивать' + аффикс *-чақ*, образующий отыменно-отглагольные имена от глаголов со значением орудия, средства, результата, субъекта и признака. Есть сравнительно редко встречающийся и именно в старых памятниках отыменный аффикс *-чақ* с уменьшительным значением. Для монгольских

языков аффикс *-ġau* || *-ġaq* только отыменный, имеющий уменьшительно-ласкательное значение. Подобное положение позволяет нам видеть в монгольском фитониме тюркизм.

Чувашская (*пәрса*) и турецкая (*barça*) формы фиксируют аффикс *-ча*: тур. *-ġa*, чув. *-ġa*. Его предположительно считают генетически связанным с предшествующим аффиксом (*-ġaq*). Он образует от глагольных основ, чаще — употребленных с аффиксом возвратной формы, имена со значением орудия, приспособления. В чувашской и турецкой формах наименования аффикс *-ча* присоединяется непосредственно к основе глагола — без возвратной формы. Иногда в чувашском этот аффикс употребляется и с именами (*üñeçä* 'вязальная игла', 'спица' < *üñ* 'игла').

Мы выделили *borsu* памятников и желто-уйгурское *порсо*, как в них есть отличия от приведенных выше для этих же источников вариантов (памятники: *burġaq*, ж.-уйг. *пурчаң*): корневой гласный *-о-* вместо *-и-*, форма аффикса (*-so* || *-su* вместо *-ġa* или *-ġaq*). Знаменательно, что *borsu* имеет аналогию в желтоуйгурском языке, так как сама форма *borsu* зафиксирована в уйгурских юридических документах XII—XIV вв.

Солонская лексема *борчб* 'бобы' фонетически отлична от монгольских форм: корневой гласный *-о-* вместо *-и-*. Аффикс *-чо* (в монгольских языках есть аффикс *-ġa* для образования отглагольных имен с конкретным значением) может быть соотношен с аффиксом *-ġaq*. [Долгота в *-чб*, вероятно, отражает исчезновение конечного *-q* в *-ġaq*. Основы в сол. *борчб* и тюрк. *borsu*, ж.-уйг. *порсо*, очевидно, совпадают. В ж.-уйг. *порсо* можно было бы предполагать бурятскую форму монгольского аффикса *-ġa*.

Возможно, *borsu* || *порсо* ~ *борчо* отражают древнебулгарские фонетические формы рассматриваемого фитонима (отражены в чув. *пәрса*), переданные венграм (*borso*) и другим финно-уграм (чер. *purša*), а также (в период продвижения их на запад и юго-запад) — тюркам. Через торговые связи болгар с уйгурами указанные формы проникли к последним (см. уйгурские юридические документы XIII—XIV вв.), желтым уйгурам, а от них к солонкам.

В связи с тем что в интересующем нас названии гороха имеется общая для ряда языковых групп основа, относим его к ранним пластам тюркской лексики.

buğday 'пшеница'. Это самая ранняя хлебная культура на земле, с которой человек познакомился еще до возникновения земледелия, так как орудия ее сбора и песты для дробления зерна найдены в стоянках древнекаменного века. Обозначение пшеницы в современных тюркских языках: туркм. и др. *буғдай*, уйг. *буғу-дай*, уйг. диал. *буғдай* || *боғдай*, уйг. Лобн, Син, сал., кар. кр. *боғдай*, узб. *боғдой*, хак. *пуғдай*, алт., кирг. *бүдай*, гаг. *бб-дай*, пог. *бийдай*, казах., каракалш. *бидай*, кбалк., кар. т. г., кумык. *будай*, аз. *буғда*, сал. *porďä* || *пуғтә*, тув. *быда*. Помимо основного и исконного значения 'пшеница', в современных языках встречаются производные от него — 'крупа', 'каша', 'суп с кашей'.

²⁴ См., например: С. Н. Крашенинников в Сибиря. Неопубликованные материалы. Сост. Степанов Н. Н. М.—Л., 1966, с. 50; Потапов Л. П. Тольбери енисейских рунических надписей. — Тюркологический сборник. 1971. М., 1972, с. 153—154.

В. В. Радлов отмечает уйгурскую форму *пуктай* (РСЛ., IV, 1361), а для тур., туркм., ст.-узб. *бордай* указывает два значения — 'пшеница', 'мера' (РСЛ., IV, 1645). Последнее является производным, свидетельствующим, очевидно, о том, что пшеница являлась древнейшей основной зерновой культурой у тюрков и потому используемой в качестве меры и для других зерновых, а также иных взвешиваемых и сравниваемых реалий.

Из приведенного перечня видно, что фонетические различия для данного фитонима прослеживаются по линии изменений начального (*б-//п-*), второго (*-г-//к-//й-//θ-*) и третьего (*-θ-//м-*) согласных или изменений сочетания *-гθ-//йθ-//гм-//км-//θ-*, сохранения или отпадения конечного *-й* в лексеме, а также в связи с варьированием гласных первого (*-у-//й-//о-//θ-//ы-//а-*) и второго (*-а-//ä-//о-*) слогов.

В памятниках интересующая нас лексема отмечена в формах *buɟdaj* (ТТ, МК — XI в.: ДТС, 120; СЛ., 312) и *buɟaj* (МК: ДТС, 120) в одном значении — 'пшеница'.

В качестве соответствий приводятся монгольские и тунгусо-маньчжурские формы (последние являются, как и уйг. *буғудай* 'пшеница', монгольским заимствованием, — Räs. EW, 86): п.-мо. *buɟidai*, монг. *бүдай* 'пшеница', калм. *būd'ā* // *būd'ā* 'пшено', 'семя'; нег., орок. *буда* 'пшено', орок. *буда* 'крупа', нан. *буда* 'суп из пшеницы', ма. *буда* 'каша', ср. чж. *pūhtukui* 'рис' (ТМГ, I, 102). В древности калм. *būd'a* // *būd'ā* означало пшеницу (R. KWb, 64).

По свидетельству Махмуда Кашгарского (XI в.), в тюркских языках для обозначения пшеницы использовались три названия: *буғдай*, *тарығ*, *ашлык*. Как видно из сказанного выше, в современных языках сохранилось первое наименование, второе нашло отражение в тув. *ақтарая* 'пшеница' (= 'белое зерно'). С другой стороны, *тарығ* — старейшее тюркское обозначение проса, а *ашлык* (= 'еда', 'пища', 'кушанье') в современных языках чаще обозначает ячмень. Возможно, к XI в. пшеница была распространена у тюрков так же широко, как просо, и являлась основным видом питания. Отсюда перенос названия проса на пшеницу и обозначение лексемой со значением 'еда', 'пища', 'кушанье'.

Известно, что у болгар пшеница была самой распространенной культурой. Ее зерновки найдены в болгарских поселениях X—XIV вв.²⁵ Великая Болгария этого периода не только обеспечивала себя хлебом, но и вывозила его в другие страны. Так, арабский географ начала X в. Ибн-Русте характеризует болгар как земледельческий народ, возделывающий пшеницу, просо, ячмень. Ибн-Фадлап для X в. также отмечает обилие пшеницы, ячменя, проса у болгар. Они вели регулярную торговлю хлебом и с Русью.²⁶

²⁵ Тугапаев В. В. Состав и характеристика культурных и сорных растений болгарских полей. — В кн.: Исследования Великого города. М., 1976, с. 242.

²⁶ Хвольсон Д. А. Известия о хазарах, буртасах, булгарах, мадыарах, славянах и русах Абу-Али Ахмеда Бен-Омар ибн-Дафта. СПб., 1869,

Преимущество в земледельческом отношении болгар начала X—XIII в. перед соседними народами специалисты видят в существовании у них особых орудий глубокой вспашки.²⁷

Происхождение фитонима объясняют по-разному. Г. Рамstedt связывает это название с корнем **bug* (без указания, глагольный он или именной, и каково его значение), приводя в качестве параллелей орок. *muɟi* 'овес', 'ячмень', айп. *muɟi*, яп. *muɟi* 'ячмень', 'пшеница' и сравнивая с тюрк. *buɟsu* 'блюдо, приготовленное из пшеницы с мисдалем и соусом', *buɟsum* 'пиво' (R. Einf. 38). М. Рясняев предполагает в *buɟdaj* заимствование, источником которого является аккадское наименование одного из видов пшеницы — *bututu* > *bōdet*, связывая ее происхождение с Месопотамией (Räs. W., 198, прим. 1). А. Йоки видит в данном фитониме древний китайзм, звучавший в оригинале как *m^ooklai* ~ **m^ook-lai* и имевший значение 'пшеница'. В тюркских языках это название получило форму **buglaj*, видоизмененную затем в известную ныне *buɟdaj* (Joki, 106—108). Н. А. Сыромятников возводит яп. *muɟi* 'злак', 'зерновое' и тюрк. *buɟdaj* 'пшеница' к общей основе, представленной в японском глаголами *tuk-* 'обдирать', *mog-* 'отрывать', 'сдирать', а в тюркских лексемой *muɟ* 'потребность', 'ужда', 'тягота', 'страдание', ссылаясь на русскую модель 'страда' → 'страдание'.²⁸

Рассмотрим подробнее приведенные выше этимологии.

Если *buɟdaj* имеет в своей основе древнее аккадское заимствование, то оно, судя по исходной форме, прошло сложный путь фонетических изменений в языках-посредниках. В качестве таковых для другого древнемесопотамского заимствования в алтайских языках К. Г. Менгес предполагает индогерманские языки.²⁹

Проще было бы соотносить яп. *muɟ-*, *mog-* и тюрк. *buɟ-*, *buɟ-* с несохранившимся для одного из них предполагаемым значением 'отрывать' → 'обдирать', 'сдирать'. В ДТС зафиксировано только *buɟ-* 'стигать', 'подгибать' (МК: ДТС, 125), *buɟ-* 'душить', 'сдавливать' (МК, QВ: ДТС, 109). Известно, что семантической моделью названий злаков для многих языков является наименование вида обработки зерна → обозначение зерна.³⁰

В осетинском В. И. Абаев отмечает близкое по звучанию тюркскому фитониму слово *buɟdæg* 'открытый (о местности)', 'неогороженный', 'обнаженный' < ар. *baug-* 'распускать', бел. *bōjaq-* 'открывать' (Абаев, I, 273). Значение 'открытый' (в таком

с. 21; Ковалевский П. А. Книга Ахмеда ибн-Фадлапа, с. 136; Тагидев В. Н. История Российская, т. 1, М., 1962.

²⁷ Тугапаев В. В. Состав и характеристика культурных и сорных растений. ... с. 245.

²⁸ Сыромятников Н. А. Семантические компоненты родственных корней в японском языке. — В кн.: Проблемы семантики. М., 1974, с. 361.

²⁹ Menges K. H. Zwei alt-mesopotamische Lehnwörter im Altajischen. — UALB, 1953, XXV, № 3—4, S. 302.

³⁰ Старинин В. П. Исосемантические ряды. — В кн.: Проблемы семантики. М., 1974, с. 353.

случае *buɟaj* — иранизм) могло бы быть отнесено к обозначению пшеницы, так как особенностью ее как злака является отсутствие пленки у зерен. Однако иранская лексема *buğdæg* характеризует местность, а не растение.

В славянских языках название пшеницы восходит к глаголу со значением 'толочь', 'дробить': рус. *пшено*, *пшеница* < *пшати* 'молоть', 'толочь', 'дробить' + суффикс *-ено*, передающий в данном случае понятие 'толченное (пшено)', *пшеница* — от *пшени* + суфф. *-ица*, т. е. 'зерно, которое дает пшено — муку' (Преобр.). В семитских языках глагол со значением 'молоть' дает как производное название злака: ар. *ṭaḥana* (*ṭaḥ*) 'молоть', 'молотить' > *ḫintā* (*ḫnt*) 'пшеница'.³¹

Если вслед за Г. Рамstedтом выделить в тюрк. *buɟaj* корень *buɟ* (**bug* — по Г. Рамstedту), то остается афф. *-daj*. Известен тюрко-монгольский афф. *-tai// -dai*, образующий отыменные имена уменьшительные и сравнения. Тогда был прав Г. Рамstedт, когда не указывал при отмечаемом им корне знак = (знак глагольных корней или основы). В таком случае какое или какие именные значения должны иметь эти корни?

Такой лексемой могла быть: туркм. *buɟ* // *būɟ*, тур. *buɟu*, кирг. *buɟ* 'пар' и др. (в ДТС эта лексема не отмечена). Но семантически подобная модель (*buɟaj* < *buɟ* 'пар' + афф. *-daj* в уменьшительном или сравнительном значении) довольно условна: 'пшеница' → 'распаренная', 'паровая'. При варке всякое зерно распаривается.

Возможно, тюрко-монгольское обозначение крупы ~ каши (тюрк. *butqa*, п.-мо. *budayan* // *budaya*) связано с рассматриваемым тюрко-монгольским названием пшеницы, в котором произошла метатеза в сочетании инлаутных согласных *-ɟd- > -dɟ-// -tq-* и через конечный согласный *-j* (в письменномонгольском вместо него мог появиться *-n*). Возможность такого предположения подкрепляется тюркской формой *budaj* 'пшеница' для памятника XI в. (Mitt: ДТС, 120). Однако предположение о происхождении наименования пшеницы от названия крупы ~ каши семантически затруднительно, так как обычнее обратные модели.³²

Тюрк. *buɟaj* связывают с чув. *nāri*, тат., башк. *bārai* 'полба' (считают две последние формы заимствованными из первой, — Räs. W, 198), так как тюрк. *-ɟd-* перешло в болгарском в *-r-* через ступень *-z-* (Doerfer, II, 523),³³ и с рус. *пырей* (вид пшеницы — Räs. W, 198), ст.-слав. и др.-рус. *пыро*, лит. *пурай*, латыш. *пури*

³¹ Старлиин В. П. К вопросу о семантическом аспекте сравнительно-исторического метода (изосемантические ряды С. С. Майзеля). — СВ, 1955, № 4, с. 104.

³² Грубачев О. Н. 1) Заметки по этимологии и сравнительной грамматике. — В кн.: Этимология, 1968. М., 1971, с. 64; 2) Из истории названий каш в славянских языках. — Slavica, 1960, v. XXX, с. 8.

³³ См. также: Doerfer G. Gedanken zur Gestellung eines idealen Türkischen Etymologischen Wörterbuch. — OL, 1971, LXVI, No. — 9/10, столб. 453—454.

'озпная пшеница' и даже ар. *buɟ* 'пшеница' (Ег., 148). Для перехода *-ɟd- > -r-* Г. Дёрфер приводит следующие ступени и хронологию (Doerfer, II, 523): *-ɟd-* (до XIII в.) > *-z-* (XIII в.) > *-r-* (XIV в.), что не совсем согласуется с показаниями славянских языков, позволяющими говорить о более раннем появлении *-r-*.³⁴

Хотя принято, что рус. *пырей* и другие славянские формы этого обозначения восходят к старому индоевропейскому названию пшеницы, В. А. Меркулова предлагает убедительную этимологию: *пырей* или **pyrjъ* по форме является прилагательным от существительного **pyro* 'пшеница' или вид ее. Последнее название некогда бытовало в восточно- и западнославянских языках и было утрачено.

Возможно, **pyro* связано с болгарскими формами, близкими по звучанию, давшими чув. *nāri* и отмеченные выше — татарскую и башкирскую формы. Если тюрк. *-ɟd- > булг. -r-*, то, вероятно, тюрк. *buɟaj* связано с рус. *пырей*, чув. *nāri* и утраченным старым вост.-сл. и зап.-сл. **pyro*. Рус. *пырей*, помимо уже отмеченных — литовской и латышской форм (см. выше), соответствует гр. *πυρός* 'пшеница', серб. *nj̄r*, словен. *pīr* // *pīra* 'полба', др.-прусс. *pure* 'костер' (раст.), англосакс. *furs* 'пырей' (Меркулова, 125; Ег., 148). Эти параллели давали возможность предполагать и индоевропейское происхождение наименования **pyro* как вида пшеницы.

Исследованиями палеоботаников и археологов установлено, что пшеница уже возделывалась в Ираке 6,5 тыс. лет назад, в Древнем Египте — 5—6 тыс. лет. Китае — около 5 тыс. лет, в нашей стране на землях современной Туркмении — 5—4 тыс. лет до н. э. Родиной пшеницы полагают Переднюю Азию и соседние с ней районы. Древнейшим видом пшеницы, широко распространенным во многих из указанных районов, была полба.³⁵

Подобные обстоятельства позволяют предполагать в *buɟaj* общее для ряда языковых групп наименование или основу, находимую в указанных индоевропейских наименованиях, славянском **pyro* (или фонетически близком ему), семитских (ар. *buɟ*), а также в болгарских обозначениях полбы (см. выше) и, возможно, даже в китайских (~ японских) формах, отмеченных А. Йокп. Восточное же китайское происхождение наименования в свете указанных выше историко-ботанических данных невозможно. Эта общность данного фитонима или лежащей в нем основы для ряда языковых групп позволяет относить его к древним пластам тюркской лексики.

Вероятно, в связи со сказанным выше для тюркских языков был характерен не только переход *-ɟd- > -r-*, но и наоборот (через

³⁴ Добродомов И. Г. Отражение двух разновидностей ротацизма в болгарских заимствованных славянских языков. — ВЯ, 1974, № 4, с. 113.

³⁵ Бахтеев Ф. Х. Очерки по истории и географии важнейших культурных растений. М., 1960, с. 31—36.

болгарское посредство), так как большая часть языковых групп для рассматриваемой лексики (~ основы) фиксирует *-r-*, а не *-rd-*.

В сочетании с прилагательным *қара* 'черный' лексема *буғдай* образуется в тюркских языках названиями других растений: тур. *кара буғдай*, туркх. *гара буғдай* и т. д. 'гречиха' (= 'черная пшеница'); кирг. *қара бұдай*, кбалк. *қара будай* и др. 'рожь', ср. монг. *хара буғдай* 'рожь'. Употребление лексики *буғдай* с аффикс. *-ық* (образует отыменные имена уменьшительные) дает наименование сорняков: карак. *бұдайық*, кирг. *бұдайық*, казах. *бұйдайық*, узб. *буғдойиқ* 'пырей'.

butaq 'ветвь'. Обозначение ветви в современных тюркских языках варьируется в связи с изменением начального (*b-||n-||m-*), второго (*-m-||-d-*) и последнего (*-k-||-k-||-r-*) согласных лексем, гласных первого (*-y-||-o-||-ы-*) и второго (*-a-||-o-||-y-*) слогов: кирг. и др. *бутақ*, узб. *бутоқ*, башк. тат. Бараб *ботақ*, тур. *budak*, гат. *будаг*, тув. *будуқ*, як. *бутук* || *мутук*, тат. Бараб *бытақ* || *путақ* || *потақ*, алт. Туба *быдақ*, тат. Том, уйг. *путақ*, алт., туркм. *пудақ*, чул. диал. *пудақ* || *путақ* 'ветвь', 'сук', 'побег'. Зафиксирована турецкая диалектная форма *буғдақ* в значении — 'узлы', 'сучья' (РСл., IV, 1808).

В памятниках данное слово отмечено в формах *butaq* (МК, XI в.) и *butiq* (ГТ; МК, QВ — XI в., Сув. — X в.: ДТС, 129) в значении 'ветвь', 'ветка', 'побег'; в парном сочетании — *butaq ёйбiq* 'ветки', 'ветви' (Тiш., по ? XI в.: ДТС, 129; *ёйбiq* 'прут', 'топкая гибкая ветвь' — МК, Сув.; 'стебель' — Уиг., по ? XI в.: ДТС, 147); также производные от обозначения ветви глаголы *butaqlan-* 'дускать ветви ~ побег', 'ветвиться', 'разветвляться' (МК: ДТС, 129) и *butiqlan-* 'ветвиться', 'разветвляться' (МК: ДТС, 130).

Рассматриваемое обозначение ветви производят от глагола *buta- || buti-* (др.-тюрк. — МК, XI в.: ДТС, 129) 'обрезать ветви', 'удалять сучья' + аффикс. *-қ* (РСл., IV, 1382; Räs. EW, 90; Сл., 301 и др.). Этот глагол имеется во многих тюркских языках: туркм. *пўда-*, тур., аз. *буда-*, казах. и др. *бута-*, пог. *быта-*, карак. *пута-*, ж.-уйг. *пуге-*, алт. *буда-*, як. *мута-*. Вероятно, он происходит от тюрк. *but* 'бедро' (МК, XI в.), 'нога' (ГТ; МК — XI в.), 'основа', 'основание' (QВ, XI в.: ДТС, 129), где первые два значения исходные, основные. В производных от *but* формах сохранилось значение 'нога': *butla-* 'ударять по ноге' (МК), *butliу* 'имеющий ноги' (Chuast. — V—VII вв., МК; USp. — XII—XIV вв.: ДТС, 130). Из данных производных видно, что 'нога' — очень древнее значение лексики *but* и распространенное, отмеченное, как и сама лексема *but*, уже не позже V—VII вв. (Chuast.). В ряде тюркских языков она имеет значения 'бедро', 'пах', 'нога', 'задние ноги животного' (РСл., IV), а также — 'голень', 'ляжка'. Лексема *but* является общей для ряда языковых групп: с.-х. *рлhd* || *рлhd* || *лрд* 'бедро' ~ н.-е. *bhe(dh)* — 'бедро' ~ урал. *ро́йка* 'бедро', 'пкра', 'мяснстое утолщение'; алтайские формы представ-

лены тюрк. **püt* 'бедро' → 'нога' (П.-Св., II, 102). Из этих параллелей можно предполагать, что исходным значением было, по-видимому, 'бедро', а 'нога' — производное от него.

Использование названий конечностей человека и животного для обозначения частей растений (непосредственно и с помощью словообразовательных формантов) известно в ряде языков мира, в том числе и в других алтайских: монг. *ашуун* 'ветвь', ср. *гэшүүн* 'член (тела)', эвенк. *гара* 'сук', 'ветвь (сухая)', ма. *гарга* || *гарган* 'ветвь', 'сук', 'конечность (рука, нога)', 'рукав реки', 'приток' и др. Глагол *buta- || buti-* образуется посредством хорошо известных для тюркских языков — с их ранних памятников до современных — отыменных глаголообразующих аффиксов *-a-*, *-i-*.

Отмечая сомнение Ж. Дени³⁶ в том, что тур. *budak* 'ветвь' новее глагола *tuda-* 'подрезать ветви' как его производное, Э. В. Севортян справедливо предполагает возможность в виде исключения из преобладающего глагольного словообразования с аффиксом *-ay-||-aq* для данного случая отыменного словообразования с уменьшительным значением этого аффикса: *butaq* 'ветвь' < *but* + аффикс. *-aq*, где *but*, видимо, 'нога', 'конечность' (Сев. Афф. им., 211).³⁷ Но в другом месте он указывает, что *budaг* 'ветвь' < *buda-* 'обрезать ветви' (Сев. Афф. им., 207).

Казах. *бутақша*, карак. *путақша* 'ветвь', 'побег' восходит к *бутақ* в том же значении + аффикс. *-ша* (< *-ча*), образующий отыменные имена уменьшительные. Известны другие обозначения ветви от основы *buda- || buta-*: тур. *будажық* < *buda-* + аффикс. *-чық* (отглагольное имя), тел. *пудагаи* > *puda-* + аффикс. *-гаи* (отглагольное имя орудия, признака, процесса действия).

О широком употреблении лексики *butaq* свидетельствуют народные пословицы и поговорки: тат. *начар агач ботакка үсә* 'плохое дерево растет в сук', башк. *алама аяста ботак йыуан була* 'у плохого дерева сук толстый'; тат. *күңел күзе күрмәсә, маңгай күзә ботак тишеге* 'если не видят глаза дупли, то глаза на лбу видят не больше, чем дыра от сучков' (Мусаев, 222).

Так как в интересующей нас лексеме лежит общая для ряда языковых групп древняя именная основа, хотя и получившая в тюркских языках путем двойной аффиксации отыменное глагольное, а затем отглагольное именные образования, она может быть отнесена к древним пластам тюркской лексики.

jalbırҗақ || *јапрақ* 'листь'. В современных тюркских языках для обозначения листа дерева служит уйг. *йапурмақ*, пог. *йапырақ*, карак. *жапырақ*, кирг. *жапырақ*, казах. *жалбырақ* || *жапырақ*, алт. *далбырақ*, башк. и др. *йапрақ*, тур., кар. г. *йапрак*, кар. т. *йапрак*, узб. *йапроқ*, тат. *йафрақ*, кбалк. *чапрақ*, аз.

³⁶ Deny J. Grammaire de la langue turque (dialect osmanli). Paris, 1920, § 861.

³⁷ Также этимологизирует Неханов Ф. Г. (В кн.: Исследования по грамматике тюркских языков, т. IV. М., 1962, с. 451).

йарнаг, як. *сәбирдәх*, чув. *сула* // *сәвәлма*. Зафиксированы также формы: тур. *япиргак* (РСл., III, 263), уйг. *Тар јоһурмақ* (РСл., III, 444). Значение всюду — 'лист', 'лепесток'. Из данного перечня очевидно, что прослеживаются изменения: начального (*й-||-ж-||-з-||-ч-||-д-||-с-||-ц-*), второго (*-л-||-θ-*), третьего (*-н-||-б-||-ф-*), четвертого (*-р-||-θ-*), пятого (*-м-||-θ-*, *-д-*) и последнего (*-к-||-н-||-р-||-х-*) согласных, а также гласных первого (*-а-||-ä-||-о-*), второго (*-у-||-ы-||-и-||-θ-*), третьего (*-а-||-ä-*) слогов лексемы.

В памятниках зафиксированы формы: *jalbiryaq* (Тис. — по? IX в. USp. — XII в.: ДТС, 228), *јарууақ* (МК, XI в.: ДТС, 237), *јаріуақ* (Суv., X в.: ДТС, 236) — все также в значении 'лист', 'лепесток'. Источники отмечают лексемы: *jalbi* 'плоский' (МК: ДТС, 228), *јарі* 'ровный' (МК: ДТС, 236), *јарир-* 'делать гладким', 'выравнивать' (МК: ДТС, 236).

Формы с пиллаутными *-lbr-||-lbyr* относят к глаголу *jalbra-* (тел.) // *jalbra-* (шор.) 'дрожать', 'трепетать (на ветру)', включая сюда же *jalby-* 'обмахивать' (Räs. EW, 188). Указанные чувашские формы объединяют не только с тюркскими, но и с мо. *набчи* 'лист' (Ег., 217).

По отмеченным в ДТС для названия листа источникам трудно заключить, какие из форм этого наименования более ранние: самый ранний из указанных в ДТС памятников — X в. содержит менее сложную фонетически форму *јаріуақ*, а самый поздний — XII—XIII вв. с формой фонетически более сложной — *jalbiryaq*. Если обе эти формы относятся к одной лексеме, то вряд ли последняя форма моложе первой, в лучшем случае они почти одновременно с несколько более ранним происхождением фонетически усложненной формы. Вероятно, тогда хронологически старшие памятники не заключали упоминания листа, тем более что семантически *jalbiryaq* соотносимо с *jalbi* 'плоский', а *јаріуақ* — с *јарі* 'ровный' или *јарир-* // *јарір-* 'делать гладким', 'выравнивать'.

Словообразование для *jalbiryaq* объясняется в таком случае следующим образом: *jalbi* 'плоский' + афф. *-r*, образующий отыменные глаголы (нередко от имен прилагательных) + афф. *-yaq*, образующий отглагольные (редко — отыменные) прилагательные. Словообразование для *јаріуақ* // *јарууақ*: *јарі-* // *јарир-* 'делать гладким', 'выравнивать' + тот же афф. *-yaq*.

Одни тюркологи производят рассматриваемое обозначение листа от глагола *jalbyr(a)-* 'трепетать', 'дрожать (на ветру)' + афф. *-yaq* (РСл., III, 189) или афф. *-g||-k* (аз. *јарнаг*, тур. *уарірак*, — Сев., Афф. им., 207, 315), другие — от глагола *йаб-* 'закрывать' и производного от него *джабылдыр-* 'сделать тень', 'закрывать' (Хаб., 80, 196).

В ДТС глагол *jalbyr(a)-* не отмечен, а глагол *jalby-* 'обмахивать' встречается в памятниках и современных языках только с мягкими гласными: др.-тюрк. *јелр-||-јилби-* 'обмахиваться' (Суv., X в.: ДТС, 254), алт. *йелби-*, кирг. *желти-*, тат. *жилпе-*, хак. *челбе-*, тув. *челби-*, як. *сипний-* 'обмахивать'. Он имеет мон-

гольские (*jalbaj-* // *daibaj-*) и корейские (*jalpta* // *jaltta*) параллели с тем же значением (R. SKE, 75).

Нам кажется, что этот глагол и редкий в тюркских языках глагол *jalbyr(a)-* не могут лежать в основе данного наименования листа.

Историческая и фонетическая соотносимость его с отмеченными выше лексемами *jalbi* и *јарі-* // *јарур-*, имеющими близкую семантику ('плоский' и 'гладкий' → 'делать гладким', 'выравнивать'), позволяют с должной обоснованностью говорить о том, что обозначения листа в тюркских языках связаны с семантикой 'плоский' и 'гладкий', а не 'трепетущий', 'дрожащий (от ветра)' и 'обмахивающий'. Так, Н. Поппе относит обозначение листа к *јар-* // *јалр-*, возводимым им к общеалтайскому **nae-* 'быть плоским' + афф. *-ir* (побудительная форма) + афф. *-aq* (P. Vergl., 37, 44). К этому следует добавить п.-е. **lep-* // **lor-* // **larp-* 'быть плоским', лежащее в основе рус. *лопух* (Меркулова, 33), а также постратическое *lara* 'плоский': с.-х. *lp-* 'плоский', 'ладонь' ~ п.-е. *lep-* 'ладонь', 'лапа' ~ урал. *lappa* // *lara* 'плоский', 'лапа', 'лопатка' ~ алт. *lara-* 'плоский', 'лист'. В последнем случае отмечаются тюрк. **јару* 'плоский', давнее **јару-р-уак* 'лист'; мо. **lap-ti* > **lab-ti(n)* // *nab-ti(n)* 'лист'; т.-ма. **lap(a)* — 'плоский': звенк. диал. *lap-ta-кта* 'гладкий', 'плоский', 'ровный' (И.-Св., II, 23).

Возражая Н. Поппе, Г. Дёрфер указывает на исходность формы с *йалбы-* // *йалпы-* и производность от нее *йап-* и приписывает *йалбы-* // *йалпы* значение 'обмахиваться', 'обмахивать', а не действительное значение (см. выше).³⁸

В памятниках зафиксирован глагол *јар-* в значениях 'покрывать', 'закрывать' (МК, QV — XI в.: ДТС, 235). Глагол *јар-* // *јалр-* 'быть плоским' и форма *јаррақ* для названия листа в этих памятниках не указаны. Последняя лексема встречается в более поздних из них и во многих современных языках. Семантически и исторически вряд ли возможно, чтобы *јаррақ* восходил к *јар-* 'покрывать', 'закрывать'. Фонетическая близость *jalbiryaq* и *јаррақ* позволяет принять и для *јаррақ* производность от *jalbi* 'плоский' через ряд промежуточных форм, первой из которых была, вероятно, *jalbiryaq*.

Тюрк. *jalbi* 'плоский' закономерно могло дать глагол *jalbir-* 'делать плоским' > *jalbiryaq* 'лист'. Фонетически возможно соотношение *jalbir-* с *јарі-* // *јарур-*, но семантика первого глагола — 'делать плоским', а второго — 'делать гладким'. Возможно, в интерпретации показаний памятника (МК: ДТС, 237) ошибка: вместо 'делать гладким' должно быть 'делать плоским'. Тогда становится понятным и закономерным ряд фонетических соответствий: *jalbi* > *jalbir-* (> *jalbiryaq*) > *јарі-* // *јарур* (> *јарууақ* >

³⁸ Дёрфер Г. Можно ли проблему родства алтайских языков решать с позиций индоевропеистики? — ВЯ, 1972, № 3, с. 58.

jarpaq). Есть предположение, что в основе названия листа лежит звукоподражание, так как сочетания *бр. фр* «папоминают дрожание, шелест листьев», что характерно и для других языковых групп, например: ар. *варак*, гр. *фурдел // фордол* 'лист' и др. (Мусаев, 214). Данное замечание не лишено, очевидно, оснований для отмеченных в нем языков. Разобранные выше нами материалы подтверждают, однако, другую модель в обозначении листа дерева ~ растения для ряда языковых групп: 'лист' → 'нечто плоское'. Фонетически входящие в эти языковые группы названия листа в какой-то мере также папоминают дрожание, шелест листьев (сочетания *аб//ап ~ пр*).

Рассматриваемая лексема входит в качестве второго компонента в обозначения ряда растений, когда первым является существительное, числительное и т. д. (в первом случае возможно маркирование второго компонента аффиксом принадлежности 3-го лица единственного числа): узб. *туйайанпроқ* 'ревень' (= 'верблюд — лист'), казах. *түйе жапырақ* 'лопух', башк. *йул йапрағы* 'подорожник' (= 'дорожный лист'), тат. *өч йафрақ* 'клевер' (= 'три листа').

Ностратический характер основы наименования листа указывает на принадлежность ее и, следовательно, образованного ею названия, к древней тюркской лексике.

В тюркских языках заимствования проникали в разные хронологические периоды. Поздние из них выявляются сравнительно легко в связи с ограниченной сферой распространения, а ранние охватывают большинство данных языков. Однако среди большого количества заимствований очень мало общих.

Для определения заимствований важными показателями являются их морфологический состав и семантика. Условием заимствования служат контакты племен и народов, при которых заимствуется прежде всего отсутствующее в заимствующем языке обозначение того или иного растения (часто заимствуется вместе с самим растением), а также еще одно (иноязычное) название растения, имеющего и свое, исконное наименование, что характерно в условиях двуязычия для районов со смешанным населением.

Для тюркских языков контакты прослеживаются на протяжении всей их истории: в древности и средневековье — тюрко-монгольские, тюрко-финно-угорские и тюрко-уральские, тюрко-китайские, тюрко-древнеиранские (затем тюрко-иранские), тюрко-русские и тюрко-славянские, тюрко-арабские, турецко-греческие, турецко-армянские.

Заимствования нами объединяются в группы по языкам-источникам, при анализе же конкретных лексем отмечаются также языки-посредники. Внутри языковых групп для большей наглядности и удобства сравнения с предшествующим рассмотрением исконной растительной лексики заимствования классифицируются по ботаническим группам.

Так, например, в общетюркской фитонимии, кроме явного китайзма в основе обозначения лука, заимствованиями нами определены условно лексемы, являющиеся общими или имеющие общность для ряда языковых групп основы. Они сгруппированы по предполагаемым языкам-источникам (санскритизмы и другие древнеиндийские, иранизмы), закрепленным за ними в научной литературе, где вопрос о предполагаемом общем характере данных лексем еще не поднимался. Есть и впервые относимое нами к заимствованиям или к общим для двух языковых групп наименованиям, до сих пор считавшееся тюркизмом (для проса).

Санскритизмы и другие древнеиндийские заимствования проникали в тюркские языки непосредственно из древних иранских и монгольских языков, или через них и обозначают фруктовые деревья и их плоды, некоторые злаки.

Растительная лексика из санскрита переходила в монгольские языки, вероятно, из других древнеиндийских, в основном через тибетский язык путем непосредственного общения монгольских народов с тибетскими, так как, например, санскритизмы, поступавшие в письменный монгольский через буддийскую литературу, вряд ли могли отражать бытовую растительную лексику.

алма 'яблоко'. Так как в тюркских языках обозначение яблока составное (*алма ауақ* — 'яблоко — дерево'), второй компонент которого уже рассмотрен выше, то ниже анализируется его первый компонент, являющийся обозначением яблока. Данное наименование в современных языках варьируется за счет изменений в основном начальном гласном (*a//e//o//y*): хал. *almila* (< **almīlā*, — D. Kh., 290), аз. и др. *алма*, тур. *elma*, узб. *olma*, чув. *улма*, уйг. *а(л)ма*, чув. диал. *палми* 'яблоко'. Помимо общераспространенного значения 'яблоко', в турецком, кумыкском, карачаево-балкарском есть второе значение — 'яблоня', перенесенное с плода на дерево. В некоторых татарских диалектах означает также 'картофель'.

Сал. *алма* (есть еще форма *алма*) 'яблоко' является монголизмом (Сев., 132), так как в монгольских языках яблоко обозначается: и.-мо. *alima(n)*, монг. *алим*, бур. *альма*, калм. *almu*. Сол. *алим* 'яблоко' (ТМС, I, 33) относят к монголизмам.

В памятниках фитоним отмечен в формах: *алма* (МК, XI в.: ДТС, 36), *alimla // almila* (МК: ДТС, 36) в одном значении — 'яблоко'. Указанные тюркские и монгольские лексемы производят от скр. *alma // amla* 'кислый', 'уксус', 'лимон'³⁹ или определяют как индоевропейское заимствование (Сл., 45).

Подробно рассматривает данный фитоним А. Йоки. Он считает, что праформой его является **amilan* (< **amalo-* -n), представляющее собой общекультурное слово, которое возникло в районах Гиндукуша—Таджикистана, откуда перешло к монго-

³⁹ Мункачи Б. — В кн.: Keleti Szemle. VI. Budapest, 1905, с. 376. См. также: Ер., 273.

лам, тюркам, славянам и т. д. Его тюркская праформа **amīlan* // *amalan* > **aliman* // **alaman* > мо. **алима*.⁴⁰ Старейшей тюркской формой, зафиксированной памятниками, считается *al-mila* (МК, XI в.: ДТС, 35). (Сев., 138),⁴¹ хотя хронологически одновременно с ней там же отмечен вариант *alma*. К монголам фитоним прошёл в форме *aliman*, или близкой к ней, непосредственно из языка-источника или через тюрков.

Вполне вероятно, что название яблока представляет собой не просто древний санскритизм, а общее для ряда языковых групп обозначение. В первом и втором случаях отнесение его к древним пластам тюркской лексики вероятно.

К той же основе, что и наименование яблока, восходит, по нашему мнению, название лимона, попавшее довольно поздно в ряд тюркских языков, очевидно, из русского (в турецкий — из греческого или итальянского), куда проникло из греческого (< ит. < ар.-пр., — Фасмер, II, 497): аз. и др. *лимон*, чув. *лимун*; бур., калм., эвенк., эвен., нар. *лимон* (< рус.). Иллюстрацией сказанного нами выше о происхождении названия лимона служит зафиксированное в литературе мнение о том, что тур. *limun*, тат. *лимун*, аз. диал. *lātih* 'лимон' является заимствованием из древнеиндийских языков через посредство арабского и иранских языков (Räs. EW, 317).

К. М. Мусаев справедливо полагает, что употребление рассматриваемого наименования яблока в тюркских пословицах и поговорках свидетельствует о «древнем и широком знакомстве тюркских народов с яблоной и яблоком»: карак. *алма касында аузыңды жап* 'на чужой каравай рот не разевай' (букв. 'около яблока закрывай свой рот'), башк. *алма беи, аузыма төи* // тат. *алма пеш, авызыма тош* // казах. *алма піс, аузыма тіје* // узб. *алма пии, оғзимга туи* // туркм. *алма биш, агыма джи* 'ждать, чтобы жареные голуби в рот залетели' (букв. 'созревай, яблоко, и падай ко мне в рот', — Мусаев, 207).

tarīy 'просо'. В современных языках это название варьируется по линии изменения начального (*m* // *θ*-), интервокального (*-p* // *-θ*-) и конечного согласного (*-r* // *-ṛ* // *-k* // *-θ*), гласного первого (*-a* // *-e* // *-ai*-) и второго (*-y* // *-u* // *-ṽ* // *-θ*) слогов: туркм. и др. *тары*, узб. *тариқ*, уйг. *терик*, уйг. Лобн *тайық* // *тайқ*, тат. Сиб *тарық*, башк. и др. *тары*, кум. *тары*, тур. и др. *дары*, кирг. *тары*.

В памятниках оно зафиксировано в форме *tarīy* со значениями 'просо' (МК, XI в.), 'зерно', 'злак', 'хлеб' (ThS, МК), 'земледелец', 'землепашество' (QB, XI в.: ДТС, 537). Первое значение является исконым и основным, а остальные — производными. Фитоним относят к глаголу *tari-* 'сажать', 'сеять', 'воз-

делывать землю' (Räs. EW, 463; Cl., 537; Eg., 268), который в разных тюркских языках имеет варианты: памятники (Юг., XIII в.; QB, XI в.: ДТС, 537) и большинство современных языков *tari-*, уйг. *тары-*, уйг. Лобн *tau-//mai-//mai-*. Параллели этому глаголу есть в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках: п.-мо., монг., бур. *tari-* ~ эвек., улч., нар., ма. *тары-*, уд. *тали-* id. Тунгусо-маньчжурские формы отмечаются как заимствования из монгольских языков (TMS, II, 168).

Словообразование объясняется в таком случае следующим образом: *tarīy* < *tari-* 'сеять' + афф. *-iy*, образующий отглагольные имена признака, результата, посетителя процесса действия, а также отыменные уменьшительные.

Для тув. *тарā*, алт. *тарāн*, тат. Бараб *таран* 'тросо', являющихся заимствованием монгольского *tarijan* 'зерно', характерен и монгольский словообразовательный афф. *-ān* // *-an*, восходящий к афф. *-yan* (образует отглагольные имена отвлеченного значения).

В указанной этимологии можно было бы видеть свидетельство того, что возделывание хлебных злаков тюрки начали с проса (Eg., 87), что подтверждается показаниями письменных источников, археологическими материалами. Однако следует вспомнить, что в древнеиндийских языках был фитоним *dārvā* 'просо', к которому восходят голл. *tarwe* 'пшеница', англосакс. *tare* 'вика', 'плевел' и др. Все эти названия происходят от п.-в. *der-* 'сдирать (шкуру)' (Рок., 206—209). По исследованиям палеоботаников центром происхождения известных на территории нашей страны видов проса является Восточная Азия, откуда они распространились на запад через Монголию, Сибирь, Среднюю Азию, Малую Азию и Европу.⁴²

Отсюда возможно предположение о происхождении основы *dar* // *tar* в тюрк. *tarīy*, как и в отмеченных монгольских формах, от др.-инд. *dārvā* 'просо' или же, что эта основа является общей для ряда языков (алтайские, индоевропейские), хотя охват только двух языковых групп в большей мере свидетельствует о заимствовании. Такое предположение не противоречит отмеченному указанию источников на автохтонное развитие земледелия у тюрков.

От основы *tar* в тюркских языках мог образоваться глагол *tari-* (*tar* + афф. *-i*), а в монгольских и тунгусо-маньчжурских — *tari-* с отмеченными выше значениями. Основа *tar* (или *tar-i*) могла дать и другие наименования растений: башк. *тарма*, башк. диал. *дарма* 'конопля' (< *тары* + афф. *-ма*). Афф. *-ма* образует отглагольные имена процесса, результата, орудия действия, прилагательные. Судя по материалам, встречаются единичные случаи отыменного употребления данного аффикса, например тат. *қарама* 'вяз' < *қара* 'черный', 'темный'.

Производные от рассматриваемого фитонима названия растений образуются и с помощью предшествующего ему существитель-

⁴⁰ Joki A. M. Der wandernde Apfel. — Sto, XXVIII, No. 12. Helsinki, 1964, S. 18—19.

⁴¹ См. также: Brockelmann C. Osttürkische Grammatik der islamischen Literatursprachen Mittelasiens. Leiden, 1954, S. 87, § 18.

⁴² Бахтеев Ф. Х. Очерки по истории и географии... с. 98.

ного разного значения, прилагательных цвета (данный фитоним получает в первом случае аффикс принадлежности 3-го лица единственного числа): тур. *arınavut darısı* 'гречиха' (= 'албанское просо'), тув. *am tarǰızy* 'овес' (= 'конское просо'), *kök tara* 'рожь' (= 'темное просо'). Обозначение сорняков среди злаков передается словосочетанием рассматриваемый фитоним—последующее название травы, оформленное аффиксом принадлежности: таг. диал. *taryı ıyты* 'пырей' (= 'просьяная трава').

В монгольских языках указательная основа через глагол *tari-* дала наименование зерна (*tarijan*). В тунгусо-маньчжурских языках, ни образованный от нес глагол в своих производных не имеют обозначений растений и конкретно — проса.

Общая для двух языковых групп основа (возможно, древнейшее заимствование в алтайских или тюрко-монгольских > т.-ма.) позволяет относить фитоним *tariy* 'просо' к древним пластам тюркской лексики.

Иранизмы — самая многочисленная и хронологически разновременная группа заимствований (от древних до новых) в тюркской фитонимии, явившаяся в свою очередь источником их передачи в другие алтайские языки: обозначения деревьев (особенно плодовых) и кустарников, овощных травянистых растений, общие названия растений и их частей.

Среди иранизмов есть наименования, прошедшие через арабский или реже другие языки и потому освещаемые в ряде работ как заимствования из арабского или других языков, а не из иранских.

Контакты тюрков, а через них и других алтайских племен и народов (монголы, а от них — тунгусо-маньчжуры) с иранскими племенами и народами очень длительные, разнообразные, непосредственные и опосредованные: от древних иранских племен — скифов, сарматов, алапов и т. д. до современных таджиков, осетин, иранцев, афганцев и др.

Поэтому среди иранизмов имеются очень древние и новые заимствования. Выделение первых затруднительно, ибо они в ряде случаев воспринимаются уже как свои — тюркские наименования (*arpa*, *arıntı* и др.). Большая распространенность в тюркских и нередко в монгольских языках свидетельствует о сравнительной древности заимствованного иранизма. Для поздних иранизмов, как и для всех подобных заимствований, характерна локальная узость распространения (встречаются лишь в некоторых или отдельных тюркских языках). Иранизмы восприняты тюркскими языками в своей словообразовательной форме (лишь иногда они получают тюркские словообразовательные аффиксы), сохраняют обычно свою семантику, порой расширяя ее.

а р р а 'я ч м е н ь'. Обозначение ячменя в современных языках варьирует в связи с изменениями начального гласного (*a-//y-*) и второго согласного (*-n-//-b-//-f-*): туркм. и др. *арпа*, уйг. *а(р)па*, уйг. Син и др. *арпа* // *ана*, уйг. Лоби *айпа*, алт., хак. *арба*, сал.,

туркм. диал. *арфа*, чув. *урпа*; наряду с основным значением 'ячмень' зафиксированы в хакасском — 'жареный ячмень', татарском, башкирском — 'ячмень на глазу', кумыкском — 'золотая бусина'.

В памятниках отмечены формы *arpa* (МК, QB — XI в.: ДТС, 53) и *арпа* 'ячмень' (СЛ, 200; до XIII в.), производные: *арпауап* 'растение, похожее на ячмень' (МК), *арпала-* 'кормить ячменем', 'задавать ячменя' (МК), *арпалан-* 'получать ячмень' (МК: ДТС, 53). Турецкие производные: *арпала-* 'объесться ячменем (о лошадях)', *арпажы* 'торговля ячменем', 'хлебный амбар', 'гадающий по ячменным зернам' (РСЛ, I, 334); *арпажык* 'ячмень (на глазу)', 'цель на стволе ружья', в караимском *арпажык* означает 'молодые луковины, употребляемые для посева' (РСЛ, I, 335).

Тув. *арвай* 'ячмень' является монголизмом. Монголизмом называется Замахшари (XI в.) и приведенный им вариант *arbai*. Для монгольских языков этот фитоним, как и для тюркских, является общим: п.-мэ. *arbai*, монг. *арвай* 'ячмень', калм. *арвай* 'овес', 'ячмень'. Ма. *арфа* 'ячмень' — тюркское заимствование,⁴³ проникшее через монгольские языки (Сев., 177). Судя по приведенным монгольским формам, тув. *арвай* заимствовано непосредственно из монгольского, а Зама. *arbai* — из письменно-монгольского.

Венг. *árpa* 'ячмень' является тюркизмом (первая фиксация в памятниках — 950 г. — MTES, I, 180). Одни исследователи относят тюркский фитоним к тохарскому (СЛ, 198), другие — к древнеиндийскому,⁴⁴ третьи — к иранским языкам (Joki, 69) или к иранской гипотетической форме **arpa* (Doerfer, II, 24), четвертые видят в нем общеалтайское культурное слово с праформой **arpa* (P. Vergl., 87), пятые — тюркизм (Ег., 276), восходящий к глаголу *ap-* 'вертеть', 'кружить', 'рассыпать', 'разбрасывать' и давний заимствованный в мар. *арва* 'мякина' и др. (Кориплов, 36).

Фитоним широко употребляется в тюркских пословицах и поговорках уже в фиксации Махмуда Кашгарского (XI в.), например: *arphasız at aşumas, arkasız, alp çerig suyumas* 'конь без ячменя не побежит, богатырь без подмоги войска не сломит' (МК — турецкое издание: Сев., 177).

Ясна семантическая модель, лежащая в основе названия ячменя в других языках (например, в славянских). Невозможно семантически возводить *arpa* к др.-тюрк. *ar-* I 'истощать', 'хулить', *ar-* II 'отдавать' и еще менее к *ar-* 'очищаться' (ДТС, 50—51).

По-видимому, фитоним *arpa* представляет собой древнеиранское (или древнее индоевропейское) заимствование или общее для

⁴³ Kotwicz L. Les éléments turcs dans la langue mandchou. — RO, XIV, Krakow, 1933, p. 93.

⁴⁴ Nemeth G. Probleme der türkischen Urzeit. — ВОН, 1942, Bd. V, S. 92.

двух языковых групп (и.е. ~ алт.) наименование, что соответствует подобному характеру названия для проса. Как и там, заимствование более вероятно в силу охвата фитонимом только двух языковых групп (и.е. ~ алт.) и того, что палеоботаники считают родиной культурного ячменя Малую Азию.⁴⁵ Во всех случаях фитоним может быть отнесен к древним пластам тюркской лексики. Производный от тюрк. *agra* является др.-тюрк. *agraγan*, кирг. *арнакан* 'овсюг', 'растение, похожее на ячмень', где афф. *-an* / *-kaq* является показателем удобительного значения для отыменных образований (Сев., 177).

К и т а и з м ы проникали в тюркские языки с древних времен как непосредственно, так и через монгольские языки. Хронологически они одновременны. Обозначают главным образом овощные растения. Воспринимались в своей словообразовательной форме и получали монгольскую, свидетельствующую о монгольском посредстве, и тюркскую аффиксацию. При заимствовании сохранили свою семантику, иногда несколько расширив ее.

soγun 'лук'. Название лука в современных языках: туркм. и др. *соган*, кирг. *согон*, тат. *суган*, башк. *һуған*, ж.-уйг. *созан* // *сузан* // *сойган* // *сыйган* // *сбзган*, сол. *соган*, тур. *соан*, гаг. *суван* // *суан*, чув. *суған*. Из этого перечня фиксируем изменения: начальное (*-h* / *-ç*) и интервокального (*-r* / *-e* / *-x* / *-ñ* / *-s* / *-θ*) согласных, а также гласных — первого (*-o* / *-y* / *-oi* / *-ö* / *-ы*) и последнего (*-a* / *-ä* / *-o*) слогов.

В памятниках отмечен вариант *soγun* 'лук' (Rach., МК — XI в.: ДТС, 507), словосочетание *soγun saqali* 'чешуйки луковидцы' (= 'луковая борода', — Rach.: ДТС, 507), а также формы *sögun* // *sögan* (Sl., 812), *сойган* (староузбекские источники — РСл., IV, 514).

Алт. *согоно*, тув. *согуна* 'лук' являются непосредственным заимствованием из монгольских языков, где лук обозначается обликомонгольской лексемой: п.-мо. *songgina*, монг. *сонгино*, бур. *һонгино*, калм. *songin*⁴⁶. Монгольская форма заимствована в маньчжурский: ма. *сонгина* // *суңгина* 'дикий лук' (ТМС, II, 141). На заимствование из монгольских в локально близкие тюркские языки указывает старейший монгольский словообразовательный аффикс *-gina* / *-yana* (отыменные и редко отглагольные имена) в них. Он часто встречается в названиях растений, животных, рыб, насекомых.

Возможным доказательством происхождения и остальных тюркских форм от монгольских является афф. *-γun* / *-gün* в формах, зафиксированных тюркскими памятниками (см. выше). С другой стороны, долгота гласного первого слога тюркских форм в памятниках (Sl., 812) позволяет предполагать исчезновение какого-то звука (отчасти указывает на это и староузбекская форма

сой-γan): вероятно, это трудно артикулируемый *-y* основы, произношение которого осложнилось начальным *g* / *γ*-аффиксом.

Высказывалось предположение о происхождении рассматриваемого наименования от кит. *ts'ung* 'лук' (R. KWb, 331; Räs. EW, 331). Мы принимаем эту точку зрения по следующим основаниям. Родиной лука является Китай. В синьзянских диалектах уйгурского языка зафиксированы прямо заимствованные из китайского формы: *soγ*, *суγ* // *сум* 'лук', *суγ niγaz* 'лук-порей' (где *niγaz* — транз.). Вероятно, указанное слово в монгольской словообразовательной форме (с афф. *-gina* / *-yana*) было заимствовано через монгольские языки в тюркские, где монгольский аффикс преобразован в более близкую ему фонетически, но не по характеру и значению тюркскую форму: афф. *-γun* с последующим преобразованием в афф. *-γan* / *-an*. Тувинская и алтайская лексемы — позднее монгольское заимствование.

В связи с этим отметим, что тюркской афф. *-γun*, как образующий отглагольные имена признака, свойства, состояния, характерен для памятников, а в значении процесса, субъекта, результата, орудия действия — для современных языков. В редких случаях он встречается в отыменных образованиях со значением признака, орудия.

Тюркологи тюрк. *soγun* // *soγan* 'лук' относят к вероятным производным на *-γan* с неясной глагольной основой (Сев. Афф. им., 319). Тюркский афф. *-γan* в памятниках зафиксирован как отглагольный и редко отыменный (например, в древнетюркских, караханидских памятниках) в названиях животных и растений, где имеет значения постоянства, продолжительности, а в современных языках — склонности, свойства. Сказанное о значении тюркского афф. *-γun* позволяет видеть в тюрк. *soγun* лексему с фонетически преобразованным монгольским афф. *-gina* / *-yana* и дальнейшим развитием его в форму *-γan* / *-an*, полностью соответствующую по значению и употреблению данному монгольскому аффиксу.

Рассматриваемое обозначение лука сравнительно рано было заимствовано в персскую группу уральских языков через чувашский: комп. *сугонь*, удм. *сугон* 'лук'. В качестве общеперсской праформы для этого заимствования отмечают форму **sugan* 'лук' (КЭС, 265).

Указанный выше китайзм лежит, вероятно, в основе тунгусо-маньчжурского названия чеснока: сол., ульч. *сјанда*, пап. *соандә*, ма. *соанда* // *суванда*, которое характеризуется как китайзм: < кит. *суань* 'чеснок' + кит. *да* 'головка' (ТМС, II, 145). Соответствие белого и желтого цветов в таком случае такое же, как в тюрк. *sarimsaq* 'чеснок' < *sari* 'желтый' + аффикс с ограничительно-уменьшительным значением цвета (*-msaq*).

Так как основа тюркского фитонима представляет собой довольно древнее заимствование, то отнесение первого к ранним пластам тюркской лексики возможно.

⁴⁵ Бахтеев Ф. Х. Очерки по истории и географии... с. 68.

II. Мо. *modu(n)*, т.-ма. *mō* ~ *моо* 'дерево'. Монгольское обозначение дерева: п.-мо. *modu(n)*, монг. *mod(ou)* в значении — 'дерево', 'лес (материал)', 'палка', 'мера дашы' (первое значение основное, исходное, другие — производные от него, хотя два первых из них, вероятно, довольно ранние), бур. *mod(n)*, калм. *modn* 'дерево'. В тунгусо-маньчжурских языках этому соответствует лексема *моо* ~ *мō*: эвенк., сол., эвен., нег., орок., уд., улъч., орок., нан., ма. *mō* ~ *моо* 'дерево', 'лес (срубленный)', 'палка', 'бревно' (первое значение и здесь основное, исходное, а остальные — производные), чк. *mōh* // *mūh* 'дерево' (ТМС, I, 541).

Указывают уральскую параллель данным названиям: алт. **mō(d)* 'дерево' ~ урал. **maj(δ)ā* 'лес' (И.-Св. Мат., 339), а также дравидийскую параллель: там. *mar-am*, ма. *моо*, бур. *modo*, т.-ма. *мо* 'дерево', 'бревно'.⁴⁶

Можно полагать, что в монгольских языках рассматриваемое наименование образовано с помощью афф. *-dun* (значение и происхождение его неясно) от лексемы *то* (*/mō*) 'дерево'. В. И. Цинциус предполагает в этом аффиксе непродуктивный показатель собирательного значения.⁴⁷

Возможность соотнесения приведенных выше алтайских, уральских и дравидийских форм пока не имеет должных обоснований. При их соотносимости данные наименования могут рассматриваться как древние пласты лексики указанных языков, а при несоотносимости — как сравнительно более поздние ее пласты. Монгольские и тунгусо-маньчжурские формы сравнивают с кор. *мои* 'гора', 'лес' (P. Vergl., 150).

В монгольских языках *modu(n)* и другие его фонетические варианты употребляются в следующих группах составных названий, выражающих наименования древесно-кустарниковых видов: а) с прилагательным цвета: п.-мо. *xara modu(n)*, монг. *xar mod(ou)* 'лиственница' (= 'черное дерево'), калм. *xar^o modn* 'бук', 'дуб' (id.), монг. *шар мод* 'барбарис' (= 'желтое дерево'). Судя по фактам письменномонгольского языка, подобные образования являются сравнительно древними. Они часто встречаются и в современных монгольских языках. В них отражены цвет коры, древесины, цветков деревьев в кустарников; б) с прилагательными любого значения, характеризующимися такой же древностью и широтой употребления и отражающими основные качества обозначаемых пород:⁴⁸ п.-мо. *everlig modu(n)*, монг. *эврлэг мод* 'бук'

(= 'роговидное дерево'); п.-мо. *tosulyu modu(n)*, монг. *тослуг мод*, бур. *тоботой модо(n)* 'олива' (= 'масляное дерево'); в) с существительным, обозначающим тот же вид древесно-кустарниковых, что и выражаемое всем названием: п.-мо. *dala(n) modu(n)*, монг. *дал мод* 'пальма' (= 'пальма — дерево'), бур. *myt* (< тюрк. < ар.) *модо(n)*, калм. *myt моди* 'тутовник' (= 'тутовник — дерево'); г) реже встречаются наименования типа предшествующей группы, но с аффиксом родительного падежа: п.-мо. *γaduran modu(n)*, монг. *гадурин мод* 'айва' (= 'айвовое дерево'), калм. *jax^ogin modu* 'лещина' (= 'ореховое дерево'). Две последние группы также отличаются относительной древностью и широтой бытования, как и другие, и отражают наиболее характерные особенности обозначаемых ими растений.

Для тунгусо-маньчжурских языков в маньчжурском встречаются составные обозначения — дерева (*mō*): а) с прилагательным любого значения: *хороуго моо* 'авация' (= 'стручковое дерево'), *мауга моо* 'дуб' (= 'крепкое дерево'); б) с названием того же вида древесно-кустарниковых, что и обозначенное всем составным наименованием: *гайлан моо* 'вяз', 'ильм' (= 'вяз ~ ильм — дерево'); в) существительным другого значения (не обозначение вида дерева): *фа моо* 'береза' (= 'береста — дерево').

В единичных случаях в других тунгусо-маньчжурских языках, кроме маньчжурского, употребляются сочетания лексемы *mō* с аффиксом принадлежности 3-го лица единственного числа с предшествующим наименованием того же вида древесно-кустарниковых, что и выражаемое всем сочетанием: орок. *золдо моон'и* 'кедр' (= 'кедровое дерево'). В остальных тунгусо-маньчжурских языках обозначение того же вида растения передается одной лексемой (без слова *mō* ~ *моо*).

Мо. *ulijangγir, ulijasu(n)*; т.-ма. *hula* 'осина', 'тополь'. В монгольских языках для обозначения осины и тополя одновременно употребляются: п.-мо. *ulijangγir* // *ulijasu(n)*, монг. *улиангар* // *улиас(ан)*, бур. *улианγир* // *улаһа(n)*, калм. *ulāsū*. Сопоставляют это название с тунгусо-маньчжурскими формами (R. KWb, 448): эвенк. *hула* // *hул* // *hулан* // *hули* 'осина', 'тополь', 'ясень', 'черная ольха', сол. *улу*, эвен. *hūl* 'осина', 'тополь', нег. *хол*, орок. *хулу* 'тополь', уд. *хлу*, улъч. *нүли* // *нүлу* 'осина', орок. *нүлу*, нан. *поло*, ма. *фула* *моо* (= 'тополь ~ осина — дерево') 'осина', 'тополь' (ТМС, II, 342—343).

Действительно, это единицы одного словарного гнезда, относящиеся к основе, обозначающей красный цвет (цвет древесины осины и тополя, а также ясени, ольхи). В монгольских языках словообразование данного фитонима может быть объяснено следующим образом: п.-мо. **ulija-* (< **uliya-*), монг. *ul'ā-*⁴⁹ (ср. п.-мо. *ulai-*, монг. *улаай-*, бур. *улай-* 'краснеть', 'становиться

⁴⁶ Bouda K. Dravidisch und Uralaltaisch. — UATb, 1953, XXV, II, 3—4, S. 162.

⁴⁷ Цинциус В. И. О некоторых лексических моделях алтайских языков. — В кн.: Языковые универсалии и лингвистическая типология. М., 1969, с. 304.

⁴⁸ О подобных сочетаниях см.: Бертагаев Т. А. Сочетания слов и современная терминология на материале монгольского и бурятского языков. М., 1971.

⁴⁹ Ramstedt G. Ein anlautender stimmloser labial in der mongolisch-türkischen Ursprachen. — JSFOu, 1916, Bd XXXII, S. 6.

красным') - афф. *-r/-n*, образовавший в ранние периоды истории монгольских языков отглагольные прилагательные, функционирующие в современных языках с адъективными афф. *-yai/-gai* (Рам., 91—93), *-yar/-gar ~ -yir/-gir*. Последний представлен и в рассматриваемом наименовании осины ~ тополя. Он в ряде случаев фиксируется в словарях монгольского и в памятниках письменномонгольского языков.

Заметим, что отмечаемый в тюркологической литературе как очень редкий отыменно-отглагольный аффикс имен разного значения на *-gar* в азербайджанском языке, предположительно соотносимый исследователями с непродуктивным афф. *-gir* в кыпчакских и некоторых других тюркских языках (Сев. Афф. им., 199), образует отглагольные прилагательные свойства и способности к действию, а также ряд этнонимов с неясной пока этимологией), может быть генетически связан с указанным выше монгольским аффиксом.

В формах *ulijasun(n)*, *улиас(ан)*, *улаһс(н)*, *уласу* к основе присоединяется аффикс *-sun* (// *-сан* // *-хан* // *-су*), очень распространенный в старой и современной монгольской лексике. Он подчеркивает конкретность значения слова. Перед ним выпадают такие показатели отглагольных имен, как *-n*, *-r*, *-l*, что создает впечатление о присоединении афф. *-sun* непосредственно к глагольной основе, а не к отглагольному имени (Рам., 199—200).

В тунгусо-маньчжурских языках рассматриваемое обозначение осины ~ тополя относится, видимо, к уграченной ныне «чистой» основе с идеей красного цвета: *хула(-)* // *ула(-)* и т. д., так как, например, прилагательные с этим значением образуются с помощью присоединения к ней различных словообразовательных аффиксов: эвенк. *хула-ма* // *хула-рин*, эвен. *хула-н'а* // *хула-ти* // *ула-н'а*, сол. *ула-рй* // *ула* (последняя солоповская форма заимствована из монг. *улаан* 'красный'), нег. *хала-йин*, уд. *хула-лиги*, нан. *фули-гий*, ма. *фулэ'ан*, чж. *fǎhlǎhkiāng* // *huklǎhñū* 'красный'.⁵⁰ Основа *хула(-)* в «чистом» виде в значениях 'красный (цвет)' отсутствует в чжурчженском и маньчжурском, единственных из тунгусо-маньчжурских языков, имеющих письменные памятники.

В приведенной монгольской глагольной основе, от которой образовалось наименование осины ~ тополя, следует отметить глаголообразующий отыменной аффикс *-i/-i*: п.-мо. *ула-и*, монг. *улаа-й*, бур. *ули-й* 'краснеть', 'становиться красным'. Он является монгольским по происхождению⁵¹ и образует образные глаголы, заимствован якутским, тувинским и некоторыми другими тюркскими языками.

В тунгусо-маньчжурских языках также есть глаголы, образованные от этой основы с помощью специальных аффиксов: эвенк. вост. *хула-ла*, эвен. *хула-а* 'краснеть', 'краснеть' ('видеться' — о красных предметах), эвенк., эвен. *хула-рга*, ма. *фула-ржа* (< **фула-рга*-) 'краснеть', 'становиться красным', *фула-ра* 'краснеть', 'багроветь (об облаках)'.

В корейском имеется лексема *хула* // *хур* ~ *хыл* // *хыр* 'огонь', которую Г. Рамстедт соотносит с кор. *ху(а)-к-та* 'красный',⁵² что находит подтверждение и в современных лексикологических работах. Следовательно, в «чистой» основе (*хула*) с идеей красного цвета выделяется корень **хула(-)* // *хул(-)* 'огонь' ~ 'красный' и т. д., частичную аналогию чему видят в тюрк. *кызыл* 'красный' < *кыз(-)*.⁵³

Название осины ~ тополя считается алтайско-индоевропейским: алт. **p'ul* 'осина', 'тополь' (указанные монгольские и тунгусо-маньчжурские формы) ~ л.-е. **peh-* 'тополь', 'ольха' (гр. *ἀπάλαν* 'черный тополь', лат. *pōpulus* 'тополь' — И.-Св. Мат., 342).

Очевидна связь монгольских, тунгусо-маньчжурских и, вероятно, корейских форм и значений, которые являются, видимо, общими с индоевропейским. Это позволяет относить рассматриваемые наименования к древним пластам лексики их языков.

Г.-ма. *исмама* 'лиственница'. Общим и довольно ранним (зафиксировано в чжурчженском, маньчжурском) фитонимом для тунгусо-маньчжурских языков является пазванше *лиственница*: эвенк. *исмама* 'лиственница (сухостой)', эвен. *исамтэ* 'лиственница (сухостой, молодая)', нег. *исе* // *исей* // *исма*, орок., ма. *ису*, уд. *и'и*, ульч. *исси*, орок., нан. *исей* 'лиственница', чж. *yǐhshǐ tōh* 'лиственница' (ТМС, I, 331).

В эвенкийском употребляется афф. *-мама*, образующий наряду с афф. *-ма* отыменные прилагательные (Рам., 192—193). В негидальском — этот же афф. *-ма*, а также, как в ряде других тунгусо-маньчжурских, афф. *-и*, образующий отыменные имена (ср. Рам., 96—99). В ульчском, нанайском и чжурчженском — *си/и-сий*, в эвенском — *амтэ*. Все они образуют отыменные имена, очевидно, близких к афф. *-ма/и-мама* значений, конкретизацию которых в тунгусо-маньчжурской литературе мы не нашли.

Исходя из чжурчженской формы с *j-*, древнюю форму данного названия следует полагать с **j-*, что подтверждается и нанайской формой с *с-*.

В тунгусо-маньчжурских языках есть глагол эвенк. *исэв-*, эвен. *ису-*, нег. *исэв-*, уд. *ис'у-* 'расти' (ТМС, I, 332; сравнивается с ср.-мо. *ös-*, монг. *ösö-* 'размножаться', 'расти', к чему следует

⁵⁰ Петрова Т. И., Бугаева Т. Г. Общие основы и лексические модели в словах, обозначающих признак «красный» в тунгусо-маньчжурских и других алтайских языках. — ПОАЯз. Л., 1971, с. 191.

⁵¹ Рассадин В. И. Некоторые особенности морфологии тофаларского языка. — Turcologica. ..., s. 133—141.

⁵² Ramstedt G. Remarks on the Korean Language. — MSFOu, 1928; v. 58; Ramstedt Г. Грамматика корейского языка. М., 1951, с. 174.

⁵³ Петрова Т. И., Бугаева Т. Г. Общие основы и лексические модели, с. 197—201.

добавить тюрк. *ös-* в том же значении, — Räs. EW, 376), более ранняя форма которого также, видимо, была с **j-* (**jucə-*), что подтверждается удойской формой *jə'y-*. Однако, если в круг указанных тунгусо-маньчжурских форм ввести ма. *фусэ-* 'плодиться' (Räs. EW, 376),⁵⁴ то исходная основа была с **p-*, что, возможно, повторяет путь эволюции начального искомого согласного в тюркском обозначении дерева (через стадию *j-*?). Нам кажется, что лежащая в указанном тунгусо-маньчжурском глаголе основа та же, что и в анализируемом названии лиственницы. Ее основа выражает идею роста, имеет фонетическую форму *ис* (**juc*) и является именной, так как глагольная основа имеет форму *ис-эв-//ис-у-* и т. д., где *-эв-//у-* — глаголообразующий аффикс. Видимо, *ис* (**juc*) означало 'рост'.

Название лиственницы относится к довольно ранним, но не древним пластам лексики тунгусо-маньчжурских языков (характер основы и распространение фитонима, его словообразование).

Мо. *п о у и у а н*, *e b e s i i n* 'т р а в а'. В монгольских языках два общих ранних названия травы. Первое: н.-мо. *поуиуан* // *поуруан*, монг., бур. *ногоо(и)*, калм. *поуан* 'трава', 'зеленый', 'зеленый' (R. KWb, 278, где сравнивается с ма. *ниогап* в тех же значениях). Эта лексема заимствована в тунгусо-маньчжурские языки: эвенк. *ноуои* 'зеленый', сол. *нахун* id., *ноуо* 'трава', ороц. *нолиги* 'зеленый', уд. *нолиги* 'зеленый', 'синий', 'голубой', *ног-бйё* 'трава', ульч. *ногзо(н)*, орок. *ногдо*, нан. *ноугий* 'зеленый', 'синий', 'голубой', чж. *нэнкианг* 'зеленый' (ТМС, I, 601).

Если в указанном монгольском обозначении травы выделить словообразовательный аффикс *-уан//оуан//ан*, образующий отглагольные имена отвлеченного значения (Дон., 38), то остается основа *поу-//ног-*, передающая, вероятно, идею зеленения ('зеленеть', 'становиться зеленым'). В тюркских языках этот аффикс имеет значение склонности, влечения и встречается в тюркских памятниках и в современных языках (Сев. Афф. им., 319).

Второе наименование: п.-мо. *e b e s i i (n)*, монг. *өс(өн)*, бур. *үбэн*, калм. *ёвсн* 'трава', 'сено' (R. KWb, 303). Здесь выделяется отыменной афф. *-сүн*. Если учесть, что перед этим аффиксом могут выпадать конечные согласные основы, то ее корневую часть можно фиксировать в виде *e b e - // өс - // үбэ*.

Так как вторым значением рассматриваемого фитонима является 'сено', то, вероятно, отмеченный производящий корень должен передавать идею высыхания ~ сушки травы ('сохнуть', 'высыхать'). Действительно, в монгольском мы находим глагол *өс-//эв-* 'сохнуть', 'высыхать'.

Второе название травы обычно используется в монгольских языках для наименования различных видов травянистых растений как вторая часть составных названий: калм. *пary ёвсн* 'полосчатый' (= 'солнце-трава'), бур. *шүдэр үбэн* 'вьюнок', 'новилика' (= 'путы-трава'), калм. *tsayān ёвсн* 'ковыль' (= 'белая трава'), бур. *хамгаг үбэн* 'лопух', 'репейник' (= 'клевц-трава').

Как видно из примеров, в таких наименованиях обозначение травы предшествуют прилагательные цвета (калм. *tsayān*), суф. ствительные (калм. *пary*, бур. *шүдэр*, *хамгаг*). Рассматриваемое название травы с предшествующим наименованием цвета передает обозначения сорняков среди злаков: калм. *sul'i ёвсн* 'овсяк' (= 'овес-трава').

Судя по характеру словообразования и распространения, оба рассмотренных обозначения травы принадлежат к сравнительно поздним пластам монгольской лексики.

Межтунгусо-маньчжурское обозначение травы — эвенк., орок. *орокто*, эвен. *орāt*, нег. *ојокто*, ороц. *өкто*, уд. *окто* 'трава высушенная', 'сено', 'солома', сол. *орөкто*, чж. *вбур'хуб* 'трава', ма. *орсо* 'трава', 'растение'. После вычленения словообразовательного аффикса собирательного значения *-кта* остается основа *ор(о-)*, вероятно, передающая (или передававшая в древности) идею сушки высыхания.

Мо. *о л и с и (n)* 'к о н о п л я'. Общим и ранним в монгольских языках является обозначение конопли: п.-мо. *олуси(n)*, *оласи(n)*, монг. *олс(он)*, бур. *улаха(n)*, калм. *олсн* 'конопля', 'лепка' (R. KWb, 285).

Вычленив афф. *-сип*, получаем основу *олу-//ола-//оа-//уа-* (см. выше). Соотносим производящий корень этой основы (ол) с монголо-тунгусо-маньчжурским обозначением красного цвета (см. выше о монгольском названии осины ~ тополя): ср. бур. *улаай-* 'краснеть', 'становиться красным', *улаан* 'красный' (и ряд производных), а также ма. *оло* 'конопля' (в данном случае, видимо, монголизм).

Вероятно, подобная этимологизация переключается с ботанической особенностью обозначаемой реалии (возможно, темные с красновато-коричневым оттенком семена). Если в основе фитонима лежит то же обозначение цвета, что и в названии осины ~ тополя, то он также может быть отнесен к древним пластам лексики монгольских языков.

Мо. *х и л и с и (n)* 'к а м ы ш' (трава) — 'тростник' (злак). В монгольских языках камыш — тростник (без разделения) обозначаются: п.-мо. *хилуси(n)*, монг. *хулс(ан)*, бур. *хулан*, калм. *хул'си* // *хулсн*. Эта лексема относится, очевидно, к основе *хилу-* // *хил-* + афф. *-сип*. С этим названием, возможно, сравнимо нан. *холго-кта* 'тростник (сухой)', где выделяется основа *холго(-)*. Может быть, в указанном монгольском фитониме основа обозначает светло-коричневый, саврасый (для лошади) цвет (п.-мо. *гилу*, монг. *хул* ~ тюрк. *гилу*, — Räs. EW, 298). Она глагольная

⁵⁴ См. также: Ц и н ц и у с В. И. К этимологии слова «ребенок» в тунгусо-маньчжурских языках. — АОН, 1970, Вд XXXII. Вудапест, с. 287—288 (со ссылкой на P. Vergl., 108, где монгольские формы рассматриваются как заимствованные из тюркских в связи с отсутствием в первых **h-*: ср.-мо. *ös-* вместо *hös-*).

в фитониме, так как, как отмечалось выше, с присоединением *-sin* выпадают часто показатели отлагательных имен на *-n*, *-r*, *-l*, тогда *xulu- // xul-* становится ~ быть светло-коричневым. Подобное значение в основе названия камыша ~ тростника естественно, если вспомнить, что их листья покрыты буроватым, грязного цвета налетом. Судя по характеру словообразования и распространения, данный фитоним может быть отнесен к сравнительно поздним пластам монгольской лексики.

Мо. *gešigün*, т.-м. *гара* 'ветвь'. П.-мо. *gešigün // gešigüi*, монг. *гшүүн // гшүү*, бур. *гшүһэ(н) // гшүү(н)* 'ветвь', 'сучок', 'сучья', 'хворост', калм. *gešün* 'ветвь', 'сук', *gešün* 'ветвь' (R. KWb, 135), ср. *гшүүн* 'член (организации)', 'член (тела)'.

Монгольское обозначение ветви является семантически производным от обозначения части тела (человека ~ животного) — нога или ее часть, так как в глаголе со значением 'ступать', 'паступать' находится в монгольских языках тот же корень, например монг. *гшгэх* 'ступать', 'наступать', бур. *гшгэхэ* 'ступать', 'топтать'.

Судя по характеру словообразования и употребления, в рассматриваемом названии можно предполагать один из образцов довольно поздних пластов монгольской лексики.

Название ветви в тунгусо-маньчжурских языках: эвенк. *гара* 'сук', 'ветвь (сухая)', 'палка', сол. *гара // гар* 'ветвь', эвен. *гар* 'ветвь (сухая)', пог. *гаја* 'сук', 'ветвь', 'уключина в лодке', ороч. *гә* 'сук', 'ветвь', 'уключина', уд. *гә*, ульч., орок., нан. *гара* и т. ма. *гарга // гарган* 'ветвь', 'сук', 'отрасль', 'конечности (руки, ноги)', 'прилок', 'рукав реки', 'половина (двери)', счетное слово отделенных от целого предметов (сучьев, конечностей, притоков, дверей, отрядов войска), чж. *һәһ-һә* 'сук', 'ветвь', ср. л.-мо. *гар* 'рука', кор. *кальэ* 'разветвление', *кары-* 'отделять' (TMC, I, 141; R. KWb, 144).⁵⁵ К этому добавим монг., бур. *гар* 'рука'.

Фонетически близко к указанному обозначению ветви стоит эвенк. *кар* 'прут (тонкий)', 'лоза', 'корень (черемухи)', 'лучевая кость', ср. др.-тюрк. *qarī* 'рука (локтевая кость)', як. *хара // хари // хари* 'ручка', 'преплечье', 'локоть', 'локтевая кость (на рукаве шаманского костюма)', 'лучевая кость' (TMC, I, 379). Близко к этому и эвен. *кәккәр* 'прут (обычно рябиновый, для управления оленьей упряжкой)' (TMC, I, 450).

Отмеченное название ветви относится к постратическим: и.-е. *gher-, gherh- // ghreh-* 'шип', 'острие', 'ветка' ~ урал. *кара* 'шип', 'ветка', 'хвойное дерево' ~ драв. *kar(a)* 'шип', 'острие' ~ алт. *уара* 'острие', 'ветка', 'хвойное дерево' (мо. *уар-* 'выступать наружу', 'выдаваться' // т.-м. *уара* 'ветка'. — П.-Св., I, 226). Но-

стратический характер лексики позволяет относить ее к древним пластам тунгусо-маньчжурской лексики.

Мо. *üisü(n)* 'береста'. П.-мо. *üisü(n)*, монг. *үйсүн*, бур. *үйһэ(н)*, калм. *üsü* 'береста' После выделения афф. *-sün* остается основа *üi(-)* неясного происхождения.

Мо. *hesin* 'ствол', 'стебель (растений)'. П.-мо. *esi*, ср.-мо. *hesin*, монг. *иш*, бур. *эиэ*, калм. *iš* 'ствол', 'стебель (растений)'. Эта лексема в качестве основного имеет значение 'ручка', 'рукоятка'. Следовательно, в монгольских языках название ствола ~ стебля растений ассоциируется с наименованием ручки ~ рукоятки предмета (перенос наименования по аналогии). Судя по фонетической форме (ср.-мо. *h-), характеру словообразования и распространения, рассматриваемое название следует относить к сравнительно ранним, но не древним пластам монгольской лексики.

III. *čečäk* 'цветок'. Обозначение цветка в современных тюркских языках варьируется по линии изменений начального (*ч-//ц-//ш-//х-//с-//ç-*), гласного (*-ч-//ц-//ш-//х-//с-//ç-*) и конечного (*-к-//қ-//х-//θ-*) согласных, гласных первого (*-е-//ä-//и-//а-*) и второго (*-ä-//е-//а-*) слогов: уйг. и др. *чечäk // чичäk*, сал. *чиčäx // цицäx*, кум. *чечек*, узб. *чечак*, казах. *шешен*, ног. *шешекей*, хакаш. *хахайах*, башк. *сәскә*, чув. *çеçке*. Значение — 'цветок', 'соцветие', производное — 'опна'.

В памятниках отмечена форма *čečäk // čičäk* 'цветок', 'соцветие' (МК, QB — XI в.), 'метелка' (Räs. — по ? XI в.: ДТС, 143). Встречается в них парное слово *гуа čečäk* 'цветы' (Сув., X в.: ДТС, 638; где *гуа* < кит. *хуа* 'цветок') и несколько производных: *čečäklän-* 'расцветать', 'покрываться цветами' (ТТ — по ? XI в., МК), *čečäkläg* 'с цветами', 'имеющий цветы' (QB), *čečäkläk* 'цветник' (МК, QB — XI в.; USp. — XII—XIV вв.: ДТС, 143).

Лексема была заимствована монгольскими языками, где стала общемонгольской: п.-мо. *čečeg*, монг. *чэчэг*, бур. *сэсэг*, калм. *tsetsäg* 'цветок', 'соцветия' (R. RWb, 428, Doerfer, III, 57); из монгольских — в тунгусо-маньчжурские: эвенк. *чэчэг*, ульч. *чи-чаго*, нан. *чачага* в том же значении (< мо. — TMC, II, 422).

Тюркское название производно от глагола: *säč-* 'выпрать', 'отбирать' (R. СКЕ, 26; R. KWb, 428); *чеч-* 'развязывать', 'снимать', 'освобождать' (Хаб., 87), *çeç-* 'цвети', 'зеленеть' (Ег., 209). Первая этимология не может быть принята, так как для начального *s-* глагола *säč-* характерны рефлексы тюркского *s-, в то время как для наименования цветка налицо рефлекс *č-. Приемлемой может быть вторая этимология, если вспомнить, что указанный глагол в памятниках отмечен в форме *čeč-* со значением 'распаиваться', 'распространяться' (QB, XI в.: ДТС, 143). В современных языках он имеет еще значения 'распускаться', (чув.) 'цвети'. В монгольских ему соответствует *selbeji- // selbüjt-* в тех же значениях (Räs. EW, 413).

⁵⁵ См.: Колесникова В. Д. Названия частей тела человека в алтайских языках. — В кн.: Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. Л., 1972, с. 95—97.

Тогда вторая и третья этимологии объединяются, а словообразовательная модель будет следующей: *šeč-* + афф. *-äk* (отглагольное имя). Семантически она оправдана, так как различительным признаком цветка является то, что он распускается, расцветает.

Лексема *šečäk* входит в названия различных растений и их частей: тат. *čäčäk töймәсе* 'бутоп' (= 'цветочная пуговичка'), *алка чäчäk* 'серожка', 'соцветие' (= 'серьга — цветок'), узб. *оңче-чақ* 'клеп' (= 'белый цветок'), тур. *ayçiçeği* 'подсолнечник' (= 'лупинный цветок'). Из приведенного видно, что обычно *čečäk* выступает вторым компонентом, а первым может быть прилагательное цвета и существительное разного значения. В последнем случае *čečäk* употребляется с аффиксом принадлежности 3-го лица единственного числа и без него.

Доказательством того, что название цветка заимствовано из тюркских языков в монгольские, могут служить тюркские глагол в основе наименования и аффикс отглагольных имен на *-äk*.

Рассматриваемая лексема в силу своего аффиксального способа образования от глагольной основы должна быть отнесена к поздним пластам тюркской лексики.

je t i š 'п л о д', 'ф р у к т'. В современных языках плод ~ фрукт обозначается лексемой, которая имеет варианты по линии изменений начального (*-i-||-j-||-j-||-č-||-a-*) и конечного (*-u-||-e-*) согласных, гласных первого (*-ä-||-e-||-o-||-u-*) и второго (*-u-||-e-*) слогов: уйг. и др. *йәмиш*, аз. и др. *йемиш*, узб. *йемиш*, ног. *йемис*, башк. *йемеш*, тат. *жемеш*, казах., карак. *жемис*, кирг., карач. *жемшиш*, балк. *земшиш*, тув. *чимис*, чув. *шимес*. Все эти формы имеют значение 'плод', 'фрукт', а также 'ягода' (тур., уйг., кирг.), 'ядро' (тув.), 'зерно', 'пища', 'корм' (алт.). Высказывалось вытекающее из всех этих значений предположение о том, что рассматриваемой лексемой обозначались любые двукороступле съедобные плоды, а затем и другие предметы питания (Сев. Афф. им., 349). Рефлекс тюрк. **j-* в чув. *ç-* вызван переходами **j- < dž-(ж-) > ç- > ç-*.

В памятниках зафиксирована форма *je t i š* в значении 'плод', 'фрукт' (Сув., X в.; МК, XI в.: ДТС, 255), а также парное слово *tüš je t i š* 'плоды' (Uig., Tis. — по ? XI в.: ДТС, 600) и производные: *je t i š län-* 'покрываться фруктами', 'давать плоды' (МК), *je t i š l i k* 'сад' (Сув., МК), *je t i š s i z* 'без фруктов ~ плодов' (QB; Юг. — XIII в.: ДТС, 256).

Это наименование относят к широко распространенному в тюркских языках глаголу *je-* 'есть', 'кушать' (праформа — **jē-*, Räs. EW, 197, 194). Тогда *je t i š < je-* + афф. *-m i š*, образующий отглагольные имена объекта, процесса, субъекта действия.

Общемонгольское название плода ~ фрукта ~ ягоды заимствовано из тюркских языков (R. KWb, 472): п.-мо. *žem i š || žem i š*, монг. *жимсгэнэ*, бур. *жэмэс*, калм. *žem'š || žemš*. На заимствование указывает тюркский словообразовательный аффикс, к ко-

торому в монгольском языке факультативно может присоединяться монгольский афф. *-энэ*.

В тунгусо-маньчжурских языках указанному тюркскому глаголу соответствует эвск. *žew-* || *žep-* 'есть', 'кушать' (P. Vergl., 27). Здесь *-w-||-p-* являются показателями переходности, корневая часть *že-* совпадает с тюрк. *je-||je-*. Производить (с помощью афф. *-mš*) от данного тунгусо-маньчжурского глагола наименования конкретных видов ягоды и ягоды вообще затруднительно, ибо в них в основе *-u-*, а в глаголе *-e-*: *ži-mš* (эвск.) 'голубика', 'ягода'; (нег.) 'голубика', 'черника'; (ороч., уд.) 'голубика' (ТМС, I, 256).

Названный глагол является ностратическим (праформу его определяют как **zedä* 'есть'): п.-с. **seH-* 'слытый' ~ алт. **že-* 'есть' (тюркские и тунгусо-маньчжурские формы) ~ урал. **sē(y)e-* id. ~ ? каргв. **zē-||zē-* 'насыщаться' (И.-Св. Мат., 340). Ностратический характер основы позволяет относить данный фитоним к древним пластам тюркской лексики.

bür, büri, büräk, bürčük||bürtük 'почка растения и т.', 'зерно', 'лист'. В современных языках есть несколько обозначений почки растений от одной основы: алт. *bür*, кирг. и др. *бур*, кар. кр. бор, чул. диал. *bür || nür*, хак. *nür*, туркм. *пур*; башк., тув. *bürj*, чув. цуре: уйг. *böräk*, алт. *börök*, хак. *nürək || nürčük*, тат. Тем *börök*, тат. Параб *порчок*, чул. диал. *nürčük || nürčük*, алт. Тел *мырчы*; кирг. и др. *bürtük*, кбалк., кар. т. *биртук*, казах., тат. *bürtük*, кар. г. *биртик*, ног., карак. *bürtük*, узб. *буртик*, башк. *bürsük*, чув. *пртак*. Значения: *bür* и т. п., *bürj* и т. п. 'почка растения', 'лист'; *böräk* и т. п., *nürčük* и т. п. 'почка растения'; *bürtük* и т. п. — 'зерно' (казах., карак) 'почка растения', 'колочка'.

Как видно из этих перечней, варианты названий образуются в связи с изменениями начального (*b-||n-*) согласного основы, начального (*-č-||-y-*; *-m-||-e-*) и конечного (*-k-||-k-||-g-*) согласных аффиксов, а также гласных основы (*-j-||-j-||-y-||-o-||-ö-||-y-||-u-||-ä-*), аффиксов (*-j-||-e-*; *-ä-||-e-||-ö-*; *-j-||-j-||-ö-||-o-||-y-||-u-||-ä-||-a-*).

Все последующие обозначения произошли от исходного — *bür* 'почка растения', 'лист' или *bür-* 'стягивать', 'затягивать' (с образованием складок) с помощью словообразовательных аффиксов *-j-||-ä-*, *-äk*, *-čük-||-mük*, дающих (все) отыменные и отглагольные образования. В памятниках зафиксированы лексема *bür* 'почка растения' (W, по ? XI в.: ДТС, 132) и глагол *bür-* в указанных значениях (МК, XI в.: ДТС, 132), которому в монгольских языках соответствует форма *büri-* 'закрывать' (Räs. EW, 92). Морфологическая возможность таких образований объяснима отглагольно-отыменным характером употребления зафиксированных в этих обозначениях аффиксов. Семантическая — тем, что различительным признаком почки растений, зерна (листа в его зачатке) является их (почки, зерна) покрытие, окутывание оболочкой. При образовании указанных аффиксальных вариантов только от

именной основы со значением 'почка растений' их семантическая возможность еще более обусловлена.

Тюркский глагол *bür-* относится к формам, имеющимся не только в других алтайских, но и в других группах ностратических языков: *büri* 'покрывать'; картв. *bur-* 'покрывать', 'затемнять' ~ драв. *pür-* 'покрывать', 'погребать' ~ алт. *büri-* 'покрывать' (тюрк. **bür-ä-* 'покрывать', 'закутывать' ~ мо. **büri-* 'покрывать' ~ т.-ма. *buru-* // *buru-* 'покрыть', 'спрятать', 'обтянуть', — И.-Св., I, 191). Одно из рассмотренных наименований почки растения заимствовано в калмыцкий язык: *bör^ä* 'почка', 'зародыш', 'глазок клубня'.

Следовательно, все варианты обозначения почки растения (зерна, листа) относятся к древним пластам тюркской лексики: в них лежит общая для ряда языковых групп основа, являющаяся омоформной в тюркских языках.

Для тюрк. *bürmük* в значении 'зерно' в тунгусо-маньчжурских языках есть близкие фонетически и семантически формы: эвенк. *бурдук* // *бурдука*, эвен. *бурдук* 'зерно', 'хлеб', 'мука', нег. *бојдук* // *бордок* // *бурдук* 'мука', ма. *бордоку* 'корм (хлебный)', 'фураж'. Они рассматриваются как заимствование из монгольских языков: п.-мо. *borduca*, монг. *бордоо* 'фураж', 'удобрение', с указанием глагольной основы: п.-мо. *borda-* // *bordu-*, монг. *бордо-* 'откармливать (скот)', 'удобрять', бур. *бордо-* 'откармливать (скот)', ср. ма. *бордо-* в том же значении (ТМС, I, 112). Это монголизмы в тунгусо-маньчжурских и якутском (як. *бурдук* 'зерно', 'хлеб', 'мука', *бурдукта-* 'сеять хлеб'), восходящие к глагольной основе *borda-* // *bordu-*, заимствованной и в маньчжурский.

Следовательно, рассматриваемые тюркская и данные монгольские (> тунгусо-маньчжурские) лексемы имеют различное происхождение, а потому их близость только кажущаяся, внешняя.

Туркм., аз. *бурдук* 'овес' (РСЛ., IV, 1892) характеризуем как название с производным значением от исходного 'почка растения' и, видимо, 'зерно'.

b ü j ü r, *b ü g r ä k* // *b ü j r ä k* 'почка' (анат. и бот.). В тюркских языках есть обозначения почки (анатомической и ботанической), восходящие к другой основе: тат. Бараб *бүйир* // *пүйир*, як. *бүйр*, туркм. *бёрек*, тур. *бёрек*, аз. *бёйрек*, кар. кр. *бёрек*, кар. т. *бүйрөк* // *бүйерек*, кар. г. *биерек*, кирг. *бёйрөк*, казах. и др. *бүйрек*, тат. *бүйрәк*, узб. *буйрак*, тув. *бүйрек*. Эта лексема в меньшей части языков обозначает ботаническую почку. Данное значение пришло к ней, вероятно, позже (охватив отмеченные выше языки) по аналогии с формами *бүйрәк* (от основы *бүйр-* // *бүйр-*).

Рассматриваемым обозначениям соответствует мо. *bögere* 'почка' (анат. и бот., — R. KWb, 56; Räs. EW, 83). Памятники фиксируют тюркскую форму *bögrek* 'почка' (СЛ., 328).

Относим интересующие нас обозначения почки к глаголу *бүйк-* 'гнуть', 'сгибать': туркм.-и др. *бүйк-*, карт. т. *бүйк-*, кар. г. *бик-*,

узб. *буйк-*, як.-уйг. *пуйк-*, тат. *бөк-*, уйг. *Лобн*, как. *пүйк-*, алт. *бүйк-* // *бөкө-*, чув. *пөк-*; мо. *bökij-* 'сгибать' (Räs. EW, 91). Этот глагол имеет параллели и в других ностратических языках: **bäka* 'сгибать', 'согнутый'; и.-е. *bhaug-* // *bhagh-* 'сгибать' ~ алт. *bökä-* // *ikä-* 'сгибать', 'согнутый' (кроме тюркских и монгольских форм приводятся еще: ма. *bäka-da-* 'сгибать', эвенк. *bäkä-* 'клататься', — И.-Св., I, 191). Тогда словообразование рассматриваемых названий будет: *бүйир* < *бүйк-* + афф. *-ир* (отглагольные имена) *бүйрек* // *бөврек* // *бөбрек* < *бүйк-* + афф. *-йр* + афф. *-ек* (отыменные имена). Соответствия *-г-* // *-й-* // *-в-* // *-б-* возможны. Словообразовательные модели также оправданы характером употребления отмеченных аффиксов. Семантическая модель 'почка' ← 'сгибать' логична.

От данного глагола образуются и другие образцы растительной лексики: ст.-узб. *бүйрпүйк* 'фасоль' (РСЛ., IV) < *бүйк* + афф. *-йр* (побудительная форма или отглагольное имя) + афф. *-я* (отглагольное или отыменное имя) + афф. *-чүк*; чув. Сунд *пүйкече* 'вяз' < *бүйк-* + афф. *-еч* (отглагольное имя) + афф. *-е* (отыменное имя).

Указанные обозначения почки и фитонимы можно отнести к древним пластам тюркской лексики, так как в них лежит общая для ряда языковых групп основа.

aš, *ašliq* 'зерно', 'злак'. Общетюркская лексема *aš* с основным значением — наименованием разного рода пищи ('мясо', 'зерно', 'злак', 'хлеб', 'рожь', 'плод', 'пища'), как полагаем, в одном из своих ранних конкретных обозначений пищи имела название зерна как одного из древних видов (после мяса) пищи человека. Варианты лексемы связаны с изменением корневого согласного (*-u//c-*): кирг. и др. *аш*, кар. и др. *ас*. В древнетюркских (Suv., X в.: ДТС, 61) и более поздних (QB, XI в.) памятниках она зафиксирована в форме *aš*.

Имеет параллели в других алтайских и ностратических языках: *ʔala* 'пища': с.-х. *R* 'жир', 'жирная пища' ~ и.-е. *hel-* 'кормить', 'выращивать' ~ драв. *al(a)* 'жир', 'сила' ~ алт. *al'(a)* 'пища' (помимо тюркских форм, приводятся: эвенк. *ala* 'вкусный', эвен. *alak-e* 'вкусно' ~ кор. *al* 'зерно'). Исходным предполагается значение — 'мясо', 'мясная пища', которое в переходом на зерновое питание в ряде районов дало алтайские значения (И.-Св., I, 259). К этому нужно добавить мо. *alisu(n)* 'семена травы' < **ali* 'зерно' (R. SKE, 6; Räs. EW, 29).

В ДТС при лексеме *aš* 'еда', 'пища' и т. д. стоит помета «пр. аš?», свидетельствующая о предполагаемом пранском заимствовании (ДТС, 61). Масса производных от *aš* в том же ДТС и, главное, ностратических параллели (см. выше) дают возможность видеть в *aš* (и в производных от нее) общую для ряда языковых групп древнюю основу и относить ее и их в силу этого к древним пластам тюркской лексики. Для лексемы *ašliq* словообразование

объясняется следующим образом: *až* обозначение разного рода пищи + афф. *-liq* (отыменное имя).

uruu 'зерно', 'семя'. Зерно ~ семя обозначается в ряде современных языков лексемой: узб. *уруғ*, кирг. *уруқ*, казах. *уруқ*, ног. *уруық*, тат. *оруық*; башк. *оруқ*, чув. *враха*. Варианты ее образуются за счет изменений для первой формы (*уруғ* // *уруқ*) — второго гласного (-*у* // -*ы*) и конечного согласного (*ғ* // *қ*); для второй формы (*уруық*) — гласных первого (*у* // *э* // *ө*) и второго (-*ы* // -*ә* // -*о*) слогов и конечного согласного (*к* // *х*).

В памятниках отмечена форма *uruu* 'зерно', 'семя', 'косточка' (МК, QB — XI в.; Rach., TT, Uig. — по ? XI в.; ДТС, 615), 'род', 'потомство' (МБ. ЛОК — XIII в.). Судя по обилию производных, в них можно отметить для этой лексики широкое распространение (ДТС, 615): от VIII в. (*uruu sirat* — 'искоренить ~ прекращать род', КТБ) по XIV в. (*uruu özlig* парн. 'родственники и свойственники', USp.).

Параллели в монгольских языках: и.-мо. *üre* // *üresü* (п), монг. *ур*, бур. *ур* *урһэн*, калм. *ür* // *ürü* // *ürsü* 'плод', 'семя', 'зерно'. Есть соответствия и в тунгусо-маньчжурских языках: эвешк. *huril* 'дети', ма. *fursun* 'потомство', 'семя', 'зерно' (Räs. EW, 522).

В тюркских зафиксированы и глагольные основы: тат., башк. *йр-* 'произрастать (о семенах)' и чур. *йге-*, башк. *йрсе-*, тат. *йрче-*, чув. *ёрчө-* 'размножаться', 'плодиться'. Есть мнение, что рассматриваемая тюркская лексема произошла от указанной для татарского и башкирского языков глагольной основы *йр-* + афф. *-ық* (отглагольные и отыменные имена).⁵⁶ Если же учесть вторую форму (*уруық*) с аффиксом *-ық* (отыменные имена), то можно полагать по аналогии в интересующем нас обозначении только именную основу.

Учитывая сферу распространения, совпадение тюркской основы с монгольской лексемой (разница в том, что для тюркских форм твердые гласные, а для монгольских — мягкие), значение, можно было бы предположить в тюркском названии монголизм, получивший тюркскую словообразовательную аффиксацию. Однако широкое распространение в древнетюркских и более поздних памятниках производных от данного наименования уже с тюркским афф. *-ық* в различные ряды гласных основы в тюркских и монгольских языках выдвигают предположение об общемонгольско-тюркском ее характере. Тунгусо-маньчжурские параллели позволяют расширить границы данной основы до общепалеоазиатской (возможно, в результате взаимозаимствований) с праформой **räre > häre* (ср.-мо. — P. Vergl., 411).

jildiz 'корень'. Лексема имеет в современных языках варианты, обусловленные изменениями начального (*й* // *с* // *р*), второго (-*т* // -*д* // -*з* // -*с*), конечного (-*л* // -*с*) согласных, а также

гласных первого (-*и* // -*ы*) и второго (-*и* // -*ы*) слогов: уйг. *йилтиз*, узб. *илдиз*, таф. *сылдыз*, як. *силс* 'корень'. В памятниках зафиксирована форма *jildiz* 'корень', 'основание' (МК — XI в.; Rach. — по ? XI в.; ДТС, 206).

Возводим рассматриваемую лексему к глаголу *йыл-* // *йил-* 'ползти', 'пзвиваться' (агг., тат., хак., як. формы, — Räs. EW, 200) + афф. *-ти/-д* (побудительная форма?) + афф. *-ыл/-из* (отглагольное имя) или же: *йыл-* // *йил-* — иранский по происхождению афф. *-дыз* // *-тиз* (отглагольные и отыменные имена с неясным значением, — Сев. Афф. им. 179). Семантическая модель: 'ползти', 'пзвиваться' → 'корень'.

По характеру словообразования и распространения данная лексема может быть отнесена к поздним пластам тюркской лексики.

qab, *qabuq* 'кора'. Название в современных языках имеет варианты по линии изменений начального (*қ* // *п* // *х*), начального (-*б* // -*в*) и конечного (*қ* // *к* // *х*) согласных, а также гласных первого (-*а* // -*ä* // -*о*) и второго (-*у* // -*а* // -*ы* // -*и*) слогов: туркм. *қабық*, тур., таг., кар. г. *кабуқ*, аз. *қабық*, кар. кр. *қабуқ*, кар. т. *кабуқ*, кирг., казах. и др. *қабық*, узб. *қобиқ*, алт. *қабага*, хак. *хабық*, тув. *хавық*. Помимо значения 'кора', имеются производные 'лыко', 'оболочка', 'скорлупа', 'чешуя' (РСл., II, 248). В алтайском лексема получает конечное *-а*, перед которым предшествующий согласный озвончается *қабага*. В памятнике XI в. зафиксирована форма *qabuq* наряду с *qab* (Зам.) — обе в значении 'кора', 'лыко', 'оболочка'.

Производят данное название от глагольно-именной омоформы *qab* // *qar* 'кора', 'наружный покров', 'сосуд' и *qar-* 'покрывать', 'закрывать' (Räs. EW, 235). Полные перечни форм омоформы показывают соответствие ее фонетических вариантов с таковыми для рассматриваемого наименования. Именной вариант омоформы известен многим языкам, а глагольный — только несколькими: уйг. *қап-*, чув. *хуп-*, тур., кар. *қана-*. Последняя форма наводит на мысль о ее производности от именного варианта *qab* // *qar* (*қана* < *қап* + афф. *-а*, образующий от имен глагольные основы).

Данный глагол относят к ностратическим: алт. *k'ara* 'закрывать' (тюрк. **k'ar(a)* // мо. **kaŋa* < **k'ara-*) ~ драв. **karr-* 'покрывать' ~ с.-х. *kr-* 'укрывать' (П.-Св., I, 336).

Словообразовательная модель для рассматриваемой лексики — *қабуқ* < *қап* // *қап* + афф. *-ық*, образующий от имен глагольные основы.

Сюда же относится хак. *какпас* 'кора', 'береста' (РСл., II, 70), так как в данной лексеме метатеза: *какпас* < *какпас* < *кап* // *кап* + афф. *-қас* // *-қач* (отглагольные и отыменные имена). Также уйг. *қовзақ*, як. *какпас* 'кора' (< *какпас* < *қов(-)* // *қап(-)* + афф. *-зақ*) // *-ақ* (отглагольные и отыменные имена ослабленности признака. — Сев. Афф. им., 224), *-кас* // *-кач*.

⁵⁶ Циципус В. И. К этимологии слова «ребенок» в тунгусо-маньчжурских языках. — АОН, 1970, XXXII, с. 270—289.

Для *qab* есть параллели в уральских языках, восходящие к уральскому лексическому пласту (IV тыс. до н. э.): **kora* 'кора' > эст. *kobā* 'кора (сосны)', мокш. *kyba* 'мякина', 'шкура', 'кожа', удм. *ky* 'кожа', 'мяура' (Основы, 403).

Все приведенное выше (тюркская омоформа и параллели в ряде групп других постративских языков) дает основание относить рассматриваемую лексему к древним пластам тюркской лексики.

sap, *subaq* 'стебель', 'черенок'. Обозначение стебля ~ черенка варьируется по линии изменения начального согласного (с-//h-//p-), корневого гласного (-a-//o-//y-//ы-//e-): туркм., тур. и др. *can*, башк. *han*, карак. *sen*, узб. *son*, тув. *syn*, як. *yn* 'ручка', 'рукоятка', 'стебель', 'черенок' (также — Räs. EW, 391). Основное, исходное значение — 'ручка', 'рукоятка', а рассматриваемые нами ('стебель', 'черенок') — производные. Общеизвестна производность названий ветвей, стеблей и других видов отростков от обозначений конечностей человека и животного, как и соответствующих «конечностей» хозяйственных предметов.

В памятниках XI в. отмечены лексема *sap* 'ручка', 'рукоятка' (МК) и глагол *sap-* 'соединять' (QB), 'стыкивать', 'вдевать штку' (МК; ДТС, 485), рассматриваемые нами как возможно омоформные. Указанный глагол есть в нескольких современных языках (Räs. EW, 401). Лексема относится, видимо, к сравнительно ранним, но не древним пластам тюркской лексики, так как она не является общей по распространению, хотя и, возможно, омоформной.

Производной от нее является: казах., кирг. и др. *сабақ*, башк. *һабақ* 'стебель', як. *сыбах* 'ствол (дерева)'. Совершенно очевидно, что в основе *сабақ* лежит *сап* + афф. -ақ (отыменные имена). Другие производные: алт. *сабалақ* 'тонкая ветка', 'стебель', аз. *саплаар* 'черенок', 'цветоножка', 'стебелец'. Оба наименования происходят от *сап* + афф. -алақ//лаар (отыменные прилагательные).

tikkän // *tikkän* 'колючка', 'шип'. В современных языках колючка ~ шип обозначается лексемой: аз. и др. *тиқан*, тур. *diken*, тув. *тен*; ср. тоф. *fähän* = id. 'роза', 'пишовник', 'малина', ж.-уйг. *текен* // *тикен* // *тиккен* 'релейник'; алт. *тигән*, шор. *шиген* 'ель'; башк. дпал. *дикән* 'камыш'. Как видно, варианты образуются за счет изменений начального (m-//θ-//ʒ-//ш-), инлаутиного (-k-//k-//k-//h-//r-//z-//s-) согласных, а также гласных первого (-u-//e-//ä-) и второго (-a-//ä-//e-) слогов.

В памятниках отмечены формы *tikkän* (МК, XI в.: ДТС, 559) и *tikän* 'колючка', 'шип' (МК, QB — XI в.), общее название колючих кустарников (Юг.: ДТС, 358).

Этимология названия ясна и общепризнана: *tik-* 'колоть', 'вонзать' (Räs. EW, 480; Cl., 483; Eg., 250) + афф. -kän (отглагольные имена). Глагол имеет широкое распространение в тюркских языках: др.-тюрк. и др. *tīq-*, туркм. *дық-*, аз. и др. *тых-*, таг. *дик-*,

казах. и др. *тйк-*, узб., уйг. *тык-*, ж.-уйг., уйг. *Добл тек-* // *тык-*, тув. *тык*, чув. *чык-* // *чык-* 'втыкать', 'жалить', 'колоть'. Алтайцы указывают как параллель тюркскому глаголу мо. *šike* (< **tike*) 'прямой' (P. Vergl., 16; Räs. EW, 478).

Морфологически и семантически указанная этимология оправдана. Производными от обозначения шипа ~ колючки являются все прочие отмеченные выше значения рассматриваемой лексемы, так как она распространялась, очевидно, на все, что колет в растительном мире. Производным является название: казах., кирг. *тикенек*, хак. *тигенек*, пог. *тегенек* 'колючка', 'шип'. Оно образовано от *тикен* в том же значении + афф. -ек (отыменное имя). Эвенк. *тээн* 'куст', — видимо, тюркизм с первоначальным значением 'колючий куст'. Судя по характеру словообразования и распространения, рассматриваемая лексема может быть отнесена к более поздним пластам тюркской лексики.

šäpēške 'колючка', 'шип', 'игла'. Лексема в тюркских языках имеет варианты, вызванные изменениями начального (ш-//ш-//с-), второго (-ч-//ш-//с-) и третьего согласных (-к-//к-), а также гласных первого (-ä-//a-), второго (-e-//и-//o-) и последнего (-e-//ä-//и) слогов, добавлением конечного -к: тат. *чәнечке*, пог. *шанышқы*, башк. *сәнскәк* 'колючка', 'шип', 'игла'. Словообразование следует объяснить следующим образом: *чәнч-* // *шаныш-* // *сәнс-* 'колоть', 'вонзать' (< *sanč-*, широко распространено в тюркских языках, — Räs. EW, 400) + афф. -кә // -ки или афф. -кәк (отглагольные имена). Семантическая модель: 'колоть', 'вонзать' → 'колючка', 'шип', 'игла'.

По тем же причинам, что и в отношении предшествующей лексемы, отнесен рассматриваемое обозначение колючки ~ шипа ~ иглы к поздним пластам тюркской лексики.

i gn ä 'игла', 'хвоя'. Наименование варьируется в связи с изменениями первого (-g-//ä-//u-//o-) согласного, гласных первого (u-//e-) и второго (-ä-//e-) слогов: узб. *ignä*, аз. *ийнә*, як. *иннә*, хак. *ише*, казах. *инә*, башк. *енә* 'игла', 'хвоя' (основное и исходное значение — 'игла (швейная)'). В значении 'игла' лексема находит более широкое распространение и фонетические варианты в современных тюркских языках (Räs. EW, 169) и памятниках: *jignä* (МК, XI в.: ДТС, 261) // *jignä* (Suv., X в.: ДТС, 282) 'игла'. Семантическая модель: 'игла (швейная)' → 'игла (растения)', 'хвоя'.

Параллели рассматриваемому названию в его основном значении есть в тунгусо-маньчжурских (*имжа* // *име* // *имме*), финно-угорских (фин. *aitmä*, мар. *име* // *им*) языках. Происхождение его несомненно. Характер распространения позволяет предполагать, что оно относится к сравнительно ранним, возможно, взаимозаменяемым алтайско-финно-угорским пластам лексики.

qıldruq, *qılqan*, *qılta*, *qıltaq* 'усик (растения)'. Основа *qıl* 'волос', распространенная во многих тюркских языках (туркм. и др. *қыл*, тур. и др. *кыл*, узб. *қил*, уйг. *ки(л)*, хак., тув.

язык), в древнетюркских (Sav., X в.: ДТС, 442) и более поздних (QB, XI в.) памятниках, имеет параллели в других алтайских и ностратических языках: *kila* 'стебель', 'волос'; п.-с. *kel* 'стебель', 'колючий стебель' ~ урал. *kalke* 'волос', 'очески' ~ драв. [*kel* 'перо', 'волос'] ~ алт. *k'ila* 'толстый волос' (тюрк. **k'yl* 'волос', 'струна' ~ мо. **kil-ga-san* 'конский волос' ~ ? т.-ма. **xilaga* 'цветок', если исходная семантика — 'стебель', — Ш.-Св., I, 351).

От основы *qil* образуются названия усика (растений): *gildruq* (МК; ДТС, 442) < *qil* + афф. *-d(u)ruq* (отыменное имя с уменьшительным значением); алт. *қылға*, хак. *хылға* < *qil* + афф. *-ға*; казах., карак. *қылаған* < *qil* + афф. *-ған* (в караханидских памятниках отыменные формы), таг., кум., кбалк. *қылың* < *qil* - афф. *-ың*; чув. *хылчаң* < *qil* + афф. *-чаң*; хак. *хыллар* < *qil* + афф. *-лар* (передает, вероятно, совокупную множественность).

Общая для ряда языковых групп именная основа определяет в рассмотренных выше производных от нее путем аффиксации лексемах древнюю тюркскую лексику.

süjäk 'косточка (плода)'. Во многих языках лексема, обозначающая кость, получает производное значение — 'косточка (плода)': туркм. *сүйк*, тат. *сүйәк*, башк. *һәйәк*, аз., кар. кр. *сүйк*, кар. кр., казах., карак. *сүйк*, кар. кр., узб. *сүйәк* || *сүйәк*, уйг. *сүйәк*, ж.-уйг. *соуук* || *сууук* || *сылык*, уйг. Лоби *сөңөк*, кар. кр. *сүйек*, кар. т. *сүйек*, кар. г. *сивек*, кирг., алт., хак., тув. *сөк*, ял. *сүйөк*. Как видно из перечня, фонетические варианты в данном случае вызваны изменениями начального (*e* // *h* // *θ*-), инlautного (*-ä* // *-y* // *-m* // *-v*-), конечного (*-k* // *-x* // *-x*) согласных, а также гласных первого (*-y* // *-y* // *-y* // *-y* // *-o* // *-ö* // *-ы* // *-и*) и второго (*-ä* // *-e* // *-a* // *-y* // *-y* // *-ы* // *-θ*-) слогов. Форма *сөк* является стяженной, в результате чего образовалось долгое *-ö*.

В качестве праформы указывается **süjäk* (Räs. EW, 437), а ее возводят (Хаб., 82) к глаголу *su-* 'тянуть', 'протягивать' (МК, XI в.: ДТС, 512), имеющему варианты: туркм. *сүй-*, тур. *сүйк-*, хак. *сө-* 'вытягивать', 'растягивать'. В уральских языках есть аналогичный глагол *сүй-* 'совать', 'засовывать' (коми), возводимый к праформе **syje-* 'совать', 'протягивать', относимой к финно-угорскому пласу (конец III — середина II тыс. до н. э.) этих языков (Основы, 430). Сказанное позволяет видеть в данном глаголе общую для тюркских и уральских языков древнюю лексему.

Словообразование обозначения косточки (плода): *su-* // *сүй-* 'протягивать' + афф. *-äk* (отглагольное имя). Исходя из предполагаемой уральской праформы, трудно видеть, учитывая современные и ранние тюркские формы производящего глагола, праформу названия косточки (плода) с интервокальным *-j-* (Räs. EW, 437): видимо, это был интервокальный *-j-*.

Семантическая модель 'кость' → 'косточка (плода)' ← 'протягивать' возможна.

baş 'колос', 'метелка (растений)'. Общетюркская лексема в значении 'голова', 'вершина' только в некоторых языках имеет производное значение — 'колос', 'метелка (растений)': туркм., кбалк., кирг. *баш*. В памятниках она встречается по многим значениям и прежде всего в главном — 'голова', 'вершина' (МК, QB — XI в.: ДТС, 86), а также в производном — 'волос', 'султан', 'метелка (растений)' (МК).

В современных языках есть производные с помощью аффиксации обозначающие колоса ~ метелки (растений) от основы *baş*: тур., таг., кар. т. г. *башак*, башк., таг., уйг. *башаң*, узб. *бошоқ*, кирг. *машаң* || *бачаң*, казах., карак., ног. *масаң*, алт. тув. *мажаң*, хак. *пазак*, чув. *пучаң*. Словообразование в данном случае может быть объяснено следующим образом: *баши* 'голова' + афф. *-аң* (отыменные имена). Семантическая модель 'голова' → 'колос', 'метелка (растений)' понятна.

От основы *баши* образуются и другие названия растений: тур., аз., таг. *пазы* 'свекла', 'белая свекла', 'свекловичка', 'бурак' (РСл., IV). Это наименование этимологизируем следующим образом: *баши* 'голова' + афф. *-ы* (отыменные имена). Семантическая модель 'голова' → 'свекла' логична, если вспомнить форму овоща свеклы.

Из всех приведенных выше перечней фиксируются изменения начального (*б* // *n* // *m*-), интервокального (*-и* // *-e* // *-ч* // *-ж* // *-з*-) и конечного (*-k* // *-k* // *-x*) согласных, а также гласных первого (*-a* // *-o* // *-y*-) и второго (*-a* // *-o*-) слогов.

Характер словообразования и распространения позволяет отнести рассматриваемую лексему к сравнительно позднему пласту тюркской лексики.

Приведем пять заимствованных названий частей растений. *йрен* 'зерно', 'семя', 'плод', 'фрукт'. В некоторых языках бытует лексема: як. *йрән* 'зерно', 'семя', алт. *үрен* 'плод', 'фрукт', хак. *үрен* || *үрезин*, казах., тат. Бараб *йрән* 'зерно', 'семя'. Варианты в данном случае вызваны изменениями начального (*й* // *y*) и второго (*-ä* // *-e* // *-ö*-) гласных, а также присоединением монгольского аффикса *-ин* (при выпадении конечного согласного основы).

Если сравнить эти формы с монгольскими (п.-мо. *üre* // *üre-sü(n)*, мошг. *ур*, бур. *үрә* // *үрәһэн*, калм. *үрү* // *үрү* // *үрү* 'зерно', 'семя'), то становится возможным, с учетом ареала тюркского распространения, предположение о сравнительно позднем монгольском заимствовании рассматриваемой лексики (как и ма. *фурсун* 'триплод (скота)', 'ростки', 'рассада', 'потомство') в отличие от тюрк. *уруғ*, *урлың* 'зерно', 'семя', в основе которых, как и мо. *üre* // *üresün*, лежит, вероятно, общеалтайская основа (см. выше).

gül 'роза', 'цветок'. В этих значениях (первое, вероятно, исходное, второе — производное) название варьируется в связи с изменением начального (*g* // *g* // *k*-) соглас-

ного и корневого гласного (-y-// -ö-// -y-); туркм. и др. *gül*, карак., узб. *гул*, аз., кирг. *күл*, башк. *гөл* (< пр. *gul* 'роза', — Räs. EW, 151). В памятниках XIII в. лексема отмечена в форме *gül* в тех же значениях (Юг: ДТС, 195). Еще В. В. Радлов определял ее как прианализ (РСл., III, 1640).

mejvā 'плод', 'фрукт'. Варианты лексемы вызваны изменением гласных первого (-e-// -u-// -ы-// -ö-) и второго (-ä-// -e-// -a-// -ö-) слогов: аз. *мейвә*, тур. *meyva*, гаг. *мева*, узб. *мева* // *мева*, туркм. *миве*, уйг. *мива*, казах. *майва*, карак. *мийве*, кирг. *мөмө* 'плод', 'фрукт'. Восходит к ир. *mīve* в тех же значениях (РСл., IV, 2070; Räs. EW, 332).

tohum 'зерно', 'семя'. Лексема в указанных значениях имеет варианты в плане изменений пиллаутного (-x-// -x-// -ö-) согласного, гласных первого (-o-// -y-// -y-// -ä-) и второго (-y-// -ы-// -ä-) слогов: аз., туркм. и др. *тохум*, узб. *тухум*, кирг. *тухум*, тат., башк., казах. *түхүм*, карак. *тухум*, гаг. *төм* (стижечная поздняя форма). Чув. *tühüm* означает — 'потомство', 'род', 'племя', 'отпрыск'. Для казахского указывают значения 'семя', 'род', 'семья', 'вид' (РСл., III, 1426). Заимствовано из ир. *tuham* 'яйцо', 'семя' (Ег., 240; Räs. EW, 497).

dāna 'зерно', 'семя'. Иранизм (пр. *dāna* 'зерно', 'семя' — Räs. EW, 132) заимствован тюркскими языками непосредственно, где имеет варианты, вызванные изменениями начального (d-// -m-) согласного, гласных первого (-a-// -ä-// -e-// -o-) и второго (-a-// -e-// -ä-// -ö-) слогов: туркм. *дәне*, тур. *tane*, гаг. *тәнә*, казах. *дән*, узб. *дон*, Зам. *dana* 'зерно', 'семя'.

ВЫВОДЫ

I. Все общетюркские названия являются простыми. Они в большинстве своем восходят к общим для ряда языковых групп или ставших таковыми в результате заимствований древним основам. Поэтому, несмотря на то что общетюркская фитонимия образуется путем аффиксации от именных (в редких случаях — глагольных) основ, она может рассматриваться как относящаяся к древним пластам тюркской лексики.

Возможно, какое-то время вообще основы функционировали в тюркских языках в своем «чистом» виде (лексема *ī* 'дерево'), но получили общетюркское распространение только после их аффиксации.

В раннем отыменном словообразовании тюркские аффиксы несли только усилительное значение с некоторым развитием уменьшительности, так как основа сохраняла свою семантику. Единственный случай отглагольного образования (для обозначения гороха) осуществляется аффиксом со значением признака ('скручивать' → 'скручивающийся', 'вьющийся' = 'горох'), т. е. с наиболее древним для данного аффикса (-*daq*) значением. От двух именных ностратических основ путем аффиксации образуются

глаголы, а от них, — также посредством аффиксации, — имена, обозначающие такие части растений, как лист и ветвь. Последний путь присущ лексике, выражающей часть растений.

Относимая к заимствованиям общетюркская фитонимия неоднородна: в ней есть лексемы и основы, имеющие параллели в индоевропейской языковой группе и получившие тюркскую или тюрко-монгольскую аффиксацию (*tar-īr*), и явное заимствование (китаизм) в монгольские, где оформлено монгольским аффиксом, а также тюркским (название лука). В первом случае можно предполагать и общие двум языковым группам лексемы ~ основы наименования яблока, проса, ячменя).

II. Деление на ботанические группы в общетюркской лексике проявляется в том, что древесно-кустарниковые и злаковые имеют названия, восходящие к основам, означающим те же растения (кроме фитонима для березы, основа которого обозначает кору). Об образовании наименованных частей растений сказано выше (ветвь, лист), как и о фитонимах для овощных (горох, лук). Может быть, в этой повторяющейся значении основы семантике фитонима — указание на заимствованный характер этой основы для тюркских языков, так как семантика заимствованной основана на подобном повторении.

III. В общетюркской фитонимии имеются непродуктивные аффиксы глагольно-именного употребления, что характерно, вероятно, для перехода от словообразования с помощью омоформип безаффиксальных основ к аффиксации, так как омоформип по употреблению аффиксы в данном случае сопровождают только именные или только глагольные основы.

Семантика общетюркской лексики устойчива: фитонимы сохраняют значения производящих основ.

IV. Мнение о том, что растительная лексика в каждом тюркском языке сложилась независимо и потому общие названия имеются только в некоторых тюркских языках и только для отдельных видов деревьев, плодов, ягод, трав, овощей (Егоров, 94), может быть уточнено следующим образом.

Общая часть тюркской фитонимии складывалась, несмотря на свою малочисленность, по общим для всех тюркских языков и ряда других языковых групп, исторически близких тюркской, закономерностям.

V. Получившие общетюркские обозначения растения и их части, вероятно, входили в ту ботаническую среду, которая окружала древних тюрков на их прародине: они жили в районах с преобладанием деревьев (а именно березы, яблони), злаковых и трав: диких — гороха и лука, где могли произрастать просо, пшеница, ячмень.

Анализ общетюркской фитонимии позволяет перефразировать слова арабского путешественника IX—X вв. ал-Джахица, говорить о том, что тюрков не только хорошо сидел на лошади, но и

семя просо, яшениду, ячмень, использовал растительный покров родной земли.

VI. Есть общее монголо-тунгусское обозначение дерева, а для названия осины ~ тополя употребляется тюрко-монголо-тунгусская и общая для ряда языковых групп основа, получившая в монгольских языках свой словообразовательный формат.

Для древесно-кустарниковых имеются общемонгольские и отдельные общетунгусо-маньчжурские названия, причем первых больше. Как и в тюркских языках, в данных двух языковых группах алтайских языков эти общие наименования являются простыми, происходят от основ с конкретным значением и в отдельных случаях имеющих возможные параллели в некоторых других группах ностратических языков (уральской, индоевропейской). В целом рассматриваемые общемонгольские и общетунгусо-маньчжурские наименования образованы способом аффиксации с помощью старых аффиксов, употребленных в своих исконных значениях (например, мо. афф. *-yir*, *-sun*, *-yana*). Составные названия среди общих наименований нет, они распространены в неблизких слоях монгольской и тунгусо-маньчжурской фитонимии, имея своим компонентом обозначения дерева или конкретных его видов.

Семантические модели для древесно-кустарниковых во всех группах алтайских языков устойчивы, отражают внешние различительные признаки называемых растений и их частей. Уточнение этих моделей окажется возможным после определения значения всех производящих основ, среди которых есть неясные.

Выявляются ранние и ставшие общими в монгольских языках заимствованные названия в качестве общих тюрко-монгольских (для яблока) или заимствованных из тюркских в монгольские языки. С другой стороны, возможно, что данное название яблока является общим для ряда языковых групп или имеет такую общую основу.

VII. Сходство всех трех групп алтайских языков в аффиксальном словообразовании для общих названий растений и их частей. Основы же — только именные или только глагольные, среди них есть общие для ряда языковых групп, общеалтайские (единично), тюрко-монгольские или ставшие таковыми в результате заимствования, редко — монголо-тунгусо-маньчжурские, омонорфных основ нет.

Аффиксы для монгольских и тунгусо-маньчжурских языков в данном случае довольно ранние, употребленные в своих основных значениях. Основы в большинстве случаев передают производным от них фитонимам свои исходные главные значения. Иногда в фитонимах проявляются второстепенные значения производящих основ (например, название травы).

Пути сложения общих названий растений и их частей в монгольских и тунгусо-маньчжурских (отдельно) языках: аффиксация общих для ряда языковых групп основ; аффиксация общеал-

тайских (единично), тюрко-монгольских и монголо-тунгусо-маньчжурских основ; аффиксация только монгольских или только тунгусо-маньчжурских основ. Эти пути отражают, вероятно, три хронологических периода формирования указанной лексики, но с той особенностью, что какое-то время эти три пути (особенно первый и второй) сосуществовали.

Сходство всех трех языковых групп в семантическом плане в том, что фитонимы сохраняют основные значения производящих основ, а различие в том, что в монгольских языках, например, встречается, видимо, более поздние фитонимы, в которых лежат производные от основных, значения производящих основ.

VIII. Иноязычные неалтайские заимствования для общемонгольских (кроме отмеченных выше возможных для обозначений яблока, ячменя) и общетунгусо-маньчжурских слоев растительной лексики мы не указываем, так как словари этих языков таковых не фиксируют. Русизмы в них — поздние и, как и в тюркских словарях, часто не указываются.

СОКРАЩЕНИЯ

- Обозначения языков, диалектов и источников даны в списках сокращений. Источники лексики в тексте не указаны, если их несколько для того или иного языка или диалекта и они хорошо известны тюркологам. Оговорим случаи, когда источники не указаны, хотя они и единичны:
- тат. Бараб. — Дмитриева Л. В. Язык барабинских татар. Материалы и исследование (материалы автора).
- тоф. — Рассадин В. П. Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Уда, 1971.
- уйг. Лоби — Малов С. Е. Лобпорский язык. Тексты, переводы, словарь. Фрунзе, 1956.
- уйг. Сми — Малов С. Е. Уйгурские наречия Синьцзяна. М., 1961.
- вал. — Doerfer G., Henschel W., Scheinhardt T. Zschan S. Khalaj materials. Bloomington — The Hague, 1971.
- чув. Суд. — Чуркин Т. Я. Наблюдения над чувашскими говорами Судянского района Чувашской АССР. — Тюркологические исследования. М.—Л., 1963.
- чул., чул. — Материалы по чувашскому языку и его диалектам (собр. диал. А. П. Духовная и под его руководством. Томский пед. ин-т).

ЛИТЕРАТУРА, ИСТОЧНИКИ

- Абаев — Абаев В. П. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. М. — Л., 1958.
- Будг. — Будагов Л. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. 1—II. СПб., 1869—1871.
- ВЯ — Вопросы языкознания. М.
- Дон. — Дондуков У. К. III. Аффиксальное словообразование частей речи в бурятском языке. Улан-Уда, 1964.
- ДТС — Древнетюркский словарь. Л., 1969.
- Ег. — Егоров В. Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964.
- Егоров — Егоров В. Г. Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении. Л. Чебоксары, 1971.

- Зам. — Боровков А. К. Названия растений по бухарскому списку. «Мукаддима ал-адаб.» К изучению узбекской ботанической терминологии. — «Тюркская лексикология и лексикография», М., 1974.
- И.—Св. — Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения постатрических языков (семитохамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский), I—II. М., 1971, 1976.
- И.—Св. — Иллич-Свитыч В. М. Материалы к сравнительному словарю постатрических языков (индоевропейский, алтайский, уральский, дравидийский, картвельский, семитохамитский). — «Этимология», 1935. М., 1967, стр. 321—373.
- Кепшен — Кепшен Ф. П. Материалы к вопросу о первоначальной родине и первобытном родстве индоевропейского и финно-угорского племени. СПб., 1833.
- Корнилов — Корнилов Г. Е. Евразийские лексические параллели, I. Чебоксары, 1973.
- КТБ — Большая надпись в честь Кюль-Тегина — ДТС.
- КЭС — Лыткин В. И., Гумяев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970.
- ЛОБ — Легенда об Огуз-хане — ДТС.
- МКБ — Малов С. Е., его статья в сб. «В. В. Бартольд» — ДТС.
- Меркулова — Меркулова В. А. Очерки по русской народной номенклатуре растений. М., 1967.
- МК — Словарь Махмуда Кашгарского — ДТС.
- Мусаев — Мусаев К. М. Лексика тюркских языков в сравнительном освещении. М., 1975.
- Основы — Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). М., 1974.
- П. — Петрова Т. П. Нанайско-русский словарь. Л., 1960.
- ПОАЯз — Проблемы общности алтайских языков. Сборник статей. Л., 1971.
- Преобр. — Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка. М., 1958.
- Рам. — Рамstedt Г. И. Введение в алтайское языкознание. Морфология. М., 1957.
- РСЛ. — Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий, I—IV. СПб., 1888—1911.
- СВ — Советское востоковедение. М.
- Сев. — Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. (Общотюркские и межтюркские основы на гласные). М., 1974.
- Сев. Афф. — Севортян Э. В. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. Опыт сравнительного исследования. М., 1966.
- СТ — Советская тюркология, Баку.
- ТМС — Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков, I—II. Л., 1973, 1977.
- Фасмер — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Пер. с немецкого и дополнения О. Н. Трубачева, I—IV. М., 1964—1973.
- Хаб. — Хабичев М. А. Карачаево-балкарское именное словообразование. (Опыт сравнительно-исторического изучения). Черкесск, 1971.
- Щербак — Щербак А. М. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970.
- Юг. — сочинение Ютнеки — ДТС.
- АОН — Acta Orientalia Hungarica. Budapest.
- ВОН — Bibliotheca Orientalia Hungarica. Budapest.
- САЖ — Central Asiatic Journal. The Hague—Wiesbaden.
- Chuastr. — Chuastuanift — ДТС.

- Cl. — Clouston G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford, 1972.
- D. Kh. — Dcerfer G., Hensche W., Scheinhardt H., Tezcan S. Khalaj materials. Bloomington — The Hague, 1971.
- Doerfer — Doerfer G. Türkische und mongolische Elemente in Neupersischen, I—III. Wiesbaden, 1963—1967.
- Joki — Joki A. J. Die Lehnwörter der Sa'an—Samojedischen. Helsinki, 1952 (MSFOu. 103).
- JSFOu — Journal de la Société Finno-Ougrienne. Helsingfors—Helsinki.
- Man. — Manichiaica — ДТС.
- MSFOu — Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. Helsinki.
- MTES — A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára. Főszerkesztő Benko L., szerkesztők Kiss L., Papp L., J. Budapest. 1967.
- Pok. — Pokorný J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, München, 1959.
- P. Vergl. — Pöppe N. Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen, I. Wiesbaden, 1960.
- QB — Кытапты билиг — ДТС.
- Rach. — издание товстов G. Rachmati — ДТС.
- Räsänen — Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der TürkSprachen. Helsinki, 1969.
- Räs. EW — Räsänen M. Materialien zur Morphologie der türkischen Sprachen. Helsinki, 1957.
- Räs. W. — Räsänen M. Der Wolga-bolgarische Einfluss im Westen im Lichte der Wortgeschichte. — Finnish-Ugrische Forschungen. Helsinki, 1946, XXIX, Heft 1—3, S. 190—201.
- R. Einf. — Ramstedt G. J. Einführung in die altaische Sprachwissenschaft. Formenlehre. Helsinki, 1952.
- R. KWB — Ramstedt G. J. Kalmükisches Wörterbuch. Helsinki, 1935.
- R. SKE — Ramstedt G. J. Studies in Korean etymology. Helsinki, 1953.
- S. — Sauvageot A. Recherches sur le vocabulaire des langues ouralo-altaïque. Paris, 1930.
- Sinor — Sinor D. Uralo-tunguz lexical correspondences. — Researches in Altaic Languages. Papers read at the 14th Meeting of Permanent International Altaic Conference Held in Szeged, August 22—28, 1971. Budapest, 1975.
- STO — Studia Orientalia. Helsinki.
- Suv. — Suvarnaprabhāsa — ДТС.
- TDAY. — Türk Dili Araştırmaları Yılığr. Belleten. Ankara.
- Bulleten.
- ThS — Thompson, издание рукописи Штейна — ДТС.
- Tiš. — Tišastvustik — ДТС.
- Toñ — наминик Тонъюкуку — ДТС.
- TT — тексты из Турфана — ДТС.
- UAlb — Ural-Altische Jahrbücher. Wiesbaden.
- Uig. — Uigurica — ДТС.
- UJb — Ungarische Jahrbücher. Berlin—Leipzig.
- USp. — Uigurische Sprachdenkmäler — ДТС.
- W — Windgott — ДТС.

В. Д. Колесникова

К ЭТИМОЛОГИИ МЕР ПРОТЯЖЕНИЯ, СВЯЗАННЫХ С НАЗВАНИЯМИ РУКИ

Одним из малоисследованных и интересных в смысле своего исторического развития разделов лексики алтайских языков, тесно связанного с названиями частей тела человека, являются слова, относящиеся к народной метрологии, в частности обозначения мер протяжения.

Из истории изучения мер известно, что древнейшие единицы измерения длины имели антропометрическое происхождение. В борьбе за существование, в процессе трудовой деятельности у человека возникала естественная необходимость в измерении предметов окружающей среды и расстояний. Такими измерителями стали служить части тела — руки, пальцы, ноги, а также размеры некоторых их движений — размах рук, шаг. Отмечаются примеры, когда в качестве меры высоты использовался рост человека.

Материалы различных языков показывают, что наряду с международной метрической системой некоторые из таких прислов приближенного измерения сохранились и до настоящего времени, часть их дала основание для возникновения более уточненных и узаконенных мер, употреблявшихся еще в недалеком прошлом, таких, например, как локоть, пядь, аршин, сажень, дюйм, вершок.

Обозначения этих мер обычно совпадали с названиями соответствующих частей тела человека, к которым и приравнивались измеряемые предметы, их длина, ширина, высота, расстояния между ними. В настоящее время все они, как правило, являются анахронизмами, встречающимися в языке старших поколений или в образцах народного творчества и литературе, отражающих наиболее ранние этапы исторического развития того или иного народа или группы родственных народов.

Сказанное выше относится также и к языкам алтайским и может быть проиллюстрировано некоторыми примерами.

В плане алтаистических сопоставлений заслуживает особого внимания общетюркское слово *кары* ~ *кар* (и его фонетические

варианты *кару* ~ *кары* ~ *гары* ~ *хара* ~ *хары* ~ *хур*), которое служит или названием для руки вообще (ст.-узб., уйг.), или обозначает верхнюю часть руки от локтя до плеча, плечо (др.-тюрк., кирг., алт.), а также локтевую часть руки, локтевую кость, предплечье, локоть (др.-тюрк., каз., тув., як.). Одновременно в большинстве тюркских языков указанное слово является устаревшим названием для меры длины. При этом в одних случаях это расстояние от середины груди до конца пальцев вытянутой руки (др.-тюрк., кирг., узб., туркм.), в других — расстояние от локтевого сустава до конца пальца (ев. (русск. *локоть*) (пог., азерб., каз., алт., як.), накопец, иногда это — двойное расстояние от локтя (локтевой косточки) до конца среднего пальца (чув.).

Относительно якутского языка следует добавить, что кроме имеющегося в нем варианта рассматриваемого слова *хара* ~ *хары*, отмеченного нами выше, существует еще *харин* ~ *харыч*, который употребляется только лишь в значении меры длины, равной расстоянию от локтя до конца среднего пальца, или 14 вершкам, или 62,2 см. Иными словами, используя средства словообразования, путем присоединения аффикса *-и* ~ *-ч* (возможно уменьшит. *-к* > *-с* > *-ч* > *-и*), якутский язык как бы специализировал обозначение одной из мер длины.

Со словом *кары* ~ *кар*, для которого первоначальным значением, возможно, было все же 'рука' вообще, непосредственно связана употреблявшееся в прошлом также общетюркское название для другой меры длины — *карыш* (~ *карыс* ~ *карыч* ~ *гарыш* ~ *харыш* ~ *харыс*) 'пядь', 'четверть'. Последнее представляет собой вторичное имя, образованное от существительного *кары* при помощи непродуктивного в настоящее время аффикса *-ш* ~ *-с*.

В разных языках эта мера длины имеет некоторые отличия в значении: расстояние между растянутыми большим и указательным пальцами (алт., ст.-узб., таг.); расстояние между концами большого и среднего пальцев (кирг., тоф., тув., як., хак.); расстояние между большим пальцем и мизинцем (таг., туркм., пог., узб., кумык.).

Реальность однокоренного происхождения слов *кары* ~ *кар* и *карыш*, обозначающих две различные меры длины в тюркских языках, подтверждает Э. В. Севортян, по мнению которого аффиксы *-ш* ~ *-с* [-(а)ш], образуя от более древних имен новые существительные, может придавать им наряду с другими значениями также значение уподобительно-уменьшительное.¹ Исходя из этого есть основание рассматривать *карыш* 'пядь', 'четверть' как выражение уменьшенной меры длины по отношению к большей мере — локтю, обозначенной словом *кары*.

¹ См.: Севортян Э. В. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. М., 1966, с. 171.

Оба указанные слова дали новые глагольные и именные образования, в которых четко выделяется их корневая основа *кары*. Приведем вначале некоторые слова, образованные непосредственно от основы *кары*:

Рсл. *кару-* [Osm.] 'трогать руками скотину, чтобы убедиться, жирна ли она', Рсл. *кари-ла-* [Dsch.] ~ *кери-ла* [Tar.] 'мерить рукой, локтями', др.-тюрк. *qari-la-* 'измерять', 'мерить', кирг. *кары-ла-* 'мерить на кары', Рсл. *кара-г* [Dsch.] 1. 'рука', 'локоть'; 2. 'сила', 'мощь', Рсл. *кара-г-лир* [Dsch.] 'сильный', 'мощный', 'могущественный', кирг. *кары-луу* 'сильный', 'плечистый', Рсл. *кара-ца* ~ *кару-ца* [Osm.] 1. 'верхняя часть руки'; 2. 'мера в поларшина', кирг. *кары-лык* 'локтевой сгиб', *карылык-туу* 'удобный для того, чтобы нацешить на локтевой сгиб'.

Примеры на словообразовании от вторичной основы *карыш*: др.-тюрк. *qariš-la-* ~ *qarš-a-* 'измерять пядью', Рсл. *карыш-ла-* [Alt., Tel., Leb., Kas.] ~ *караш-ла* [Dsch., V.] ~ *карыш-та-* [Kir., Sag.] 'мерить четвертями', тур. *kariş-la-*, гаг., башк., тат. *карыш-ла-*, узб. *кариш-ла-*, ног. *карыс-ла-*, кирг. *карыш-та-*, азерб. *гарыш-ла-*, туг. *карыш-а-* 'мерить, измерять пядями', як. *гарыс-та-* 'измерять пядью большого и среднего пальцев'. Рсл. *карыс-та-с* [Sag., Koib.] 'землемер (гусеница)', кирг. *карыш-ла-вык* 1. 'гусеница'; 2. 'землемер' (жучок), др.-тюрк. *qarš-au* 'длина', 'размер одежды', гаг. *карыш-лык* 'величиной с пядь'.

В киргизском языке имеется словосочетание *кере карыш* 'пядь, раздвинута до отказа' (*кере* 'полностью', 'в полную меру'). В этом же значении отмечено тувинское словосочетание — *тевер-карыш* (*тевер* 'упираться ногами во что-л.').

Обозначения аналогичных мер длины в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках, также совпадающих в ряде случаев с названиями отдельных частей руки, имеют отличные от приведенных выше тюркских названия. Однако в интересующем нас вопросе выявления общепалейских праформ анализ значений тюркского слова *кары* ~ *кар* подтверждает высказанную нами ранее точку зрения на правомерность сопоставления его по фонетическим и семантическим данным с общемонгольским *гар* 'рука' (вообще, в целом); перен. 'сторона', 'фланг', 'крыло' и тунгусо-маньчжурским *гара* 'сук', 'ветка', 'ответвление', 'приток реки', ма. *гарга* ~ *гарган* 'сук', 'ветка', 'отрасль', 'отпрыск', 'член тела', 'копечность' (две руки и две ноги), 'рукав реки', а также с корейским *кары-да* 'делить', 'подразделять', *сон-карак* 'палец' (*сон* 'рука'), *кальа* 'разветвление', 'ответвление' и выделения во всех этих словах алтайского архетипа *гари/а*.² При этом семантический комплекс данных слов «конечность—рука—сук—ветвь—ответвление» дополняется еще названиями мер длины.

² См.: Колесникова В. Д. 1) О названиях частей тела в алтайских языках. В кн.: Проблема общности алтайских языков. Л., 1971, с. 146—147; 2) Названия частей тела в алтайских языках. В кн.: Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. Л., 1972, с. 95.

Что касается эвенкийского *кар* ~ *каре* ~ *карен* ~ *кари* с основными значениями 'тонкий прут'; 'корень черемухи'; 'локтевая или лучевая кость', то оно свойственно главным образом восточным говорам этого языка и является заимствованием из якутского.

Привлечение некоторыми алтаистами, в том числе Н. Н. Поппе и Г. П. Рамstedтом, в качестве параллели к тюркскому *кары* ~ *кар* и монгольскому *гар* тунгусо-маньчжурского *цала* 'рука' вряд ли можно считать достаточно убедительным из-за несоответствия согласных второго слога *p* и *l*.

К установлению указанной параллели Г. П. Рамstedт приходит через сопоставление корейского глагола *kada* = *kažida* 'брать', 'взять' с эвенкийским *га-* 'брать', 'взять' и маньчжурским *гай-* 'брать', 'принимать', 'получать'. Что касается возможности сопоставления приведенных глаголов, то оно, по-видимому, по фонетическим и семантическим условиям не лишено основания. Связь их с тюркским *кары* и монгольским *гар* также может быть оправдана, если допустить развитие значений — рука > брать и утрату в эвенкийском глаголе конечного *p*. Однако при этом оказывается еще менее оснований для включения в круг рассмотренных выше слов тунгусо-маньчжурского *цала*.

Примером связи между наименованием указательного пальца и другим устаревшим обозначением пяди в алтайских языках служит слово, которое большинство монголистов относит к собственно монгольскому. Ср.: п.-мо. *sögem* ~ *sögüm*, монг. (хал.) *сөөм*, бур. *һөөм*, ойрат. *sögem*, калм. *söm* 'пядь' (расстояние между раздвинутыми большим и указательным пальцами, если они растянуты).

Эта пядь считалась малой пядью в противоположность большой пяди, равной расстоянию между раздвинутыми большим и средним пальцами: п.-мо. *töge*, монг., бур. *төө*, калм. *tö*.

В связи с *sögem*, *сөөм* и т. п. интересно отметить следующие существовавшие в прошлом у монголов меры длины и их обозначения:

п.-мо. *üžügür sögem*, монг. *үзүүр сөөм*, бур. *үзүүр һөөм*, 'малая пядь, полная (когда указательный палец вытянут во всю длину)';

п.-мо. *тихур sögem*, монг. *мухар сөөм*, бур. *мухар һөөм*, калм. *тихур сөм* 'малая пядь, укороченная или тупая (когда в указательном пальце подогнуты два верхних сустава)';

Употребительны были в монгольских языках также глаголы, образованные от именной основы *sögem*, *сөөм*, ср.: п.-мо. *sögümle-* ~ *sögüm-ne-*, монг. *сөөм-лө-* ~ *сөөм-нө-*, бур. *һөөм-лэ-* ~ *һөөм-нэ-*, калм. *söm-nö-* 'измерять пядью'.

Большинство тюркских языков и диалектов также обладало рассматриваемым выше словом и, как в монгольских языках, обозначало меру длины, равную расстоянию между вытянутыми большим и указательным пальцами. При этом оно употреблялось

в качестве названия малой пяди, противопоставляемой *карыш* — большой пяди, равной расстоянию между вытянутыми большим и средним пальцами. Приведем примеры.

РСл. *söjäm* [Dsch., Os] ~ *söm* [Alt., Tel., Schor.] ~ *söäm* [Kir.] ~ *söjäm* [Tob., Kas.] ~ *söjäm* ~ *söjäm* [Kir.] ~ *söjäm* [Sag. Koib.] 'четверть', 'расстояние между концами большого и указательного пальцев'; *сынжк сөjäm* [Kir.] 'четверть с поджатым большим пальцем', уйг. *сүйәм*, пог. *сүем*, казах. *сүйем*, алт. *сөбөм*, узб. *суям*, тат. *сөям*, тоф. *сөт*, тув. *сөөм* 'пядь', 'четверть' (расстояние между вытянутыми большим и указательным пальцами), башк. *һөәм* 'пядь' (расстояние между большим и согнутым указательным пальцами).

Некоторую особенность в приведенных примерах имеет, как мы видим, башкирское слово, значение которого совпадает с монгольским *мугар сөөм* — расстояние между большим и согнутым указательным пальцами.

К этому же можно добавить, что в тувинском языке существовали еще сходные с монгольскими специальными обозначения отдельных различий малой пяди, такие как *улуг сөөм* 'полная (букв. большая) пядь', 'четверть' (расстояние между большим и вытянутым указательным пальцами) и *мугур сөөм* 'короткая (букв. тупая) пядь', 'четверть' (расстояние между большим и согнутым указательным пальцами).

Сходными с монгольскими являются также соответствующие тюркские глаголы, например: РСл. *söjäm-lä-* [Dsch., Os] ~ *сү-жәм-лэ-* [Tob.-Kas.], тув. *сөөмнө-*, як. *сүбмийä-* 'мерить', 'измерять четвертями, пядьми'.

Далее весьма важно отметить, что в некоторых тюркских языках, в частности в киргизском и якутском, интересующее нас слово, выступая в значении 'пядь', 'четверть', одновременно зафиксировано в качестве названия указательного пальца или пальца вообще, перста. Хотя это последнее значение передается главным образом новыми словами, образованными путем слияния двух следующих основ: кирг. *сөөм* 1. 'пядь'; 2. то же, что и *сөөмөй*; *сөөмөй* [*сөөм* + *өй*] 'указательный палец', 'палец', як. *сүбөм* 'пядь', 'четверть аршина'; *сүбөмүйя* ~ *сүмүйя* ~ *сөмүйя* [*сүбөм* + *үйя*] 'указательный палец', 'перст' (*үйя* ~ *уя* 'продолжительность (время) жизни', 'век человека', 'течение времени', 'время', 'вечность', 'столетие', 'век', 'поколение', 'род'); ср. также: тюрк. — РСл. *үйя* (Тел, Шор, Леб) ~ *уя* (Sag., Koib.) 1. 'член', 'сустав'; 2. 'колесо', 'поколение', как. *уя*, казах. *жүйө* 'член', 'сустав', туркм. анат. *уй* 'связки', мо: ил-мо. *үй-е*, монг., бур. *уе*, калм. *үйе* 'сустав'; 'звено', 'слой', 'пласт'; 'поколение', 'период', 'эпоха'; 'век', 'момент'; грамм. 'слог'.

Наконец, что касается выявления этимологической связи между обозначением пяди и названием указательного пальца в тюркских языках, то особого внимания, как нам представляется, заслуживает туркменское словосочетание *сүем бармак*

со значением 'указательный палец', которое стоит в одном ряду с такими сочетаниями, как *башам бармак* 'большой палец' (*баш* 'голова', 'головной', 'главный'); *орта бармак* 'средний палец' (*орта* 'середина', 'средний'); *кулем бармак* 'мизинец' (*куле* 'куций', 'кургузый').

Формы слов *башам* и *кулем* отмечены только в туркменском языке и лишь в сочетании со словом *бармак* 'палец'. В подобном сочетании оказалось зафиксированным только в туркменское *сүем*.

Однако данный случай дает повод гипотетически усматривать в указанном языке сохранившиеся наиболее древние формы именного словообразования: *баш* + -(а)м, *куле* + -м, а также *сүе* -м, в которых, по-видимому, ныне непродуктивный аффикс -м создавал имена не только от глагольных основ, но также и от именных, в частности имена, послужившие различителями для отдельных пальцев. При этом исходя из семантики *башам бармак* (букв. 'главный палец') и *кулем бармак* (букв. 'куций, кургузый палец'), логически можно себе представить, что значение *сүем* было непосредственно связано с выражением понятия об указании, а затем с указательным пальцем (ср. кирг. и як. 'палец', 'перст').

Такого рода предположения морфологического и семантического порядка на базе примеров из туркменского, а также киргизского и якутского языков дают основание идти дальше в смысле возможности фонетической реконструкции корневой основы и ее значения слова *sögem* с общемонгольских, общетюркских и, наконец, с общеалтайских позиций, а именно: *sötm* < *sögem* < **söge* 'указательный палец'.

Подобная реконструкция находит себе подтверждение в материалах по тунгусо-маньчжурским языкам. Ср.:

эвенк. *сум* Прч, *сүм* К. [< бур.]; *сөм* Тмт, Учр, *сэм* ~ *сэмэ* Урм, Учр [< як.] 'пядь', 'четверть' (расстояние между большим и указательным пальцами), уд. *сүө* Хор, Бик, Смрг 1. 'указательный палец'; 2. 'пядь', 'четверть'.

В тунгусо-маньчжурских языках слово с предполагаемой нами корневой основой **söge*, как видим, не имело столь широкого распространения, как в монгольских и тюркских языках. Судя по тому, в каких именно эвенкийских говорах отмечено его использование, оно в одних случаях является заимствованием из бурятского (в нерчинском говоре, носители которого территориально близко связаны с Бурятией), в других — из якутского (в ряде восточных говоров, распространенных в районах Якутской АССР).

Иное положение занимает удгейское *сүө*. Его особенность состоит в первую очередь в самом его фонетическом облике с отсутствующим конечным -м. Таким образом, это слово очень четко предстает в виде одного из фонетических вариантов указанной выше корневой основы: *сүө* ~ *сүб* < *сүг* < *сүге* < **söge*, вычле-

нение которой оказалось возможным, как было показано выше, благодаря примерам из туркменского языка.

Вторая отличительная черта данного слова заключена в его семантике: на первом месте отмечено значение 'указательный палец', на втором — 'пядь, четверть'. Отсюда опять-таки можно предположить, что второе значение в алтайских языках явилось более поздним развитием первого, продиктованного необходимостью обозначить меру длины, в которой в отличие от других подобных мер оказался использован указательный палец. В дальнейшем это второе значение закрепилось как основное, а указательный палец получил в различных алтайских языках иные названия.

Роль удэгейского слова *сѳѳ* представляется нам в данном случае весьма важной как при том условии, что оно могло сохраниться самостоятельно в одном из алтайских языков, так и при условии, что оно оказалось заимствованным. Однако и как заимствование оно являлось, по-видимому, весьма старым без более позднего наращения окончания (аффикса) *-м*. В то же время оно сохранило и свое более древнее значение, обозначая указательный палец, лишь позднее использованное для обозначения пяди.

Таким образом, учитывая, во-первых, широкое применение в прошлом слова *söget* 'пядь' в монгольских и тюркских языках, во-вторых, возможность выделения в этом слове корневой основы **söge* — на основании туркменских примеров *суем бармак* 'указательный палец' наряду с *башам бармак* 'большой палец' и *кулем бармак* 'мизинец', а также на основании палочка удэгейского *сѳѳ* 1. 'указательный палец'; 2. 'пядь, четверть', нам представляется возможным усматривать в корневой основе **söge* ее праалтайскую форму, значение которой в прошлом было тесно связано именно с названием указательного пальца.

Далее можно предположить, что эта алтайская праформа могла быть глагольно-именной. Как именная она обнаруживается лишь в удэгейском имени *сѳѳ*. В качестве глагольной, которая могла выражать понятие — указывать, направлять внимание, эта праформа в чистом виде не сохранилась, но реальность ее существования в прошлом, как нам кажется, выражена в различных фонетических вариантах слова *söget* в тюркских и монгольских языках как отглагольного имени, образованного с помощью аффикса *-м*. Наши предположения в этом смысле основываются на наличии в тюркских,³ а также в монгольских⁴ языках некоторых других наименований мер, пропорций, образованных от глагольных основ с указанными выше аффиксом. Ср., например:

аз. *ичим* 'глоток' от *ич-* 'пить'; *шагырым* ~ *чакырым* 'верста' от *шагыр-* ~ *чакыр-* 'звать', 'кричать', 'призывать', 'содержать в себе';

тат. *тотам* 'пучок', 'пучок', 'прядь' от *тот-* 'хватать', 'держат (рукой)'; тув. *тудум* 'пучок' от *тут-* 'держат (рукой)'; *тутум* 'емкость', 'вместимость' от *тут-* 'держат (рукой)';

аз. *чэким* 'щепоть' от *чэк-* 'курить'; *сағым* 'удой' от *сағ-* 'долить', *сығым* 'емкость', 'вместимость' от *сығ-* 'вмещать';

туркм. *гысым* 'горсть' от *гыс-* 'сжимать', 'жать'; *доюм* 'то количество травы, которым можно насытиться' от *дой-* 'паедасть', 'насыщаться'.

тур. *уидит* 'глоток' от *уйт-* 'глотать'.

аз. *удум* 'глоток' от *уд-* 'глотать'.

узб. *ютум* 'глоток' от *ют-* 'глотать'.

казах. *жұтым* 'глоток' от *жұт-* 'глотать'.

кирг. *жүтүм* 'глоток' от *жүт-* 'глотать'.

кирг. *жалам* 'количество чего-л., достаточное лишь для того, чтобы его раз лизнуть' от *жала-* 'лизать'.

тув. *базым* 'шаг' от *бас-* 'ступать', 'шагать'.

бур. *алхам* 'шаг' от *алха-* 'шагать'.

³ См.: Севортян Э. В. Аффиксы именного словообразования... с. 294—302.

⁴ См., например: Грамматика бурятского языка. М., 1962, с. 65.

В. Д. Колесникова

О НЕКОТОРЫХ ОБЩЕАЛТАЙСКИХ ЛЕКСЕМАХ С СЕМАНТИКОЙ 'СИЛА'

К группе лексем с семантикой 'сила' относятся тюрк. **küč* и мо. **küči(n)* ~ **küčü(n)*¹ с идентичными основными значениями 'сила', 'мощь', 'крепость', 'прочность', 'могущество', 'сплადействие', 'припуждение', 'насилие', 'сила военная', а также т.-ма. **күсу(н)* (южная группа) 'сила', 'мощь', 'власть', 'вражда', 'битва', 'война' и **күсй-* (северная группа) 'драться', 'биться', 'сражаться', 'воевать'.

Приведенные тюркские, монгольские и тунгусо-маньчжурские слова привлекали внимание специалистов по алтайским языкам (В. Я. Владимирцов, Г. Д. Сапжеев, Г. И. Рамstedт, Н. Н. Полпе, М. Рясняев, Г. Дёрфер и др.). Одни из них считают монгольские и тунгусо-маньчжурские слова заимствованными из тюркских языков, другие относят к прародственным лишь слова тюркские и монгольские; третьи — в качестве общеалтайских рассматривают также слова тунгусо-маньчжурские и, кроме того, корейские.

Для подтверждения возможности указанной выше праалтайской реконструкции всех этих слов попытаемся проанализировать лексический материал, относящийся к ним, по каждой из групп алтайских языков.

Варианты тюркских форм *küč* ~ *köč* ~ *güč* ~ *küs* ~ *kös* и др. не выходят за пределы регулярных фонетических соответствий. Ср.:

Др.-тюрк. *küč*, *küč küsin* ~ *küč küsün* 'сила', 'мощь', 'насилие', уйг. кирг. тоф. *күч*, хак. *күс* 'сила', 'мощь', ног. *күчи* 'сила', 'мощь', 'могущество', башк. *көс*, тат. *көч* 'сила', 'мощь', 'мощность', 'могущество', 'усилие'; перен. 'труд', азерб. *күч* 'сила', 'мощь', 'мощность'; 'напор', 'усилие'; 'насилие', тур. *güç* 'сила', 'мощь'; 'труд', 'трудность'; 'насилие', 'жестокость';

¹ Владимирцов В. Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхасского наречия. Введение и фонетика. Л., 1929, с. 165—321.

'огорчение', 'неудовольствие', 'неприятность'; кум. *гюч*, узб. *күч*, туркм. *гүйч* 'сила', 'мощь', 'мочь'; воен. (только *мн.*) 'силы', 'войска', юр. 'сила', 'правомерность', як. *күс* 'сила телесная и духовная', 'мочь'; 'крепость'; 'власть', 'могущество', 'дар', 'способность'; 'насилие'.

Особый интерес вызывают древнетюркские парные сочетания *küč küsin* ~ *küč küsün*, в которых второе слово полностью совпадает с т.-ма. *күсу(н)*. Этот случай, отмеченный в одном из древнеуйгурских памятников (ДТС), дает возможность предполагать наличие общих связей между тюркскими и тунгусо-маньчжурскими языками.

В связи с долготой гласного туркм. *гүйч* и як. *күс* тюркская праформа восстанавливается с долгим *y/ü*, т. е. в виде *küč/küč*.²

Правомерность выделения тюркской корневой праформы **küč* < **küč* можно проиллюстрировать на ряде имен и глаголов, корневой основой которых являются различные варианты **küč*. Достаточно наглядно это представлено в формах обладания:

др.-тюрк. *küč-lüg* 'сильный', 'могущественный', тур. *güç-lü*, уйг. *күч-лүк*, кум. *гюч-лю*, аз. *күч-лү*, туркм. *гүйч-ли*, башк. *көс-лө*, тат. *көч-лө*, узб. *күч-ли*, як. *күс-мә* / **күс-ләх* / 'сильный', 'мощный', 'могучий', 'могущественный', 'крепкий'.

Подобную же структуру имеют формы необладаия:

др.-тюрк. *küč-süz*, тур. *güç-süz*, уйг. *күч-сиз*, аз., кирг. *күч-сүз*, кум. *гюч-сюз*, ног. *күчи-сиз* 'бессильный', 'слабый', 'немогущий'.

Также четко выявляется основа **küč* в ряде глагольных форм, например:

др.-тюрк. *küč-ä-* 'принуждать', 'употреблять силу'; 'сдерживать'; 'отнимать', 'отбирать', кирг. *күч-ө-*, туркм. *гүйч-ө-* 'набирать силу', 'становиться сильным'.

др.-тюрк. *küč-lä-*, уйг. *күч-лә-*, аз. *күч-лә-*, тат. *көч-лә-*, башк. *көс-лә-*, хак. *күс-тә-*, ног. *күчи-лә-*, туркм. *гүйч-лә-* 'насиловать', 'принуждать', як. *күс-тә-* 'одарить силой'.

Что касается семантики приведенных выше слов, то в ней наблюдается, как нам представляется, довольно последовательное развитие основных значений — сила, мощь, мощность, энергия (как физическое свойство) в обозначение представлений об усилении, напряжении, применении силы, насилии, жестокости и, наконец, в туркменском в обозначение представлений о военных силах, войсках и т. п.

В процессе этого развития нашли, по-видимому, свое место и соответствующие переносные осмысления этих слов — могущество, власть, принуждение, юридическая сила и др.

В монгольской именной основе *küči(n)* ~ *küčü(n)* также правомерно выделение корневой праформы **küči* ~ **küčü*:

² Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türk-sprachen, Helsinki, 1969, S. 306.

п.-мо. *kücin* ~ *küün*, ср.-мо. *küün* ~ *güün*, *k'üün*, даг. *k'utši*, монгр. *ku'dži*, орд. *gutši*, Kh *xutši*, ал. бур. *xušen*, калм. *kütsn* 'сила', 'мощь'.³

Кроме того, в современных монгольских языках для этих слов отмечены значения: 'мощность', 'усилие', 'сила-действие', 'энергия', 'крепость', 'прочность', 'сила военная' и др.

Для выяснения ряда вопросов фонетических форм в тунгусо-маньчжурских языках из приведенных монгольских вариантов весьма важную роль играют монгорское *ku'dži* с твердорядным и и средне-монгольское *güün* со звонким начальным согласным.

Приведем ряд имен и глаголов с рассматриваемой монгольской основой, формы образования и значения которых аналогичны соответствующим тюркским словам: п.-мо. *küü-tü* ~ *küü-tei* ~ *küün-tei*, монг. *xuč-tэй*, бур. *xucэ-тэ* ~ *xucэ-тэй*, калм. *küts-tē* 'сильный', 'обладающий силой', 'могучий', 'мощный', 'могущественный'; монгр. *xuč-гуй*, бур. *xucэ-гуй* 'бессильный', 'немогущий'; п.-мо. *küü-le*, монг. *xuč-lэ*, калм. *küts-l-* 'прилагать усилия', 'применять силу', 'поступать пасивно'.

В современном монгольском и калмыцком языках при словообразовании наблюдается утрата конечного гласного основы и в этом случае она полностью совпадает с тюркской корневой формой **küч*. Однако показания монгольских письменных памятников, общие закономерности структуры монгольских корней, а также рефлекс долгого гласного по данным тюркских языков побуждают к реконструкции монголо-тюркской праформы в виде **kücin* > *küün* и тюркской **küч* < **küчи*.⁴

Что касается тунгусо-маньчжурской группы, то во всех ее южных языках и, кроме того, в языках солонском и негидальском из северной ветви широко известны слова с именной корневой основой *кусу(н)*, которая полностью совпадает, как указывалось ранее, с тюркским словом *küün* в парном сочетании *küč küün* и в то же время отличается начальным согласным второго слога щелевым з от аффрикаты *č* в мо. *küün*.

Значения тунгусо-маньчжурских слов с основой *кусу(н)* идентичны значениям как тюркских слов с основой *küč*, так и монгольских с основой *küči(n)* ~ *küü(n)*, ср.: нег. *кусун* 'сила', 'сильный', уд. *куи*, орок. *кусу(н)* 'сила', 'власть', ульч. *кусу(н)*, нан. *кусү* ~ *кусу(н)* 'сила', 'энергия', ма. *хусун* 'сила', 'мощь', 'крепость', 'сила телесная и моральная', 'работник', 'подещик', 'наемный работник вообще', 'мастер', чж. *hüh-sün* 'сила'.

В этом ряду слов особого внимания заслуживает маньчжурское существительное *хусун*, так как его начальный согласный говорит в пользу твердорядного состава гласных. Но в маньчжурском

языке существует еще несколько слов, восходящих к тому же корню, однако с другим составом согласных и гласных: *кускун* 'с напряжением', 'с усилием', 'без отдыха'; *кучуу самэ* ~ *гучуу самэ* ~ *гүүүу самэ* 'прилежно', 'усердно', 'ревностно', 'без отдыха'.

Таким образом, в маньчжурском языке имеются варианты, напоминающие варианты различных монгольских языков, о которых уже упоминалось выше, а именно: монгр. *ku'dži*, ср.-мо. *güün*, орд. *gutši*.

На твердорядный характер ма. *хусун* обратил внимание Дёрфер, предполагая в нем заимствование из какого-либо, как он говорит, своеобразного монгольского диалекта.⁵

Для сравнения с тюркскими и монгольскими языками можно привести некоторые вторичные образования от тунгусо-маньчжурской основы **кусу(н)*:

сол. *хусу-ш'и* ~ *хусэ-ш'и*, орок. *кусу-тту* 'сильный', 'обладающий силой';
нан. *кусу-ңку* 'сильный', 'сплач', ма. *хусу-ңгэ* 'сильный', 'мощный'; 'крепкий'; 'состоятельный', 'закиточный';
нан. *кусу-лэ* ~ *куси-ли(н)* 'труд';
ульч. *кус-пу(н)* 'жердь, которой поддевают бревно' (чтобы его поднять).

Можно указать также на следующие, сходные по способу образования и по семантике с соответствующими тюркскими и монгольскими, глаголы: нан., ульч., орок. *кусу-лэ* 'прилагать силы, усилия в работе', 'работать', 'трудиться', ма. *хусу-ту-лэ* 'прилагать силы, усилия', 'напрягать силы', 'усиливать', 'посильно стараться', 'усердствовать', 'ревностно трудиться'.

В северной подгруппе тунгусо-маньчжурских языков слова, которые, по нашему мнению, следует отнести к общему семантическому кругу рассмотренных выше лексем, имеют корневую основу **кусй-* с долгим конечным гласным: эвенк. *куй-* ~ *куйи-* ~ *куий-*, нег. *куй-*, эвен. *куси-* ~ *куйи-* ~ *куши-* 'драться', 'биться', 'бороться' (за что-л.), 'сражаться', 'воевать'; эвенк., нег. *куй-л-*, 'начать драться', 'вступить в борьбу, в бой', 'идти войной'.

Что касается долготы конечного гласного т.-ма. основы **кусй-*, то можно отметить следующее: в общеалтайском плане имеют место примеры, когда в общей корневой основе в одних языках долгим является гласный первого слога, в других же долготой отмечена на втором, например: тюрк. *тир-*, *тирэ-* 'подпирать', 'поддерживать'; т.-ма. *тирэ-* 'давить', 'жать', 'подпирать', 'поддерживать'.

Особенность основы **кусй-* в отличие от т.-ма. (южн.) **кусу(н)*, мо. **küci(n)* и тюрк. **küč* состоит еще и в том, что она является не именной, а глагольной. Однако подобного рода случаи в ал-

³ Porre N. Introduction to mongolian comparative studies. 1955, p. 51, 113, 140, 142.

⁴ Porre N. Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen, 1960, S. 63, 112, 135.

⁵ Dörfer G. Türkische und mongolische Elemente in Neupersischen. 1967, Bd III, S. 622, 628

тайских языках, когда общая корневая основа в одних из них проявляет себя как именная, а в других как глагольная, не единичны, ср.:

мо., т.-ма. **kōke* 'сосать грудь', тюрк. **kōkū-z* ~ *kōkū-s* 'грудь', 'грудная клетка';

мо. **ete* 'женщина', 'самка', т.-ма. *эмэ* 'мать', кор. *эми* 'мать', 'самка'; тюрк. **et-* 'сосать'.

Многообразны в смысле выражаемых ими значений различные отглагольные имена с основой *кусй-*. Приведем некоторые из них: эвенк. *кусй-н* ~ *куһй-н* ~ *куий-н*, иег. *кусй-н*, эвеп. *куси-н* ~ *куһи-н* 'драка', 'борьба', 'битва', 'вражда', 'бой', 'война'; эвепк. *кусй-жэж* ~ *куһй-жэж*, эвен. *куси-жэж* ~ *куһи-жэж* 'место драки, битвы, боя'; 'драка', 'битва', 'бой', 'сражение', 'война'; эвенк. *кусй-лэн* ~ *куһй-лэн*, эвеп. *куси-лэн* ~ *куһи-лэн* 'драчун'; 'хороший воин', 'отличный боец'.

эвенк. *кусй-мий* ~ *куһи-муу*, эвен. *куси-муэ* ~ *куһи-муэ* 'боец', 'воин', 'солдат'.

Некоторые из имен существительных с этой основой стали употребительны в специальных значениях, связанных с понятием войны, например:

эвепк. *кусй-кйт* ~ *куһй-кйт* 'место драки, битвы, боя', 'поле битвы', а также 'военное дело', 'фронт';

эвеп. *куси-лди-вун* ~ *куһи-лди-вун* 'военное снаряжение', 'оружие', 'боеприпасы'.

Таким образом, круг значений глаголов и имен с основой **кусй-* сосредоточен по существу на действиях, связанных с применением силы, насилия и с войной.

Некоторую особенность в этом круге значений имеет солонское отглагольное существительное, выступающее как имя деятеля, с афф. *-цки*, со значением лица, применяющего свою физическую силу: сол. *кусу-цки* 'рабочий'. Значение этого слова перекликается с рядом вторичных значений ма. *хусун* 'работник', 'подёнщик', нан. *кусул* ~ *кусули(н)* 'труд', а также тур. *гис* 'труд', 'трудность' и тат. *көн* 'труд'. Можно сказать, что данный случай еще раз подтверждает наличие семантических связей, во-первых, между рассматриваемыми словами южных и северных тунгусо-маньчжурских языков и, во-вторых, между словами разных групп алтайских языков.

Дёрфер считает неправомерным объединение т.-ма. южн. *кусу(н)* с северн. *кусй-*, ошибочно относя последнее к словам с твердоядным составом гласных и, кроме того, отличающимся от *кусу(н)* иным значением.

Возможно, прав Рамстедт, когда сопоставляет кор. *ку*, *ку-сју* 'враг'; *ку-си гадэ* 'смотреть как на врага', 'смотреть с чувством враждебности' с эвенк. *кусй-* 'драться, сражаться'. Однако подобное сопоставление требует еще специального изучения, точно так же, как и вторая его этимология, в которой сопоставляется

ма. *хусун* в значении 'рабочий' и кор. *куҗе* 'помощь', 'помощник'.⁶

Нам представляется, что, несмотря на некоторые отклонения в нормах фонетических соответствий, первоначальные корневые основы тюрк. **kāč*, мо. **kāčī(n)* ~ **kāčū(n)*, т.-ма. **кусу(н)*, **күсй-* являются в каждой из этих групп языков самостоятельными рефлексамии общалтайского архетипа **kāčī* ~ **kāčī*.

Что же касается значений, то, как мы пытались показать, выражение понятия «война» свойственно не только тунгусо-маньчжурским словам, но также и тюркским, что является естественным развитием таких значений, как 'сила', 'насилие'.

⁶ R a m s t e d t J.: 1) Studies in Korean Etymology, 1949, p. 128, 132. 2) Kalmückisches Wörterbuch, 1935, S. 249. 3) Einführung in die altaische Sprachwissenschaft, 1957, S. 96.

Т. Г. Бугаева

НУМЕРАТИВЫ В КОРЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Как известно, корейский язык до настоящего времени, с точки зрения генетической классификации, большинством ученых считается, в сущности, языком, занимающим изолированное положение. Вместе с тем отдельные исследователи, такие как Е. Д. Поливанов, Г. Рамstedт и другие, высказываются за возможность включения его в семью алтайских языков наряду с тюркскими, монгольскими, тунгусо-маньчжурскими. Имеются, кроме того, мнения в пользу сближения корейского языка с японским, также занимающим положение языка-одиночки.

Если подойти к корейскому языку с точки зрения основных особенностей его грамматического строя, то в нем обнаруживаются черты, которые считаются характерными для изолирующих языков Китая и Юго-Восточной Азии. Мы имеем в виду прежде всего наличие в корейском языке своеобразных способов выражения количественных отношений и, в частности, особых сочетаний числительных с существительными.

В корейском языке, как и в ряде других языков, при количественной характеристике предметов окружающего мира проявляется деление последних на две основные группы: с одной стороны, предметов, поддающихся счету, и, с другой стороны, таких предметов, которые сами по себе способны быть не могут. Иными словами, согласно О. Есперсену, мы имеем дело с миром исчисляемых вещей и с миром неисчисляемых вещей.¹ Эта особенность находит свое выражение в языках разного типа. В связи с этим обстоятельством в грамматических описаниях при характеристике имен существительных употребляются термины «считаемый» и «нечисляемый», «исчисляемый» и «неисчисляемый» и т. д.

Сюда же относятся противопоставление «веществ» и «не-веществ». Так, в отношении китайского языка А. А. Драгунов подчеркивает:²

«„Вещества“ не допускают возможности индивидуального подсчета, «не-вещества» его допускают. Первые обслуживаются единицами измерения в узком смысле этого слова, т. е. «мерами», например *и цзинь жоу* 'одни фунт мяса', *сань вань шуй* 'три чашки воды'. Вторые обслуживаются либо счетными словами, если речь идет о счете по совокупностям предметов, либо же суффиксами-классификаторами, если речь идет о счете по отдельным предметам, например: *и хоузы жэнь* '(одна) толпа людей', но *изэ жэнь* 'один (штука) человек'».

Указанный выше подход А. А. Драгунова разделяется и рядом специалистов по корейскому языку. Так, А. А. Холодович³ в группе имен существительных выделяет имена вещественные, противопоставляя их именам, обозначающим предметы, считаемые поштучно. В то же время с делением имен существительных на имена вещественные и невещественные теснойшим образом связывается вопрос о семантических классах существительных. При этом специфика классификации состоит в том, что сами существительные «не имеют внешних морфологических признаков класса. Но тем не менее класс имени — это грамматическая категория, ибо наличие его распознается при подсчете предметов, когда числительное оформляется счетным суффиксом-классификатором». Это явление настолько характерно для корейского языка, что количество семантических разрядов имен существительных ставится в прямую связь с числом классификаторов, «которых ровно столько, сколько классов у имен».⁴

Приведенная формулировка носит слишком общий характер: до настоящего времени не было специальных исследований, посвященных данной проблеме, и не выявлено хотя бы приблизительное число классификаторов. В работах, где затрагивается этот вопрос, обычно приводятся как иллюстрации лишь по несколько классификаторов. Например, А. А. Холодович⁵ упоминает 12 классификаторов. У других авторов примеров несколько больше, но у них в отличие от А. А. Холодовича мы не находим четкого разграничения классификаторов и счетных слов. Так, Г. Рамstedт⁶ в перечень из 22 «наиболее употребительных классификаторов» включил помимо классификаторов в собственном смысле слова 9 счетных слов. Ю. Н. Мазур,⁷ приводя в виде

² Драгунов А. А. Исследования по грамматике современного китайского языка. М.—Л., 1952, с. 48.

³ Холодович А. А. Очерк грамматики корейского языка. М., 1954, с. 49—50.

⁴ Там же, с. 49.

⁵ Там же, с. 49—50, 71.

⁶ Рамstedт Г. Грамматика корейского языка. М., 1954, с. 83—85.

⁷ Мазур Ю. Н. Краткий очерк грамматики современного корейского языка. Приложение к Русско-корейскому словарю. М., 1951, с. 970—971.

¹ Есперсен О. Философия грамматики. Перев. с англ. М., 1958, с. 229.

списка «наиболее распространенные счетные слова», дает 15 классификаторов и 2 счетных слова. В более специальной работе Л. Б. Никольского⁸ термины «счетное слово» и «классификатор» употребляются как синонимы и среди 30 «наиболее употребительных классификаторов» помещено 8 счетных слов.

В учебнике корейского языка чешского автора А. Пультра⁹ в отношении классификаторов употребляется термин «нумератив». Но хотя автор и противопоставляет нумеративы-классификаторы другим счетным показателям, в его списке из 28 классификаторов-нумеративов фактически только 19 классификаторов и в то же время в разряд счетных слов и мер попали такие классификаторы, как *ал* 'зерно' (классификатор для округлых предметов), *карак* (классификатор для длинных тонких предметов).

Употребление классификаторов в связи с разными группами существительных свойственно не только корейскому и китайскому языкам, но также японскому, пивскому, языкам Юго-Восточной Азии, Океании, южной Индии, индейским языкам.¹⁰ Как правило, исследователи этих языков также связывают вопрос о наличии классификаторов при счете с проблемой семантических классов существительных, причем одни признают существование специализированных классов, другие же отрицают их наличие.

Например, диаметрально противоположные точки зрения высказываются по поводу этой проблемы в отношении китайского языка. Наиболее последовательным сторонником наличия семантико-грамматических групп существительных является А. А. Драгунов. Обосновывая свою точку зрения на специализированные классы имен в китайском языке, он различает, как уже говорилось выше, прежде всего два больших разряда существительных: разряд «вещество» и разряд «не-вещество». При этом существительные разряда «не-вещество», допускающие возможность индивидуального подсчета, в свою очередь распределяются по специализированным лексико-грамматическим категориям, так называемым «классам». Отметим, что в китайском языке распределение существительных по классам проявляется не только при счете предметов, но и при указании на них. Поэтому суффиксом-классификатором, который является специфичным для одной определенной смысловой группы существительных, могут оформляться кроме имен числительных также указательные и вопросительные местоимения.

А. А. Драгунов считает, что «материально одно и то же существительное может входить в разные классы» в зависимости от

⁸ Никольский Л. Б. Служебные слова в корейском языке. М., 1962, с. 38—40.

⁹ Pultr A. Učebnice Korejštiny. Praha, 1954, с. 114—116.

¹⁰ Наиболее полный перечень, включающий около 100 языков, характеризующихся наличием классификаторов, приводится в работе: Geertz J. H. Numerical classifiers and substantival number: problems in the genesis of a linguistic type. Actes du XI congrès International des linguistes. Bologna, 1972 [preprint].

критерия классификации, заключенного в значении суффикса-классификатора. Другими словами, одно и то же существительное может употребляться с разными суффиксами-классификаторами.

Последнее обстоятельство у В. М. Солнцева¹¹ приводится как раз в качестве аргумента против паличия классов существительных, ибо факт принадлежности одного и того же существительного к нескольким классам в зависимости от используемого суффикса-классификатора подрывает, с его точки зрения, само представление о теории классов. В. М. Солнцев подходит к вопросу о суффиксах-классификаторах с других позиций — выражения категории единичности, штучности. Известно, что взятое само по себе любое существительное в китайском языке обозначает не отдельный индивидуальный предмет, а некую общность однородных предметов. В тех случаях, когда речь идет об одном предмете или о нескольких индивидуальных предметах, обособленных от этой общности (например, при указании, счете и вопросе о количестве единиц), китайские существительные требуют постановки определенной морфемы у числительных. В. М. Солнцев называет такую морфему «аффиксом единичности».

В работах корейских авторов классификаторы специально не выделяются. Так, авторы академических грамматик корейского языка все счетные показатели, следующие непосредственно за числительным, называют одним термином *сунганъ-ий танги* 'единица количества'. При этом в грамматике, изданной АН КНДР в 1949 г., «единицы количества» рассматриваются в разделе о числительных, где из приведенных 15 примеров 8 классификаторов.¹² В грамматике же 1960 года¹³ специальное внимание этому вопросу уделяется в разделе о служебных существительных и среди 23 «единиц количества» даются 5 классификаторов.

В шеститомном толковом «Словаре корейского языка»¹⁴ употребляется другой термин *мёнъсуса* 'счетное слово', которым отмечаются соответствующие случаи. В результате выборки из данного словаря нами получено свыше 300 единиц с указанной пометой.

Подобное суммарное представление о различных счетных показателях не случайно и связано с тем, что все они обозначают единицу измерения в широком смысле этого слова и именно поэтому способны непосредственно сочетаться с числительными, опосредуя тем самым связь числительных с существительными — названиями

¹¹ Солнцев В. М. Очерки по современному китайскому языку. М., 1957, с. 98—102.

¹² Чосэно мушпэп. Чосэон омул йонгухве. Пхёнъянсьи. 1949. [Грамматика корейского языка. Институт корейского языка. Пхеньян, 1949].

¹³ Чосэно мушпэп. Ыммон. Хёнътхэрон. I. Пхёнъянь, 1960. [Грамматика корейского языка. Фonetика. Морфология, I. Пхеньян, 1960, с. 139—141].

¹⁴ Чосэи мпэчжужуый имин конъхагук ввахэгон мухак йонгусо пхёнпчан. Чосэмал сажэи. 1—6 кван. 1960—1962 йэон. [Словарь корейского языка. Тт. 1—6. Изд. АН КНДР. — Далее КТСл.].

вещества или предмета. В то же время, как уже отмечалось выше, А. А. Холодович отчетливо различает классификаторы и счетные слова: «Счетные суффиксы-классификаторы не следует путать со счетными словами. Последние представляют собою особый разряд имен, которые употребляются при подсчете таких предметов, которые невозможно считать поштучно (например, крупа) или которые, допуская поштучный счет, тем не менее измеряются тем измерителем, в котором они содержатся (например, дрова, считаемые возами). Это такие слова, как *чум* 'горсть', *пйонъ* 'бутылка', *чан* 'чашка' и т. п. Все это счетные слова, а не суффиксы-классификаторы. Имена, которые требуют счетных слов, называются вещественными».¹⁵

Следовательно, в корейском языке с характеристикой имени существительного самым непосредственным образом связан вопрос о способах сочетания существительных с различными количественными показателями. В частности, подразделение существительных на классы основывается не на внешних морфологических признаках, а лишь на том, какой из классификаторов употребляется при счете этих существительных. Более того, как уже говорилось выше, указывается, что классов имен в корейском языке столько, сколько и пом классификаторов. При этом для корейского языка до настоящего времени по существу не установлено хотя бы приблизительно ни число классов существительных, ни число самих классификаторов. Одной из основных задач предлагаемой работы является, в частности, выявление и систематизация классификаторов корейского языка. Эта задача потребовала исследования всех способов сочетаний количественных числительных с именами существительными. В подавляющем большинстве случаев как при счете существительных, относящихся к разряду «не-веществ», так и тех, которые выражают «вещество», в корейском языке числительное требует дополнительной постановки опосредующего существительного. В своей работе мы считаем необходимым ввести для обозначения таких служебных показателей термин «нумератив», или «счетный показатель» в широком понимании.

Термин «нумератив» употребителен в русской грамматической традиции главным образом в работах по тюркским и иранским языкам. Однако объем понятия «нумератив» точно не определен, и его содержание варьирует от автора к автору. В отношении языков тюркских и иранских этот термин употребляется как синоним «счетных слов» в широком смысле слова. Исходя из широкой семантики термина «нумератив», мы в нашей работе подразумеваем под этим термином все виды счетных показателей, включая классификаторы.

Следует еще раз подчеркнуть, что по установившейся традиции в грамматических описаниях китайского языка и многих языков

Юго-Восточной Азии ряд авторов противопоставляет термины «классификатор» и «счетное слово».¹⁶ А. А. Москалев относительно языка чжуан указывает, что классификаторы «представляют собой показатели категории считаемости — грамматической категории чжуанских существительных (подкласса «невещества»), которая указывает на то, что предмет, обозначаемый данным существительным, понимается как отдельная единица или некоторое множество единиц, доступных подсчету».¹⁷ Классификаторам противопоставляются названия совокупностей, т. е. существительные, которые «обозначают совокупные множества предметов», и названия мер, которые «являются названиями различных единиц измерения с постоянным количественным содержанием».¹⁸

Как уже упоминалось, в отношении корейского языка А. А. Холодович прямо указывает, что «счетные суффиксы-классификаторы не следует путать со счетными словами».

Вместе с тем у некоторых авторов в качестве синонима термина «классификатор»¹⁹ употребляется термин «счетное слово».

В нашей же работе под термином «нумератив» мы подразумеваем и классификаторы, и совокупно-счетные слова и названия мер, дифференцируя их следующим образом.

К л а с с и ф и к а т о р а м мы подразумеваем разряд служебных слов именного происхождения, которые в отличие от других нумеративов указывают на соответственность существительных с определенной семантической подгруппой или классом из группы «не-веществ», т. е. названий предметов, считаемых поштучно.

К совокупно-счетным словам мы относим имена существительные, которым свойственно значение совокупности и которые употребляются при количественной характеристике существительных — названий предметов, хотя и поддающихся раздельному счету, однако встречающихся обычно в виде совокупностей.

М е р а м мы называем имена существительные, служащие для количественной характеристики какого-либо однородного делимого вещества, отдельные части которого имеют свойства целого и поддающегося измерению, но не счету. Однако необходимо подчеркнуть, что измерению могут подвергаться не только вещества как таковые, но и штучные предметы, которые при этом не превращаются в «вещества», а лишь приобретают числовое выражение присущих им физических свойств, таких как протяженность, объем, вес и т. д.

¹⁶ Драгунов А. А. Указ. соч., с. 48.

¹⁷ Москалев А. А. Грамматика языка чжуан. М., 1971, с. 119—120.

¹⁸ Там же, с. 129.

¹⁹ П л а м Ю. Я. Относительно особой синтаксической функции «опосредования» (на материале лаосского языка). — В кн.: Языки Китая и Юго-Восточной Азии. М., 1971, с. 141.

¹⁵ Холодович А. А. Указ. соч., с. 50.

В связи с темой нашего исследования необходимо хотя бы в общих чертах охарактеризовать числительные корейского языка, которые играют важную роль в счетных комплексах.

Прежде всего следует отметить гетерогенность состава числительных современного корейского языка. В грамматиках подчеркивается: «Корейцы употребляют двойного рода числительные: одни являются исконно корейскими, другие заимствованы из китайского языка. Чисто корейские числительные употребляются в сочетании с исконно корейскими именами существительными; с китайскими же именами существительными употребляются китайские числительные. Корейская система числительных включает наименования чисел до ста; два слова *он* (сто) и *чымн* (тысяча) некогда существовали, но теперь не употребляются. Для чисел свыше двадцати предпочитают китайские числительные». ²⁰ Таким образом, используя корейские числительные, можно сосчитать до 99. При счете до 100 употребляются и корейские, и китайские числительные. Счет от 100 и выше ведется только китайскими числительными». ²¹

Из разрядов числительных все авторы корейских грамматик, как правило, упоминают количественные и порядковые числительные.

Количественные числительные. По своей структуре числительные как исконно корейские, так и китайские должны быть отнесены к десятичным системам: наименования от 1 до 10 включительно обозначаются каждое особым словом, тогда как для остальных чисел используются либо сочетания «10 + наименование единиц» (числительные второго десятка, т. е. 11—19), либо наименования единиц × 10 (круглые десятки). Сказанное наглядно может быть представлено следующим образом:

Количественные числительные корейского происхождения

1 — хана	12 — йэдул	30 — сэрхын
2 — тул / -дул	13 — йэсет	40 — махын
3 — сет	14 — йэнет	50 — свин
4 — нет	15 — йэласет	60 — йесын
5 — тасэт	16 — йэриэсет	70 — ирхын
6 — йэсэт	17 — йэригоп	80 — йэдын
7 — игоп	18 — йэриэдоп	90 — ахын
8 — йэд(л)п	19 — йэрахоп	100 — арх. он
9 — ахоп	20 — сымул	1000 — арх. чымын
10 — йэ(л)-р	21 — сымул хана	
11 — йэрхана	22 — сымул дул	

Как видно из приведенных параллельных рядов наименований единиц и круглых десятков, среди последних лишь в числитель-

ных 30, 60, 70, 80 и 90 корневые элементы тождественны, тогда как числительные 20, 40 и 50 имеют особые наименования, не входящие к названиям соответствующих единиц.

Количественные числительные китайского происхождения

1 — ил	11 — сибил	21 — исип ил	101 — пэил
2 — и	12 — сиби	22 — исип и	200 — ибэж
3 — сам	13 — сипсам	30 — самсип	300 — самбэж
4 — са	14 — сипса	40 — сасип	400 — сабэж
5 — о	15 — संबо	50 — осип	500 — обэж
6 — юк	16 — симнюк	60 — юксип	600 — юкбэж
7 — чхил	17 — сипчхил	70 — чхисип	700 — чхилбэж
8 — пхал	18 — сиппхал	80 — пхалсип	800 — пхалбэж
9 — ну	19 — сипну	90 — нусип	900 — нубэж
10 — сип	20 — исип	100 — пэж / -бэж	1000 — чхэн
	10 000 ман,	100 000 000 эк	

Прежде чем перейти к порядковым числительным, необходимо отметить, что «некоторые корейские числительные имеют две формы: одна употребляется в значении существительного и как таковая может склоняться; другая употребляется в значении прилагательного, являясь, таким образом, синтаксически атрибутом». ²² Подобные фонетически видоизмененные формы числительных-определенных отмечаются для наименований единиц от 1 до 6 включительно и для числительного 20, ²³ ср.:

Числительное количественное	Основная форма	Определительная форма
один	хана	тан
два	тул	ту
три	сет	се, сэ, сэк
четыре	нет	не, нэ, нэк
пять	тасэт	тэ, тат
шесть	йэсэт	йэт, йэсэт
двадцать	сымул	сыму, сымул

А. А. Холодович первую, т. е. «основную» форму и форму числительного-существительного условно называет «математической», так как в этой форме корейские количественные числительные способны функционировать в абстрактном, математическом счете. Вторую же, аббревированную атрибутивную форму или, шире, количественные числительные в атрибутивном употреблении он склонен рассматривать как особую «предметные числительные, которые никогда не употребляются при математическом счете, для выражения математических операций над числами. Основ-

²⁰ Рамstedт Г. Указ. соч., с. 78.

²¹ Мазур Ю. Н. Указ. соч., с. 968.

²² Рамstedт Г. Указ. соч., с. 78—79.

²³ Мазур Ю. Н. Указ. соч., с. 969.

ное назначение этих числительных — считать совокупности предметов. Они представляют собой соединение количественных числительных с суффиксом-классификатором. Как уже говорилось, таких суффиксов-классификаторов ровно столько, сколько классов имен существительных. Отсюда следует, что для каждого числа (единицы, двойки и т. д.) существует столько предметных числительных, сколько суффиксов-классификаторов.²⁴ Иными словами, А. А. Холодович рассматривает образования типа «количественное числительное плюс классификатор» в качестве лексических дериватов, а не синтаксических сочетаний.

Порядковые числительные в корейском языке имеют четко выраженную морфологическую структуру и образуются путем присоединения к количественным числительным суффикса *-ччэ*, если мы имеем дело с числительным исконно корейского лексического фонда, или префикса *че-* для китайзмов. Ср.:

Порядковые числительные

Корейские	Китайские
первый <i>чхэт, чхэтччэ</i>	<i>че-ил</i>
второй <i>тулччэ</i>	<i>че-и</i>
третий <i>сеччэ</i>	<i>че-сам</i>
четвертый <i>неччэ</i>	<i>че-са</i>
пятый <i>таэстччэ</i>	<i>че-о</i>
шестой <i>йэстччэ</i>	<i>че-рюк</i>
седьмой <i>илгонччэ</i>	<i>че-чхил</i>
восьмой <i>йэвдэччэ</i>	<i>че-пхал</i>
девятый <i>агонччэ</i>	<i>че-гу</i>
десятый <i>йэлчэ</i>	<i>че-сип</i>
одиннадцатый <i>йэрханччэ</i>	<i>че-суб-ил</i>
двадцатый <i>сымуччэ</i>	<i>че-и-сип</i>

Как видно из приведенного перечня, в роли порядкового числительного «первый» употребляется особое слово *чхэт* или *чхэтччэ* вместо числительного *ханччэ*, которое, однако, выступает в образованиях типа «одиннадцать», «двадцать один» и т. п. Аббревированную форму имеют также числительные *сеччэ* 'третий', *неччэ* 'четвертый' и *сымуччэ* 'двадцатый'.

С аббревированными формами корейских числительных мы имеем дело также при условиях приблизительного счета:²⁵

Формы числительных приблизительного или примерного счета

один-два	<i>хан-дул, хан-ду</i>
два-три	<i>ту-сэт</i>

²⁴ Холодович А. А. Указ. соч., с. 71.

²⁵ Там же, с. 70.

три-четыре	<i>сэ-нэт, сэ-нэ</i>
четыре-пять	<i>пэ-бэт</i>
пять-шесть	<i>тэ-йэсэт</i>
шесть-семь	<i>йэ-илгон</i>
семь-восемь	<i>ир-йэвдэ(л)п</i> и т. д.

Обычно при описании числительных авторы грамматик корейского языка отмечают, что «основы числительных могут входить в состав сложных имен существительных».²⁶ Из этих групп большой интерес представляют сложные существительные со значением числа дней или чисел месяца, а также со значением возраста животных.²⁷

Все перечисленные выше виды нумеративов, т. е. классификаторы, совокупно-счетные слова и слова, обозначающие меры, сочетаясь с числительным, образуют вместе с исчисляемым именем существительным счетную конструкцию. При этом имя числительное связано с нумеративом определительным отношением и имеет атрибутивную форму. Отметим, что под конструкцией мы понимаем сочетание слов или групп слов, обладающих непосредственной связью. Счетная конструкция состоит из двух непосредственно связанных членов: имени существительного и количественного комплекса «имя числительное + нумератив». При этом в позиции имени числительного могут выступать и местоименные числительные: *йэре* 'несколько', *мйэт* 'сколько'; 'несколько'. Количественный комплекс по отношению к исчисляемому имени существительному может употребляться непосредственно в препозиции, в постпозиции, а также дистантно.

На синтаксическом уровне оба члена счетной конструкции выступают как два разных члена предложения. Так, между членами данной конструкции устанавливаются отношения определения и определяемого, если количественный комплекс стоит перед исчисляемым именем существительным. Количественный комплекс оформляется при этом родительным падежом, точнее — нумератив имеет форму родительного падежа. Примеры: *... чхуксан кыллочжадыр-ын 641 ман 2 чхэн 800 мари-ый чипчимсынъсэки-рыл киллэнэтта* (НС, 1967, 3, 26) '... животноводы вырастили 6 412 800 голов молодняка'; *Хан тте-ый илбон нодонъчжа-дыр-и на-рыл туллэ саго итта* (СКЛ, 5, 113) '(Одна) толпа японских рабочих окружила меня'; *... 3256 ман кван-ый какхонъ квасир-и сухактвейэтта* (ЭГК, 331) '... было получено 32 560 000 кванов различных фруктов' (1 кван=3.75 кг).

При постпозиционном употреблении количественного комплекса по отношению к исчисляемому имени существительному также образуется определительная конструкция, но имя существи-

²⁶ Там же, с. 72.

²⁷ См.: Холодович А. А. Указ. соч., с. 72; Раменский Г. Указ. соч., с. 81—82; Мазур Ю. Н. Указ. соч., с. 971.

тельное, выступающее в данном случае в функции определения, родительным падежом никогда не оформляется, оно всегда стоит в основном падеже. Например: *... чонъдалса хан мари-га арым-даун нор-рыл пулло чумнида* (Рр, 2, 189) '... поёт красивую песню (одна «голова») жаворонок'; *... сирэгичук хан кырыс-и чуин-ыл кидариго итта* (СКЛ, 6, 387) '... одна чашка похлебки ждет хозяина'.

Когда же исчисляемое имя существительное оформляется любым другим падежом, кроме основного, то члены счетной конструкции выражают особое отношение паритивности, при котором первый член (имя существительное) имеет значение целого, а второй (количественный комплекс) — его части, выраженной количественно. При этом субстантивный член выполняет функцию либо подлежащего, либо дополнения, а количественный комплекс указывает, какая часть предметов, обозначенных подлежащим или дополнением, охватывается данным действием.

Например, имя существительное имеет форму именительного падежа, нумератив употреблен в основном падеже, имя существительное при этом выполняет функцию подлежащего, сочетание имени числительного с нумеративом — особую функцию количественного уточнителя: *... нонъгачиб-и хан чза поимнида* (ДЛ, 1961, 1, 82) '... виднется один («фундамент») крестьянский дом'; *Кунъмур-и се сабал каранъ тве-ворок чоръс тунда* (Кк., 142) 'Воды на суш уменьшается приблизительно до трех чашек'.

Когда существительное имеет форму винительного падежа, нумератив может иметь форму либо винительного падежа: *... нан-нын коккэвн-и чару-рыл ту тонъганъ-ыл пэйэтта* (СКЛ, 5, 111) '... я вынул два обломка заступа', либо основного падежа: *... нэнь-су-рыл хан пагачжи ттэсэ* (Ли Гиен, 74) '... зачерпнув (одни) ковш холодной воды'.

Имя существительное в данном случае выполняет функцию прямого дополнения, количественный комплекс — особую функцию количественного уточнителя.

Употребляясь дистантно, количественный комплекс может выступать в роли именного компонента составного именованного сказуемого. Например: *Кычжун. ... чхилсэж сонъ-нын юнъман очхэн мари-да* (КЕ, 199) 'В том числе ... золотистого карпа 6500 («голов»)'

Количественный комплекс может употребляться дистантно и в других случаях, например, когда он выполняет функцию количественного уточнителя при дополнении: *Тгонъ-и чал тырэс пэчху-нын хан сон-е хан пзоги тылги-га химдылда* (КТСл., 5, 97) 'Кочан вырос такой, что одной рукой трудно удержать (одни) стебель капусты'.

Мы лишь вкратце остановились на рассмотрении синтаксических особенностей счетной конструкции. Вопрос этот заслуживает особого изучения. Материал показывает, что с синтаксической точки зрения все конструкции, независимо от типа нумератива,

тождественны. Различие между ними, за исключением некоторых синтаксических особенностей, является скорее лексико-семантическим. Поэтому наше исследование посвящено в основном рассмотрению семантических типов счетной конструкции. При этом конструкция, употребляемая для счета штучных предметов, мы называем особо — счетным комплексом.

Переходим к рассмотрению типов конструкций, для анализа которых нами были произведены соответствующие выборки из литературы на корейском языке самых различных жанров — художественной, общественно-политической (газеты, журналы), учебной и т. д. При этом в общей сложности было просмотрено около 8000 страниц и извлечено около 5000 соответствующих фразовых примеров.

СЧЕТНЫЙ КОМПЛЕКС С КЛАССИФИКАТОРАМИ

Классификаторы в отличие от других счетных показателей не только называют единицу счета, но и выделяют в обозначаемом именем предмете тот или иной чувственно воспринимаемый, внешний признак (напр., форма предмета, наиболее заметная часть его и т. п.): *... чонси-е оят 17 ар-и тамгайсиссэссы-мнида* (Арф., 1, 95) '... на тарелке лежало 17 («зерно») слпв'; *... чип тви-твил ан-е-нын поксунъанаму хан кыру-га иссэссы-нида* (Рр, 2, 95) 'Во дворе дома стояло одно («пень») персиковое дерево'.

Другими словами, имена существительные, обозначающие, например, круглые предметы, употребляются с одним классификатором (*ал* 'зерно'), точке — с другим (*карак* 'палочка'), названия предметов, в которых выделяется та или иная заметная часть, — с третьим (*кыру* 'пень' — для деревьев). Происходит, таким образом, объединение имен существительных в своеобразные классы по тому или иному признаку. Формальными показателями классов и служат классификаторы.

Трудность проблемы классификаторов заключается, на наш взгляд, в том, что классы существительных не являются стабильными, пересекаются друг с другом. Это объясняется тем, что классификаторы называют внешние, разнородные признаки предметов. В одном и том же предмете при явлении выделяются попеременно несколько признаков, тем самым одно и то же существительное оказывается отнесенным к нескольким классам.

Не ясен морфологический статус классификаторов: одни из них типа *мйонъ* 'лицо' характеризуются свойствами служебного слова, другие типа *кыру* 'пень' — свойствами как знаменательного слова, так и служебного.

Так, *мйонъ* самостоятельно не употребляется и в качестве определения может иметь только числительное, в то время как *кыру* может употребляться самостоятельно и иметь различные

определенная; употребляясь же в функции классификатора, *кыру* может иметь в качестве определения только числительное. По-видимому, *кыру* 'петь' и *кыру* классификатор для деревьев следует рассматривать как омонимы.²⁸

Считаем, что определению места классификаторов в системе корейского языка должно предшествовать по возможности полное выявление их состава и употребления.

Анализ материала показал, что классификаторы соотносятся со следующими тематическими разрядами имен существительных: I. Человек. II. Животные. III. Растения. IV. Сложные предметы. V. Предметы, выделяющиеся по форме. VI. Произведения литературы и искусства. VII. Социальная деятельность человека.

В каждом разделе даются перечисление и иллюстрация употребления классификаторов вне счетного комплекса; отмечаются классификаторы, заимствованные из китайского языка. В скобках указаны значения классификаторов в китайском языке, за скобками — в корейском.

I. Классификаторы разряда «человек»

1. При счете людей независимо от пола, рода занятий, социальной принадлежности и т. п. наиболее широко употребляется классификатор *мйонъ* (< кит. *mín* 'имя'; счетное слово для людей):²⁹ *Имхон кубэк осип пхал нйондо мал хйончжэ инчхе поэм-е-нын як пэчман мйонъ-ый кыллочжа-дыр-и манчнатейэ иннын ба. . .* (КЕ, 210) 'В конце 1958 года системой страхования жизни было охвачено около миллиона (человек) трудящихся'; *Эны нал эрини мйот мйонъ-и сумбаккокчир-ыл хамйэ ногго иссетта* (Рр, 3, 54) 'Однажды несколько (человек) детей играли в прятки'.

2. Менее употребителен классификатор *ин* (< кит. *жэнь* 1) 'человек', 'люди'; 2) 'лицо', 'субъект', 'особа', 'персона'). Он не является самостоятельным словом в корейском языке и наряду с классифицирующей функцией при счете выполняет и словообразовательную функцию, производя «имена со значением национальности, реке профессии, иногда носителя того, что выражено в производящем имени»: ³⁰ *И тхонъгйе-е-нын 5—9 ин подонъчжа саёнъ конъжанъ-ын пхохамчачжи анкхо итта* (ИЭК, 220) 'Эта сводка не включает предприятия с количеством рабочих в 5—9 человек'.

²⁸ Некоторые исследователи языков, имеющих классификаторы, склонны считать подобные морфемы омонимичными. Ср., напр.: Благонова Ю. Л. О грамматическом и лексическом значении классификаторов в современном тайском языке. — В кн.: Языки Китая и Юго-Восточной Азии. М., 1974, с. 78—86.

²⁹ Здесь и далее мы пользуемся Китайско-русским словарем под редакцией И. М. Ошанина, М., 1959.

³⁰ Холодович А. А. Корейско-русский словарь. М., 1958.

3. Классификатор *пун* (< кит. ?) при счете людей указывает на лица, к которым говорящий относится с уважением: . . . *Ванъ-донъ-ын. . . покпал ноин хан пун-ыл маннассимнида* (Ск., 193) 'Ван Дон. . . повстречал одного («персону») седовласого старика'.

Слово *пун* может употребляться и без числительного, но никогда не употребляется без определений: *Касйоттэв пун-и тора-осида* (КТСл.) 'Уходивший некто («персона») идет обратно'; *Чхам, сонсэньним-гва катхын пун-и ирон нонъчхон-есс мусын чам-ро орэ кйессигессимникка?* (СКЛ, 3, 249) 'Право, какой интерес жить долго в нашей деревне таким («персонам»), как Вы (учитель)?'; *Кынал нам эмни-га танисынн конъчжанъ-есс ирхасинн пун-дыр-и ури чиб-е чхачжа вассимнида* (Рр, 1, 32) 'В ту ночь к нам в дом пришли люди («персоны»), которые работают на том заводе, куда ходит мать'.

Следует отметить, что в корейском языке имеется другое подобное слово-заместитель с противоположным значением пренебрежительно-презрительного оттенка. Оно также употребляется при счете людей и указании на них. Таким словом является *ном* 'личность', 'тип' (пренебрежительно); 'он' (пренебрежительно) — в сочетании с указательным местоимением: ³¹ *Чичжу ном-еге йэпчонипхина падын майр-ый кондал пуллэнтхэ ту ном-и качжук пудэ-рыл матжего пада-ро нагассимнида* (Ск., 181) 'Два («типа») деревенских бродяги, получив от помещика деньги, взыали на плечи кожаный мешок и направились к морю'; *И хлонъчхыкхан ном-и. . . кымпутхи-рыл нуж агунъи чэ сог-е мудо тун кэл чхачжа нэнне!* (Ск., 201) 'Посмотрите, этот мерзкий тип спрятал золото в золе на кухне!'

II. Классификаторы разряда «животные»

При счете животных используются как корейские, так и заимствованные из китайского языка классификаторы, причем почти все они находятся в этимологической связи с существительными со значением 'голова'.

1. Наиболее общим классификатором для животных является корейское *мари*: . . . *кхэдаран пэм хан мари-га кведори апэ-е тагава анчжасэ. . .* (Ск., 10) 'Перед Кведолем спдел один («голова») огромный тигр. . .'; *Соннйэ-нын кы чари-есс ахон мари-ый ёнь-ыл пуллэ ханыл-ло олла караго хайэссимнида* (Ск., 196) 'Фея позвала оттуда девять («голов») драконов и приказала им летать в небо'; *Понъэп кыллочжа-дыл-гва чхуксан кыллочжа-дыр-ын 641 ман 2 чхон 800 мари-ый чипчимсынъсэки-рыл киллэнтта* (НС, 1967, 3, 26) 'Трудящиеся сельского хозяйства и животноводы вырастили 6412800 голов молодняка'; *Малгын ханыр-е-нын. . . чонъ-далэс хан мари-га арымдаун норэ-рыл пуллэ чумнида* (Рр, 2, 189)

³¹ В отношении животных данное слово нейтрально, см.: Холодович А. А. Корейско-русский словарь.

‘В ясном небе поет красивую песню (одна «голова») жаворопок»; *Кычжунъ. . . чхилсэж сонъ-нын юнъман очхэн мари-ида* (КЕ, 199) ‘В том числе золотистого карпа 65 000 («голов»); *Тавым. . . сучхэн суман мари-ый ккулбэл-дыр-и тте-рыл чиз ккочх-ыл чхачжа кампида* (ДЛ, 1961, 1, 84) ‘Затем тысячи, десятки тысяч («голов») шесл роями летят на цветы’.

Что касается классификаторов для животных, заимствованных из китайского языка, то все они, как-то: *ту* ‘голова’, *хил* ‘голова’ и *су* ‘голова’, употребляются в более частных случаях, чем корейское *мари*. Все они связаны со счетом домашних животных, причем более общим среди них является *ту*.

2. Классификатор *ту* (< кит. *тбу* ‘голова’; счетный суффикс для скота) сопровождает счет таких домашних животных, как корова, лошадь, свинья, овца, а также счет детенышей этих животных: . . . *ури нара-е-нын 175 ман 3 чхэн ту-ый чосэнсо-га саячътвесо иссэсминде. . .* (ЭГК, 346) ‘. . . в нашей стране выращивалось 1 753 000 голов коров корейской породы’.

3. Классификатор *хил* (< кит. *хй* ‘голова’, счетный суффикс лошадей) употребляется для счета крупных домашних животных (лошадей, быков, коров и т. п.): *Мал мури-е кхын мал-гва манъачжи кубэж пхир-и иссэсминде* (Арф., 2, 11) ‘В табуне было 900 голов лошадей и жеребят’.

4. Паконец, для счета мелких домашних животных употребляется классификатор *су* (< кит. *шбу* ‘голова’, ‘глава, отрывок (в книге)’; счетный суффикс стихотворений): *Кагам саячъ-мочанъ-ыросъ-нын як самсипман су-ый ори-рыл саячъханын зам-гэйлънамдо-ый куйлэнь кванъпхо нонъмочанъ-и. . . юмйонъхада* (ЭГК, 349) ‘Из птицеводческих хозяйств известны государственные хозяйства провинции Южн. Хамгидо, выращивающие до 300 000 («голов») уток’.

5. Классификатор *чхак* [? ‘один из пары’, ‘штука’] используется не только для счета крупного рогатого скота, как отмечается в словарях, но и для счета некоторых диких животных:³² . . . *маыл ан-е иманхан сон-нын хан чхак-то эспыникаэ* (КТСл., 5, 855) ‘. . . в деревне нет ни одной такой (штуки) коровы’; *Кыдыр-ын кйзул тонъан-е нору се ччаг-ыл чабатта* (Туманган, II, 167) ‘Они. . . в течение зимы убили 3 (штуки) косуль’.

III. Классификаторы разряда «растения»

При счете растений употребляются классификаторы, этимология которых довольно прозрачна и сводится к анатомическим названиям растений.

1. Классификатор *кыру* ‘пень’ используется при счете деревьев. *Чип тхиттыл ан-е-нын поксунъанаму хан кыру-га иссэсминде* (Рр, 2, 95) ‘Во дворе дома стояло одно («пень») персиковое

дерево’. *Сам нйон тонъан-е-ман хайэдо мурйэ сип ман кыру-ый арымдыри наму-рыл ччигэ камыроссо. . .* (Кмг., 61) ‘[Японцы] только за три года вырубали почти 100 000 («шей») деревьев более чем в один обхват’.

Слово *кыру* употребляется и как самостоятельное слово: *Чонъжипур-и тлодаси сонаму кыру-е пудитхаймйэсэ чучхум-дэйэтта* (II, 12). ‘Луч от электрического фонарика еще раз натолкнулся на пень сосны и задержался на нем’.

2. Классификатор *чу* (< кит. *чжэ* 1) ‘комель’ (нижняя часть ствола); ‘пень’; 2) счетный суффикс деревьев) употребляется не только для счета деревьев, но и более мелких растений, имеющих стебли: *Кыриго нонпий-нын пхйонъданъ 300 чу исанъ-ыл. . . симымйэ китха нонъчжакмулдыр-ыл милсикхаги-е пхирёхан урянъ чонъчжа-дыр-и хвакпотвейэтта* (КЕ, 192) ‘При посадке риса более, чем по 300 корней («шей») на 1 пхён, и при густой посадке других культур обеспечивались семена необходимого высокого качества’; *Хэбанъчжэн 1937 нйон-ый тхонъгёе-е мйхамйон квасу иммок як 530 ман чу-есо 3256 ман кван-ый какчонъ квасир-и сухвак-твейэтта* (ЭГК, 331) ‘Согласно статистике за 1937 год, почти с 5 300 000 («шей») фруктовых деревьев было получено 32 560 000 кванов различных фруктов’.

3. Классификатор *пон* (< кит. *бэн* 1) ‘корень’; ‘ствол’; ‘основа’; 2) ‘корешок (переплета)’; ‘том’; счетный суффикс книг) сопровождает счет растений с толстыми стеблями (в том числе кустов, саженцев и т. п.):³³ *Кыриго. . . оксусу-нын пхйонъданъ 15 пон исанъ-ыл симымйэ. . . китха нонъчжакмулдыр-ыл милсик-хаги-е пхирёхан урянъ чонъчжадыр-и хвакпотвейэтта* (КЕ, 192) ‘При посадке кукурузы более, чем по 15 стеблей на 1 пхён, . . . и при густой посадке других культур обеспечивались семена необходимого высокого качества’; *Ирихайэ 7 эк 506 ман пон-ый мёмог-и сонъаитвейэтта* (КЕ, 197) ‘Таким образом, было выращено 705 060 000 («стеблей») саженцев’.

4. Классификатор *пхоги* ‘стебель’ используется преимущественно при счете травянистых растений, хотя посредством его можно также считать и деревья (напр., *сонаму хан пхоги* ‘одна («стебель») сосна’). Слово *пхоги* употребляется и в роли самостоятельного слова, без числительного: *Кыронде парада поиньын сан-гва тыр-е-нын эди-рыл поадо хаян нун-и тутхе туккэпке ссайэ иссыл плун пхул хан пхоги намуннип хана пол су энчи анкхессё* (ДЛ, 1961, 1, 77) ‘В горах и полях, виднеющихся вдали, куда шл глина, повсюду толстым слоем лежит только ослепительно-белый снег и не увидишь ни одной («стебля») травинки, ни одного листика’;

³² Ср.: в японском языке этот же классификатор (*хэн*) употребляется как счетный суффикс для цилиндрических предметов, например карандашей, бутылок, труб, палочек и др., а также для деревьев и фильмов. См.: Фельдман Н. И. Японско-русский учебный словарь иероглифов. М., 1956, с. 564.

³³ См. с. 235, 246.

Абчжи-еге-нын 50 пхоги-ый кют мо-га иссэссымнида (Арф., 1, 136). 'У отца было 50 корешков цветочной рассады'.

5. Классификатор *сонъи* (~*сонъари*, *сунъэри*) употребляется для счета цветов, шишек хвойных деревьев, грибов, кистей винограда и т. п. В самостоятельном употреблении это слово значит 'бутоны'; 'коробочка (хлопка)'; 'гроздь', 'кисть': *Илман сонъи йонкоч-и пхийэ исыр-е ссисын элаур-ыл тырэнэи кэт катко*. . . (Кмг., 112) 'Будто распустились сто тысяч («бутонов») лотосов, раскрыл свои лица, умытые росой'; *Йонъсуг-и-нын чаган пэст ахон сонъи-рыл кыриго тто кхын пэст хан сонъи-рыл кыриэ-ссымнида* (Арф., 1, 28) 'Ензук нарисовала сначала 9 («бутонов») маленьких грибов, а потом нарисовала еще 1 («бутоны») большой гриб'.

6. Классификатор *пнури* 'корень' используется при счете растений со съедобными корнями («корешками»), часто при счете свежей зелени: лука, чеснока, редиски и т. п.: ³⁴ *пха илгон пнури* (Кк., 36). '... 7 корешков зеленого лука'; *пхутманыл ту пнури* (Кк., 273) '2 корешка чеснока'.

IV. Классификаторы раздела «сложные предметы»

В корейском языке можно выделить разряд имен существительных, которые обозначают сложные предметы, такие как различные постройки, жилище человека, предметы его труда — всякого рода инструменты и механизмы.

а) Строеия; учреждения.

1. Классификатор *чхэ* используется для счета всех видов жилых построек, как-то: дом, квартира, хижина, горный храм и т. п. Значение лексемы *чхэ* неотчетливо. Г. Рамстедт считает, что *чхэ* значит 'фундамент', 'основа'.³⁵ Отметим, что *чхэ* самостоятельно не употребляется, а функционирует как словообразовательный элемент в таких словах, как *чипчхэ* (*чип* 'дом') 'дом', *саранъчхэ* (*саранъ* 'гостинная'), 'гостинная', *кйтчхэ* (*кйт* 'возле, рядом') 'постройка, флигель', *момчхэ* (*мом* 'тело', 'сам') 'главный корпус', 'главное здание'. Приведем примеры: *Кколччаги янъчжиччог-е-нын нонъгачиб-и хан чхэ поимнида* (ДЛ, 1961, 1, 82) 'На солнечной стороне долины виднеется один («фундамент») крестьянский дом'; *Нодонъчжадыр-и се чхэ-ый сэ апхатхы-е чутхэг-ыл тхассымнида* (Арф., 2, 121) 'Рабочие получили квартиры в трех («фундаментах») новых домах'; *Тэмачхим кэги-е-нын кхын санданъ-и хан чхэ сэ иссттамнида* (Ск., 141) 'Рассказывают, что как раз в то время там находился один («фундамент») большой горный храм'.

2. Классификатор *хо* (< кит. *ху* 1) 'дверь' (одностворчатая); 2) 'двор', 'хозяйство'; 3) 'род', 'семья') употребляется при счете

дворов, семей, хозяйств. Его синонимом является *кахо* (< кит. *цзя* 'семья', 'двор', 'дом', 'жилище' + кит. *ху*) 'двор', 'хозяйство': *Кычжунъ нонъса-рыл чылсу иннын чиб-ын 4—5 хо пакк-е твечжи аннындаго ханда* (НС, 1967, 3, 25) 'Сообщается, что из них могут заниматься земледелием только 4—5 дворов'; *Кочжи у-е олла сэсэ нэрйэда помйон эндэж арэ-ро мйэт кахо-ый нонъга-га итко кы апх-ыро пйэ-га пхэрэже чаран нон-и нойэ исстта* (КТС, 1, 50) 'Если подняться на вершину горы и посмотреть вниз, то можно увидеть, что у подножья находятся несколько крестьянских дворов, а дальше простраются зеленеющие поля риса'.

3. Классификатор *кан* (< кит. *цзянь* 'промежуток', 'интервал', 'часть помещения', 'отсек'; счетный суффикс для комнат) 'размер комнаты', 'комната' используется при счете комнат: *Кы арэ-е-нын чеау как сиб-и-кан-сик хапкйе исипса-кан-ый панъ-и итта* (Ач, 28) 'Визу справа и слева имеется по 12 комнат, всего 24 комнаты'.

4. Классификатор *тонъ* (< кит. *дун* 1) 'поперечная балка', 'перекладная'; 2) счетный суффикс зданий) при счете указывает на класс построек, помещений в самом широком смысле слова, как-то: дом, здание, завод, фабрика, склад, скотный двор, сушилка и т. п.: *Ирихэйз 3380 йэ донъ-ый йонъхо кэнчжосил, 2550 йэ донъ-ый чамсил, 2290 йэ донъ-ый чханъкко, 1 ман 7 чхон йэ донъ-ый чхукса-дыр-и вангонътвейэтта* (КЕ, 204) 'Таким образом, было построено свыше 3380 сушилок для табака, свыше 2550 помещений для шелкопрядов, свыше 2290 складов, свыше 17 000 скотных дворов'.

5. Классификатор *кэсо* (< кит. *гэ* 'штука', 'отдельный' + кит. *со* 1) 'место', 'местонахождение'; 2) 'учреждение', 'контора'; 3) счетный суффикс домов и построек) 'место', 'пункт' при счете отражает класс предприятий и учреждений, как-то: школа, институт, клуб, агитпункт, больница, магазин, сберкасса, почта, музей, завод, артель, пригационное сооружение, электростанция, рудник, театр, монастырь и т. п.: *5000 йэ кэсо-ый хаккэ, 1000 йэ кэсо-ый пйонъвон мит чиннэсо, 260 йэ кэсо-ый кыкчанъ мит йонъ-хагван-гва сучхон кэсо-ый мунхва хусэнъ сисэддыр-и пхагветвейэссымйэ*. . . [ЭГК, 155] 'Было разрушено свыше 5000 («учреждений») школ, свыше 1000 («учреждений») больниц и поликлиник, свыше 260 («учреждений») культурно-бытовых учреждений'.

В корейском языке *со* функционирует как словообразовательный суффикс в значении 'место' (предназначенное для чего-либо или занятое чем-либо): *сетхак-со* 'прачечная' (*сетхак* 'стирка'), *йонгу-со* 'исследовательский институт' (*йонгу* 'изучение', 'исследование') и т. п.³⁶

6. Классификатор *кэ* (< кит. *сяо* 'школа', 'училище') употребляется только для счета учебных заведений: *1958 пйон-е 143 кэ-ый*

³⁴ О счете плодов, который в основном ассоциируется с их формой, см. выше.

³⁵ Рамстедт Г. Указ. соч., с. 84.

³⁶ Холодович А. А. Корейско-русский словарь, с. 469.

качонъ кисул хаккё-га синсалтвейтта (КЕ, 215) 'В 1958 году было открыто 143 («школы») различных технических училища'; Мэнъа хаккё 2 кё-ва понъа хаккё 1 кё-есо 420 йо мёнъ-ый мэнъа-ва понъадыр-и чхиллёнчже кёюг-ыл патко итта (КЕ, 215) 'В двух школах для слепых и глухонемых и в одной школе для глухонемых получают 7-летнее образование свыше 420 человек'.

б) Машины и механизмы.

1. При счете механизмов и машин наиболее употребительным является классификатор тэ (< кит. тэй 'башня'; 'вышка', 'терраса', 'платформа', 'помост'; счетное слово для театральных представлений; счетный суффикс некоторых машин). Как самостоятельное слово в корейском языке имеет значения: 1) 'подставка'; 'стойка'; 2) 'подмости'; 'терраса'; 'башня' (вообще всякое возвышение, с которого можно обозреть окружающее). Этот классификатор отражает класс предметов, имеющих станины (опорные части, несущие на себе систему), как-то: станки, самолеты, различные транспортные средства на колесах: 1958 нён-е нонъчхон кёнънни-е 3 ман 1000 тэ-ый учса, 6 ман йо тэ-ый тхонъчха-ва ттаччикка, . . . 1 ман 4000 тэ-ый чхунънйок чечхоги, 1 ман 2500 тэ-ый пунмуги мит санбунги, 1 ман 600 тэ-ый камани чикхоги мит чесынъги, 400 йо тэ-ый чондонъги, . . . китха качонъ кимжаажэ-дыр-и конъгынтвейссымйэ. . . (КЕ, 191) 'В 1958 году в сельское хозяйство было поставлено 31 000 («станин») арб, свыше 60 000 («станин») вагонов для перевозки глины и тачек. . . 14 000 («станин») пропелочных машин, 12 500 («станин») распылителей и рассеивателей, 10 600 («станин») ткацких станков для производства мешков и сучильных машин, свыше 4000 («станин») электромоторов и другое различное оборудование. . .'; 1958 нён-е. . . 515 тэ-ый нёнъвон чхимдэ-рил чынъсэлахайссымйэ. . . (КЕ, 227) 'В 1958 году. . . было дополнительно установлено 515 («станин») больничных коек. . .'

2. Классификатор чхэ 'оглобли телеги', 'ручки посылки' при счете указывает на класс средств передвижения и механизмов определенной категории (например, рикша, паланкин, телега, ткацкий станок, парусное судно и т. п.), подчеркивая, что последние приводятся в действие человеком: Туо чхэ-ый пэмсон-и ханъгю ан-ыро миккырожйэ тырэ ватта (КТСл., 4, 911) 'В бухту скользнули 2—3 парусных судна'.

Сема чхэ может функционировать как словообразовательный элемент, например: конъ-чхэ 'лапта' (конъ 'мяч'), пукчхэ 'барabanные палочки' (пук 'барабан'), татчхэ 'веретено якоря' (тат 'якорь'), ттэлчхэ 'тряпка' (для стирания пыли), ср. ттэл- 'стрилывать', 'вытряхивать'.

3. Классификатор тхыл отмечается в КТСл. как счетная единица для носилок, паланкинов и т. п. По-видимому, его происхождение связано с корейским словом тхыл 1) 'рама'; 2) 'машина', 'станок'. Мы обнаруживаем сему тхыл в роли словообразовательного компонента в таких словах, как пал-тхыл 'ножная

швейная машина' (пал 'нога'), кырым-тхыл 'пресс для выжимания масла' (кырым 'масло'), куксу-тхыл 'прибор для приготовления лапши куксу', чханъ-тхыл 'оконная рама' (чханъ 'окно'), кари-тхыл 'токарный станок' (кал- 'точить', 'шлифовать', ср. кари-чжэньи 'токарь').

Приведем примеры с классификатором тхыл: Осэж пидан-ыро мандын салъйэ хан тхыр-ын. . . тырэ ватта (КТСл., 5, 135) 'Прибыли одни («рама») похоронные носилки, сделанные из шелка всех цветов'; Чганъмун хан тхыр-е юри се чанъ-и иссэя галмнида (Арф., 2, 48) 'В одном («рама») окне должно быть три стекла'.

4. Классификатор чхэж (< кит. чжэй 'один', 'штука', 'единичный', 'нечетный'; счетный суффикс единичных предметов (например, из пары) при счете отражает класс средств передвижения по воде (корабли, пароходы, лодки и т. п.): Канъсанъ-е тто онын туо чхэж-ый пхунъбэмсн-ын хийн точх-е сэгэнь-ыл кадкы сирэтта (Ли Гиен, 189) 'Два-три парусника, плывущие в верховье реки, привяли закат на свои белые паруса'; Кырёна мигук конъса ноу мит ночжйэсы сарйонъчжанъгван-ын хведаб-ыл кидаричжи анкхо о-чхэж-ый кунхам-геи хэбйонъ 1230 мёнъ-ыл инсолхаго ури нара-е чхимгонъгайо ватта (ИЭК, 7) 'Однако американский посланник Лоу и командующий Роджерс, не дожидаясь ответа, возглавили 5 («штуки») военных кораблей и 1230 солдат и вторглись в нашу страну'.

5. Классификатор мун (< кит. мэнь 'ворота'; 'дверь'; 'отверстие'; счетный суффикс для орудий) употребляется для счета огнестрельных орудий: Ибакк-е хэбанъгун-ын. . . тэгуэйонъ-пхо юксипса мун-ыл пхэгвехайтта (НС, 1967, 3, 28) 'Кроме того, бойцы армии освобождения уничтожили 64 («отверстия») пушки крупного калибра'; Ттозан мигукчхыг-ын. . . ури чхыг-ыл ханъхайэ ил мун-ый чунъгигванчхонъ-гва ил чонъ-ый кёнъгигванчхонъ мит сип йо чжэнь-ый ёманбохчонъ-ыро 700 йо пар-ый чхонъ-тан-ыл пхэбуэссымйэ. . . (НС, 1967, 3, 23) 'С американской стороны было выпущено на нашу сторону свыше 700 пуль из одного («отверстия») станкового пулемета, одного ручного пулемета и десяти выпсков'.

6. Классификатор пал (< кит. фэй 'выпускать'; 'направлять'; 'стрелять') используется для счета пуль, снарядов, бомб: . . . Мигукчхыг-ын. . . ури чхыг-ыл ханъхайэ. . . сусип пар-ый йегванъ-тан-ыл пхозамхан обж йо пар-ый чхонъ тан-ыл ссоадэнын ногомжэин чжэгожэньви-рыл хайэтта (НС, 1967, 3, 23) 'Американская сторона. . . предприняла варварское наступление, в результате которого в нашу сторону было направлено свыше 500 («пушек») пуль, в том числе несколько десятков («штуки») трассирующих пуль'. Чоктыр-ын. . . сипсамман чхилчхон йо пар-е тарханън качонъ пхоктхан, хампхотхан-ыл и чэгыи кочжи-е чинчунъ тхуэсайэссымйэ (Кмг., 232) 'Враги сбросили на эту маленькую точку свыше 137 000 («штуки») бомб и снарядов'.

V. Классификация предметов, выделяющихся по форме

Классификация предметов по форме, проявляющаяся при их счете, занимает большое место в корейском языке. Так, различаются: а) предметы круглой и овальной формы; б) предметы продолговатой формы; в) плоские предметы; г) заостренные предметы; при этом учитываются размер предметов (мелкие или крупные) и их толщина.

а) При счете предметов круглой и овальной формы употребляются 3 классификатора — *ал*, *тхонъ*, *тхол*.

1. Классификатор *ал* 'яйцо', 'пиринка', 'личинка', 'зерно', 'крупинка', 'било (колокола)' отражает класс мелких предметов круглой и овальной формы (например, яйцо, жемчужина, капля, различные мелкие плоды: бобы, зерно, яблоко, желудь, каштан, картофель и т. п.): *Кырсэ чхусэги*. . . *чогыман сазва хан ар-ыл сассымнида* (Ск., 109) 'Чхусек. . . купил одно «зерно» маленькое яблоко'. *Хан ар-ый мулпанъур-и ирхке квичжунъхадаго сэнъахваги-нын кы-ый илсэнъ-е чхымийтта* (КТСл., 6, 50) 'Впервые в жизни он подумал, какую ценность представляет одна «зерно» капля воды'.

Сема *ал* широко функционирует как словообразовательный элемент: *ори-ал* 'утиное яйцо' (*ори* 'утка'), *ссал-ал* 'зерно риса' (*ссал* 'рис, зерно'), *пам-ал* '(один) каштан' (*пам* 'каштан'), *пходо-ал* 'виноградина' (*пходо* 'виноград'), *чхонъ-ал* 'пуля' (*чхонъ* 'ружье'), *кусыл-ал* 'жемчужина' (*кусыл* 'жемчуг'), *морэ-ал* 'песчинка' (*морэ* 'песок'), *нуе-ал* 'кокон тутового шелкопряда' (*нуе* 'тутовый шелкопряд'), *чэнгу-ал* '(одна) электрическая лампочка' (*чэнгу* 'электрическая лампочка'), *сунхан-ал* 'косточки на счетах' (*сунхан* 'счеты'), *ангёнъ-ал* 'стекла для очков' (*ангёнъ* 'очки'), *нун-ал* 'глазное яблоко' (*нун* 'глаз') и т. п.

2. Классификатор *тхонъ* употребляется для счета крупных плодов (капусты, тыквы, арбузов и т. п.). В самостоятельном употреблении *тхонъ* может обозначать либо кочан капусты, либо тыквину, вообще штуку крупных плодов. Например: *Тхонъ-и чал тырсэ пчху-нын хан сон-е хан пхози тылги-га химдылда* (КТСл., 5, 97) 'Кочан вырос такой, что одной рукой трудно удерживать стебель капусты'.

Приведем пример с классификатором *тхонъ*: *Сонним-ыл пачъ-ыро мосин-даым ачжумни-нын пакъ-ыро ттвийэ нага субаг-ыл хан тхонъ тта качжиги тырсэ ватта* (КТСл., 5, 97) 'Мать провела гостя в комнате, а сама поспешила на улицу и внесла один «штуку» арбуз'.

3. Классификатор *тхол* используется для счета мелких и круглых плодов (каштанов, орехов, желудей, головок чеснока, а также для счета зорев злаковых), пересекаясь таким образом по функции с классификатором *ал*: . . . *кэам хан тхор-и ттэкъэгыры куро навассымнида* (Ск., 126) 'Выкатился один («штука») орех'; . . . *тыр-*

-нын коксик хан тхор-и намчи анкто. . . (СКЛ., 3, 243) '. . . на полях не осталось ни одного зернышка (хлеба). . .'

Происхождение семы *тхол* не ясно. Она также может функционировать как словообразовательный элемент, например *пам-тхол* '(один) каштан'.

б) При счете предметов продолговатой формы наблюдается использование нескольких классификаторов.

1. Классификатор *тэ* 'бамбук', 'тростник', 'стебель' при счете указывает на класс предметов цилиндрической формы, таких как папиросы, кисточки, карандаши, бревна, дымовые трубы и т. п.: . . . *паккат маданъ-ыро нагасэ тамбэ хан тэ-сиг-ыл пхивэ мулло чамот юкхэханбиси илги-рыл чуго падатта* (Ли Гиен, 414) '. . . (они) вышли во двор, закурили по одной («стебель») сигарете и болтали, будто им было очень весело'; *Саллим-сэ сонаму йэшту тэ-ва поннаму ту тэ-рыл сирэ вассымнида* (Арф., 1, 64) 'Из леса привезли 12 сосновых бревен и 2 березовых бревна'.

Сема *тэ* широко участвует в словообразовании, например, *квн-ттэ* 'ухо' (*квн* 'ухо'), *калби-ттэ* 'ребро' (*калби* 'ребро'), *киттэ* 'древко знамени' (*ки* 'знамя'), *тот-тэ* 'мачта' (*тот* 'парус'), *тынъ-дэ* 'шест для фонаря' (*тынъ* 'лампа'), *кул-ттэ* 'ось', 'вал', (*кул* 'вращаться'), *пун-тэ* 'ручка кисточки' (*пун* 'кисточка'), *пйэ-ттэ* 'рисовая солома' (*пйэ* 'рис на корню') и т. п.

2. Классификатор *карак* отражает класс тонких мелких продолговатых предметов, как-то: вилка, ложка, палочки для еды, пальцы, волосы и т. п.: *Хокхы мйот караг-ыл сассымнида* (Арф., 2, 121) 'Купили несколько штук вилок'.

Карак функционирует также как словообразовательный компонент, например: *пал-ккарак* 'палец на ноге' (*пал* 'нога'), *сон-ккарак* 'палец на руке' (*сон* 'рука'), *сул-ккарак* 'ложка' (*сул* 'ложка'), *мэри-ккарак* 'волосы (на голове)', (*мэри* 'голове'), *йот-карак* 'палочка ёта' (*йот* 'тянучка корейская'), *чэ-ккарак* 'палочка для еды' (*чэ* 'палочки для еды'), *ют-карак* 'палочки для игры в ют' (*ют* название корейской игры) и т. д.

3. Классификатор *кадак* 'ответвление' (общее название для всех частей пелого, способного разветвляться) употребляется для счета длинных нитеобразных и лучеобразных предметов, таких как нить, луч, дорога, долина, гряда гор, струя, ручей, речка, канава и т. п., а также для счета абстрактных понятий, как-то: надежда, чувство и т. п.: *Ту кадак хэмжунхан санчхулли сан-е ккийэ ттуллиндыси сэнъгин килдиран коранида* (Кыг., 92) 'И вот длинная долина, которая будто врезается между двумя («поло-самия») обрывистыми горными грядами'; *Колчхаги-га ту кадак нампынде*. . . (Кыг., 219) 'Появились две («полоски») долины'; *Хёнхо-до пучжичжунъ хан кадаг-ый пхийэ орынны чёнъсэ-га*. . . *адыххан кваго-рыл хессанъхаге хайэтипа* (Ли Гиен, 328) 'Одно («полоска») чувство, неожиданно возникшее у Хёнхо. . . заста-вило его вспомнить далекое прошлое'.

4. Классификатор *чулги* 'ствол', 'стебель', 'отрог (горы)', 'рукав (реки)', 'струя'. лшгв. 'основа' по значению сходен с классификатором *кадак*, но, по-видимому, предпочтительнее используется для счета явлений, характеризующихся стелющимся, вьющимися очертаниями (например: 'полосы тумана', 'столбы дыма', 'столб огня', 'полоски света' и т. п.), для счета явлений природы ('ливень', 'метель' и т. п.), а также для счета эмоций, чувств и т. п.: *Моранбонъ кисык сэро симчхунтвен сэпхэйонъанъ чутхж чигу-есе субж чулги-ый анчим йонси-га пхиль орында* (КТС., 4, 403) 'Из жилого района Западной Пхеньян, вновь выстроенного у подножия горы Моранбон, расходятся сотни полос утреннего тумана'; *Окхый-нын хан чулги-ый камгёг-и сонакпичхэр-рм чинагаджа. . . кога-рыл хийдылаго иро ка анчжатта* (Ли Гвен, 330) '(Один) приступ волнения прошел молниеносно, Окхи. . . подняла голову и, привстав, села'.

5. Классификатор *чэпъ* (< кит. *тэй* 1) 'палка', 'трость', 'дубина', 'прямой'; 2) 'стебель', 'ветка'; 3) 'штука' (о пулемете)) употребляется для счета длинных тонких предметов, как-то: стрелковое оружие (винтовки, ручные пулеметы и т. п.), весла, свечи, палочки туши, ручки, карандаши и т. п.: *Кыдыр-ын тто-хан. . . нокхетхы-рыл пхогамхан какчонъ муги иабэксппхал чжэнтъ-ыл пхассымид. . .* (НС, 1967, 3, 28) 'Они захватили также 118 единиц различного стрелкового оружия, включая ракеты'.

6. Классификатор *чару* 'ручка', 'рукоятка' при счете отражает класс продолговатых предметов, которые выделяются по пальчику у них «рукоятки», как-то: кисточка, карандаш, ручка, свеча, лопата, мотыга, веник, топор, меч, нож, серп, ружье, веер и т. п.: *Окхый-еге-нын пхаран сэпхёнпхил ту чару-га иссетко, суноги-еге-нын хан чару-до эссесымнида* (Рр, 2, 98) 'У Окхи было 2 («рукоятка») зеленых карандаша, а у Сунок не было ни одного («рукоятка»)'. *Сонён-ын. . . тохки хан чару-ва чиге-рыл кэмчжиге ному-рыл харо сан-ыро кассымнида* (Ск., 5) 'Юноша. . . с (одной «рукояткой») топором и носилками за спиной отправился в горы за дровами'; . . . *Югёжтэ-дыр-ын. . . юкисбо чару-ый муги-рыл пхэаннын чонгва-рыл кэдуэтта* (НС, 1967, 3, 28) 'Партизанские отряды добились успеха, захватив 65 («рукоятка») единиц стрелкового оружия'.

Чару функционирует и как словообразовательный элемент, например: *ни-чару* 'веник' (*ни* 'веник'), *пу-чару* 'ручка кисточки' (*пун* 'кисточка') и др.

в) При счете предметов с плоской поверхностью выделяются плоские предметы с широкой поверхностью и плоские предметы тонкие.

1. Классификатор *чанъ* (< кит. *чжэн* 'натягивать лук', 'расстелать', 'развертывать', 'лист (бумага)', счетный суффикс предметов с широкой поверхностью) при счете указывает на класс плоских предметов с широкой поверхностью, таких как бумага, газета, картина, стекло, мелок, шкура, морская водоросль, суше-

ная рыба, черепшца, кирпич, валуны или камни с широкой поверхностью и т. п.: *У-ро тто хан чанъ-ый нэпчххан тор-и чибунъ-хэррэм энхайэ иссо чхэйон-ыро толмун-ыл ируэтта* (КМг., 228) 'Одни («листы») плоский камень будто крыша лежит сверху, образуя естественные каменные ворота'; *Кэги-е-нын пхэйчжжи хан чанъ-и энхайэ итта* (Ли Гвен, 361) 'Там лежит одно («листы») письмо'.

2. Классификатор *мэ* (< кит. *мэй* 'штука', 'поштучно', счетный суффикс для тонких или круглых предметов) при счете отражает класс тонких, плоских предметов, таких как листы бумаги, фотокарточки, монеты, платки, мешки и т. п.: *Пэпхэн ил мэ-нын хан пхун-ыросо ютхонътвейэссина. . .* (ПЭК, 91) 'Хотя один («листы») медный чон в обращении соответствовал одному пхуну (грошу). . .'

3. Классификатор *ип* 'лист (растения)' по существу является корейским вариантом рассмотренных выше классификаторов *чанъ* и *мэ*, которые заимствованы из китайского языка, хотя он и менее употребителен. В класс предметов, считаемых с *ип*, включаются доски, двери, монеты, асигнации, маты и т. п.: *Тадами ту ип ккари-ый чобын панъ сог-есе кыдыр-ын ончжонъыл ккурэ анчжанын кэс-и мэил-гва качхи ханын илгвайэтта* (Ли Гвен, 439) 'Стоять целый день на коленях в тесной комнате с подстилкой из двух («листов») матов было их ежедневным занятием'; *Кы-нын муи тасэт ил-ыл чхилэссымнида* (Арф., 1, 71) 'Он окрасил 5 («листов») дверей'.

г) В корейском языке имеется также классификатор для счета заостренных предметов (например, канцелярских перьев). Таковым является классификатор *чжок* (< кит. *цзю*, *цзю* 'наконечник стрелы', 'острие копья', 'острый', 'заостренный') 'наконечник стрелы', 'острие', 'накопечник', например: *Чхалхил 5 чхог-ый капс-ын исип чэнио. . .* (Арф., 2, 27) 'Цена пяти («остриев») перьев — 20 чон'.

VI. Классификаторы разряда «произведения литературы и искусства»

1. Классификатор *кэон* (< кит. *цзюнь* 'свиток' < (книга, картина), 'книга', 'тетрадь', 'том') 'том' употребляется для счета томов книг: *Чжэксанъ-е чжэп пхал кэон-и иссесымнида* (Арф., 1, 32) 'В книжном столе имелось 8 томов книг'.

2. Классификатор *пу* (< кит. *бү* 'отдел', 'раздел', 'часть', счетный суффикс для машин, агрегатов, книг) 'часть', 'экземпляр' употребляется для счета томов, экземпляров книг, тиража изданий (книг, газет и т. п.): *Кырихайэ 1958 йён-е-нын чоннён-е пихайэ 3962 ман пу-ый симмун-гва 2330 ман пу-ый тос-га тэ мани налгантвейэтта* (КЕ, 229) 'Таким образом, в 1958 году по сравнению с предыдущим годом газет было издано больше на 39 620 000 экземпляров, книг — на 23 300 000 экземпляров'.

3. Классификатор *пхён* (< кит. *пьянь* 'книга' 'статья', 'сочинение', счетное слово для списков, сочинений) 'том', 'часть (книги)' употребляется для счета произведений литературы и искусства: *1958 нён-е . . . ури нара-есэ чечжажжан йесуа йёнхва, кирок йёнхва, квахак йёнхва . . . тынъ 1028 пхён-и . . . санъ-ёнътвейёссымйё . . .* (КЕ, 224) 'В 1958 году в нашей стране было продемонстрировано 1028 («томов») лент созданных в нашей стране художественных, документальных, научных и других фильмов'.

4. Классификатор *су* (< кит. *шю* 'голова', 'глава', 'отрывок' (в книге), счетный суффикс стихотворений) используется для счета поэтических произведений (ср. русск. *голова — глава книги*): *дэжжиса су* 'четыре («главы») четверостишия'; *си-рыл хан су ссыда* 'написать одно («глава») стихотворение'.

5. Классификатор *мари* (ср. *мэри* 'голова',³⁷ *сил-мари* ~ *сил-мэри* 'начало (конец) пилки'), как отмечается в словарях, также употребляется для счета поэтических произведений.³⁸

6. Классификатор *тхонъ* (< кит. *тун* 'связываться', 'сообщаться', 'уведомлять') употребляется для счета документов и писем: *Чиб-е тораони нат игын пхилжжэ-ый пхёнчжи хан тхонъ-и чжэжанъ у-е нойё исстта* (КТСл., 5, 98) 'Когда я вернулся домой, на столе лежало одно («уведомление») письмо, написанное знакомым почерком'.

VII. Классификаторы раздела «социальная деятельность человека»

1. Классификатор *мади* 'слово' употребляется при счете слов, высказываний, песен и т. п.: *Хан тонъан камани анжа штэн нан нош-ын гадо симсимжэс норэ-на хан-мади пулло почжа сэнъгажжаго . . .* (Ск., 20) 'Старик Пак, некоторое время сидевший молча, от скуки решил спеть хотя бы (одно «слово») песню. . .'

2. Классификатор *маданъ* 'двор', 'площадь', 'место действия', 'сцена' употребляется для счета театральных представлений, зрелищ, событий и т. п.: *Хан маданъ-ый таси пол су эммын йонгык чанъмйённийётта* (Ли Гиен, 105) 'Это было (одна «сцена») не виданное доселе театральное представление'; *Хадамйён квайён ониннал ны-ый чхулсе-ва сэнъгонъ-и хан маданъ-ый тобак-ква катчи анынга* (Ли Гиен, 35) 'В самом деле, разве сегодня его карьера и успехи не напоминают (одну «сцену») азартную игру?'

3. Классификатор *кэри* 'сцена' употребляется для счета выступлений шаманки, действий спектакля и представлений: *Чхум-ирадо хан кэри чхуэ попсида* (КТСл., 1, 144) 'стандзем хотя бы один («сцену») тапеч?'; . . . *кусыл тусе кэри мажчин дамм . . .*

³⁷ Ramstedt G. J. Studies in Korean Etymology. — MSFOu, XCV, Helsinki, 1949. p. 141, 146.

³⁸ См. выше об употреблении классификаторов *су* и *мари* для счета животных.

(КТСл., 1, 144) ' . . . после того, как были закончены 2—3 («сцены») выступления шаманки. . .'

4. Классификатор *хве* (< кит. *хуй* 'возвращаться', 'раз', 'очередь', счетный суффикс для повторяющихся явлений) 'раз', 'оборот (колеса)' употребляется для счета повторяющихся явлений: *Мичже-пын . . . 2 нёндо моттвенным киган-е 11 хве-ый чонъ-бён-ыл чожжжжаго . . .* (НС, 1967, 3, 22) 'Американский империализм . . . меньше чем за 2 года организовал 11 («раз») политических переворотов'.

5. Классификатор *кэн* (< кит. *цзянь* 'предмет', 'вещь', счетный суффикс вещей, дел, платья) 'объект' употребляется для счета некоторых абстрактных предметов, явлений, событий: *Чхесин пуму-есэ-нын 772 кэн-ый чханъ-ый коан-и чегитвейёссымйё кыжжунъ 418 кэн-и тоиптвейётта* (КЕ, 202) 'В области связи было представлено 772 («объекта») оригинальных предложения, из них 418 («объектов») было внедрено'; . . . *1920—1925 нён кан-е 335 кэн-ый пхаоб-и ирнассымйё . . .* (ИЭК, 226) ' . . . за 1920—1925 гг. произошло 335 («событий») забастовок'.

Нейтральный классификатор *кэ* 'штука'

Не все имена существительные корейского языка распределяются по рассмотренным выше специализированным классам. Вне последних оказывается большинство существительных, обозначающих отвлеченные понятия, например, 'случай', 'пример', 'задание', 'собрание', 'парламент', 'государство' и др., а также некоторые с конкретно-предметными значениями (например, 'колодец', 'зеркало', 'гвоздь', 'ящик', 'чашка', 'остров', 'озеро' и др.). Они образуют нейтральный класс, «который просто выражает предметность как таковую»³⁹ и характеризуется наличием классификатора *кэ* (< кит. *гэ* 1) 'штука', 'отдельный', 'индивидуальный', 'единица'; 2) общий счетный суффикс при числительных и указательных местоимениях).

В нейтральный класс входят прежде всего существительные с отвлеченным значением: *1958 нён-е ури нара-нын пхалсип йё кэ-ый какчонъ кукче хвей-е чхамгахайёссымйёда* (КЕ, 143) 'В 1958 году наша страна участвовала в 80 («штуках») различных международных встречах'; . . . *мйот кэ силлйе-рыл тырё почжа* [ИЭК, 255] ' . . . возьмем несколько («штуки») примеров'.

Классификатор *кэ* в отличие от идентичного китайского классификатора *гэ* никогда не употребляется при счете отдельных лиц. Он используется лишь для счета групп людей, коллективов, организаций: . . . *каккйечжынъ тонъпходыл обэж йё мёнъ-ын ахон кэ пан-ыро нанвийё . . . гчхонъ тхучжёнъ-ыл пэлийётта* (НС, 1967, 3, 26) 'Свыше 500 человек соотечественников из различных слоев,

³⁹ Драгунов А. А. Исследования по грамматике современного кытайского языка. М.—Л., 1952, с. 52.

разделившись на 8 («штуки») групп, . . . развернули борьбу за удовлетворение требований'; . . . *ки-рыл 802 кэ-ый чхэ-ва 3242 кэ-ый пьригададыр-е погыл илбанхвахайэтта* (КЕ, 205) 'их (распределения). — В. Т.) распространяли и внедряли в 802 («штуках») цехах и 3242 («штуках») бригадах'.

Классификатор *кэ* используется также для счета единиц административного и территориального деления, а также для таких географических понятий, как 'остров', 'озеро' и т. п.: . . . *Ибэксам кэ ну, кун-есэ илхэи сабэк кусип ил кэл-ый сиви пхоктонъ-и иронатко*. . . [КЕ, 139] . . . в 203 («штуках») областях и уездах произошли 1491 демонстрация и восстание'. *Хэсанъ-е-нын*. . . 2200 *йэ кэ-ый сэмдыр-и иссымйэ*. . . (КЕ, 136) 'В море имеется святилище 2200 («штуки») островов'.

Исследуемый материал подтверждает регулярность использования классификаторов в счетном комплексе. Даже заимствованные существительные распределяются по классам в соответствии с принципом семантической аналогии. Так, существительные *ттырактторы, ексыккаватторы, пудочжеры, ттаччикка* подводятся под класс предметов, имеющих станины, и считаются с классификатором *тэ*, а существительное *апзатхы* (<англ. apartment) 'квартира', 'жилой дом' попадает в класс жилых построек, считаемых с классификатором *чхэ*.

Относительно семантики классификаторов можно отметить следующее.

Значительная часть классификаторов именуется части предметов: *мари, су, ту, пхил* 'голова' (разряд «животные»), *пон, пхоги* 'стебель', *чу, кыру* 'пень' (разряд «растения»), *тэ* 'станина' (разряд «сложные предметы») и т. п.

Другие классификаторы являются названиями конкретных предметов ярко выраженной формы: *ал* 'зерно', *чанъ* 'лист', *карак* 'палочка' и т. п. Употребляясь в счетном комплексе, эти классификаторы обозначают соответственно 'круглый', 'плоский', 'продолговатый' и т. п. признаки считаемых предметов.

В некоторых классификаторах трудно установить признак, их семантика не очевидна, а употребление условно и традиционно, например: *чхэж* — для счета судов, *мун* (? 'отверстие') — для счета огнестрельных орудий.

Изложенный материал показывает, что один и тот же тематический разряд существительных обслуживается несколькими (до 6—7) классификаторами. Напомним некоторые типы их соотношения.

Один классификатор может быть общим, остальные — частными. Например, в разряде «животные» классификатор *мари* употребляется вообще для счета фауны. Остальные классификаторы этого разряда употребляются для счета домашних животных. при этом они распределяются следующим образом: *ту* — для счета домашних животных, *пхил* — для счета крупных домашних животных, *су* — для счета мелких домашних животных

и птиц, *чхак* употребляется, по-видимому, при счете животных из пары «самец—самка».

В других разрядах общего классификатора не имеется, а каждый классификатор выполняет четкую функцию (см., например, разряды «растения» и «сложные предметы»).

Классификаторы, употребляемые при счете людей, могут отличаться друг от друга по экспрессивной окраске. Так, наряду с нейтральными и более общими классификаторами *мйонъ* и *ин* для счета людей используется классификатор *пун*, указывающий на лицо, к которому говорящий относится с уважением.

Особое место занимает классификатор *кэ*. Он характеризуется тем, что употребляется при существительных, которые не входят ни в один из рассмотренных классов. Второй отличительной чертой *кэ* является его способность заменять другие специализированные классификаторы.

КЛАССИФИКАТОРЫ КОРЕЙСКОГО ЯЗЫКА

I. «Человек»

1. *мйонъ* М, Р, Х, П
2. *ин*
3. *пун* Р, Х

II. «Животные»

4. *мари* М, Р, Х, П
5. *ту* П
6. *пхил* М, Р, Н
7. *су* Н
8. *чхак*

III. «Растения»

9. *кыру* М, Н
10. *чу* Р
11. *пон*
12. *пхоги*
13. *сонги*
14. *тпури*

IV. «Сложные предметы»

15. *чхэ* М, Р
16. *хо* М, Х, Н
17. *кан*
18. *тонъ*
19. *кэсо* М, Н
20. *кё*
21. *тэ* М, Х, Н
22. *чхэ* М, П
23. *тхыл*
24. *чхэж* М, Р, Х, П
25. *мун* М, П
26. *пал*

V. «Форма предмета»

27. *ал* М, Р, Х, П
28. *тхол*
29. *тхонъ*
30. *тэ* Х, Н
31. *карак* Х, Н
32. *кадак*
33. *чхули*
34. *чонъ* Н
35. *чару* Х, Н
36. *чанъ* М, П
37. *мэ* Х, П
38. *ин* Р
39. *чхок* Р, Х

VI. «Произведения литературы и искусства»

40. *нвон* М, Р, Н
41. *пу*
42. *пхйон* П
43. *су* Н
44. *мари*
45. *тхонъ*

VII. «Социальная деятельность»

46. *мади* Р, Н
47. *маданъ*
48. *кэри*
49. *хэв*
50. *кэн*

VIII. «Универсальный классификатор»

51. *кэ* М, Р, Х, П

Сведения о классификаторах взяты из цитируемых в данной статье работ Ю. Н. Мазура (М), Л. Б. Никольского (Н), Г. Рамстедта (Р), А. А. Холодовича (Х).

КОНСТРУКЦИИ С СОВОКУПНО-СЧЕТНЫМИ СЛОВАМИ

Посредством совокупно-счетных слов сочетаются с числительными имена существительные, обозначающие предметы, хотя и поддающиеся раздельному счету, но обычно встречающиеся в виде скоплений (мелкие растения, овощи, фрукты, рыба и т. п.). В таких случаях в качестве счетных слов употребляются либо имена существительные со значением определенных числовых совокупностей (связки и т. п. в 2—5—10—12—20—40—50—100—500—2000 штук предметов), либо имена существительные, лишенные определенной числовой семантики (например, существительные со значением различных групп людей и животных, пучков, вязок, мотков и т. п.). Таким образом, если при счете с определенными числовыми совокупностями раздельность считаемых предметов достаточно ощутима, и в данном случае счетные слова ближе к штучным счетным показателям — классификаторам, то счетные слова, лишенные числовой семантики, скорее сходны с мерными словами, употребляемыми при количественной характеристике веществ.

А. Конструкции с совокупно-счетными словами, обозначающими количественно определенные совокупности. В группе счетных слов со значением определенных числовых совокупностей прежде всего следует выделить счет парами и соотносящийся с представлением о парности предметов счет для одного из пары. Что же касается остальных счетных слов этой группы, то подавляющее большинство из них связано со счетом десятками (а именно, совокупностями в 10—20—40—50 штук), а также сотнями (100, 500 штук) и тысячами (2000 штук). Кроме того, можно отметить особые наименования для совокупностей из 5 и 12 штук.

Представление о парных предметах в корейском языке находит свое выражение в следующем. Обычно, если речь идет о парных частях тела человека и животных (таких, как ноги, глаза, уши и т. п.), непосредственно перед соответствующим существительным употребляется числительное «два», т. е. никакого счетного слова при этом не ставится. Иными словами, наличие числительного «два» в данном случае избыточно и этим способом по существу лишь подчеркивается парность предмета.

Примеры: *Йзин-ын эринаи ту тари-тыл эруманчжийтта* (СКЛ, 6, 177) 'Женщина погладила ноги ребенка (букв. две ноги)'; *Ту окка-га лим эси чхук нырчжийтта* (СКЛ, 5, 270) 'Плечи (букв. два плеча) бесильно поникли'; *Тэжно чхонъгаг-ын ту пхалсомэ-рыл чжэк-чжэк кэдэ оллэссымнида* (Ск., 17) 'Молодец Токпо легко засучил рукава (букв. два рукава)'.
В качестве косвенного указания на представление о парности предметов в ряде языков служит употребление особых слов (по-

ловьяна, сторона и т. п.) в тех случаях, когда требуется сказать «один из парных (предметов)».⁴⁰

В корейском языке также для передачи представления об одном из парных предметов используются специальные образования, в которых либо в препозиции, либо в постпозиции к наименованию парного предмета стоит особый показатель.⁴¹

Прежде всего отметим корейское *ччак* 'одна штука из пары', 'одна из двух сторон', 'половина', 'кусок', 'часть'.

В препозиции *ччак* [*< ччаг-да* 'раскалывать (разбивать, разрезать) пополам'] само по себе обозначает 'один предмет из пары': *ччак-кеи* '(одно) ухо', *ччак-чун* '(один) глаз', *ччак-пэсон* '(один) носок'; *ччак-саранъ* 'любовь без взаимности'.

В постпозиции *ччак* также выражает 'один из пары', как правило, придавая существительному пренебрежительный оттенок: *нат-ччак*, *эгул-ччак* 'морда', *кунъдунъ-ччак* 'ягодница', *мун-ччак* 'створка двери', *чханъ-ччак* 'створка окна', *комусин-ччак* '(один) камусин (из пары)'.
В самостоятельном употреблении *ччак* выступает как знаменательное слово в значении 'пара' или 'один из пары' и может принимать различные определения:⁴² *Вэнак палпыге сдурьдага че ччаг-и амин тарин ччаг-ый пэсон-ыл синэссыми. . .* (КТСл., 5, 855) 'На самом деле вторых обуви не свои, а чужие носки (букв. носки не своей пары, а чужой пары)'. *На-пын ччаг-и эсыни пугухаго нэр-ыл ттвина?* (КТСл., 5, 855) 'У меня нет пары, с кем мне прыгать на доске?'

Это же слово *ччак* употребляется с числительными для счета одного из парных предметов: *Худонъи-нын кы тонъан чипсин хан ччаг-ыл та саматта* (Туманган, II, 170) 'Худон за это время сплел один соломенный лапоть'; *Эрин тусуни-ккачжи пагачжи ту ччаг-ыл тылго кир-ыл ттэнатта* (Ю Ханним, 178) 'Даже маленький Тусун отправился в путь, неся два-три («половинки») ковшика' (из половинки тыквы-горлянки, — В. Т.); *Пончикхан ту ччаг-ый мидадимун-ыл ттайттытхан эппыотх-ын пхосын-пхосын-хаге нэриэ чвейотта* (СКЛ, 6, 178) 'Теплые лучи солнца мягко струились через створки (букв. две «половинки» двери) высоких раздвижных дверей'.

Фонетически близким является корейское *ччок* 'один из пары', 'одна из двух сторон', 'половина', а также 'кусок', 'обрывок',

⁴⁰ См., например: Б о з и н С. А. К вопросу о показателях множественности в монгольском языке. — Учен. зап. КГУ, Сер. филологических наук, вып. 10, Л., 1946, с. 122.

⁴¹ В КТСл. (т. 5, с. 855) он именуется «словообразовательным элементом» (*танэ чхосонъчжэк ёсо*).

⁴² Ср. также употребление этого слова для счета крупных домашних и некоторых диких животных, а также для счета вылоков, тюков, навьюченных на животных, и ноши человека: см. с. 220, 246.

'клочок', 'лепесток', 'долька'. Ср. также *ччогг-да* 'разрезать', 'раскалывать', 'разрывать' (пополам).⁴³

В препозиции *ччок* обозначает 'один предмет из пары', 'маленький (предмет)': *ччок-мун* 'створка двери' (*мун* 'дверь'), *ччок-тал* 'полумесяц' (*тал* 'луна'), *ччок-пак* 'маленький черпак из тыквы-горлянки' (*пак* 'тыква-горлянка') и т. п.; *ччок-чи* 'клочок бумаги', 'записка' (-*чи* 'бумага'), *ччок-пэ* 'маленькая лодочка' (*пэ* 'лодка'), *ччок-чам* 'сон (обрывочный, короткий)' (*чам* 'сон').

В постпозиции *ччок* имеет те же значения, что и в препозиции: *ччонги-ччок* 'облако' (клочок облака), *пагачжи-ччок* 'черпак' (из половинки тыквы-горлянки).

При употреблении с числительным «один» *ччок* значит 'одна штука из пары': *И сунган кйэти-сэ нугу-инчжи энцихири-ый хан ччок кви-рыл мир-теи чаба кыныи сарам-и итта* (СКЛ, 6, 335) 'В это мгновение кто-то рядом молча схватил Вопчихия за ухо' (букв. один + половина = ухо).

Для передачи представления об одном из парных предметов в корейском языке используется также идиоизм *пхйён* (ср. яп. *хэй* 1) 'кусок', 'клочок'; 2) 'одна сторона из двух', 'один предмет' (из двух) 'одна сторона из двух', 'один из пары',⁴⁴ например, *пхйён-бань* 'одна рука' (из двух), *пхйён-ан* 'один глаз' (из двух), *пхйён-и* 'одно ухо' (из двух), *пхйён-чок* 'одна нога' (из двух) (X. Ст., 813).

Пхйён употребляется в корейском языке также для счета одного из парных предметов: *Пакчонъян-ыи ккуро анчжаттэн хан пхйён журынх-ыл сеумйэ тэданханда* (Ли Гвен, 119) 'Пак Чонъян отвечает, привстав на одно колено'.

Перейдем к рассмотрению нумеративных конструкций с количественно определенными совокупно-счетными словами.

Прежде всего остановимся на специальных счетных словах, которые употребляются при подсчете предметов парами.

1. *Кхэлле* ~ *кхйэлле* (ср. синоним-китайзм *чок*), используется при подсчете таких парных предметов, как различного рода обувь (ботинки, чулки), перчатки и т. д.: *Павиттол у-е коун чипсин хан кхйэлле-га ноин кэ-ыл кыныи палёйонхайэтта* (Туманган, I, 373) 'Он обнаружил, что на скале стоит (одна) пара красных соломенных лаптей'.

2. *Сон* — употребляется специально для счета скумбрии парами: *Анхэ-ый комусин хан кхйэлле, кодынэ хан сон, сэю синчэ-рихи. . . са качжиге тора сэсыя ир-ыл сэньганхани* (СКЛ, 6, 159) 'Он подумал, как бы он возвращался, купив шару резиновой обуви жене, (одну) пару скумбрии, керосину на 10 чои'.

⁴³ Об употреблении *ччок* в значении 'кусок', 'обрывок', 'клочок', 'лепесток', 'долька' см. выше, с. 247.

⁴⁴ Китайское слово *янь*, которое заимствовали и японский, и корейский языки, значит лишь 'часть', 'отрывок', 'ломтик', 'лепесток' и не значит 'один из пары'.

3. *Ссанъ* (< кит. *шуйн* 'пара') имеет широкое значение 'пара' не только для естественно парных предметов: *Кэги-е-нын гийннаби хан ссанъ-и пхэл-пхэл палео итта* (Туманган, I, 425) 'Там порхает (одна) пара белых бабочек'; *Кы-нын хан ссанъ-ый чанниму-га сэ иннын эндэг-ыл хяньхэ олла катта* (II, 65) 'Он вошел на холм, где стояла (одна) пара кедров'; *Кумэнь-и тасэт ссанъ итта* (КТСл., 5, 641) 'Имеется пять пар отверстий'.

В роли счетных слов с числовым значением 'пять' нами могут быть отмечены два китайзма:

1) *ху* (< кит. *хдоу* 'время', 'период', 'сезон'), употребляясь как счетное слово, обозначает '5 дней', 'пятидневка';

2) *тхонъ* (< кит. *тун* 'объединять', 'соединять') как счетное слово употреблялось в старину при подсчете жилищ, обозначая 5, а позднее 10 дворов: *се тхонъ* '3 тхона', т. е. '15 или 30 дворов' (КТСл., 5, 98).

Для счета совокупностей из 10 единиц имеется несколько счетных слов:

1) *кат'с-* — счетное слово, обозначающее вязку из 10 рыб или из 10 папоротников и т. п.: *кесари хан кат* (КТСл., I, 114) 'одна вязка (из 10 штук) папоротника', *пиут мйэи кат* (КТСл., I, 114) 'несколько вязок (из 10 штук каждая) сельдей';

2) *чук* используется при подсчете десятками посуды и предметов одежды: *посэн хан чук* (КТСл., 4, 391) 'один десяток чумок', *чэпи ту чук* '2 десятка тарелок'.

Как уже указывалось выше, в корейском языке имеются счетные слова со значением дюжины или кратного двенадцати (24 штуки). Сюда относятся:

1) *тха* (< кит. *дэ* 'дюжина') — счетное слово, обозначающее дюжину: *йэпхил хан та* (КТСл., 5, 36) 'одна дюжина карандашей';

2) *ссам* — счетное слово для упаковки игл по 24 штуки: *паныл хан ссам* (КТСл., 5, 824) 'одна упаковка (24 штуки) игл'.

Для подсчета совокупностей из 20 единиц имеется довольно много счетных слов, часть которых заимствована из китайского.

1. *Турым* обозначает 20 рыб, связанных в 2 связки по 10 штук в каждой: *пиут хан турым* (КТСл., 2, 198) 'одна вязка (20 штук) сельди'. *Кукпхэ-нын понъями-рыл териге чинчжэн-ыро тырэ ка чхэньэ ту турым-ыл сэсэ маткийэтта* (СКЛ, 6, 474) 'Кукпхэ вместе с Понъямом зашел в лавку и, купив 2 связки (40 штук) сельди, отдал ему отнести'.

В КТСл. отмечается, что это счетное слово может обозначать также пучок из 10 стеблей папоротника или другой зелени. Употребляясь непосредственно после существительного без числительного, оно имеет значение 'несколько связок (пучков)': *кесари турым-ина йэкта* (КТСл., 2, 198) 'вязать пучки из папоротника'.

Согласно Г. Рамседту (СКЕ), *eturim*, *tirim* нумератив для связок из 20 рыб, *handirim* '20 рыб', *pān-dirim* '10 рыб'; гл. *til-*,

tul-. Ср. *turk.* (R III, 1397) *tiz-* 'низка (бус)', *šor. tizim* 'низка' (бус, монет и т. п.); *čuv. tiz-* 'завязывать', 'напизывать'.

2. *Кхо* — счетное слово, употребляемое при подсчете двадцатками осьмиуголов, мороженных минтаев и т. п.: *Накчи ту кхо* (КТСл., 5, 8) '2 кхо (40) осьмиуголов'. *Тонътхэ-рыл не кхо-на сат-таджи?* 'Говоришь, купил 4 кхо (80 штук) мороженных минтаев?'

По-видимому, фонетическим вариантом *кхо* является счетное слово *кхэв*, обозначающее 20 сушеных минтаев: *Кйонъсуэ-а, пугэ тасэт кхэв-ман са онэра* (КТСл., 5, 33) 'Кёнсуек, сходи и купи только 5 кхэв (100 штук) сушеных минтаев'.

3. *Че* (< кит. *цэй* 'доза', 'прием' (лекарства)) — счетное слово, обозначающее 20 порошков лекарства или в таком же примерно количестве пилюли, декокты и т. п.: *Пояк ту че-рыл мэгэтта* (КТСл., 4, 589) '(За курс лечения) было принято 2 набора (т. е. 40 штук) порошков'.

4. *Квон* (< кит. *цзюань* 'светок' (книга, картина)) — счетное слово, обозначающее 20 листов корейской бумаги в одной шпивке: *Пэкчи ту квон* (КТСл., 1, 666) '2 квона (т. е. 40 листов) белой бумаги'.

Для счета по 40 единиц в корейском языке имеются следующие счетные слова.

1) *тхот/с-* — счетное слово, обозначающее пучок съедобных морских водорослей из 40 штук: *Кы-нын сокоги хан кы-гва ким-ыл хан тхот са ватта* (Ли Гиен, 320) 'Он купил один фунт говядины и один пучок (40 штук) водорослей'.

2) *сэ* — счетное слово для 40 нитей в основе ткани: *тат сэ мумйонъ* 'ситец в 5 сэ (т. е. в 200 нитей)'; *сэж сэ не* 'холст в 3 сэ' (т. е. в 120 нитей) (КТСл., 3, 913).

Для счета по 50 единиц употребляется счетное слово *кэри*, обозначающее полсотни, т. е. 50 штук огурцов, баклажан и т. п.: *качжи хан кэри* '1 полсотня баклажан'; *ои сэ кэри* (КТСл., 1, 144) '3 полсотни баклажан'.

Счет сотнями применяется в отношении овощей, фруктов, яиц, поленьев дров и различных предметов обихода.

1. *Чэп* — счетное слово для фруктов, лука, чеснока, редьки и т. п., обозначающее сотню (100 штук): *сагва хан чэп* '1 сотня яблок'; *маньл ту чэп* '2 сотни чеснока' (КТСл., 4, 227).

Употребляясь без числительного, *чэп* выступает как самостоятельное полнозначное слово: *Кырэс кы-нын чхусэж-квэ сэл мйонъ-чжэр-е-нын. . . имчжа пак чхамбонъ-еге ссиамтхак мар-ва кйеран чоб-ыл манътхэ-е пэс качжиго. . . сыммйоси мего касэ-нын купсилкэри-мйэ аянъ-ыл ттэрэ нэрйэ ватта* (СКЛ, 6, 272) 'На праздник. . . 15 августа в Нового года он клал в корзину насадку и сотню яиц, ставил ее на плечо и тайком отправлялся к хозяину Пак Чхамбону с поклонами и лестными речами'.

2. *Канъдари* — счетное слово, обозначающее 100 поленьев при подсчете наколотых дров: *чанъчжак хан канъдари* (КТСл., 1, 119) '1 сотня поленьев'; *моду ибэж свин кэби-чи ту канъдари*

пан-ина твенынгунэ (КТСл., 1, 119) 'Всего 250 поленьев, значит, это два с половиной канъдари!'

3. *Кама* — счетное слово, обозначающее 100 штук при счете зонтов, кисетов: *тасэт кама* '5 сотен'; *се кама* '3 сотни' (КТСл., 1, 23).

Употребляясь после существительного, *кама* означает 'несколько штук': *Ссамчжи кама-на качжэйтта* (КТСл., 1, 23) 'Имел несколько кисетов'.

Ион (< кит. *лянь* 'соединять', 'связывать') — счетное слово, обозначающее 500 листов европейской бумаги.

Ури — счетное слово, обозначающее 2000 штук черепицы.

Б. Конструкции с совокупно-счетными словами, обозначающими количественно неопределенные совокупности. Данная группа, в которую входят счетные слова, лишённые числовой (но не количественной) семантики, является в корейском языке самой обширной. Вряд ли мы ошибемся, если скажем, что язык располагает значительными резервами, откуда не только ведет свое начало, но и имеет возможность непрерывно пополняться серия совокупно-счетных показателей. Об этом свидетельствует семантика рассматриваемых слов, для которых общим является значение различных видов совокупностей предметов. Обращает на себя внимание, что многие из слов этой группы не отмечаются в словарях и грамматиках как счетные слова.

Здесь могут быть выделены две основные подгруппы совокупно-счетных слов. Одна из них связана со счетом живых существ, т. е. человека и животных; сюда относятся счетные слова со значением 'группа', 'толпа', 'бригада', 'стая', 'стадо', 'табун', 'косяк', 'рой' и т. д. Другая же употребляется при подсчете различных объектов производственной деятельности человека, и в данном случае мерами количества являются пучки, вязки, наборы, комплекты, мотки и т. п.

Совокупно-счетные слова для людей и животных.

1. *Тте* 'толпа', 'стадо', 'отара', 'свора', 'стая', 'рой' — одно из наиболее употребительных совокупно-счетных слов для групп людей и животных: *Хан тте-ый илбон нодонъчжа-дыр-и на-рыл туллэ сэаго итта* (СКЛ, 5, 113) 'Одна толпа японских рабочих окружила меня'; *Чхунбо-нын уйэ-хаго хан тте-ый сэ-рыл чоткэ насэ. . . нонтуронъпхур-ыл пегги сичжакхайэтта* (СКЛ, 6, 165) 'Чхунбо свистом вспугнул стаю птиц. . . и начал косить траву на меже'.

2. *Пхэ* (< кит.) 'группа' — употребляется как счетное слово для групп людей: *Тасэт пхэ-ый кхын карэжжаккун-ын ирэн мар-ыл сэро-дыл чуго падатта* (Туманган, 1, 28) 'Пять групп рослых землекопов передавали эти слова друг другу'.

3. *Пан* (< кит.) 'группа', 'команда', 'бригада'.

4. *Пудэ* (< кит.) воен. 'часть', 'отряд', 'подразделение'.

Совокупно-счетные слова для счета пучками, вязанками.

1. *Чум* 'пучок', 'горсть' употребляется как счетное слово для пучков тонких или мелких и в то же время продолговатых предметов (например, морских водорослей, рисовой рассады, цветов и т. п.): . . . *мийэ-ыл ту чхум-ина са ватко* . . . (СКЛ, 6, 441) ' . . . купила 2 пучка морских водорослей. . . '

2. *Чум* по семантике сходно с предыдущим счетным словом *чхум* и, кроме того, имеет значение 'кулак', ведя свое начало от глагола *чу-да* 'давать': *танъмйонъ хан чум* (Кк., 112) 'один пучок китайской лапши'; *минари хан чум* 'один пучок пегрушки'.

3. *Чумэк* 'пучок': ⁴⁵ *Чхунбо-нын* . . . *пхуккочу-рыл туэ чумэк тта качжиге тырватта* (СКЛ, 6, 163) 'Чхунбо . . . нарвал два-три пучка свежего красного перца и вошел'.

4. *Табал* 'пучок', 'букет', 'сноп', 'вязанка' употребляется для счета мелких растений пучками: *муу хан табал* (КТСл., 2, 13) 'один пучок редьки'; *На-нын* . . . *сэпналган кхосымосы-рыл хан табал ккэжжэсэ* (СКЛ, 6, 264) 'Я нарвал (один) букет гвоздик'.

5. *Унъкхым* 'пучок': ⁴⁶ *Кы-нын мо-рыл хан унъкхым чвинчхэро* и *чхэ-ыл кннэда помйо сон-ыл хындырессыминда* (Рр, 2, 188) 'Оп, держа в руке (один) пучок рисовой рассады, посмотрел в эту сторону и помахал рукой'.

6. *Ккокчи* 'пучок': *Мийэк се ккокчи* (КТСл., 5, 687) 'Три пучка морских водорослей'.

7. *Чул* 'веревка', 'нитка', 'струна', 'ряд' — счетное слово для пучков листьев табака: *Пхирёнъи-нын нэл тамбэ хан чур-ыл* . . . *качжэ огиро яксокхайэтта* (Туманган, I, 108) 'Пхирён обещал принести завтра один пучок табака'. *Санъчжа сог-е-нын ултамбэ хан чур-ыл кансугэ тун кэ-и исэтта* (КТСл., 4, 402) 'В ящике был спрятан один пучок листового табака'.

8. *Кари* используется при счете пучков стеблей конопли, которая захватывается в руку, когда ее обрабатывают (КТСл., I, 20).

9. *Марым* 'пучок', 'вязка' — счетное слово для пучков соломы, идущей на кровлю: *ийонъ хан марым* (КТСл., 2, 477) 'одна вязка плетеной соломой'.

10. *Пхо* (< кит. *бэо* 'пакет', 'сверток') 'пучок' (женшенья определенного размера): *иксам йэдэп пхо* (КТСл., 5, 206) 'восемь пучков женшенья'.

11. *Мут'с-* 'вязанка', 'связка' (< *мут-та* 'собирать', 'соединять'): *Канъ-ийонъгам-ын* . . . *мйонътэ хан мус-ыл сон-е тылго чиб-ыл насэтта* (КТСл., 1, 44) 'Господин Кан . . . взял одну связку мятая и вышел из дома'; *Пйэччип хан мут* (Кк., 102) 'Одна вязанка рисовой соломой'.

12. *Муккым* (< *мукк-та* 'завязывать', 'перевязывать') 'связка', 'пучок', '(перевязанная) пачка': *Кы-дыр-ын* . . . *кзонъ табар-ыл*

хан муккым-ссык иго онын кирийэтта (Туманган, II, 136) 'Они . . . песли на голове по одному пучку соевых бобов'.

13. *Тан* 'сноп', 'вязанка' употребляется как счетное слово для снопов, вязанок: *наму хан тан* (КТСл., 2, 25) 'Одна вязанка дров'. *Чоччип ту тан* (КТСл., 2, 25) 'Два снопа чумизпой соломой'. *Канъчхун-ын* . . . *пйэ йэл ахон тан-ыл пейэдага* . . . (СКЛ, 6, 372) 'Канъчхун . . . сжал 19 снопов риса. . . '

14. *Арым* 'охапка': . . . *эны нал тонъири-нын чиндаллаккочих-ыл хан арым ккэжжэ качжиге чиб-е тораваэсэ* (Рр, 2, 47) ' . . . однажды Торир вернулся домой, наломав (одну) охапку багульщика'.

15. *Чон* 'охапка', 'беремя': *Солккари хан чон* (КТСл., 4, 151) 'Одна охапка сосновых веток'.

Совокупно-счетные слова для счета мотками, клубками, свертками и т. п. ниток и ниткообразных предметов.

1. *Сари* ~ *сарэ* 'моток' употребляется при счете мотков веревки, национальной корейской лапши и т. п.: *сэжки се сари* (КТСл., 3, 441) '3 мотка веревки'. Это существительное имеет общее происхождение с глаголом *сари-да* 1) 'наматывать', 2) 'свертываться в клубок'; сюда же относится *сари-сари* пзобразительное слово со значением наматывания веревки и т. п.: *сари-сари сари-да* 'наматывать'.

Г. Рамстедт (SKE, 224) сравнивает это слово с *sar-* 'мотать', *saryu-* (R IV 321) id., тур. *saryu* 'шаль или ткань', которую обматывают вокруг головы, *saryu-n-* 'закутываться', 'одеваться'; монг. *sarigu*, калм. *sarū*, *sarū* (KW 314) 'кривой', 'пзвилистый'.

2. *Тхарэ* 'моток (ниток)', 'пучок (овощей)' используется для счета мотками ниток, пучками овощей: *сил хан тхарэ* (КТСл., 5, 41) '1 моток ниток'.

3. *Тхори* 'моток (ниток)' употребляется для счета ниток мотками: *кулгын сил хан тхори* (КТСл., 5, 86) '1 моток толстых ниток'; *канын сил ту тхори* (КТСл., 5, 86) '2 мотка тонких ниток'.

4. *Тхе* 'моток (ниток)', 'катушка (ниток)' используется для счета мотками, катушками: *сил хан тхе* (X. Сл., 791) '1 катушка ниток'.

5. *Кжури* 'моток ниток' употребляется для счета ниток мотками: *сил хан кжури* (КТСл., 5, 698) '1 моток ниток'; *Чэбонъ сэжхир-е ссырйэго хакжэ-е хыйн сил-гва кэмын сил 12 кжури-рыл моассымнида* (Арф., 1, 86) 'Для кружка кройки п питья в школе было собрано 12 мотков белых и черных ниток'.

6. *Тхунъгури* 'моток', 'сверток', 'пук', 'пачка' употребляется для счета мотками и т. п. ниток, веревок, тканей и пр.: *сэжки ту тхунъгури* (КТСл., 5, 127) '2 мотка веревки'; *чонъи хан тхунъгури* (КТСл., 5, 127) '1 пачка бумаги'.

7. *Ол* 'нитка (ткани)', 'прядь' употребляется как счетное слово для нитей: *сил хан ол* (КТСл., 6, 285) '1 («нить») нитка'.

8. *Ори* одного происхождения с *ол*, но в отличие от последнего употребляется для счета не только нитей, но и прядей волос,

⁴⁵ Ср. с. 246.

⁴⁶ Ср. с. 246.

а также водорослей, проводов, веревок и т. п.: *Кы-ның има-ро нэрийэ тэлхинин мйэт ори-ый мэрикхараг-ыл хансум-гва хамккэ чхукхэй олайтта* (Ю Хашим, 115) 'Она со вздохом поправила несколько прядей волос, спадавших на лоб'.

Совокупно-счетные слова для счета предметов низками, вязками:

1) *Кквечи* (< *ккве-да* 'прокалывать', 'пропизывать', 'накалывать') 'шнур (для напизывания)', 'вязка', 'вязка': *иптон хан кквечи* (КТСл., 5, 728) 'одна вязка денег'; *пост ту кквечи* (там же) 'две вязки грибов'; *кусыл хан кквечи* (там же) 'одна вязка жемчуга'.

2) *Ккоччи*, *ккочхэнчи* (ср. *ккот-та* 'втыкать', 'вставлять', 'вкладывать') 'вертел', 'прут', 'вязка': *коткам хан ккоччи* (КТСл., 5, 685) 'Одна вязка хурмы'.

Совокупно-счетные слова для счета предметов комплектами, наборами:

1) *Чо* [< кит. *чзү* 'груша'] 'комплект', 'набор' (более чем из двух предметов): *чхагу хан чо* (КТСл., 4, 279) 'Один набор чайной посуды'.

2) *Пэл* 'комплект' (одежды, посуды и т. д.): *И майл йэсэнъ-дыр-ын... 100 йэ нэр-ый сомветху... 200 йэ кэйллэ-ый сомчанъгап тынъ-ыл мандырэ понэ чуртта* (НС, 1967, 3, 26) 'Женщины этой деревни изготовили и послали свыше ста («комплект») ватников... свыше двухсот пар варежек'; *Ханхэйэн куэге-нин кэхэй нонн ибучжари-га сэнэ пэл чым сэий итта* (СКЛ, 5, 20) 'В одном углу было сложено 3—4 комплекта постельных принадлежностей (досл. одеял и матрасов)'; *Токсонъ-нын памур-ыл план тон-ыро усэн сэнгэйонъ-гва чхансонъга хан нэр-ыл сасэ чиге тынътэ-е ккисэ качжиге тора ватта* (Туманган, II, 471) 'Токсон купил за деньги от продажи дров один комплект Библии и псалмов, засунул его под носилки на спине и пришел домой'.

КОНСТРУКЦИИ С НАЗВАНИЯМИ МЕР

В этой главе рассматриваются возможности количественных измерений тех предметов, которые относятся к разряду вещества, другими словами, в данном случае нас интересуют конструкции с третьим видом нумеративов, т. е. сочетания числительных с наименованиями различных единиц измерения, или мер. Вместе с тем необходимо иметь в виду, что измеряться могут не только вещества, но и считаемые, т. е. штучные предметы. Это имеет место в тех случаях, когда числовому выражению подвергаются не сами предметы, а также их физические свойства, как протяженность, объем, вес и т. п. Таким образом, различаются меры длины, площади, объема, емкости, веса и т. д.

Мы выделяем две подгруппы конструкций с названиями мер — конструкции с окказиональными мерами и конструкции со стандартными мерами. В данной статье конструкции со стандартными

мерами не последуются, рассматриваются только конструкции с окказиональными мерами.

Среди счетных слов, которые мы относим к окказиональным мерам, могут быть выделены следующие разновидности:

а) меры — наименования различного рода вместимости — сосудов (чашек, мисок, ложек и т. п.), горстей, а также пакетов, грузов, нош, практически являющихся мерами емкости; меры емкости прежде всего служат единицами измерения веществ, хотя и штучные предметы могут подвергаться измерению такого рода; б) меры — наименования кучеобразных совокупностей; в) меры — наименования части вещества или кусков предметов.

Меры — наименования различного рода вместимости:

1. *Кырытис-* 'посуда' (миска, чашка большая): *Сирэгичук хан кырыс-и чун-ыл кидариге итта* (СКЛ, 6, 387) 'Одна чашка хлеба (из сушеной редьки) ждет хозяина'.

2. *Ки* (< кит.), *сикки* (< кит.) 'посуда (столовая)', 'миска': *пап хан сикки* (КТСл., 3, 848) 'Одна миска риса'.

3. *Тханъги* (< кит.) 'мисочка' (для супа и закусок): *Куг-ыл хан тханъги-ман ттэ чуисо* (КТСл., 5, 73) 'Налейте только одну мисочку супа'.

4. *Конъги* (< кит.) 'чашка', 'миска': ... *сатханъкару хан конъги-чым* (Кк., 152) '... приблизительно одна чашка сахарного песка'. *Пхат ту конъги* (Кк., 154) 'Две миски бобов'. *Сэнъгим хан конъги* (Кк., 97) 'Одна миска свежих водорослей'.

5. *Посиги* 'миска' (для соленой): *Тэгуал хан посиги* (Кк., 297) 'Одна миска тресковой икры'.

6. *Мокки* (< кит.) 'чашка' (деревянная): *Суюк хан мокки-ва ттэж ту мокки* (КТСл., 2, 611) 'Одна чашка мяса и две чашки хлеба'.

7. *Сабал* 'чашка' (фарфоровая): *Кунъмур-и се сабал карянь тведорок чорйэ тунда* (Кк., 142) 'Воды на суп уменьшается приблизительно до трех чашек'; *Кы-дыр-ын... сул хан сабал сси-ыл тырикхэйтта* (СКЛ, 6, 459) 'Они выпили по одной чашке водки'.

8. *Чонъчжи* ~ *чонъчжа* (< кит.) 'чашка' (маленькая, для соли и т. п.): *Ккул хан чонъчжи* (КТСл., 4, 348) 'одна чашка меду'; *ккэсогым хан чонъчжа* (КТСл., 4) 'одна чашка поджаренного кукуруза'.

9. *Чан* (< кит.) 'чарка', 'рюмка', 'кружка', 'чашка' (для напитков): *Кйэнъ-нын... порича ту чан-ыл тжара нонмэй* (Ли Гиен, 98). 'Кёньэ налита 2 чашки ячменного напитка'.

10. *Коппу* (< англ. cup) 'чашка', 'стакан': *Йэ-ирагу чуе-е хан коппу мэгэттыниман... (СКЛ, 6, 207) 'Давали, говоря, что это лекарство, вот я и выпил одну чашку'.*

11. *Мокпхан* (< кит.) 'поднос' (деревянный): *йэт хан мокпхан* (КТСл., 2, 618) 'один поднос тянучки'.

12. *Пйэнь* (< кит.) 'бутылка', 'кувшин', 'ваза': *ую се пйэнь* (КТСл., 3, 163) 'три кувшина молока'.

13. *Панъгури* 'кувшин' (фаянсовый): *макълли хан панъгури* (СКЛ, 6, 432) 'один кувшин водки'.

14. *Танъжи* 'кувшин': *Им чгэмчжи нэве-нын. . . кул хан танъжи-ва ишха-ттэг-ыл хан мокпхан хэ качжиге вапта* (Туманган, I, 451) 'Супруги Им Чхочжи принесли с собой один кувшин меда и один поднос хлебцев'.

15. *Ток* 'кувшин' (глиняный): *соужжэт тасэт тог-ыл* (СКЛ, 6, 472) '5 кувшинов шкры омара'.

16. *Тхонъ* (< кит.) 'бочка', 'кадка', 'чан', 'ведро'. *Со-нын. . . сочжук хан тхонъ-ыл та мэнънында* (СКЛ, 6, 286) 'Корова. . . выпивает (целое) ведро поила'.

17. *Сот'мх-* 'котел', 'чугун': *Пориппан хан сот чиннын суган-и чинатта* (Туманган, I, 200) 'Время приготовления («одного котла») ячменной каши мыловато'.

18. *Сиру* 'котел', 'кастрюля' (для варки на пару): . . . *Хэсселгидо хан сиру чхису* (Туманган, II, 157) 'Сварите еще котел паровых хлебцев'.

19. *Кама* 1) 'котел (большой, кухонный)'; 2) 'приспособление для сжигания древесного угля и обжига гончарных изделий' (посуды, черепицы, кирпича): *Оныр-ын суч-ыл мйэт кама-на куэссэ?* (КТСл., I, 22) 'Сегодня сколько котлов угля сожгли?' . . . *ппалла хан кама-рыл салмасэ ппалгуя ондагу*. . . (Ю Ханним, 124) 'Говорит, что придет, лишь прокипятив и выстирав один котел белья. . .'

20. *Чхоронъ* 'мерка' (жестяная, для заливания жидкостей): *хвибарю хан чхоронъ* (КТСл., 4, 766) 'одна мерка бензина'; *ккул ту чхоронъ* (КТСл., 4, 766) 'две мерки меда'.

21. *Сут / сул, суткарак / суллкарак* 'ложка': *канчжанъ ту суткарак* (Кк., 51) 'две ложки сов'; . . . *кочжуккару нан суткарак* (Кк., 62) 'Пол-ложки молотого перца'.

22. *Пагачжи* 'черпак', 'ковшик' (из выточенного куска дерева или из высушенной половины тыквы-горлянки): *Савори-нын. . . нэнъсу-рыл хан пагачжи ттэсэ платтэк-платтэк тыри-кхйэтта* (Лш Гиец, 74) 'Савоя зачерпнул ковш холодной воды и с жадностью выпил'.

23. *Чонъгурачжи* ~ *чонъгурэги* 'ковшик', 'черпак' (маленький): *Комсон-и эмэни-хантхесэ пориссар-ыл хан чонъгурэги падасэ* (Туманган, I, 444) 'Комсон взял у матери 1 ковшик ячменя. . .'

24. *Карэ* 'лопатка', 'мотыга': *се карэ* 'три лопаты'.

25. *Сап* (< кит.) 'лопата'.

26. *Курок. мэнъгурэк* 'сетка' (из соломенной веревки): *Ури-нын сава-рыл хан курок-сик са тыго. . . вассуэи-ыл навассымнида* (Рр, 2, 38) 'Мы купили по одной сетке яблок. . . и покучили сал'.

27. *Пагуни* 'корзиночка' (плетеная): *эмэ нал на-нын солпанъур-ыл хан пагуни чуэ качжиге тора ошкка. . .* (СКЛ, 6, 260) 'Однажды я вернулся домой, насобирав (одну) корзинку сосновых шишек, как. . .'

28. *Кванъчжури* 'корзина' (плетеная, большая, круглая): *эмэни-нын самсир-ыл хан кванъчжури салма качжиге. . .* (Рр, 2, 8) 'Мать выварила и принесла (одну) корзину конопляной итти. . .'

29. *Манътхэги* (< кит.) 'кошелка' (из соломенной веревки, носится через плечо): *Чэмим мэгырэ тырэ олттэ чхамвена хан манътхэги тта оге* (КТСл., 2, 539) 'Когда придетъ обедать, парви хотя бы (одну) кошелку дынь'.

30. *Санъжжа* (< кит.) 'ящик': *Чхэмсаг-е чхэмсаг-ыл тохайо порин чонъи-га ту санъжжа-на твейэтта хани. . .* (СКЛ, 9, 24) 'Говорят, что бумаги, выброшенной после редактирования, было около двух ящиков. . .'

31. *Кап* (< кит.) 'ящичек', 'коробок': *тамбэ хан кап* 'одна пачка паширос'; *сэньмянъ ту кап* (КТСл., 1, 111) 'две коробки спичек'. *Ханчхам-ман-е халэмэни-нын янъчо хан каб-ыл са ойсэссэ* (СКЛ, 6, 263) 'Спустя некоторое время бабушка принесла (букв. купив принесла) (одну) коробку свечей'.

32. *Камани* 'мешок', 'куль' (обычно соломенный): . . . *Ичжун-бок понъму-нын. . . килмжэнъду понъжанъвэл-не качжэнъ-эсэ алгок 150 йэ камани-ва кин 3 чхэвэн-ий хйонгым-ыл пунбэ падын ве-е нара-ва сэлве-эсэ падын хйетхэз-ыл хана хана кйессанэнагатта* (НС, 1967, 3, 27) 'Товарищ Ли Чжунбок. . . стал детально подсчитывать все блага, полученные от государства и общества, помимо 150 мешков зерна и чистых денег в сумме около 3000 вон, распределенных в семью члена кооператива Ким Чжонду'.

33. *Чару* 'мешок', 'куль' (большой, из материи): *ссал ту чару* (КТСл., 4, 14) 'два мешка рпса'.

34. *Паранъ* 'котомка' (за спиной): *Тонънянъ-ыл хэсэ коксиг-ыл хан паранъ ссик чилмэ чиге тырэ чиге тыржактта* (Туманган, II, 428) 'Непронайшичая, он взваливал на спину по одной котомке зерна и уходил'.

35. *Понъ* (< кит.), *понъчжи* (< кит.) 'конверт', 'мешочек', 'пакетик' (бумажный): *каруак се понъ* (КТСл., 3, 220) 'три (пакета) порошка'. *Чхурибо-ити пхигусси-рыл хан понъчжи сарйэмйон тто таси и самсинчэи-и пхирэгам-ыл ныккинда* (СКЛ, 6, 165) 'Если Чхунбо захочет купить один пакет семян канусты, то он снова опутит нунду в этих тридцати чюпах'.

36. *Талгуэжи* 'телега': *тхэеби тасэт талгуэжи* (КТСл., 2, 48) '5 телег навоза'.

Ттол налу 20 талгуэжи-рыл чуибихайэссымнида (Арф., 1, 103) 'Для отопления подготовили 20 телег дров'. Ср. Г. Рамстедт (SKE): etalguži G 210 'тележка', 'повозка'. Nk targu id.; possessiv k tatta (: tara: tarin) 'белжать', 'катиться', ср. ? turk. tär- 'белжать'. mo. ter-ge, tergen 'повозка' > тунг. (W. 136) terge id.

37. *Палго* ~ *палгу* 'сани'. *Килмани-нын нуи 12 палгу-рыл сирэ ого ичугэи-нын килмани пода 5 палгу-рыл чэже сирэ вассымнида* (Арф., 1, 88) 'Килман погрузил 12 саней снега, Иисук на 5 саней меньше, чем Килман'.

В эту же группу мы включаем измеренца горстями. Следует отметить, что большинство слов этой группы имеет также значение «пучок», т. е. то, что может быть захвачено рукой (см. с. 240).

39. Чумэк 'горсть'.

Чүпси-е согым-ыл пан чумэк чым тама качжиго. . . (СКЛ, 6, 165) 'Он положил на тарелку полгорсти соли'.

40. Умкхым, улькхым 'горсть': Понъбу-нын морзар-ыл хан улькхым чвийэ тылго. . . (Ск., 57) 'Крестьянин взял одну горсть песка. . .'

41. Мосум 'горсть': тамбэ хан мосум (КТСл., 2, 598) 'одна горсть табака'.

К окказиональным мерам мы относим также наименования пакетов, пач, грузов.

42. Чим 'груз', 'поша', 'багаж' (< чи-да 'взваливать на себя пошу', 'нести на спине'): Комсон-нын кы нал наму-рыл хан чим хэ чигэ чиб-ыро тыро кани. . . (Туманган, II, 124) 'Комсон в тот день вернулся домой, неся на спине один «груз» дров'. Кы-нын зылаг-ыл хан чим сик чиго. . . (Туманган, I, 369) 'Он носил по одному «грузу» земли. . .'

43. Им (< и-да 'положить, поставить на голову', 'нести на голове') 'поша', 'груз' (который носят на голове): Ппонъ-ыл ттадон йэжа-дыл-до. . . пэссэ хан им сик ттаго. . . йиссок илссон-ыл тагычхэйтта (КТСл., 6, 515) 'Женщины, собравшие листья шелковицы. . . уже нарвали по одной «ноше». . . и продолжали наращивать темпы'.

44. Пари 'вьюк', 'груз' (павьюченный на лошадь или вола). Наму хан пари (КТСл., 3, 10) 'Один вьюк дров'.

Как показывает наш материал, это слово употребляется также и для счета грузенных вьюками животных или повозок, запряженных этими животными: Кыриго со-рыл сандайэн осип пари-рыл сагодо намыл ксиди (Ли Гвен, 390) 'А если покупать волов, то даже если купишь пятьдесят вьюченных волов, то все равно останется'; Пгинанчжим-ыл сирын учха хан пари-га чинагатта (Ю Хашим, 206) 'Проехала одна («груз») арба, нагруженная вещами беженцев'. Ср. Г. Рамстедт (СКЕ): «pari G 395 нумератив для грузов вьючных животных; ма. (Z. 1033) falí, farí 'вьюк' 'груз', falí- 'связывать, собирать в узлы и т. п.'; вероятно, кор. > (ма. плл) чжурчк. (> ма.)».

45. Ччак употребляется для счета вьюков, поклажи, павьюченных на животное, а также пачи человека: ⁴⁷ И сси пуи-ын. . . чинан чанънар-е садырйэ он эмул, юнъню, кассил тынъ-эва чхассал мэссал хан ччак-сик мар-е ситко катта (Туманган, I, 73) 'Госпожа Ли. . . нагрузила на лошадь по одному «мешку» сушеной рыбы, мяса, фруктов, риса и гречихи, купленных в минувший базарный день, и отправилась в путь'. Мигу-е кы-нын ссал хан

ччак-ыл калмочжиго наватта (Туманган, I, 275) 'Вскоре он взвалил на себя одну поклажу риса и ушел'. Санэ-нын ссал камани ту ччак-ыл чиге-е пачхэйэ чжиго. . . (СКЛ, 6, 415) 'Мужчина поставил на чиге два («поклажа») мешка с рисом'. Камани ту ччак-ыл та нэган теи, тур-и хйэмнэйхэйэ сэмун-ый уатхари-рыл. . . ттидо нохто (СКЛ, 6, 414) 'После того, как вынесли два («поклажа») мешка, двое, соединив усилия, сорвали изгородь у новой двери'.

В последнем примере, как видим, ччак употребляется для счета мешков, наполненных чем-либо, в то время как пустой мешок при счете попадает в класс плоских предметов (считается с классификатором чанъ).

В качестве составного компонента ччак некоторым словам также придает или подчеркивает значение пощи, груза, поклажи. Например, чим-ччак 'поша', 'груз' (чим 'поша', 'груз'), ссал-ччак 'поклажа риса' (ссал 'рис'), камани-ччак 'мешок' ('поша', 'груз' — камани 'мешок').

Меры — наименования кучеобразных совокупностей.

1. Мучжи 'куча', 'груда': сэктхан хан мучжи (КТСл., 2, 663) 'Одна куча угля'.

2. Мудэги, мудеги (< мут-та 'зарывать', 'закапывать') 'куча', 'груда': Кы-дыр-ын ачжикто тталги пэж мудеги-рыл то сикэя хамнида (Арф., 2, 136) 'Они должны посадить еще сто корней (букв. кучек) малины'.

3. Мури 'куча', 'груда'.

4. Тэбэги 'куча', 'груда'.

5. Тэми, теми 'куча', 'груда': Мйот тэми-ый чанъчжак кари-га ттанъ у-е кымыр-ыл тэмжиго иссэтта (КТСл., I, 20) 'Несколько куч (штабелей) дров бросали на землю тень'.

6. Кари (< кари-да 'складывать' (в стог, штабель и т. п.); 'сваливать в кучу', 'грузить') 'куча', 'груда', 'стог (сена)', 'штабель (дров)' и т. п.

Меры — наименования части вещества или кусков предметов.

1. Панъул 'капля': Кы-дыр-ын ни хан панъул маччи анэго (Ск., 210) 'На них не пошла ни одна капля дождя'.

2. Пусыркчи, пусыргэ 'кусочек', 'обломок', 'крошка'.

3. Тэньи 'кусочек': мечжу ту тэньи (КТСл., 2, 104) 'два кусочка растертых бобов'.

4. Тэньэри 'кусочек': Сичжанъхадэн пзан-ира чумэкан мйот тэньэри ссиг-ыл пада тылго кэужжа-ый чандипатх-ессэ мас итке мэстта (КТСл., 2, 104) 'Голодные, они получили по несколько кусков каши и с аппетитом съели их на лужайке у реки'.

5. Ччогак (< ччога-да 'разрезать', 'раскалывать', 'разрывать на части'), 'кусочек', 'кочок', 'осколок': йот хан ччогак (КТСл., 5, 864) 'одна часть «ёта» (корейской тапучки)'.

6. Ччок (ср. ччогак) 'часть', 'кусочек', 'долька': Анхэ-нын камжарыл тто хан ччок тталэйэн-ый ил сог-е эжиро мирэ нэмыйэ. . .

⁴⁷ См. с. 220, 235.

(СКЛ, 6, 168) 'Жена насильно затолкала в рот дочери еще один кусок картошки'; *маньл се ччок* (Кк., 40) 'Три дольки чеснока'.

7. *Чэм* (< кит. *дэнь* 'капля', 'точка', 'пятно') 'точка', 'капля', 'доля'. Это слово употребляется для счета кусков, клочков чего-либо, а также для счета капель жидкости: *сокоги туэ чэм* (КТСл., 4, 219) 'Два-три куска говядины'; *мул паньул ту чэм* (КТСл., 4, 219) 'Две капли воды'; *Кукпхэ-нын нунмьл хан чэм птэжи анкхо носань ирэн сори-ман ханын кэсийэнта* (СКЛ, 6, 460) 'Кукпхэ, не теряя ни одной капли слез, обычно издавал только этот звук'.

8. *Тоньгань* 'кусок', 'осколок', 'остаток': . . . *На-нын коккэвэнь чару-рыл ту тоньгань-ыл нэйэнта* (СКЛ, 5, 111) 'Я вынул два обломка рукоятки застужа'.

9. *Томак*, *тхомак* 'кусок', 'отрывок': *Соньэси хан томак* (КТСл., 2, 117) 'один кусок свежей рыбы'; *элма ху-е чо хан тхомак-ква снёнъянь-ыл эдэ качжигэ тора ватти* (СКЛ, 5, 304) 'Спустя некоторое время он вернулся с (одним) куском свечн. . . и со спичками'.

10. *Мотхэ* 'кусок' (хлеба, отрезаемый за один раз): *Хыйн ттэк хан мотхэ* (КТСл., 2, 604) 'Один кусок белого хлеба'.

11. *Карэ* (ср. *кари-да* 'делить', 'отделять') 'кусок' (продолговатый, хлеба, ёта и т. п.): *ттэк ту карэ* (КТСл., 1, 22) 'Два куска хлеба'.

Особо выделяются мерные слова для счета отрезков материала и счета полей и участков полей.

Меры для счета отрезков материала.

1. *Пхил* (< кит. *пй* 'штука материи', 'кусок ткани') счетное слово для отрезков ткани: . . . *пэкче-рыл коньёйоххайэ намнйэ нойе илчхэн мйэнь-гва сепхо илчхэн пхир-ыл чогонь падассымйэ хангань кйесэн-ый пэкче йэньтхо-рыл чэмйэньхайэнта* (ИК, 1, 40) ' . . . попал на Пэкче, получил в качестве дани тысячу человек рабов и рабынь, тысячу пхилей холста и захватил территорию Пэкче по реке Ханган'.

2. *Тхонь* — счетное слово для отрезков тканей (хлопчатобумажных): *Анхэ-нын. . . кваньмок пан тхонь-ман ккынэ ора хайэнта* (Туманган, 1, 356) 'Жена. . . сказала, чтобы купили только полтона хлопчатобумажной ткани'.

3. *Кам* 'материал', 'отрез материала': *Вехалмонь-нын сунги-рыл теригэ кукпэ-е касэ коун чжимаккам-ыл хан кам ккынэ чусийэнта* (КТСл., 5, 710) 'Бабушка пошла с Сунск в ушвермаг и купила ей один отрез красивого материала на юбку'.

Меры для счета полей, участков полей.

1. *Пэми* 'участок поля (орошаемого)': *Йэлоту пэми-рыл се пэми-ро мандырэнта* (КТСл., 3, 385) 'Из двенадцати участков сделали три участка'.

2. *Ттэзги* (*ттэеяк*, *ттэеяги*) 'участок поля' (< *ттэе-да* 'отломиться', 'отскокнть', 'оборваться — о шитке'): *Сусип ттэзги-ро тэйё иттэн каньбён паттыр-ыл ттырактторы-ро нэри мирэ пхочжён чэньли-рыл хайэнта* (КТСл., 5, 778) 'Трактором выровняли и обработали под огороды несколько десятков участков полей у реки'.

3. *Пхил* (< кит. *бй* 'кпсть', 'перо', 'черта') счетное слово для счета полей, участков земли, леса на планах, чертежах: *нон тасэт пхил* (КТСл., 5, 269) 'пять участков орошаемого поля'; *пат ту пхил* (КТСл., 5, 269) 'два участка неорошаемого поля'.

4. *Пэл* 'поля и дуга': *Хэмсаньхан пави мит пхулат сог-е тхыллим эмьин сансам-и хан пэл кадых нэллэй иссэссымнида* (Ск., 162) 'У подножия крутой горы среди зарослей травы широко распростралось одно поле настоящего дикого женьшеня'.

5. *Корань* 'борозда': *Кы-нын сикчэн-мада пат хан корань-ссик мэго онын пэрыс-и иссэнта* (Туманган, II, 287) 'Он имел привычку до завтрака пропалывать по одной борозде поля'.

6. *Ирань* 'межа', 'борозда': *Чжэе собань-ын чаги-до ттань хан ирань этэн пиншоньбйэньнйде. . .* (Ю Хашим, 30) 'Чхвэ-собан и сам был бедняком, у которого не было ни одной борозды земли'; *Хан мэмокчань-е. . . пзинаму 138 ирань-и иссымнида* (Арф., 3, 95) 'В питомнике. . . имеется 138 борозд дерева пхи' (?).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В корейском языке существительное, как правило, не может непосредственно сочетаться с числительным. Связь существительных с числительными опосредована специальными счетными показателями — нумеративами. Таким образом, при счете предметов употребляется конструкция «числительное + счетный показатель + существительное», которую мы называем счетным комплексом. Некоторые лингвисты, в том числе и авторы академической грамматики корейского языка, далее не дифференцируют счетные показатели.

В данной статье мы различаем три вида счетных показателей, или нумеративов:

1) классификаторы (например, *ту* 'голова' — для счета скота, *чань* 'лист' — для счета плоских предметов и т. п.);

2) совокупно-счетные слова (например, *тхот* 'пучок' — для счета морских водорослей по 40 листьев, *чхум* 'пучок' — для счета мелких продолговатых предметов и т. п.);

3) меры (например, *метхэ* 'метр', *кын* 'фунт', *камани* 'мешок' и т. п.).

Счетные показатели выполняют роль своеобразных конкретизаторов, актуализаторов значений имени существительного. Одно и то же существительное в зависимости от вида счетного показателя может соотноситься то с разрядом «веществ», то с разрядом штучных «не-веществ», то с третьим, как бы промежуточным под-

разрядом «не-веществ», считаемых совокупностями. Проиллюстрируем сказанное на примере существительного *тамбэ* 'табак':

а) конструкция с классификатором (разряд «не-веществ»): *тамбэ хан дэ* 'одна (продолговатая штука) табак-сигарета';

б) конструкция с совокупно-счетным словом (разряд «веществ»): *тамбэ хан чул* 'один пучок (листьев) табака';

в) конструкция с показателем мер (разряд «веществ»): *тамбэ хан кап* 'одна коробка табака', *тамбэ хан кын* 'один фунт табака'.

Деление счетных показателей на три типа оправдывается их различным функциональным назначением.

Классификаторы, сочетаясь с числительными, соотносят существительное с разрядом «не-веществ», т. е. предметов, считаемых поштучно: *хан ту-ый хванъсо* 'один («голова») вол'; *тасот чанъ-ый пйэктол* 'пять («лист») кирпичей'.

Совокупно-счетные слова, сочетаясь с числительными, соотносят существительное с разрядом «не-веществ», но в отличие от классификаторов указывают, что предметы считаются не поштучно, а совокупностями: *Кы-нын . . . ким-ыл хан тхот са ватта* (Ли Гиеп, 320) 'Он . . . купил один пучок водорослей'.

Среди совокупно-счетных слов могут быть выделены две разновидности:

а) количественно определенные (например, *сон* — для счета скумбрии парами; *турым* — счетное слово, обозначающее 20 штук рыб, связанных в две связки по 10 в каждой; *кама* — счетное слово для кветов, зонтов по 100 штук; *ури* — счетное слово для 2000 штук череницы и т. п.);

б) количественно неопределенные (например, *мури* 'стадо', *мут* 'пучок (овощей)', 'визанка (дров)' и т. п.).

Меры, сочетаясь с числительными, указывают на соотносительность существительного с разрядом «веществ», т. е. наименований предметов измеряемых, т. е. поштучно по считаемых (например, *мул хан тхонъ* 'одно ведро воды').

В то же время измерению могут подвергаться не только вещества, но и считаемые поштучно или совокупностями предметы, если необходимо иметь числовое представление не о самих предметах, а в отношении их различных физических свойств (протяженность, объем, вес и т. д.), ср., например: *чхэ ту ххиро* 'два килограмма книг'.

Меры подразделяются на стандартные, в том числе традиционные (неметрические) (например, *ли* = 0,393 км, *сэм* = 0,18 м³, *кын* = 0,6 кг и т. п.) и метрические (например, *метхэ* 'метр', *ххиро* 'килограмм', *литтыры* 'литр' и т. п.) и на окказиональные, обозначающие разного рода вместительности, т. е. служащие для показания емкости (например, *сабал* 'чашка', *суткарак* 'ложка', *камани* 'мешок', *талгучжи* 'воз' и т. п.).

Окказиональные меры в отличие от остальных могут употребляться и как самостоятельные считаемые существительные. В этом случае их роль в счетном комплексе меняется: сами они выступают

в позиции существительного, требующего того или иного счетного показателя-классификатора или совокупно-счетного слова: ср. *ту гэ-ый пйонъ* 'две (штуки) бутылки', *пйонъ хан хвамучча* 'одни грузовик бутылки', *мул хан пйонъ* 'одна бутылка воды'.

Поскольку конструкции числительных со счетными словами служат для выражения количественных представлений, постольку следует коснуться вопроса о числе, в частности и о грамматическом множественном числе имени. В работах, посвященных проблемам нумеративов, уже обращалось на это внимание. Причем высказывается мнение о том, что в языках с классификаторами употребление грамматического множественного числа имеет факкультативный характер.

В самом деле, формы множественного числа (будь то формальные показатели-аффиксы, или окончания, или флексии основы и т. п.) являются свидетельством закрепленного в языке акта выключения, выделения из однообразной, монотонной общности предметов отдельной группы их, почему-либо обособляемой.

В связи со сказанным о роли категории множественного числа следует отметить, что в грамматиках корейского языка подчеркивается, что имя существительное «не выражает ни единичности, ни множественности, но что число может быть выражено тогда, когда «речь идет об определенных предметах» и что «грамматически оно выражается только у таких существительных, которые можно сосчитать».⁴⁸ Иными словами, в корейском языке множественное число является одной из грамматических категорий разряда «штучных» существительных и функционально близко счету посредством таких нумеративов, как классификаторы и особенно совокупно-счетные слова. Отметим, что в современном корейском языке множественное число имени может быть выражено двумя способами: а) с помощью суффикса *тыл/-р* ~ *дыл/-р* и б) с помощью редупликации основы имени существительного.

Счет (т. е. употребление числительных) — это тоже обособление отдельных предметов в группу, но в группу количественно определенную. Другими словами, для того, чтобы подсчитать, надо из массы однородных предметов выделить какое-то их количество. Что же касается употребления при счете (т. е. при числительных) классификаторов, то последние, с нашей точки зрения, являются в корейском языке как бы опосредством для выключения в количественно определенную группу по какому-либо характерному признаку. Иначе говоря, классификаторы — это грамматикализованные слова, т. е. слова, несущие специальную детерминативную лексико-грамматическую нагрузку, или слова служебные.

Корейские классификаторы с функциональной точки зрения в силу их лексико-семантической нагрузки служат для указания на семантические разряды (классы) имен. Необычность класси-

⁴⁸ Х о л о д о в и ч А. А. Указ. соч., с. 51.

фикаторов состоит в том, что они оформляют не основы отдельных существительных (входящих в тот или иной разряд), а подобно общему множителю как бы «вынесены за скобки», т. е. присоединяются к именам числительным (в китайском языке, кроме того, к указательным и вопросительным местоимениям). С фономорфологической же или морфологической точки зрения классификаторы в корейском языке имеют вид не суффиксальной морфемы, а отдельного слова, правда, как правило, самостоятельно не употребляемого и наделенного лишь служебной функцией. Однако почти все классификаторы корейского языка находятся в прямых этимологических связях со значительными словами.

В то же время в корейском языке имеются суффиксально осложненные числительные или дериваты от числительных.

Эти корейские образования от числительных сходны по своему облику с суффиксально образованными разнообразными разрядами числительных тунгусо-маньчжурских языков.⁴⁹ В то же время в некоторых языках, например в пихском, особые разряды числительных⁵⁰ восходят к счетным комплексам типа «числительное + нумератив».⁵¹

Сами же классификаторы в отличие от других счетных слов не употребляются без числительных и не являются наименованиями совокупностей. Классификаторы среди нумеративов характеризуются, с одной стороны, утратой знаменательности, а с другой стороны — как бы своеобразной лексико-грамматической специализацией, неся функцию показателей определенных именных классов.

Весьма выразительную характеристику классификаторов корейского языка мы находим у А. А. Холодовича: «Ни одно существительное... не имеет внешних морфологических признаков класса. Но тем не менее класс имени — это грамматическая категория, ибо наличие его распознается при подсчете предметов».⁵² Следует упомянуть, что в корейском языке существительные по-

⁴⁹ См., например: Ц и н и ц у с В. И. Множественное число имени в тунгусо-маньчжурских языках. — Учен. зап. КГУ, 69. Сер. филологических наук, 1946, вып. 10, № 69, с. 98.

⁵⁰ К р е й н о в и ч Е. А. Глидящие числительные. Л., 1932; П а н ф и л о в В. З. Грамматика пихского языка, ч. 1, 1962, с. 179—190.

⁵¹ Анализируя отдельные разряды или категории числительных, Е. А. Крейнович в названной выше работе установил, что «окончания» в числительных восходят к «самостоятельным словам»; например, в числительных для счета саженей окончание *-а* восходит к *а* 'ручная сажень', в числительных для измерения четвертями — к *ма* 'четверть' и т. д. Сходным образом относительно омертвевшего словообразовательного компонента *-р* в пихских числительных для счета людей типа *нар* 'четыре', *тар* 'пять' В. И. Цинцус высказывает предположение, что этот пихский формант *-р* в указанных числительных является аббревиатурой существительного *ар-эр* 'живое существо', см.: Ц и н и ц у с В. И. К этимологии алтайских терминов родства. — В сб.: Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков, Л., 1972, с. 49.

⁵² Х о л о д о в и ч А. А. Указ. соч., с. 49.

мимо деления на классы в связи с категорией считаемости распределяются также на разряды одушевленных и неодушевленных (по особенностям склонения), лица и неллица (в связи с употребляемым вопросительных местоимений и формами именительного падежа).

Кроме того, деривационные возможности существительных позволяют говорить о таких семантико-морфологических разрядах, как имя лица, имя орудия и средства, имя действия, имя результата действия, имя абстрактное или отвлеченное и т. д.⁵³

В отличие от классификаторов совокупно-счетные слова, хотя и употребляются для количественного выражения штучных предметов, фактически являются наименованиями естественных, т. е. практически существующих скоплений каких-либо предметов (стая, табун, связка и т. д.).

Наименования совокупностей сохраняют свою знаменательность как при сочетании с числительными, так и в отдельном употреблении.

Это подтверждается, в частности, тем, что совокупно-счетные слова в конструкции с числительными могут иметь при себе определение, чего абсолютно не допускает конструкция с классификаторами.

Например: . . . *ыйбок-тыр-ын таньчжань ипко иннын хан пал-сик-ман намко намчжын малчань чонданьгуг-и шибс самхйотта* (СКЛ, 5, 224) '... одежды осталось только по одной смене («комплекту»), падегой сейчас, все остальное поглотил ломбард'.

Здесь совокупно-счетное слово *пал* 'комплект' имеет определение.

Кроме того, хотя их синтаксическая функция аналогична функции классификаторов, совокупно-счетные слова по могут замещаться обобщенно-предметным показателем *ка* 'штука', выражающим предметность как таковую.

Если для выражения количественных представлений штучных предметов используются классификаторы и совокупно-счетные слова, то в отношении веществ употребляется третья группа нумеративов, т. е. названия мер.

Наименования мер показывают, что от общей массы отключается, отделяется ее часть. В корейском языке нами выделен особый подраздел окказиональных названий мер, которые в подавляющем большинстве оказываются мерами емкости, т. е. служат единицами измерения жидких и сыпучих тел. Однако измерению подвергаются не только вещества, но и считаемые предметы, если имеется в виду числовое выражение не самих этих предметов, а таких их свойств, как протяженность, объем, вес и т. д. Другими словами, в случае с несчитаемыми объектами мы имеем дело с из-

⁵³ См. Холодович А. А. Указ. соч., с. 45—47; Рамстедт Г. Грамматика корейского языка, с. 209—218; М а з у р Ю. И. Структура слова в корейском языке. — В сб.: Корейский язык. М., 1961, с. 114—148.

мерением непрерывных величин (расстояний, площадей, объемов, веса, времени) и пользуемся при этом мерами. В случае же считаемых имен мы имеем дело со счетом дискретных прерывных объектов.⁵⁴

Суммируем наши выводы по вопросу о нумеративах в их отношении к существительным в корейском языке.

1. Среди счетных конструкций с нумеративами наиболее характерными для корейского языка следует считать конструкции с классификаторами.

2. Классификаторы служат показателями семантических классов существительных предметно-вещественной семантики.

3. Роль классификаторов как показателей семантических классов проявляется также в употреблении их в анафорической функции замещения наименований предметов счета.

4. Специфика классификаторов как посителей предметно-штучной семантики находит свое выражение также в наличии в языке универсального обобщенного классификатора *кэ* 'штука'.

5. В корейском языке широко представлены и прочие счетные конструкции, т. е. конструкции с совокупно-счетными словами (для «не-вещств») и конструкции с названиями мер (для «вещств»).

6. Совокупно-счетные конструкции и конструкции с названиями мер свойственны также и другим алтайским языкам, как и вообще подавляющему большинству языков мира.

7. Таким образом, наличие классификаторов в корейском языке отличает его от других языков алтайской общности и типологически сближает с целым рядом языков мира, в том числе и языков, относящихся к ареалу Юго-Восточной Азии.

СОКРАЩЕНИЯ

- Арф. 1 — Сансу, че 1 ханьийон ёнь. Кугйонь хагёнъ сэчжэк чхулиханса. Мосыкхыба, 1959.
 Арф. 2 — Сансу, че 2 ханьийон ёнь. Кугйонь хагёнъ сэчжэк чхулиханса. Мосыкхыба, 1959.
 Арф. 3 — Сансу мунчжечжип, че 3 ханьийон ёнь. Кунъшип кёюк тосо чхулиханса, 1958.
 Ач. — Арымдаун ури чогул. Мянчжу чхоньийонса, 1954.
 ДЛ, 1961, 4 — Адоъ мунхак, 1961 йон, 1 хо.
 ИК (I, II) — Чосон тхоньса, санъквон, 1956, хаквон, 1958, пхйонъянь.
 ИЭК — Чон сэктам ми чхве юнгу. 19 сеги хубанги — илже тхонь чхи малги-ий чосон сахве кйоньчжесса, чосон водонътань чхулиханса, 1959.
 КЕ — Чосон чунъанъ йёнгам, чосон чунъанъ тхоньсинса, 1959.
 Кк. — Чу йон бонъ ми юн хый чхупъ че. Чосон ёри. Чосон йэсонъса, 1960.
 Кмг. — Чхве сэвъ гида сэ. Кымганъсан. Кунчжунъ мунхва чхулиханса. Пхйонъянь, 1962.
 Ли Гвен — И ги ёонъ. Инган суон. Чосон чакка тоъмэнь чхулиханса, 1958.

- НС, 1967, 3, 26 — Нодонъ синмун, 1967 йон, 3 вэл, 26 пл.
 П. — Пак тха мии, таппхйончжип. Пйоранъсэс. Чосон чакка тоъмэнь чхулиханса. Пхйонъянь, 1958.
 Рр, 1 — Куго, ивмин хаккё че 1 ханьийон ёнь, Пхйонъянь, 1957.
 Рр, 2 — Куго, ивмин хаккё че 2 ханьийон ёнь, Пхйонъянь, 1955.
 Рр, 3 — Куго, ивмин хаккё че 3 ханьийон ёнь, Пхйонъянь, 1955.
 Ск. — Ури нара йсонниаги. Адоъ тосо чхулиханса. Пхйонъянь, 1958.
 СКД, 3 — Хйэидэ чосон мунхак сэчжип, 3, чосон чакка тоъмэнь чхулиханса, 1958.
 Туманган, I, II — И ги ёонъ. Туманганъ, че 1 бу, че 2 бу, чосон чакка тоъмэнь чхулиханса, 1958.
 X. Сл. — Корейско-русский словарь. Составил А. А. Холодович. М., 1958.
 ЭГК — Ким ха мйоль че. Чосон кйонъчжике чйри. Санъквон. Кунъшип чхулиханса, Пхйонъянь, 1958.
 Ю Ханним — Ю ханьним, таппхйончжип. Чосон чакка тоъмэнь чхулиханса, 1958.

⁵⁴ В ы г с т е к и й М. Я. Понятие числа в его развитии. — Естественные и марксизм. 1929, № 2.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

НАЗВАНИЯ ЯЗЫКОВ

ав.	— авестийский	др.-инд.	— древнеиндийский
аз.	— азербайджанский	др.-кит.	— древнекитайский
айн.	— айнский	др.-кор.	— древнекорейский
алб.	— албанский	др.-мо.	— древнемонгольский
алт.	— алтайские языки	др.-прусс.	— древнепрусская
англосакс.	— англосаксонский	др.-рус.	— древнерусский
андийск.	— андийский	др.-семит.	— древнесемитский
ар.	— арабский	др.-тюрк.	— древнетюркский
арпн.	— армянский	др.-уйг.	— древнеуйгурский
арм.	— армянский	др.-чув.	— древнечувашский
балк.	— балкарский	др.-япон.	— древнеяпонский
балт.	— балтийские языки	ж.-уйг.	— язык желтых уйгуров (=сары-югурский)
башк.	— башкирский	з.-е.	— западноевропейские языки
белорус.	— белорусский	зап.-сл.	— западославянские языки
белудж.	— белуджский	зыр.	— зырянский
болг.	— болгарский	и.-е.	— индоевропейские языки
бох.	— бохайский	инд.-герм.	— индогерманские языки
булг.	— болгарский	ир.	— иранские языки
бур.	— бурятский	исп.	— испанский
венг.	— венгерский	ит.	— итальянский
вепс.	— вепсский	кавказ.	— кавказские языки
вост.-сл.	— восточнославянские	казах.	— казахский
вот.	— вотякский	калм.	— калмыцкий
гаг.	— гагаузский	камас.	— камасипский
герм.	— германские языки	караг.	— карагасский (гофаларский)
гольд.	— гольдский (нанайский)	караим.	— караимский
голл.	— голландский	каракалп.	— каракалпакский
гот.	— готский	карач.	— карачаевский
гр.	— греческий	карач.-балк.	— карачаево-балкарский
груз.	— грузинский	картв.	— картельский
дагест.	— дагестанские языки	кирг.	— киргизский
даг.	— дагустский	кит.	— китайский
дж.	— джагатайский (чагатайский-староузбекский)	койб.	— койбальский
догот.	— доготский (праготский)	коми-зыр.	— коми-зырянский
долг.	— долганский	кор.	— корейский
драв.	— дравидийские языки	коряк.	— корякский
др.-в.-нем.	— древневерхнемец- кий	кр.-тат.	— крымско-татарский

кум.	— кумыкский	там.	— тамильский
лам.	— ламутский (эвенкий)	тат.	— татарский
лат.	— латвиский	т.-ма.	— тунгусо-маньчжур- ские языки
латыш.	— латышский	тиб.	— тибетский
лит.	— литовский	тоф.	— тофаларский (кара- гасский)
ма.	— маньчжурский	тох.	— тохарский
манегр.	— манегирский	тох. АВ	— тохарский АВ
манс.	— мансийский	тув.	— тувинский
мар.	— марийский	тунг.	— тунгусские языки (эвенкийский, эвен- ский)
мо.	— монгольские языки	тур.	— турецкий (= осман- ский)
могол.	— могольский	туркм.	— туркменский
мокш.	— мокшанский	тюрк.	— тюркские языки
мопг.	— мопгольский	уд.	— удэийский (=удэгей- ский)
монгор.	— монгольский	удм.	— удмуртский
мотор.	— моторский	узб.	— узбекский
нан.	— папайский (=гольд- ский)	уйг.	— уйгурский (=таран- чипский)
нган.	— нганасанский	укр.	— украинский
нег.	— негидальский	ульч.	— ульчский (=ольч- ский)
нен.	— ненецкий	урал.	— уральские языки
нж.-нем.	— нижнепемский	урум.	— язык урумов Укра- ины
нивх.	— нивхский	ф.-угр.	— финно-угорские
ног.	— ногайский	фин.	— финский
ностр.	— пострагические язы- ки	фр.	— французский
п.-уйг.	— новоуйгурский	хак.	— хакасский (=язык абаканских татар)
огуз.	— огузские языки	халадж.	— Халаджская группа языков
ойр.	— ойротский (=алтай- ский)	хапт.	— хантийский
ойрат.	— ойратский	хорезм.	— хорезмский
орок.	— орокский	хотан.	— хотанский
ороч.	— ороцкий	чаг.	— чагатайский (=джа- гатайский-староуз- бекский)
орх.	— язык орхонских над- писей	чер.	— черемисский
осет.	— осетинский	чк.	— чикучиженский
исрм.	— иеремские языки	чолым.	— чолымский
п.-мо.	— старописьменный монгольский	чув.	— чувашский
перс.	— персидский	чук.	— чукотский
полов.	— половецкий	чум.	— чумьский
праслав.	— праславянский	широнг.	— широнгольский
праторк.	— праторкский	шор.	— шорский
пратох. В	— пратохарский В	эвен.	— эвенкийский
прототюрк.	— прототюркский	энецк.	— энецкий
рус.	— русский	эск.	— эскимосский
сал.	— саларский	эст.	— эстонский
с.-хорв.	— сербскохорватский	юж.-рус.	— южнорусские диа- лекты
сев.-аз.-тат.	— язык североазербай- джанских татов	юк.	— юкагирский
сельк.	— селькупский	як.	— якутский
семитск.	— семитские языки	яп.	— японский
серб.	— сербский		
скр.	— санскрит		
слав.	— славянские языки		
слов.	— словенский		
сол.	— соловский		
ср.-мо.	— среднемонгольский		
ст.-слав.	— старославянский		
ст.-узб.	— староузбекский		
с.-х.	— семитохамитские		

НАЗВАНИЯ ДИАЛЕКТОВ И ГОВОРОВ

Монгольские языки

Бурятский

Аг	— агинский
Ал	— аларский
Бох	— боханский
Качуг	— качугский
Окин	— окинский
Тунк	— тункинский
Хорин	— хоринский
Цонг	— цонгольский
Эхир	— эхиритский
Эхир.-Булаг.	— эхирит-булагатский

Монгольский

Даг	— дагурский
Орд	— ордосский
Ург	— ургинский
Халх	— халхаский

Ойратский

Баит	— баитский
Дарб-Аст	— дарбетско-астраханский
Дарб-Кобд	— дарбетско-кобдосский

Тунгусо-маньчжурские языки

Маньчжурский

Сиб	— сибирский
-----	-------------

Напайский

Бк	— биканский
Гр	— горинский
К-У	— кур-уринский
Нх	— найхинский

Негидальский

В	— верхне-амгунский
Н	— нижне-амгунский

Удэйский

Ап	— анюйский
Бик	— бикинский
Им	— иманский
Коп	— копни
Смрг	— самаргинский
Хор	— хорский

Эвенский

Алл	— аллайховский
Ан	— анюйский
Арм	— арманский
Б, Бст	— быстринский
К-О	— колымско-омолопский
М, Мом	— момский
Ол	— ольский
Ох	— охотский
П, Пенж	— пенжинский
Ск	— саккырырский
Т, Тип	— томпопский

Эленкийский

А, Аян	— аянский
Аг	— агатский
Алд	— алданский
Б	— байкитский
Бят	— баунтовский
Брг	— баргузинский
В-Ам	— верхне-амурский
В-Л	— верхоленинский
Вл	— вилюйский
Втм	— витимский
Д	— дудинский
Е, Ерб	— ербогоченский
З, Зей	— зейский

И, Илм	— илимпийский
Кч	— качугский
М, Май	— майский
Н, Нп	— лепский
Нак	— накапновский
Нрч	— нерчинский
Олкм	— олекминские
П-Т	— подкаменно-тунгусские
С	— сымский
С-Б	— северо-байкальские
Сх	— сахалинские
Тк	— токинские
Ткм	— токминские
Тмт	— томмотский
Тыг	— тугурский
Тп	— тивитонский
Тт	— тоттинский
У	— учумский
Урм	— урмийский
Учр	— учурский
Хпг	— хинганский
Члм	— чулманский
Чмк	— чумканские

Русский

Арханг	— архангельские
Олонецк	— олонецкий
Орб	— оренбургский

Тюркские языки

Алтайский

Куманд	— кумандинский
Леб	— язык лобединских татар (= чалканский диалект)
Тел	— телгутский
Туба	— туба-диалект

Башкирский

Горн	— горный (жуваканский) диалект
------	--------------------------------

Крайский

г	— галичский
кр.	— крымский
т.	— тракайский

Татарский

Арч	— арчанский
Бараб	— барабинский

Бер	— берегевский
Бир	— бирский
Бор	— борайский
Глаз	— глазовский
Каз	— казанский
Кас	— касимовский
Качин	— качинский
Куз	— кузнецкий
Крым	— крымский
Лем	— лембренский
Мал	— малмыжский
Мам	— мамадышский
Мивз	— мивзелинский
Мишар	— мишарский
Мишк	— мишкинский
Нокр	— нодратовский
Иенз	— пензенский
Перм	— пермский
Серг	— сергачевский
Сиб	— сибирские
Ср	— средний
Тар	— тарский
Тау	— тауский
Тевр	— тебризский
Темв	— темликовский
Тоб	— тобольский
Том	— томский
Тюм	— тюменский
Урал	— уральский
Хвал	— хвалынский
Чист	— чистайский

Тувинский

Тодж	— тоджинский
------	--------------

Хакасский

Кач	— качинский
Саг	— сагайский

Чувашский

Сунд	— сундырский
------	--------------

Уйгурский

Лобн	— лобнорский
Сип	— сипчэянский
Тарач	— тарачинский

СЛОВАРНЫЕ ПОМЕТЫ

анат.	— анатомический	личн.	— личный
арх.	— архаичный	малоупотр.	— малоупотребительный
астр.	— астрономический	матем.	— математический
афф.	— аффикс	межд.	— междометие
безл.	— безличный	мест.	— местопиме
бог.	— богатырский	местн.	— местный падеж
браи.	— брачный	миф.	— мифологический
буд.	— буддийский	мн.	— множественное
букв.	— буквально	многокр.	— многократный
вводи.	— вводное слово	напр.	— например
взаимн.	— взаимный	направ.	— направительный падеж
вкл.	— включительная форма	нареч.	— наречие
воен.	— военное	народн.	— народное
возвр.	— возвратный	паст.	— настоящее
вопр.	— вопросительный	незм.	— неизменяемый
вост.	— восточный	неолг.	— неологизм
вр.	— время	перех.	— переходный
вспом.	— вспомогательный	леупотр.	— леупотребительно
геогр.	— географический	образн.	— образное слово
гл.	— глагол	обращ.	— обращение
грамм.	— грамматический	однокр.	— однократный
дат.	— дательный	отриц.	— отрицательный
деесп.	— дееспричастие	охотн.	— охотничий
детск.	— детский	п.	— падеж
диал.	— диалектный	парн.	— парные слова
ед.	— единственное число	первонач.	— первоначальный
займств.	— заимствованный	перен.	— переносный
зал.	— залог	перех.	— переходный
зап.	— западный	побуд.	— побудительный
зват.	— звательный	погов.	— поговорка
звукоподр.	— звукоподражательный	полит.	— политический
знач.	— значение	посл.	— послелог
изобр.	— изобразительное слово	пр.	— прочий
им.	— именительный падеж	прил.	— прилагательное
ипоск.	— ипосказательно	пртяж.	— притяжательный
искл.	— исключительная форма	прич.	— причастие
ист.	— исторический	продолж.	— продолженный вид глагола
книжн.	— книжный	простонар.	— простонародное
колич.	— количественное числительное	простореч.	— просторечное
косв.	— косвенный	рел.	— религиозный
л.	— лицо	род.	— родительный
лask.	— ласкательный	родств.	— родственные (ii)
лингв.	— лингвистический		

разг.	— разговорный	уменьш.	— уменьшительный
сев.	— северный	уст.	— устаревший
сл.	— слово	ф.	— форма
сиб.	— сибирский	физич.	— физический
собир.	— собирательный	фил.	— философский
собств.	— собственный	фолькл.	— фольклорный
совр.	— современный	ч.	— число
соств.	— соответствует	числ.	— числительное
спец.	— специальный	эвф.	— эвфемизм
страд.	— страдательный	этно.	— этнографический
суфф.	— суффикс	южн.	— южный
сущ.	— существительное	яз.	— язык
увел.	— увеличительный		

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Ц и ц и у с В. И. Проблемы сравнительно-исторического изучения лексики алтайских языков	3
Ц и ц и у с В. И., Б у г а е в а Т. Г. К этимологии названий металлов и их сплавов в алтайских языках	18
Н о в и н о в а К. А. Названия домашних животных в тунгусо-маньчжурских языках	53
Д м я т р е в а Л. В. Из этимологий названий растений в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках	135
К о л е с н и к о в а В. Д. К этимологии мер протяжения, связанных с названиями руки	192
К о л е с н и к о в а В. Д. О некоторых общеалтайских лексемах с семантикой 'сила'	200
Б у г а е в а Т. Г. Нумеративы в корейском языке	206
Список сокращений	256

Исследования в области этимологии алтайских языков

*Утверждено к печати
Институтом языковедения АН СССР*

Редактор издательства Н. А. Никитина
Художник Д. С. Дамилов
Технический редактор А. П. Чистякова
Корректоры Р. Г. Гершицкая, А. И. Каз
и Т. Г. Эдельман

ИВ № 8697

Сдано в набор 09.01.79. Подписано к печати 24.07.79.
М-41043. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 1.
Гарнитура обыкновенная. Печать высокая.
Печ. л. 16¹/₂=16,5 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 18,59.
Тираж 1300. Изд. № 7263. Тип. зак. 36. Цена 3 р. 20 к.

Издательство «Наука» Ленинградское отделение
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская лин., 1

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12